

Российская академия наук
Институт славяноведения

Македония

Проблемы
истории и культуры

В.К. Болков
В.А. Ширельман
Г.Г. Литаврин
И.И. Калиганов
Л.В. Горина
В.И. Косик
О.Н. Исаева
М.Г. Смольянинова
В.А. Бурбыга
Р.П. Гришина
Л.Я. Гибианский
А.С. Аникеев
Р.П. Усикова
А.А. Плотникова
Л.Э. Калнынь
Г.П. Клепикова

Москва 1999

Российская академия наук

Институт славяноведения

МАКЕДОНИЯ:

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Ответственный редактор

доктор исторических наук Р.П. Гришина

Москва
1999

В сборнике представлены статьи российских ученых – историков, литературоведов, лингвистов, профессионально изучающих проблемы истории и культуры Македонии. Не избегая дискуссионных тем, связанных с так называемым македонским вопросом, авторы сосредоточили основное внимание на конкретном исследовании достоверного архивного материала, прессы, а также диалектных и этнолингвистических данных. Этим исследованиям предпослан блок методологически важных разработок о тенденции, проявляющейся в современных молодых государствах, недавно обретших независимость, создавать искусственные конструкции своего прошлого.

Редакция:

профессор доктор исторических наук

В.К. В о л к о в;

академик Г.Г. Л и т а в р и н;

доктор филологических наук

И.И. К а л и г а н о в;

кандидат филологических наук

Г.П. К л е п и к о в а

Рецензенты:

доктор филологических наук

Г.К. В е н е д и к т о в;

доктор исторических наук

Е.Ю. Г у с ь к о в а

ISBN 5-7576-0087-X

© Институт славяноведения РАН,

1999

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ И НАУКЕ

Балканы продолжают оставаться сейсмической зоной на геополитической карте мира. В науке о них принято говорить так же, как о контактной зоне культур и пересечении мировых путей сообщения на стыке трех континентов – Европы, Азии и Африки (кстати, такими же чертами обладает и Ближний Восток – тоже не самое спокойное место на нашей планете). На Балканах в свое время главенствовали две великие державы – Византийская империя и Османская Порта. В средние века здесь процветали болгарское и сербское государства, внесшие огромный вклад в развитие культуры всех славянских народов. Достаточно вспомнить, что именно здесь, на Балканах, солунскими братьями – Кириллом и Мефодием – была создана славянская азбука.

К началу XIX в., когда разгорелось национально-освободительное движение балканских народов, территория полуострова была поделена между Османской Портой и Австрийской империей. Годы, прошедшие со времени первого сербского восстания (1804 г.) до конца первой мировой войны (1918 г.), по историческим меркам – срок небольшой. Но он был наполнен событиями, повлекшими за собой полную перекраjkу политической карты региона. Появление на международной арене новых государств – Сербии и Греции, Румынии и Болгарии, Черногории и Албании, а в 1918 г. и образование Югославии – придало развитию Балкан новую динамику. Политические изменения сопровождались этнодемографическими сдвигами, а проведение государственных границ на территориях, отличавшихся сложным этническим составом, привело к росту национальных противоречий между самими балканскими народами.

Во всех этих событиях принимали активное участие все великие европейские державы, что породило так называемый "восточный вопрос", вокруг которого вращалась европейская дипломатия на протяжении почти полутора веков. Исключительно велика была роль России в становлении государственной независимости балканских стран. В этом плане особенно выделяется история Восточного кризиса 1875–1878 гг., кульминацией которого стала русско-турецкая война (1877–1878 гг.). Однако завершивший ее Сан-Стефанский мирный договор был пересмотрен на Берлинском конгрессе (июнь – июль 1878 г.), решения которого в значительной степени осложнили национальные отношения на Балканах. Территория Македонии была оставлена под турецким управлением, что со временем сказалось на особенностях развития этой области с ее сложным составом населения и породило македонский вопрос.

С конца XIX – начала XX в. македонские земли стали яблоком раздора между соседними балканскими государствами. На них претендовали Болгария (в XIX в. большинство славянского населения Македонии ощущало себя болгарами), а также Сербия и Греция, имевшие на ее территории свои национальные группы (их численность до сих пор является предметом научного спора). В результате балканских войн (1912–1913 гг.) территория Македонии была разорвана на три части, причем наибольшая часть из них – Вардарская Македония отошла к Сербии и позднее вошла в состав Югославии, Эгейская Македония оказалась в составе Греции, и только небольшая часть – Пиринский край досталась Болгарии. Судьба этих частей сложилась по-разному. Исторические события, особенно в XX в., сопровождались дальнейшими демографическими сдвигами, перемещениями населения, этническими чистками, изменениями национального самосознания и национальной самоидентификации.

В годы второй мировой войны в ходе развития национально-освободительного движения и революционных преобразований в Югославии Вардарская Македония вошла на правах союзной республики в новую федеративную Югославию. В этих рамках она развивалась до распада Югославии в 1991 г.

17 сентября 1991 г. Собрание (парламент) Македонии на основании референдума, состоявшегося 8 сентября, приняло

Декларацию о суверенитете и самостоятельности Македонии. В числе первых государств, признавших независимость новой страны, была Россия (4 августа 1992 г.).

Перед зародившейся македонской наукой, в первую очередь перед историографией и культурологическими дисциплинами, встали те же задачи, которые неизбежно встают перед исследователями любого молодого государства. Для македонских ученых исходным рубежом в изучении истории своего народа стало образование Македонской республики на заключительном этапе второй мировой войны. Собственно, только тогда, после создания университета в Скопье, Института национальной истории, ряда институтов Македонской академии наук и искусств, началось развитие фундаментальных исследований. И нет ничего удивительного в том, что на этом пути македонская наука не избежала ловушек, которыми так богата жизнь.

Опыт новых независимых государств, возникших на постсоветском пространстве, подтверждает, что такие ловушки являются скорее правилом, а не исключением. К этому выводу подводят материалы прошедшей в Москве в середине сентября 1998 г. международной научной конференции историков стран СНГ. В центре внимания конференции стояли вопросы о месте истории в современном массовом сознании и социальной памяти народов, особенно народов, только что получивших независимость. Наиболее распространенной чертой в таких случаях становится этноцентричность, склонность к поиску фактов, легитимирующих национальную государственность. Политические и этнические проблемы являются центральными при создании "национальной концепции истории", которая играет идеологическую роль, призвана обосновать представления политической элиты страны о самой себе, о своих символах, о своей территории. История выступает как воспитательное средство, инструмент возвеличивания своего народа, зачастую за счет соседей. В таких условиях особое значение приобретают культовые фигуры прошлого, нередко заимствованные из истории сопредельных или близкородственных народов, своеобразные национальные пантеоны. Особое место в такой идеологизированной системе занимают поиски "врага", который чаще всего видится в облике наибо-

лее близкого по истории и культуре народа¹.

Все вышесказанное взято из примеров, приводившихся на упомянутой конференции, и относится к историографии стран СНГ. Однако отмеченные черты мы можем наблюдать и в работах македонских историков. Эти черты достаточно остро проявились в 60–70-х годах нашего века в ходе неоднократно возникавшей полемики между болгарскими и югославскими (македонскими) учеными. Именно тогда у советских (российских) историков и культурологов возникло желание уяснить для себя суть дискутируемых проблем, руководствуясь не эмоциями, а стремлением к научной истине. При этом они избегали позиции арбитра, но в то же время старались не допустить навязывания им таких взглядов, которые расходились бы с их научными воззрениями. Именно тогда ими была разработана концепция истории складывания и развития македонского народа, которая с известными модификациями разделяется большинством российских ученых и по сегодняшний день.

Комплексное изучение формирования македонского народа велось в течение длительного времени. В нем приняли участие историки различных специальностей, языковеды, литературоведы, фольклористы, историки культуры. К исследованиям привлекались ученые, занимавшиеся не только собственно историей македонского народа, но и историей других народов, входивших тогда в Югославию (прежде всего Сербии), историей Болгарии, Греции, Албании, работавшие по широким проблемам славяноведения, балканстики, византиноведения. В результате была выработана концепция, опирающаяся на научные критерии, охватывающая все стороны македонского вопроса. Она сложилась в основном в конце 60 – первой половине 70-х годов. В кратком, но обобщенном виде она первоначально изложена в цикле статей по македонской проблематике, помещенных в вышедшем в 1974 г. 15-м томе 3-го издания Большой Советской Энциклопедии (статьи "Македония, ист. область"; "Македония, Социалистическая Республика Македония"; "Македонский язык"; "Македонцы").

Позднейшие теоретические работы в области националь-

¹ Создание национальных историй в постсоветских государствах: Новое поколение ученых СНГ размышляет о "своем" и "чужом" прошлом // Содружество СНГ. 1998. № 10. С. 12–13 (Приложение к "Независимой газете").

ного вопроса в мировой науке, а также конкретно-исторические исследования, опирающиеся на источники, подтвердили правильность сложившейся тогда системы взглядов. Вывод о позднем формировании македонского народа, о замедленном развитии национального самосознания и национальной идентичности не носит ничего, что принижало бы его национальную гордость. Он отражает только сложность и трудность пути, который ему пришлось пройти.

Не является также ни оскорбительным, ни уникальным в истории славянства вывод о вычленении македонского народа из болгарского этноса. Собственно, такой же путь прошли восточнославянские народы – русские, украинцы и белорусы, ведущие свое происхождение от древнерусского народа, от Древней (Киевской) Руси. Историки-профессионалы (а не публицисты, стоящие на позициях этнического национализма) признают этот факт, хотя вопрос о времени, когда произошло это разветвление, продолжает оставаться дискуссионным. Нынешняя политическая конъюнктура создает неблагоприятный фон для подобных исследований. Тем более необходимо опираться на строго научные критерии и принципы.

Эпоха коммунистического режима в СССР не способствовала созданию научной творческой атмосферы. Постоянно вспыхивавшие югославско-болгарские дискуссии по македонскому вопросу привели к тому, что советская партократия фактически наложила запрет на публикацию исследований в данной области. В основе такой позиции лежал тезис о нежелании вмешиваться в отношения между социалистическими странами, выступать как бы арбитром в научном споре. На деле же господствовала бюрократическая перестраховка – "как бы чего не вышло". В итоге возникла парадоксальная ситуация: советские ученые, много сделавшие для изучения македонского вопроса и создавшие научно обоснованную концепцию его развития, были обречены на молчание. Следствием стали дефицит публикаций, постепенный уход исследователей из данной области.

Как в советской, так позднее и в российской науке не прекращался интерес к Македонии, всегда опиравшийся на чувство уважения к македонскому народу. Уже после обретения им независимости российские ученые при сотрудничестве македонских коллег выпустили в свет сборник документов

"Македония. Путь к самостоятельности" (М., 1997). Такая публикация является уникальной и не имеет аналогов в мировой науке.

Современные события убеждают нас в том, что история не остановилась, что нет "конца истории", о котором писал американский политолог Ф. Фукияма. Продолжают развиваться и этнические процессы, хотя в силу своей специфики они протекают в замедленном темпе по сравнению с политическими. Молодость отдельных наций и народов не есть свидетельство их неразвитости или неполноценности. Напротив, искусственные попытки удревнить свою историю не украсят ее авторов, а только скомпрометируют их труды. Научная истинаЯ должна быть в первую очередь объективной. Это относится к истории в той же мере, что и к любой другой области знаний.

Профessor *B.K. Волков*

B.A. Шнирельман
(Институт этнологии и антропологии РАН)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ, ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ЭТНОПОЛИТИКА

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как известный специалист по средневековой Европе Ф. Саксл отметил, что мы вряд ли сможем понять исторический период, если оставим без внимания присущие ему ненаучные – а я добавил бы и псевдонаучные – представления и предрассудки¹. В наше время, когда на глазах происходит сложение новых мифов, эта мысль приобретает особый смысл. Действительно, вторая половина XX в. ознаменовалась серьезными политическими потрясениями и изменениями, причем уже сейчас ясно, что возникшие в последние десятилетия этнополитические тенденции человечество захватит с собой и в приближающийся XXI в. Мы являемся свидетелями того, как на обломках последних империй возникли новые государства, быстро возрастает экономическая и политическая роль стран третьего мира, усилилась борьба народов четвертого мира за свои гражданские права и все громче звучат голоса этнических меньшинств. В то же время некоторые доминировавшие прежде группы сегодня теряют свой привилегированный статус и превращаются в этнические меньшинства со всеми вытекающими из этого последствиями. Все это влияет на взаимоотношения между народами, и вопрос об их политическом статусе приобретает первостепенную важность. Поэтому, если еще в недалеком прошлом акцент делался на права человека, то теперь он сместился в область групповых прав, в особенности, если дело касается прав этнических меньшинств, как старых, так и новых. Сейчас в повестке дня стоит вопрос о защите их права на языковое и культурное своеобразие и о расширении

их экономических, финансовых и политических прав, без чего им трудно будет сохраниться в современном мире.

Все это создает почву для этнонационализма, который становится здравой чертой современного мира. На этой основе и возникло неожиданное для многих явление, которое можно было бы назвать альтернативным представлением о древней истории и которое кое-где даже искусственно культивируется политикой мультикультурализма. Речь идет об идеализированных, крайне этноцентристских версиях далекого прошлого, которые призваны воспевать предков как славных героев, сделавших бесценный вклад в формирование человеческой культуры и цивилизации и облагородивших все другие народы. Эти версии вполне правомерно трактовать как современные мифы со всеми присущими тем характеристиками. Разумеется, такие версии возникают далеко не случайно.

Мы живем в век национализма, когда национальные государства формируются на основе культурно-языковых общностей, осознающих себя как тесно спаенные единства, корни которых уходят в глубокую древность². Как правило, такое историческое видение прошлого является искусственной конструкцией, упрощающей гораздо более сложную историческую реальность. Но именно в такой конструкции нуждается общество в определенные моменты своего развития. Само по себе это явление далеко не уникально, что доказывают многочисленные примеры из истории самых разных народов XIX–XX вв.³ Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории – когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на руинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя свой прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда на данной территории пришельцы разного этнического происхождения сплачиваются в новую этническую группу и, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору. В любом случае миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить

их и наделить творческой энергией для преодоления кризиса. Потребность в аналогичном мифе испытывали и экспансионистские империалистические государства, боровшиеся за передел мира. Не случайно такой миф сплошь и рядом составлял основу националистической истории, которая определяла облик европейской и американской исторической науки вплоть до середины XX в. и была широко представлена в школьных учебниках⁴.

Борьба за национальное возрождение и рост националистических движений, которые разворачиваются сейчас во всем мире, ставят в повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Именно в этих условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета.

Как создается этот миф, в каких условиях, кем являются его создатели и какие цели перед собой ставят, каков он при беглом взгляде и в чем состоит его глубинный смысл, каким образом миф распространяется и как воспринимается самой широкой аудиторией, как он влияет на этническую идентичность, на формирование этнической символики и как используется в этнополитике – все это далеко не праздные вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к нашей сложной действительности. Ведь как давно установлено специалистами, в своих поступках человек руководствуется не столько внешними обстоятельствами и фактами внешней объективной реальности, сколько тем, как он воспринимает эти обстоятельства и эту действительность. А это восприятие далеко не всегда бывает полностью адекватным. Если этот постулат справедлив применительно к отдельной личности, то в еще большей мере он справедлив по отношению к группе, ибо групповое восприятие мира, основанное на коллективных идеях, сплошь и рядом отличается чертами иррационализма. И это находит свое выражение в тех представлениях о своих этногенезе и этнической истории, которые бытуют в самых широких массах. Все это требует самого внимательного изучения, ибо в мифах, во-первых, отражаются наиболее болезненные для конкретных народов моменты

нашой действительности, а во-вторых, содержатся представления о предпочтительном решении такого рода проблем, претензии данной группы на особое место в политической структуре мира и стимулы к этнической мобилизации во имя достижения поставленных целей. Вот почему современная политология не вправе игнорировать такого рода иррациональные представления.

Коль скоро речь идет об этноисторических схемах и их создателях, представляется необходимым проводить четкую грань между профессионалами (лингвистами, историками, этнографами, археологами) и дилетантами (журналистами, школьными учителями, писателями, другими деятелями художественной культуры или учеными-специалистами, чья профессиональная деятельность связана с иными областями науки). Если первые, создавая этноисторические конструкции, так или иначе ограничивают себя рамками определенных методических приемов и в силу профессиональной подготовки вынуждены обуздывать свою фантазию, то для вторых таких сдерживающих начал не существует, и они позволяют себе самые невероятные построения, нарушающие все законы профессиональной науки.

Какова же этнополитическая роль этногенетических и этноисторических мифов, и за что ведется борьба? Первый вопрос, который должен нас в этой связи заинтересовать, это – из чего складывается национальный или этнический образ прошлого? Нетрудно заметить, что в истории каждого народа есть ключевые моменты, с которыми он склонен прежде всего отождествлять себя и свою судьбу. Например, для португальцев непреходящее значение имеет эпоха Великих географических открытий, испанцы добавляют к ней реконкисту, греки несут в своем сердце образ античности и всегда помнят о походах Александра Македонского, монголы и тюрки с не меньшим энтузиазмом говорят об империи Чингисхана, аналогичным образом арабы чтут пророка Мухаммеда и гордятся арабскими завоеваниями VIII–IX вв., венгры вечно будут благодарны своим предкам за обретение родины (в 1996 г. по всей Венгрии проходили торжества по случаю тысячелетней годовщины этого события), для грузин золотой век связан с царствованием царицы Тамары. История некоторых народов отягощена трагическими событиями, и тогда историческая

версия делает акцент на два момента – расцвет данного народа и катастрофу, приведшую его в упадок. Так, армяне помнят не только об эпохе Тиграна Великого, но и об армянской резне 1915 г.; поляки равным образом выделяют период объединения польских земель в единое государство (XIV в.) и расчленение Польши в конце XVIII в.; ключевыми моментами своей истории евреи считают строительство Первого храма (Х в. до н.э.), разрушение Второго храма и уничтожение государства Израиль римлянами в I в. н.э., и Холокост XX в.

Не умножая этих примеров, нетрудно заметить, что в центре внимания народов находятся события, связанные, во-первых, с обретением родины, во-вторых, с формированием и расцветом своей собственной государственности, в-третьих, с великими завоеваниями и, наконец, в-четвертых, с ужасной катастрофой, прервавшей поступательное развитие данного народа. Почему особым образом выделяются именно эти моменты? Первый из них легитимирует право данного народа на территорию, второй позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование своей государственности, а третий и четвертый, несмотря на их полную противоположность, представляются сильными аргументами для того, чтобы занять достойное место в современном сообществе народов. О том, насколько такой исторический образ важен для народа и для государства, свидетельствует хотя бы тот факт, что после образования Республики Македония Греция тут же заявила решительный протест против ее названия, усмотрев в этом покушение на сакральный образ своего славного прошлого. Аналогичным образом в 1994 г. в Карачае и Балкарии выражались протесты по поводу объявления Северной Осетии Аланией, в чем карачаевцы и балкарцы видят посягательство на свое историческое наследие⁵.

Советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями. Этому служила разработанная в СССР теория этноса, рассматривавшая процесс этнической консолидации в качестве как бы объективно заданного и, безусловно, односторонне направленного. Тем самым в советской науке был искусственно за консервирован типичный для XIX в. либеральный подход к истории, от которого западная наука давно отказалась. Запад-

ные ученые понимают процесс этногенеза прежде всего как вызревание чувства единства, независимо от того, на чем оно основано. В соответствии с этим предполагается, что толчок этногенезу в ряде случаев может дать сложившаяся государственность, выковывающая общественное единство политическими методами⁶. В СССР этот подход даже не обсуждался, ибо он потенциально содержал идею сепаратизма, которая угрожала государственной целостности. Вместо него был принят "примордиалистский подход", согласно которому современные народы будто бы складывались стандартным путем, выраженным лаконичной формулой "племя – народность – нация". Искусственность этого подхода стала особенно очевидной в последние годы, когда на наших глазах прежние крупные общности рассыпаются и на их обломках идет формирование новых этнических групп.

Ядром национальных идеологий очень часто служит этноисторический или этногенетический миф, повествующий о славном прошлом далеких предков, что якобы должно послужить их потомкам залогом процветающего будущего. При этом поиски золотого века, как правило, ведутся в очень отдаленном прошлом. Это и понятно. Ведь события относительно недавнего времени достаточно хорошо освещены источниками и густо окрашены социальными факторами, за которыми нелегко вычленить чисто национальные моменты. Для того периода говорить о национальной солидарности достаточно трудно, и это мешает создавать непротиворечивый националистический миф. Отдаленное прошлое, уже в силу особенностей доступных нам источников (археологических и лингвистических) воспринимаемое прежде всего в культурных, а не социальных терминах, дает гораздо больше простора для фантазии, для конструирования крупных культурных общностей, которые трактуются как этнические (на самом деле – и здесь можно согласиться с О. Прицаком⁷ – речь идет в лучшем случае о лингвистических общностях, не имевших никакого этнического содержания). В свою очередь замалчивание или грубое искажение исторических фактов из жизни малочисленных народов, в особенности репрессированных, стремление вычеркнуть их вместе с их уникальной культурой из истории страны, наблюдавшееся в недавнем советском прошлом, также является благодатной почвой для расцвета этно-

генетической мифологии, которая, с одной стороны, не без основания с подозрением относится к версиям этногенеза, сформулированным в советское время, а с другой – доводит до крайности те субъективистские тенденции, которые были этим версиям присущи.

Поэтому новые этноцентристские версии нередко выдвигаются под флагом борьбы с европоцентризмом⁸. В частности, в среде тюркских ученых широко распространяются версии, полностью пересматривающие основные положения индоевропейской теории как "политизированной" и служащей интересам "колониализма"⁹. Специалисты, как правило, полностью игнорируют такие построения, рассматривая их как "беспредел в науке", но от этого указанные схемы не теряют своей привлекательности для представителей тех групп, к которым они обращены. Ведь последним они служат некоторой психологической компенсацией за все те лишения, которые они претерпели в прошлом и которые переживают в настоящем. Вместе с тем, возрождая давно забытое прошлое, эти схемы заставляют вспоминать о давних обидах и реставрируют прежние архаические негативные стереотипы и предубеждения против соседних народов. Более того, пытаясь наделить данную группу блестящей историей, эти схемы нередко вторгаются в чужую область и посягают на прошлое других народов, узурпируя чужие достижения и победы, а иногда даже содер жат претензии на чужую территорию. Таким образом эти схемы куют основы для идеологии межэтнической конфронтации. Достаточно напомнить борьбу за булгарское наследие между казанскими татарами и чувашами, за аланско е наследие между рядом народов Северного Кавказа, за Абхаз ское царство между абхазами и грузинами¹⁰, за наследие Албанского царства между лезгинами, азербайджанцами и армянами, за сакское наследие между русскими и казахами и т.д.

Именно примордиалистский подход дает обильную пищу для создания таких этноцентристских этногенетических мифов¹¹. Всем этим мифам свойственны следующие общие черты. Так как они настаивают на высокой степени устойчивости и преемственности культурной традиции, на ее стремлении к гомеостазу, на функциональной взаимозависимости различных групп и подразделений в рамках данной культуры, то никаких внутренних побудительных мотивов к эволюции

культуры они, как правило, не обнаруживают. Поэтому для объяснения происходящих изменений они вынуждены обращаться к внешним факторам (к теории катастроф) и искать их в природных катаклизмах, войнах, переселениях, которым они и отводят главную роль в истории. Многие концепции такого рода уделяют большое внимание некоему "мировому злу", с которым данный народ вынужден без устали сражаться. Нередко это "мировое зло" персонифицируется в лице какого-либо реального "народа-врага" (для армян и лезгин это – тюрки, для русских ультранационалистов – евреи, для многих нерусских националистов – русские и т.д.). Все перечисленные факторы будто бы и заставляют народ сниматься с места и расселяться по земле, разнося свою высокую культуру среди остальных якобы более отсталых народов.

Этнонационалистической версии истории свойственна гигантомания. Ведь если только данный конкретный народзван нести миру свет, то для этого он должен путешествовать по всему земному шару, не ограничиваясь каким-либо отдельным, пусть и крупным, регионом. Логически,rationально объяснить эту " страсть к перемене мест", равно как и культуротворческую миссию данного народа, не представляется возможным. Поэтому этнонационалистическая идеология неизбежно должна прибегать к мистической, иррациональной аргументации. Такого рода аргументом и служит, в частности, идея мессианства. Ведь без нее никак нельзя объяснить, в силу каких причин именно данный народ, в отличие от всех других, обладает необычайными творческими потенциями и почему он обязан вести за собой все остальное человечество.

Из всего культурного наследия особую ценность в глазах этнонационалистов имеют письменность и государственность, которые, по мнению многих из них, и делают народ "культурным". Принцип моноцентризма утверждает, что лишь один народ на земле мог изобрести письменность и создать государственную структуру. И для радикального этнонационалиста из этого однозначно следует, что рассматриваемые достижения являются продуктом творческой активности именно его народа. Ведь главным методологическим орудием этнического национализма служит патриотизм, который заставляет трактовать все исторические события в самом выгодном свете именно для своего народа к вящей его славе. Вклад других

народов в сокровищницу человеческой культуры умаляется или вовсе замалчивается. Как правило, они оказываются безымянными статистами и молчаливыми потребителями тех достижений и ценностей, которыми их облагодетельствовал народ-культуртрегер. Следовательно, этнонационалистическая модель прошлого всегда содержит элемент посягательства на чужое прошлое, чужих предков, чужие культурные достижения.

Другим важным атрибутом этнонационалистического подхода к истории является теория вырождения. Действительно, если после столь героических усилий, которые предпринял данный народ для того, чтобы облагородить мир, он все-таки оказывается весьма далек от совершенства, то это требует объяснения. В качестве последнего может выступать упадок "творческого духа" в отрыве от родины или от основного массива своего народа, сложность приспособления к новой природной среде, межрасовые или межэтнические браки, нарушившие чистоту культуры и опять-таки подорвавшие "дух", и т.д. В любом случае и такого рода аргументы неизбежно носят налет мистицизма.

В условиях серьезного этнополитического или социально-экономического кризиса этноцентристские версии прошлого создаются и используются всеми – и теми группами, которым грозит распад, и теми, кто выражает желание от них отпочковаться и образовать новую общность. При этом каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей. Этот подход включает следующие достаточно универсальные компоненты:

а) утверждение о необычайной древности, если не исконности, своих этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности;

б) стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и, насколько это возможно, максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за территорию;

в) безусловная идентификация своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ ей изначально. Иначе говоря, если переход с одного языка на

другой и допускается, то не для своего, а для иных этносов, так как этот факт как бы понижает статус этноса;

г) убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или "дочерних" этнических групп, которые позднее отселились на другие земли. Тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве "старшего брата", что, следовательно, позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными;

д) стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо легендарным народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам;

е) претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов. Всем националистам представляется важным подчеркивать, что их предки были создателями древнейших государств, ибо наличие древнего государства как бы легитимирует претензии на строительство своей государственности в наше время;

ж) преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли рода-племенных делений и многокомпонентности формирующейся общности. Этим свой народ как бы обретает вечную жизнь;

з) создание образа иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации;

и) во имя единства государства причисление к своей общности и иных этнических групп.

Изложенные выше принципы являются наиболее характерными для этнонационалистических версий прошлого. Но это отнюдь не означает, что все версии, как капля воды, похожи друг на друга. Напротив, сравнительный анализ позволяет выделить несколько разных моделей, которые имеют предпочтительное хождение у тех или иных народов. Для украинцев, например, характерна автохтонная модель, утверждающая, что их предки жили на Украине с незапамятных времен. Русские националисты-язычники предпочитают "модель блудного сына", предполагающую скитания по всему миру с последующим возвращением на родину. Идеологам пантюр-

кизма более всего подходит "модель Чингисхана", делающая акцент на великие подвиги предков-завоевателей, т.е. ради героического прошлого они иногда готовы пожертвовать территориальными аргументами. Осетины пытаются совместить автохтонную модель с "моделью Чингисхана", чтобы и территорию за собой закрепить, и славное древнеиранское прошлое не потерять ("модель двуликого Януса"). У казахов популярна "модель перевоплощения", которая настаивает на их исключительно местных корнях, несмотря на то, что население раннего железного века отличалось от современных казахов и по физическому типу, и по языку. Следовательно, эта модель допускает смену языка и физического типа.

Наконец, было бы неверным считать, что этнонационалисты данного народа жестко придерживаются только одной модели. На самом деле у них нередко имеется одновременно не менее двух разных версий, которые пускаются в ход в зависимости от изменения политической ситуации или к которым прибегают для достижения совершенно разных целей. Для этого, например, татары Поволжья используют булгарскую и золотоордынскую версии, азербайджанцы – албанскую и тюркскую версии, а казахи, наряду с "моделью перевоплощения", в последние годы прибегают и к "модели Чингисхана".

Важно подчеркнуть, что для пущей убедительности такие версии должны опираться на научную информацию и выглядеть наукообразными. Здесь-то и возникает серьезная проблема, с которой неизбежно сталкивается создатель исторического мифа. Она заключается в том, каким образом можно совместить заранее сформулированную априорную идею с научными фактами, которые либо не способны дать ей прочные основания, либо вообще полностью ей противоречат. Чтобы решить эту проблему, мифолог обязан произвести определенную манипуляцию с научными материалами, прибегая как к некоторым методам, принятым в науке (и это должно заставить специалистов всерьез задуматься о надежности их методического инструментария!), так и к прямым подлогам. В частности, в последние годы широко распространяются подделки, такие, как "Влесова книга" у русских и украинцев, или "Джагфар тарихы" у татар-булгаристов. Они находят под-

держку среди местных этнонационалистов и кое-где даже внедряются в систему школьного обучения.

Националистическая, или этноцентристская, историческая версия играет огромную роль в легитимизации политических претензий или уже имеющихся политических прав – и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл. Это хорошо сознают представители властных структур. Не случайно, во главе исторической науки в новых государственных образованиях нередко оказываются те специалисты, которые связывают свою научную карьеру с изучением истории титульного народа, причем среди них можно встретить и таких, кто целенаправленно создает этноисторический или этногенетический миф. Мало того, в последние годы такие мифы проникают в область современного исторического образования, их можно встретить на страницах школьных учебников. Речь идет о воспитании у учащихся этноцентристского восприятия мира. Нелишне отметить, что большую роль в таком именно воспитании играет имеющий безусловный налет расизма "патриотический" подход к истории, разработанный в свое время Л.Н. Гумилевым¹² и подхваченный авторами учебников и методистами системы народного образования. В этой связи следует упомянуть, что, почувствовав всю опасность такого подхода, западная традиция школьного образования уже отказалась от него¹³.

Определенное отношение к рассматриваемой теме имеет формирование новой национальной символики в ходе процесса суверенизации – выработка флага, герба, гимна, введение общенациональных ритуалов и праздников, создание списков героев и врагов нации. Ведь эта символика черпается из тех ресурсов, которые предоставляют традиционная этническая культура и этническая история. В ней отражается представление народа или, что правильнее, его элиты о его месте в мире и о тех ценностях, которые он разделяет и которыми руководствуется в своей жизнедеятельности. Скажем, в Лондоне бросаются в глаза многочисленные памятники героям в средневековых латах и в современных генеральских мундирах, напоминающие о великом имперском прошлом Великобритании. Сходную по сути "монументальную пропаганду" можно встретить и в Вашингтоне. Напротив, Женева изобилует совершенно другими памятниками, поставленными в честь уч-

ных, поэтов, философов, религиозных деятелей. За этим скрываются разные жизненные установки и принципы – былое имперское отношение к миру у англосаксов и акцент на непреходящую ценность духовности и свободомыслия у швейцарцев.

Составление списков героев и врагов нации происходит весьма болезненно. Во-первых, претензии на одних и тех же исторических деятелей могут омрачить взаимоотношения между соседними народами. Давние посягательства узбеков на великих ученых и поэтов персидской традиции (Ибн-Сина, аль-Фараби, Рудаки) всегда вызывали негодование у таджиков. В свою очередь в последние годы русские с недоумением наблюдают как древнерусские князья-Рюриковичи и летописец Нестор превращаются на Украине в "украинцев". Во-вторых, столь же болезненно могут восприниматься неоднозначные оценки одних и тех же исторических деятелей представителями разных народов. Скажем, если для русских фигура Ермака является почти что сакральной, то совсем иначе ее оценивают сибирские татары и казахи¹⁴. Лезгины склонны видеть в Давуд-беке славного руководителя национально-освободительного движения начала XVIII в., направленного против персов, а аварские ученые считают его разбойником и грабителем. Русские воспринимают Шамиля как бунтовщика, а для народов Северного Кавказа он навсегда останется символом борьбы за свободу. Все это свидетельствует о том, что в мире постмодерна истин бывает всегда несколько.

Особым источником для изучения националистического видения прошлого служит иконография, представленная на бумажных деньгах, монетах, памятных медалях, марках, этикетках и т.д. Это блестяще продемонстрировал израильский историк Э. Сиван, привлекший внимание к тому, насколько большой популярностью в Египте, Сирии и Ираке пользуются изображения монументов доисламского и даже доарабского прошлого. Из этого он совершенно справедливо заключает, что речь идет о целенаправленной выработке идеологии коренизации, о стремлении доказать неотъемлемое право современного населения этих стран на их территорию, которое как бы легитимируется установлением исторической преемственности, идущей от древнейших государств Древнего мира¹⁵. Портретные изображения киевских князей-Рюриковичей и

воспроизведение их княжеского знака – "трезубца" на украинских деньгах выражают стремление Украины подчеркнуть древность своей государственности, связав ее напрямую с Киевской Русью. В то же время изображение различных российских городов, причем в иерархическом порядке (на сотенных купюрах – Москвы, на пятидесятирублевых – Петербурга, и т.д.), на российских деньгах, во-первых, подчеркивает географическую ширь России, которая, как известно, всегда была для нее более значимой, чем историческая глубина, а во-вторых, воспроизводит, пусть и символическую, идею иерархического построения власти в Российской Федерации.

Националистический миф может найти отражение и в искусстве мелкой пластики, как это случилось в творчестве К. Гетца, известного изготовителя бронзовых медалей в Германии эпохи первой мировой войны и Веймарской республики. Своими медалями Гетц как бы создавал новый националистический миф, восхвалявший Великую Германию во главе с Бисмарком и бичующий кайзера Вильгельма за предательство национальных интересов, вспоминающий о былом величии германцев и обличающий беспомощность Веймарской республики, рисующий распятие Германии в Версале и призывающий к мести своим обидчикам. Миф создавал новых героев и черпал надежды на будущее в германских средневековых легендах, он предсказывал, что "Германия проснется" и восстановит справедливость. Надо ли говорить о том, что этот миф был с благодарностью воспринят нацистской пропагандой¹⁶?

Национализм с особой силой проявляет себя в учреждении новых музеев или в смене экспозиций в уже имеющихся. Это было убедительно показано на примере европейских музеев австралийским историком Д. Хорном, который исходил из того, что "реальность сама по себе не существует", ее создает человек, в результате чего "каждое общество и каждая эпоха обладают разными версиями того, какой должна быть реальность". Он не без основания подчеркнул, что "древние вещи начали превращаться в исторические памятники, главным образом, в ходе становления национальных государств, когда создавалась концепция национальности"¹⁷. На примере музеев наиболее отчетливо видно, как происходит национализация прошлого, как из фрагментарных и нередко не имеющих от-

ношения друг к другу исторических источников складывается то, что принято считать национальной историей или историей национальной культуры. Так, скажем, хотя начало готической архитектуре было положено во Франции, Германия ее национализировала до такой степени, что она стала считаться символом Германии.

Национализм повсюду романтизирует крестьянскую культуру, в которой будто бы концентрируется дух нации. Именно в крестьянстве или, по меньшей мере, в его романтизированном образе ищут главную опору националистические режимы и движения. Там же, где крестьянства не было, ему без труда находится замена: ковбой на лошади настолько же является символом американской нации, насколько эскимос в каяке – символом гренландской. Музей нередко призван недвусмысленно продемонстрировать право местного населения на свою территорию, что чаще всего обосновывается археологическими коллекциями. Так, первое, что видит посетитель при входе в местный музей в Ситке на Аляске, это – надпись, гласящую о том, что древнейшие обитатели, поселившиеся там 10 тыс. лет назад, были прямыми предками живущих здесь ныне индейцев-тлингитов.

XX век с его мировыми войнами и революциями и с сопровождавшими их перекройкой территорий, миграциями и депортациями населения, с опытом применения в действительной жизни либеральных, социалистических, националистических, откровенно фашистских и других концепций общественных отношений необычайно расширил границы изучения национальной проблематики, ее теоретических и практических аспектов, в том числе мифотворчества, мифологизации сознания и манипулирования им, как и содержания самих мифов в качестве непременной составляющей государственно-политических и идеологических построений. При всей красоте и внешней убедительности мифов, призванных воздействовать на всегда недостаточно просвещенное население, цель истинной науки, не поддаваясь их обаянию, стремиться сохранять объективность и объяснять причины подобных явлений, их характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sax's Lectures*. London, 1957. Vol. I. P. 73.

- ² Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991; Он же. Условия свободы. М., 1995.
- ³ См.: Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. 1995. № 6; Он же. Изобретение прошлого // Новое время. 1996. № 32; *Idem*. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D.C., Baltimore, 1996; и другие его работы.
- ⁴ Hannam C.L. Prejudice and the teaching of history // New movements in the study and teaching of history. London, 1970; Kennedy P.M. The decline of nationalistic history in the West // Historians in politics. London, 1974.
- ⁵ См., напр.: Байрамкулов А.М. Карабаево-балкарскому народу – 2000 лет. Черкесск, 1996. С. 355.
- ⁶ Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, 1985; Roosens E.E. Creating ethnicity: the process of ethnogenesis. Newbury Park, California, 1989; Verdery K. Ethnicity as culture: some Soviet-American contrasts // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1988. V. 15. N 1–2.
- ⁷ Прицак О. Запад есть Запад, Восток есть Восток // Литературная газета. 1993. 24.03.
- ⁸ См., напр.: Закиев М.З. Тюрки-татар этногенезы. Казань, Москва, 1998.
- ⁹ См., напр.: Фаттахов Ф.Ш. Булгары – городское племя? // Проблемы лингвистической истории татарского народа. Казань, 1995. С. 129–130; Мизиев И.М. История Балкарии и Карабая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик, 1996. С. 130, 132–133; Галимов С. Великий Хай Бен. Уфа, 1997. С. 52, 59–60; Закиев М.З. Указ.соч. С. 53 и др.
- ¹⁰ Shnirelman V.A. Who gets the past?..; *Idem*. The past as a strategy for ethnic confrontation – Georgia // hCa Quarterly. 1995. N 14; *Idem*. National identity and myths of ethnogenesis in Franscaucasia // Nation building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identity. Cambridge, 1998; Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. М., 1997.
- ¹¹ Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века. М., 1997.
- ¹² См. по этому поводу: Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 1 (11). С.20–37; Он же. Движение биосферы милостью божьей // Итоги. 1998. № 9 (94).
- ¹³ Hannam C.L. Prejudice and the teaching... .
- ¹⁴ О весьма показательной дискуссии по этому вопросу см.: Козыбаев М.К. История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 136–161; Халитов М.Х. Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5; Никитин Н. Предъявлять ли счет векам // Родина. 1990. № 5; Он же. Страсти вокруг Ермака, или Можно ли в наше время воспевать "завоевателей" и "покорителей" // Москва. 1992. № 7–8, 9–10; Измайлова И. Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8; Борисенко Ю. Во власти новых штампов // Родина. 1994. № 8.
- ¹⁵ Sivan E. The Arab nation-state: in search of a usable past // Middle East Review. 1987 (spring).
- ¹⁶ Snyder L.L. Roots of German nationalism. Bloomington, 1978. P. 158–187.
- ¹⁷ Horne D. The great museum. The re-presentation of history. London & Sydney, 1984. P. 1.

Г.Г. Литаврин

Академик РАН

(Институт славяноведения РАН)

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ МАКЕДОНИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Редакция сборника обратилась к известному российскому македонисту академику РАН Г.Г. Литаврину с несколькими вопросами о прошлом и настоящем Македонии, на которые он любезно согласился ответить.

— Геннадий Григорьевич, сравнительно недавно мы стали свидетелями шума, поднятого в греческой прессе по поводу названия нового суверенного государства Республика Македония. Имеет ли этот шум под собой какую-либо историческую основу?

— Нельзя поставить под сомнение право народа Македонии на политическую независимость, право политического и этнического самоопределения и право избрать для своего самоназования данный этноним. Он отражает скорее не стремление македонцев отгородиться от греков, а подчеркивает их связь с греко-византийской культурой и свидетельствует об их желании отгородиться от болгар. Проблема с названием славянского государства Республика Македония — пример проекции современной политической проблемы в далёкое прошлое. При ясном понимании условности названия "Македония" отсутствуют какие-либо основания для современных политических баталий. Греции нелепо опасаться соседа, давшего своему государственному объединению название географической области Македония. Опасения здесь полностью несостоятельны. Сама проблема оказалась раздутой на бытовом и низовом уровне на потеху и нагнетание страстей людьми, обладающими обыденным сознанием. Этого не может не понимать ны-

нешнее исключительно высокоинтеллектуальное греческое правительство.

По моему мнению, просвещенным грекам, наоборот, должно только льстить, что территория соседнего славянского государства получила название, отражающее огромное греческое культурное влияние на эту область. В целом именно Македония подвергалась наиболее существенному и благотворному культурному влиянию со стороны Византии. Не случайно, один из крупнейших российских искусствоведов, член-корреспондент АН СССР В.Н. Лазарев даже ввел в науку такое понятие как "македонский культурный коридор". По его убеждению, именно по этому коридору наиболее интенсивно по сравнению с другими регионами славянского мира распространялось византийское культурное влияние, благотворно отразившееся на развитии собственно славянской культуры. Сами солунские братья, первоучители славян Кирилл и Мефодий, олицетворяют собой этот процесс. Они в одинаковой степени принадлежат как славянскому, так и византийскому культурному миру, хотя и являются прежде всего византийскими культурными и политическими деятелями.

– Существуют ли другие прецеденты несовпадения названия государств с историческими реалиями прошлого?

– Такие прецеденты, разумеется, имеются. На современной политической карте мира присутствует много официально закрепленных названий стран, которые, если подходить к ним предвзято, могут вызвать претензии или обвинения в нелогичности. Например, Франция населена древним германским народом, который пользуется языком другой лингвистической группы, но называется именем германского племени "франки". Само слово "Франция", к тому же, не являлось самоназванием данного государства – "Франгией" его впервые стали называть византийцы. То же самое относится и к наименованию "Россия", которое впервые зафиксировано в византийских исторических источниках, и само слово "росс" имеет скандинавское происхождение. Можно привести и другие примеры. Венгерское государство Паннонию византийцы называли Туркией, хотя венгры как этнос относились к финно-угорским племенам. Не нравилось венграм и название "угры", и сами они предпочитали называть себя "мадьярами". Таким образом, если рассматривать названия многих европей-

ских государств в предвзятом историческом ракурсе, то можно на пустом месте возбудить массу острых политических споров. Я считаю, что попытки навязать подобные политические дискуссии не имеют непосредственного отношения к проблеме государственного, политического и культурного самоопределения того или иного народа. Никто не может поставить под сомнение право македонского народа на подобное самоопределение в зависимость от того, какое название он избирает для своего государства.

– **Македонские ученые в своих научных работах постоянно употребляют дефиниции "Македония", "Македонское государство", "македонская культура" и "македонская литература" применительно к периодам IX–XVIII вв. Насколько это правомерно?**

– Проблема самоидентификации македонского народа ранее не стояла столь остро, а обострилась только в последней четверти XIX–XX в. Все нынешние политические страсти вокруг нее не имеют прочных корней в историческом прошлом. У византийцев этот регион всегда считался населенным "булгарами", включая и эпоху сербского короля Стефана Душана, присоединившего часть македонских земель к своему государству. Византийский ученый и дипломат Никифор Григора, возглавлявший посольство к этому сербскому королю, писал, например, что там он встречался с "булгарами". В целом название "македонцы" крайне редко упоминается в византийских источниках, причем оно употребляется не в качестве некоего этнического термина, а для обозначения составной части византийского войска – фемы, т. е. ополчения, византийской провинции – Македонии. Подобным образом использовалось и название "фракийцы", хотя самого фракийского народа уже давно не существовало. "Фракийцами" византийцы обычно называли воинские части, сформированные из жителей географической области Фракия.

Славянское население Македонии в средние века ощущало и именовало себя болгарами, что отражалось и в царских титулах даже тогда, когда столицами болгарского государства становились македонские города Охрид и Преспа. Об этом красноречиво говорит, в частности, известная Битольская надпись властителя Ивана-Владислава, в которой он именует себя "царем болгар". Обращаясь к еще более глубокой древ-

ности, я хотел бы обратить внимание на то, что прославленные создатели нашей азбуки – солунские братья Кирилл и Мефодий предназначали ее не какому-тоциальному славянскому племени или славянскому государственному образованию, а всем славянам вообще. Это обстоятельство еще раз доказывает этническую, культурную и языковую близость славян в древнейший период. Поэтому любые утверждения о существовании этнокультурной специфики славянского населения в географической области Македония в эпоху Первого Болгарского царства, византийского владычества и Второго Болгарского царства лишены какого-либо основания. Такие утверждения не имеют ни малейшей опоры в сохранившихся письменных исторических источниках.

– Следует ли из ваших слов, что вы отрицаете наличие в древности этнической специфики отдельных славянских племен?

– Я не исключаю существования определенной этнической специфики отдельных славянских племен и их военных объединений на ранней стадии своего развития. Сравнительную пестроту славянского мира в древности отмечают и наши известные лингвисты В.В. Иванов и В.Н. Топоров. Некоторые различия внутри славянского мира и между отдельными его частями, по-видимому, действительно имели место. Однако здесь следует вспомнить и о факте, который установили российский и болгарский ученые А.А. Зализняк и Й. Заимов. На раннем этапе развития славянской письменности обычно писалось не о "славянах", а о "словенах". Последнее имя существительное употреблялось для обозначения людей, говорящих на понятном языке. Все прочие, помимо "словен", назывались "немцами" – т.е. людьми, не знавшими родного для славян языка. Нужно отдавать себе ясный отчет, что имевшиеся внутри славянского мира различия уловить практически невозможно. По крайней мере, дошедшие до нас письменные исторические источники такой возможности не предоставляют. И это несмотря на то, что в отдельных областях славянского мира прямо-таки ощущается некое своеобразие. Например, славяне Новгорода Великого оставили после себя яркий самобытный след в истории культуры раннего (и более позднего) славянского средневековья.

— После сказанного вами логически напрашивается вопрос и о предпринимающихся сегодня попытках разделить древнеславянское культурное наследие...

— Проблемы, возникающие в связи с якобы существовавшим, особым древнеславянским "македонским" культурным наследием, во многом схожи с проблемами, которые пытаются сейчас искусственно создать некоторые украинские учёные. В сущности, и в том, и в другом случае имеют место попытки разделить неделимое: культурное наследие Киевской Руси — общее достояние украинского, русского и белорусского народов и культурное наследие средневековой Болгарии, являющееся общим историческим достоянием болгар и македонцев. Культура той поры, как Западной, так и Восточной Болгарии, была единой, и наличие в ней отдельных локальных черт не дает повода для раздела или передела.

Бесплодными, на мой взгляд, являются и поиски в кирилло-мефодиевском литературно-книжном языке следов южно-македонского наречия. Значительный слой старославянизмов был создан Кириллом и Мефодием впервые. Кроме того, солунские славяне общались с греками длительное время, в течение которого их язык обогатился терминологией, способной передать греческие реалии. Этой терминологией не владели славяне-язычники, жившие к северу от Солуни. Можно напомнить и тот факт, что южные пределы державы царя Самуила, пытавшегося возродить Первое Болгарское царство в прежних границах, никогда не достигали Солунской округи. В кирилло-мефодиевском литературно-книжном языке сильное греческое влияние присутствует еще и потому, что солунские братья с детства были билингвами и одинаково хорошо владели как греческим, так и славянским языками. В то же самое время в нем не наблюдается каких-либо следов тюркского влияния, характерного для ряда памятников письменности севера Болгарии.

В отношении Македонии важно отметить, что территория одноименной византийской провинции не совпадала с границами географической области Македония. Долгое время столицей фемной провинции Македония являлся г. Адрианополь (Эдирне), иногда она объединялась с Фракией и простиралась от Черного до Мраморного моря. Это название, как уже говорилось, не имело этнического смысла, и грекам здесь не сле-

дует обижаться: данный топоним возник еще во фракийскую эпоху, в период правления царя Филиппа Македонского. Слово "македонцы" являлось самоназванием фракийского племени, а не греческого.

— Как, по вашему мнению, следует поступать ученым при обращении к истории и культуре болгарского и македонского средневековья в плане использования дефиниций "болгары"/"македонцы"?

— Я не могу навязывать свою точку зрения всем ученым. Моя собственная позиция заключается в следующем: при рассмотрении изучаемой мной эпохи неуклонно следовать за историческими источниками IX–X вв., в которых большая часть современного государства Республика Македония называется Болгарией. Население этой территории также именовало себя болгарами. Слово "болгары" имеет тюркское происхождение и было перенесено византийцами на славян, потому что протоболгарская верхушка возглавляла тогда государство Болгария. А по политическому протоколу тех времен название государства образовывалось от названия политически господствующего народа, и это название переносилось на обозначение всего населения государства и присваивалось всем его подданным.

Здесь можно привести другой пример. Аварский каганат существовал в Паннонии еще до прихода туда венгров. Большую часть Аварского каганата в VII–VIII вв. составляли славяне, но все его население, в том числе неславянское, в византийских источниках называлось "аварами". Лишь иногда источники отмечают, что среди аваров погибло также столько-то "гепидов", "славян" и представителей других племен. Можно здесь вспомнить и Киевскую Русь, на территории которой обитали и берендеи, и уgro-финские, и тюркские народы, но все они назывались "русскими", в соответствии с названием государства "Россия", которое впервые появляется в труде "Об управлении империей", написанном в X столетии под патронажем византийского императора Константина Багрянородного.

Эта традиция продолжается и поныне: за границей и сейчас всех россиян называют "русскими". Мне довелось, например, полгода провести в Сорbonne, где стажировались и казахи, и узбеки, и представители других национальностей.

живших на территории СССР. И всех их называли одним словом: "советские". Так было заведено по византийскому протоколу, и он был усвоен многими европейскими народами.

Я понимаю, что ученые не всегда могут писать так, как они хотят. Давление политических властей нередко ставит их в затруднительное положение, поэтому выхода из создавшегося тупика я не вижу. Но со временем история все расставит на свои места, и о многих нынешних спорах будут вспоминать только с улыбкой.

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАКЕДОНСКОМ "СРЕЗЕ" ПАЛЕОБОЛГАРИСТИКИ

В беседе с известным российским медиевистом академиком Г.Г. Литавриным, материалы которой публикуются в данном сборнике, была показана несостоительность шума поднятого недавно в греческой прессе по поводу политического названия суверенного македонского государства – Республика Македония. Были затронуты в беседе и такие важные проблемы, как предпринимаемые некоторыми исследователями попытки разделить общее древнеславянское культурное наследие и выделить культурную специфику отдельных древнеславянских племен. Кроме того, ученый поделился своим опытом в использовании дефиниций "болгары"/"македонцы"/"Болгария"/"Македония", "болгарская"/"македонская", "болгарский"/"македонский" при обращении к эпохе Первого Болгарского царства (IX–XI вв.). Высказанные Г.Г. Литавриным соображения вызвали у меня ряд мыслей, которые и послужили основой при написании данной статьи. Однако главное внимание в ней сосредоточивается не на политической истории древних славян, а на истории древнеславянской культуры, литературы и языка. Значительное место в статье отводится рассмотрению единства болгарской средневековой литературы, поскольку после издания Институтом славяноведения РАН первого тома "Истории литературы западных и южных славян"¹ в македонской прессе появились публикации, обвинявшие российских ученых в игнорировании факта существования древней македонской литературы².

В современной македонской прессе и некоторых публикациях македонских славистов обращает на себя внимание обилие дефиниций наподобие "Македония", "древний македонский писатель", "древний македонский язык", "древняя

македонская литература", "древняя македонская культура". Эта терминология является своеобразным^{*} составляющим некоего македонского "среза" палеоболгаристики, и замалчивать его наличие – значит загонять проблему вглубь, из-за чего она может неожиданно обостриться в будущем. Поэтому я остановлюсь на вопросах правомерности использования подобной терминологии с привлечением необходимого историко-культурного фона.

По моему мнению, применительно к историческим и историко-культурным материалам IX–XVIII вв.^{*} подобные дефиниции могут употребляться исключительно в географическом смысле. Придание им некоего государственно-политического оттенка, который призван служить доказательством существования в древности самостоятельной македонской державности, культуры, литературы и языка, отличных от болгарских, на мой взгляд, антиисторично. Обратимся, хотя бы, к литературе, развивавшейся в восточной Болгарии и Македонии на протяжении конца IX – начала XI в. Это была единая литература, существовавшая по одним законам и в едином государстве – Первом Болгарском царстве. В отличие от понятия "книжность", понятие "литература" является категорией более высокого порядка. Литература это не просто россыпь разрозненных литературных памятников, из которых иногда составлялись определенные номенклатуры и образовывались ассоциации, например книжность отдельно взятого храма, монастыря, средневекового города или ареала феодального государства. Понятие "литература" подразумевает наличие определенной системности и внутренних законов, в результате действия которых происходят количественные и качественные изменения как в составе, так и в содержании всей совокупности бытующей в стране книжности.

Литературу Первого Болгарского царства нельзя разделять на литературу восточной Болгарии и литературу Македонии. Она была единой и образовывала единое культурно-энергетическое "поле", в котором одно не могло существовать без другого и определенным образом с ним соотносилось. В конце IX–X в. все то литературно-книжное, что создавалось в Преславе, незамедлительно становилось культурным достоя-

* Я не касаюсь в статье материалов XIX в., поскольку они уже не относятся к эпохе затянувшегося болгарского средневековья.

нием Охрида и македонских культурных очагов, и наоборот – создававшиеся и копировавшиеся в этой части болгарского государства оригинальные и переводные литературные памятники сразу же переправлялись в Преслав и восточную Болгарию. Книжная и литературная деятельность, осуществлявшаяся в этих двух главных центрах страны, велась согласованно и дублирование здесь исключалось. С Учительного Евангелия епископа Константина Преславского сразу же изготавливались списки и посылались в Охрид, а списки с текстами проповедей епископа Климента Охридского без задержки передавались в Преслав и восточноболгарские земли. Создаваемые в двух главных культурных центрах произведения взаимно дополняли друг друга, служили единой цели и составляли одно культурное целое. Иначе и быть не могло в единой державе в период интенсивного христианского миссионерства при сравнительно небольшом числе талантливых проповедников, писателей и книжников.

Обоснованием для раздела единого древнеболгарского культурного наследия некоторым македонским ученым обычно служит идея о существовании самостоятельной македонской державности в конце X – начале XI в. Так, например, в обстоятельном и в целом выдержанном в академическом духе труде профессора В. Стойчевской-Антич о древней македонской книжности утверждается, что после смерти болгарского царя Петра в 969 г. в Македонии "создалась благоприятная обстановка для поднятия восстания", в результате которого была освобождена "большая часть территории в юго-западной Македонии" и "заложены основы нового славянского государства в Македонии, известного как Македонская Самуилова держава с престолом в Преспе"³. По словам исследовательницы, бывший комитопул Самуил стал "первым македонским царем и сумел включить в границы своей державы всю территорию Фессалии, Албании, Дукли, Травунии, Захумья, Рашки, Боснии и большую часть Болгарии"⁴.

В первом утверждении читателю остается неясным, против кого было направлено упомянутое восстание: византийцев или болгар. Фактически в тот период Болгария переживала очень трудные времена. В северо-восточные болгарские земли в августе 968 г. вторглись войска русского князя Святослава и заняли ряд расположенных там городов, около пяти месяцев

спустя умер от эпилептического припадка болгарский царь Петр, а его сыновья Борис и Роман были отправлены в Константинополь как залог прочности военно-политического союза Болгарии и Византии против русских. Воспользовавшись ситуацией смуты и ослаблением центральной власти, сыновья болгарского князя Николая молодые комитопулы Давид, Аарон, Моисей и Самуил предприняли мятеж с целью узурпации власти на периферии.

Второй бунт был направлен уже непосредственно против Византии и вспыхнул после смерти императора Иоанна I Цимисхия (10 января 976 г.). К тому времени восточная Болгария уже превратилась в византийскую провинцию, Преслав еще в 971 г. заняла византийская армия, болгарского царя Бориса II доставили в качестве пленника в Константинополь, где он был дethronирован и получил титул византийского магистра. Именно ослабление центральной власти в Первом Болгарском царстве и насильственный прерыв династии болгарских царей позволили узурпировать власть молодым комитопулам в западной провинции страны, а затем один из них – Самуил сумел утвердиться на престоле и провозгласил себя болгарским царем. Однако ни этот царь, ни его окружение, ни населявший македонские земли народ не рассматривали данные события как освобождение от некоего болгарского ярма. Самуил считал себя преемником царственной власти и продолжателем традиций болгарской государственности, а не основоположником какой-то особой Македонской державы. Во всех сохранившихся исторических источниках он называется царем болгар и ни разу – царем македонцев или македонским царем. Что же касается избрания столицей Охрида, то переносы престолов верховных владетелей из одного города в другой были типичным для Средневековья явлением. В восточно-болгарских землях, например, это случалось, по крайней мере, трижды: Плиска–Преслав–Велико Тырново.

Тезис о существовании древней македонской, не связанной с Болгарией, державности в эпоху царя Самуила служит отправной точкой для искусственного создания проблемы о якобы существовавшем особом древнеславянском "македонском" культурном наследии, которое значительно отличалось от древнеболгарского. Можно согласиться с заключением Г.Г. Литаврина о схожести тенденций, наблюдаемых сегодня

в украинской и македонской исторической и филологической науках. Но и на Украине, и в Македонии стремление разделить неделимое на практике доводит до абсурда. В одном из современных украинских вузовских пособий, например, знаменитое Остромирово Евангелие 1056–1057 г. называется памятником древнеукраинской письменности и при этом сознательно умалчивается, что оно было написано для новгородского посадника Остромира⁵ и, следовательно, как историко-культурный феномен с самого начала бытовало в русском городе Новгороде, а не на украинских землях. О личности издателя первопечатной украинской книги – Львовского Апостола 1574 г. в данном пособии какие-либо уточняющие сведения отсутствуют. Возможно, украинские студенты так и не узнают о том, что этим издателем был московский книжник и первопечатник Иван Федоров⁶.

Первое издание Острожской Библии 1581 г. – эпохальное событие в культурной жизни восточнославянских православных народов упоминается в этом пособии лишь в связи с тем, что в предисловии к книге имеется несколько стихотворных строк украинского поэта Герасима Смотрицкого. Имя издателя Острожской Библии Ивана Федорова в пособии, правда, фигурирует, но без указания того, что он был выходцем из Москвы⁷. Тенденцию, которая вырисовывается из этих фактов нетрудно уловить: отсечение всех сведений, не связанных прямо с местными национальными авторами, и вычленение из древнерусского культурного контекста только того, что создавалось на территории, входящей в нынешние границы Украины.

Аналогична ситуация и в Македонии. Литературную жизнь в македонских землях эпохи Средневековья национальные ученые обычно рассматривают в отрыве от того, что создавалось в то время в Болгарии либо Сербии. Из общего эстетического и историко-литературного целого они, как правило, вычленяют лишь небольшой "македонский срез", который и становится объектом их исследовательского внимания. Но разве можно, например, искусственно разделить Преславскую и Охридскую книжные школы, действовавшие в пределах единого политического и культурного пространства Первого Болгарского царства? От Преславской книжной школы спустя некоторое время отпочковалась книжная школа в Ох-

риде. Константин Преславский и Климент Охридский трудились вначале сообща в Плиске, затем, не исключено, в Преславе, и их творческое сотрудничество не прекращалось и после переезда Клиmenta в Охрид. Они работали, реализуя общий религиозно-просветительский замысел, и по этой причине локализация места создания многих сочинений Клиmenta Охридского (Плиска? Преслав? Охрид?) нередко крайне затруднительна.

Весьма сомнительной представляется и попытка каталогизации македонской (т. е. создававшейся в географической области Македония) древнеславянской книжности. Здесь македонские исследователи фактически сразу же оказываются между Сциллой и Харибдой. Первооригиналы древних южнославянских переводных и оригинальных сочинений до нас не дошли. Они известны лишь в более поздних славянских списках, отстоящих от оригиналов на два, три и более веков. Поэтому ориентация ученых на языковые особенности уцелевших списков и установление в них элементов македонской редакции старославянского языка само по себе мало что дает. Наличие указанных элементов в более поздних списках не может служить достаточно весомым доводом для утверждения того, что первый перевод или создание того или иного древнеславянского оригинального литературного памятника имели место именно в Македонии, а не на Афоне или в Болгарии.

Нет сомнения также и в том, что многое из созданного анонимными древнеславянскими авторами в Македонии до сих пор не опознано и пока не может быть привязано к данной географической области, поскольку опять-таки оно известно только в более поздних болгарских, сербских или даже русских списках. Таким образом, при каталогизации македонской книжности палеослависты подвергают себя двойному риску: здесь легко принять за свое чужое, а в чужом не узнать свое. Говоря об этом, под "своим" я, естественно, подразумеваю только то, что писалось, переписывалось, переводилось и сочинялось в географической области Македония. Дефиниция "чужое", разумеется, также условна, ибо то, что создавалось в восточной Болгарии, не воспринималось в македонских землях как нечто чужое.

Насколько трудно разрешимы эти проблемы, могут проиллюстрировать случаи с южнославянскими писателями Козьмой Пресвiterом и Черноризцем Храбром. Несмотря на более чем полуторавековую традицию научного изучения их творческого наследия (заложенную в первой трети – середине XIX в. трудами В. Кукулевича-Сакцинского⁸ и К.Ф. Калайдовича⁹), исследователи так и не пришли к единодушному выводу, в какой части Первого Болгарского царства творили эти книжники: в западных его землях или восточных. Одни ученые полагали, что Козьма Пресвiter был преславским иерархом; другие (например, болгарские медиевисты Ю. Трифонов, В. Киселков¹⁰, Б. Примов) считали, что он находился в Охриде. Различные точки зрения высказывались и в отношении эпохи, в которую творил Пресвiter Козьма. Э. Георгиев, в частности, был убежден, что упомянутый проповедник жил не в X, а конце XI – начале XII столетия¹¹. Не меньший разнобой мнений существует и по поводу того, в какой области Первого Болгарского царства жил и творил защитник кирилло-мефодиевского письма книжник IX–X в. Черноризец Храбр. Поэтому, вероятно, безоговорочно относить деятельность указанных авторов к географическому ареалу Македония нельзя.

Еще труднее установить культурные различия, существовавшие в древности внутри славянского мира. Можно, однако, заметить, что они представляли собой достаточно сложную гамму и проявлялись с неодинаковой степенью контрастности. Диалектные различия в языке каких-либо двух славянских племен могли, например, быть более ярко выражены, чем различия в манере строительства жилищ, предпочтении определенного типа верхней одежды или вариантов племенных языческих верований. И наоборот... Затем, после введения христианства, культурно-религиозная жизнь славян подверглась унификации. На смену прежнему языческому многобожию пришел монотеизм с четко выраженной иерархией небесных и земных ценностей. Славянский мир в целом не участвовал активно в основополагающих христианских религиозных диспутах (исключением здесь, пожалуй, служит лишь борьба солунских братьев Кирилла и Мефодия за введение славянского языка в число других сакральных богослужебных языков), а получал от христианского Востока и Запа-

да готовые канонические образцы, сложившиеся на протяжении IV–IX вв. На переводы этих многочисленных образцов и были направлены основные усилия книжников Первого Болгарского царства.

Большую роль в этом апостольском для всех южных и восточных славян деле, несомненно, сыграли выходцы из географической области Македония. Подобно славянским просветителям Кириллу и Мефодию, многие жители Македонии, как славяне, так и греки, были билингвами и свободно владели славянским и греческим языками. Видимо, эти билингвы и составили основной костяк переводчиков Первого Болгарского царства, переложивших с греческого на славянский язык огромный корпус византийских сочинений общехристианского содержания.

Одновременно следует подчеркнуть, что собственно славянских оригинальных литературных произведений в IX – начале XI вв. было создано сравнительно мало и выделить в них локальные литературные особенности, т. е. вычленить ареалы "Македония" и "Восточная/Центральная Болгария", практически невозможно. Вряд ли удастся осуществить это и на литературных материалах более поздних исторических эпох. Македонские земли постоянно переходили из рук в руки и принадлежали то болгарам, то византийцам, то сербам. Границы культурных ареалов на славянском юге в эпоху Средневековья чаще всего не совпадали с границами этническими и государственно-политическими. Гораздо большее значение имело, на мой взгляд, изменение конфигураций церковных диоцезов.

Так, например, в Охридское архиепископство в XI в. при византийском императоре Василии II были включены Средецкая (Софийская), Дрибрская (Силистринская) и Видинская епархии; Нишская епархия в X–XIII вв. находилась в составе Охридского архиепископства, в конце XII – начале XIII в. переходит поочередно в византийское, венгерское, сербское и болгарское подчинение, затем вошла в состав обновленного Тырновского архиепископства, но часть земель этой епархии еще при первом сербском архиепископе Савве принадлежала Сербской Церкви с престолом в Топлицком монастыре св. Николая, а затем она влилась в сербскую Жичскую епархию и т.д.¹² Изменение или общность границ диоцезов на славян-

ском юге приводили к тому, что многие историко-культурные факты и явления ныне имеют прямое отношение к истории культуры сразу нескольких современных юнославянских народов: и болгар, и сербов, и македонцев. Односторонность и этническая "ангажированность" при рассмотрении многих фактов и явлений средневековой культуры южных славян методологически ущербны и только обедняют их.

Распространена в македонской научной периодике и дефиниция "древний македонский язык". Ее употребление вызывается почти теми же соображениями и чувствами, которыми руководствуются украинские лингвисты, использующие дефиницию "древнеукраинский язык". Эти соображения и чувства легко понять, особенно у украинцев. История словно все напутала и все поменяла местами. Киев был центром Киевской Руси, с него начиналась древняя восточнославянская письменность и здесь возникли первые восточнославянские литературные произведения. Но затем Киевская Русь распалась, русскими стало называться не все население прежнего государства, а только славяне Северо-Восточной Руси. Юго-западная же часть Киевской Руси начала именоваться Украиной, а населяющий ее славянский люд – украинцами.

Это произошло в силу череды неблагоприятных исторических событий, имевших необратимый характер. После страшного монголо-татарского нашествия в первой половине XIII в. Киев утратил свою ведущую культурную роль среди восточных славян. Он и прилегающие к нему земли превратились в культурную периферию, культурную окраину восточнославянской племенной общности. Культурная эстафета от Киева перешла к Владимиру, Твери, Москве и другим северо-восточным русским городам. Окрайинное ("украинное") культурное состояние Киева и прилегающих к нему земель затянулось в связи с попаданием их под власть Литовского княжества, а затем и Речи Посполитой. Названия "Украина" и "украинцы" исторически закрепились за бывшей юго-западной частью Киевской Руси и населяющими ее славянами, в отличие от славян восточных, сохранивших за собой древнее название "руssкие".

Последнее обстоятельство ставит украинцев в трудное положение и вызывает у них при слове "древнерусский" чувство раздражения. Получается ведь, что они вроде бы уже непри-

частны к эпохальным культурным свершениям Киевской Руси конца X – первой половины XIII в. К горечи чувства исторической несправедливости (утрата политического и культурного лидерства среди восточных славян) у украинцев примешивается самоощущение культурно обокраденной нации. Но история не может быть справедливой или несправедливой – она такова, какова она есть. Все этнически разнородное население Киевской Руси в древности именовалось "русскими", а появившийся у восточных славян литературно-книжный язык назывался "словенским", но отнюдь не "русским" или тем более "украинским". Последнее понятие в период раннего и большей части позднего восточнославянского Средневековья практически отсутствовало. Поэтому правомерность употребления дефиниции "древнеукраинский язык" вызывает у славистов большое сомнение.

Ситуация с дефиницией "древний македонский язык" имеет свои нюансы. В лингвистике считается, что славянские первоучители Кирилл и Мефодий приступили к переводу апракосного Евангелия (что произошло еще до отъезда их в Великую Моравию), использовав диалект солунских, т. е. македонских, славян, и поэтому основой кирилло-мефодиевского литературно-книжного языка стал один из македонских диалектов. Это действительно так, но в выражении "македонский диалект" дефиниция "македонский" имеет географическое значение и не свидетельствует о том, что Кирилл ориентировался на один из древних диалектов того славянского народа, который обитает ныне на территории Республики Македония.

Лингвисты знают, что один и тот же диалект мог быть присущ сразу нескольким славянским племенам, обитавшим на сравнительно большом географическом удалении друг от друга. К тому же, диалектные различия среди южных славян в древнейший период были не столь отчетливо выражены, как в более поздние исторические периоды. Нужно учитывать и тот факт, что, закладывая основы древнеславянского литературно-книжного языка, Кирилл и Мефодий, несомненно, сознательно делали акцент не на том, что отделяет взятый ими за образец славянский солунский диалект от других юнославянских диалектов, а на том, что его объединяет с ними. Веских доказательств того, что диалект солунских славян был идентичен в

древности диалекту одного из славянских племен, обитавшего на землях, которые ныне входят в границы Республики Македония, у славистов нет.

Нельзя также упускать из виду ту трансформацию, которую претерпевал в первые два века своего развития общеславянский литературно-книжный кирилло-мефодиевский язык. В памятниках древнеславянской литературы и письменности, без сомнения, отражались моравские, восточноболгарские, западноболгарские (македонские), чешские и русские языковые черты. В этом перечне, выстроенном по хронологическому принципу, дефиниция "македонские" стоит на третьем месте и служит не для обозначения (не существовавшего тогда македонского) этноса или государства, а используется в географическом значении этого слова. В целом речь может идти не о древнем македонском литературно-книжном языке, а только о македонской редакции древнеболгарского языка, черты которой иногда свидетельствуют о македонском географическом ареале написания исследуемой рукописи или ее протографа. Этих "македонских" черт однако набирается не столь много, чтобы повышать статус македонской редакции до уровня особого древнемакедонского литературно-книжного языка, отличного от языка древнеболгарского. Последний включал в себя как восточноболгарскую, Преславскую, редакцию, так и западноболгарскую, т. е. македонскую, Охридскую. Благодаря огромности корпуса переведенных и созданных в эпоху Первого Болгарского царства памятников общехристианского содержания, древнеболгарский литературно-книжный язык лег в дальнейшем в основу общего старославянского языка, развитие которого вылилось затем в возникновение новых восточнославянских и сербского изводов, а также смешанных их разновидностей.

Некоторые македонские ученые (в частности Б. Конески, Р. Угринова-Скаловска, Г. Поп-Атанасов, Б. Стипчевич и др.) пишут не о "древнем македонском языке", а о "македонском варианте", "македонской рецензии" или о "македонской редакции" старославянского языка¹³. Однако это не следует расценивать как отступление данных исследователей от своей позиции. "Вариантами", "рецензиями" и "редакциями" старославянского языка в македонской славистике называют также национальные литературно-книжные языки русских, сербов и,

разумеется, болгар. Тем самым македонскому "варианту" ("рецензии", "редакции") исподволь придается качественно новый, более высокий статус, уравнивающий его со статусами древних национальных литературно-книжных языков болгар, русских и сербов. Такой подход не может не вызвать возражения у славистов, ибо литература и литературно-книжный язык Первого Болгарского царства не представляли собой совокупности самостоятельных македонской и болгарской литератур (самостоятельных македонского и болгарского "вариантов" старославянского языка), а были едиными. Это единство продолжало существовать и далее на протяжении всего болгарского средневековья.

Следует сказать, что такие дефиниции, как "древний македонский язык", "древняя македонская литература" и "древняя македонская культура" чаще всего употребляют люди, не имеющие специального филологического образования. На уровне бытового сознания подмена одних понятий другими происходит очень незаметно и, порой, непреднамеренно. Из одних понятий сознание далекого от различных филологических тонкостей рядового македонца логически выводит другие. Раз имелись "древние македонские писатели", значит существовала и "древняя македонская литература", а относящиеся к ней произведения писались на "древнем македонском языке", и все это является составной частью "древней македонской культуры". Таким образом из обычной географической дефиниции вырастают новые системные понятия, которых на самом деле в древности не существовало. Все они относятся к разряду "артефактов" – искусственно конструируемых сознанием вещей, которые из-за своего фантомного характера не могут быть подвергнуты сколь-нибудь серьезному научному анализу. Для подобного анализа требуется наличие и определенная полнота реальных историко-культурных фактов, образовывавших в прошлом некую "македонскую" систему. Однако ни тем, ни другим палеославистика в настоящее время не располагает.

Приверженность к македонскому палеоболгаристическому "резу" в Македонии может вызываться и обостренным чувством родолюбия, которое характерно и для других народов, чьи этническая самоидентификация и политическое самоопределение произошли сравнительно недавно. Не исключено,

что эта приверженность инициируется современными македонскими политическими кругами. Считается ведь, что чем древнее история того или иного народа, чем более славное у него культурное прошлое, тем большего авторитета заслуживает такой народ в международном сообществе.

И, наконец, нельзя забывать еще об одной причине поддерживания в Македонии мифа о существовании в древности некоего особого македонского культурного "среза", отличного от болгарской средневековой культуры. В болгарском менталитете Македония воспринимается как неотъемлемая часть Великой в прошлом Болгарии, а населяющий македонские земли славянский народ – как часть народа болгарского. Поэтому постоянное фигурирование в македонской научной и общественно-политической периодике дефиниций типа "Македония", "македонское государство", "македонские писатели", "македонская литература" и "македонская культура" применительно к IX–XVIII вв. может трактоваться и как своеобразное выражение чувства государственного и политического самосохранения. Обострение этого чувства находится в прямой зависимости от возрастания радикальности умонастроений той части болгарского общества, которая считает присоединение Македонии к Болгарии исторически неизбежным и готова прилагать усилия в этом направлении. (В целом же к "македонскому" вопросу следует подходить исторически, но приоритетное значение здесь имеют национальная самоидентификация и сегодняшнее национальное самоощущение самого македонского народа. Никто не вправе навязывать ему свою политическую волю и ставить под сомнение его право на государственный суверенитет.)

Положительным моментом можно считать некоторые сдвиги, которые сейчас наблюдаются в македонском литературоведении. В последнее время речь в нем ведется не о "древней македонской литературе", а о "древней македонской книжности". Эту эволюцию хорошо иллюстрируют названия труда Г. Поп-Атанасова "Словарь древней македонской литературы" (1989) и исследования В. Стойчевской-Антич "История македонской книжности. Средневековая книжность" (1997) (выделено нами. – И.К.). С проблемой же литературно-книжного языка, бытования в Македонии в период средневековья, все обстоит гораздо сложнее. Мы не питаем

иллюзий, что наша статья вдруг разом заставит македонских палеославистов отказаться от их терминологических пристрастий. Она писалась с целью очертить позицию, которую занимает подавляющее большинство российских медиевистов по отношению к македонскому "срезу" палеоболгаристики. Знакомство македонской и российской сторон со взглядами друг друга на эту проблематику может послужить шагом к взаимному сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История литературы западных и южных славян. М., 1997. Т. I. Рецензио на болгарские разделы этого тома см.: *Иванова-Мирчева Д.* Нов поглед върху историята на българската литература от IX до XIX век // Македонски преглед. № 2. Македонски научен Институт. София, 1998. С. 160–165.
- ² См., например: *Поповски А.* Македонска икона и руска секира // Нова Македония. 1997. 5 X. С. 11.
- ³ *Стојчевска-Антиќ В.* Историја на македонската книжевност. Средновековна книжевност. Скопје, 1997. С. 30.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Полек В.Т.* Исторія української літературї XI–XVII століть. Київ, 1994. С. 10.
- ⁶ Там же. С.17.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Kukuljević-Sakcinski I.* Prezvitera Kozme slovo o bogomilich i ereticich // Arkiv za poviestnici jugoslavensku. Zagreb, 1857. S. 69–97.
- ⁹ *Калайдович К.* Иоанн Ексарх Болгарский. М., 1824. С. 189–192.
- ¹⁰ См.: *Трифонов Ю.* Беседата на Козма Презвитера и нейният автор // Списание на БАН. София, 1923. Кн. 29. С. 1–77; *Киселков В.* Презвитер Козма и неговата Беседа против богомилите. Карнобат, 1921.
- ¹¹ *Георгиев Е.* Презвитер Козма на Бориловия събор в 1211 г. // Известия на дружеството на филозофите-слависти в България. София, 1942. Кн. 1. С.16–45.
- ¹² См.: *Азбучник Српске Православне Цркве по Радославу Грујићу.* Приредио м-р Слободан Милеуснић. Београд, 1993.
- ¹³ *Конеский Б.* Варианты церковнославянского языка в Македонии в первой половине XIV в. Исследования по славянскому языкоznанию. М., 1971. С. 75–84; *Он же.* Карактеристики на македонската варијанта на црковнословенскиот јазик // Предавања на VI семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје и Охрид. 16.VII – 31.VII. 1973. Скопје, 1978. С. 9–17; *Стипчевиќ Б.* Македонска рецензија (Археографски приказ) // Македонски јазик. Скопје, 1972. С. 265–269; *Угринова -Скаловска Р.* За некои особености на македонската варијанта црковнословенскиот јазик // Slovo. 1976. № 25–26. С. 175–184; *Поп-Атанасов Г.* Македонска редакција // Речник на старата македонска литература. Скопје, 1989. С.170–171.

Л.В. Горина

(Московский государственный университет)

**ЗАВОЕВАНИЕ БОЛГАРИИ ВИЗАНТИЕЙ
(КОНЕЦ X – НАЧАЛО XI в.)
В РУССКОМ ХРОНОГРАФЕ**

На страницах обширного сочинения по всемирной истории, появившегося на Руси на рубеже XV–XVI вв., – Русского хронографа – нашла достаточно подробное освещение история средневековой Болгарии. Древнейшую сохранившуюся редакцию памятника принято датировать 1512 г. В этом пространном труде древнерусского книжника последовательно излагалась история человечества, начиная с ее Библейских времен. Перед читателем представляла могучая панорама судеб мировых империй: Иудейской, Восточных, Греческой, Римской, Византийской, а также славянских стран, включая Русь. Изложение событий в упомянутом своде кончалось 1453 г. – временем захвата Константинополя турками-османами. Составители Хронографа включили в эту панораму и многие события болгарского средневековья, осветив историю Первого Болгарского царства, сложную картину болгаро-византийских отношений, а также историю Второго Болгарского царства вплоть до его завоевания турками в конце XIV в.

Русский хронограф сохранился в нескольких редакциях, создавшихся на протяжении XVI–XVII вв. Благодаря трудам первого исследователя памятника А.Н. Попова¹, а также новым фундаментальным сочинениям О.В. Творогова², история основных редакций представляется следующим образом: на базе Хронографа 1512 г. (далее Хр. 1512) возникли Хронограф Западнорусской редакции (далее Хр. ЗР) и Хронограф 1617 г. (далее Хр. 1617). Необходимо заметить, что редакции весьма отличаются друг от друга. Так, при сравнении Хр. 1512 с Хр. ЗР обнаруживается, что в последнем опущена Библейская часть, сокращено изложение русской истории, но добав-

лены сведения по истории западноевропейских и западнославянских стран. В Хр. 1617 изложение Библейской истории вновь присутствует, однако в значительно сокращенном варианте. О русских же событиях повествуется более пространно, и изложение доведено вплоть до времени правления царя Михаила Федоровича (начало XVII в.). В то же время, проведенное нами сравнение болгарских сведений Русского хронографа вышеуказанных редакций позволяет прийти к любопытному заключению: статьи по истории Болгарии сохраняются в них неизменными и базируются на одних и тех же источниках. И лишь один выбранный нами в данном случае для анализа сюжет хронографа, а именно о болгаро-византийских столкновениях в конце X – начале XI вв. и установлении власти империи в Болгарии^{*} (1018 г.) изложен в Хр. 1512 и Хр. ЗР по разным источникам. Уже одно это обстоятельство оправдывает наше внимание к данной статье. К болгарским сюжетам Русского хронографа в науке уже обращались³, в том числе и автор этих строк⁴. Однако интереснейшая статья русского памятника о столкновениях царя Самуила с Византией пока внимания не привлекала.

Анализируя сведения, сообщаемые Русским хронографом по истории Болгарии, важно иметь в виду, что весь обширный памятник в значительной своей части базируется на болгарских переводах византийских исторических сочинений, важнейшими среди которых являются хроника Иоанна Малалы (VI в.), Георгия Амартола (IX в.) с его Продолжателем (X в.), Иоанна Зонары (XII в.) в его полном и сокращенном варианте (Паралипомене) Константина Манассии (XII в.) с добавлениями болгарского переводчика (XIV в.). Этим хроникам посвящена обширная литература⁵.

Вернемся к избранному нами сюжету, который располагается в пестрой череде других болгарских сюжетов Русского хронографа. Естественно, что его анализ возможен лишь на основе текстов источников, давших жизнь этому сюжету. Наш анализ базируется на материалах трех основных редакций Русского хронографа: Хр. 1512, Хр. ЗР и Хр. 1617. Первые два свода опубликованы⁶. Хр. 1617 сохранен лишь в рукописных

* Речь идет о Западно-Болгарском царстве, которое в современной историографии иногда обозначается как Самуилова держава или Македонское царство.

списках, одним из которых мы и воспользовались⁷. Придавая наибольшее значение содержательной части избранной статьи, мы посчитали целесообразным сделать современный ее перевод, позволяя себе лишь незначительные сокращения текста, в той его части, которая прямо не относится к истории болгаро-византийских отношений.

В Хр.1512 анализируемая статья располагается в составе 178 главы, озаглавленной "Царство Василия и Константина, сыновей Романа царя". События изложены следующим образом: "Азия была покорена арабским мечом, и греческие рубежи стеснены ассирийцами. Болгары же нападали на греков по Дунаю и пленили Фракию, находящуюся близ их границ. Но внезапно воссияла ему после зимы весна и вместо бури дохнуло некоей глубокой тишиной, сладко навевающей спокойствие на всех. И склонился Варда перед скипетроносцем, и все стали повиноваться царствующему. Подчинил Василий и арабскую страну, и Фасидскую сладкую струю, кормящую иверийцев, и финикийскую землю. Василий же царь не дал отдыха очам своим, век не смежил, сна не знал, пока не прогнал волков, терзающих овец. Узнали мощь его и сильные болгары. И снова он опоясался мечом, как победоносный Арес. И не оставался он в царских опочивальнях как юная девица, избегающая мужского взгляда. Напротив, умывали утренние росы волосы (Василия. – Л.Г.), умножая царский аромат. И вновь сошлились полки в ожесточенных схватках, и вновь человекаубийство и дерзость свиреподушную обнаружили варвары как козлы, которым забили в утробу острие копья. Вооружились воины с обеих сторон – греческие и болгарские. И все они дышали гневом ярости и войны. И все были одеты в железо: и несущие медные щиты, и несущие копья. И началась война – губительная для обеих сторон. Не задумывались болгары и греки, а нападали как львы и пенобрызжущие козлы. И замелькало разное оружие, и руки не отдыхали, и кровью падших обагрялись ладони. Разбивались щиты, и сокрушались копья, тяжко испуская свирепошумящий грохот. Василий же царь обходил своих подданных как петух, направляя их на твердоумных болгар. Разумеется болгарские воины побежали, втягивая плечи. Греческие полки кинулись им вслед, избивая отставших и сваливая их, попирали ногами.

Преследовали и князя их, подрезали жилы коням и овладевая жилищами, радовались добыче.

И покрылись кровью и трупами мертвцев поля болгарские, и болота истекшей крови собирались повсюду. И тогда воинство греческое, вооруженное и невооруженное, ликуя шло свободными шагами по Фракии и по всей болгарской земле. Так царь Василий не единожды, а дважды победил царя болгар. Самуил было его имя. И захватил Видин, и Плиску, и Великий Преслав и Малый. И много прочих городов. И Скопье было передано ему Романом, сыном болгарского царя Петра, а Ромуану этот город во владение передал Самуил, когда болгары до Охрида и Драча и далее царствовали. Так царь сломил надменность болгар, низверг столп их гордости и отогнал как бедных псов от кошар и стад. Некоторых захватил в плен, ослепив пятнадцать тысяч пленников. И оставил на каждую сотню ослепленных одного одноглазого, послал их к царю Самуилу. Тот, увидев их, очень затужил и с горя умер. Так Василий усмирил гордых и сделал рабами свободных. И с тех пор было болгарское царство под областью греческой, вплоть до Асена Первого, царя болгар⁸.

Комментарий к вышеизложенному тексту источника абсолютно необходим. В основе сюжета – болгарский перевод хроники Константина Манассии и гlossen болгарского переводчика хроники. Взятые отдельно или сами по себе данные Манассии и, соответственно, статьи Хр.1512, историк может считать заслуживающими доверия или, напротив, не считать таковыми. И лишь сравнение сведений, сообщаемых Манассией, с данными других источников, повествующих о тех же событиях, поможет решить проблему истинности этих сведений. Рассмотрим соответствующие данные других источников, прежде всего византийских историков Иоанна Скилицы (XI в.)⁹, Михаила Пселла (XI в.)¹⁰ и арабского историка Яхъи Антиохийского (X в.)¹¹.

Излагаемые в Хр.1512 события хронологически вписываются в период с 976 г. (время вступления на византийский престол императора Василия II) и вплоть до 1018 г., когда сокрушенное могущественной империей перестало существовать Первое Болгарское царство. Итак, в январе 976 г. после смерти императора Иоанна Цимисхия на византийский престол вступил новый император Василий II. Внутри- и внешне-

политическая ситуация в стране была в это время крайне неблагоприятной: империю терзали разного рода потрясения. Хотя его предшественник Цимисхий очевидно достиг многое: ему удалось завоевать Восточную Болгарию, свергнуть ее законного царя Бориса II и вытеснить с Балкан русские войска князя Святослава (972 г.). С переменным успехом император отражал арабский нападок на Востоке (972–976). Но ни "арабскую", ни "болгарскую" проблемы ему решить так и не удалось. Болгары не примирились с прекращением своей государственности. Уже в 973 г. болгарская делегация отправилась к императору Оттону I в Кведлинбург, прося защиты и покровительства. Историк Блазиус Клайннер (XVIII в.) пишет даже о двух болгарских посольствах: одно прибыло к Оттону I в 972 г. с богатыми дарами, а затем – 23 марта 973 г. (на Пасху) появилась и вторая болгарская делегация, причем в состав первой входили и русские послы¹². О посольстве 973 г. есть сведения во многих западных источниках¹³.

С вступлением на престол императора Василия II (976 г.) к старым проблемам прибавились новые: это были бунты титулованной византийской знати против законной власти. Наиболее серьезными были мятежи полководцев Варды Склира и Варды Фоки. Непростую ситуацию застал Василий II на Дунае и во Фракии. П. Петров, полагаясь на "Записку готского топарха", отмечает, что к середине 70-х годов X в. болгарам удалось овладеть областями к югу от Дуная, захватить там более десятка городов и сотни сел¹⁴. В. Тыпкова-Заимова выдвинула вполне приемлемую, на наш взгляд, гипотезу, согласно которой византийские гарнизоны в Подунавье и при Цимисхии были невелики, а после его смерти значительно уменьшены. В своих выводах В. Тыпкова-Заимова опирается не только на письменные, но и на археологические источники, в частности, результаты исследований румынского археолога П. Дьякону, установившего, что византийские казармы в этом районе были заменены, после Цимисхия, незначительными постройками. Видимо в это время византийские войска покидали свои позиции на Дунае¹⁵. Что касается "фракийской" ситуации, то о ней повествует Б.Клайннер, датируя столкновения греческих и болгарских войск в этом районе 70-ми годами X в.¹⁶

В Хр.1512 самого подробного описания заслужило лишь одно болгаро-византийское сражение, а именно то, в котором участвовали высшие лица двух государств: Василий II и Самуил. Эту, развернувшуюся во Фракии битву можно отнести к началу 90-х годов X в. Так, Яхъя Антиохийский отмечает, что после примирения Василия II с Вардой Склиром (989 г.) он сам возглавил византийские войска и вскоре двинул их против Болгарии. Успешная для Византии война продолжалась вплоть до 995 г.¹⁷ В анализируемой статье Хр.1512 сообщается, что сражение состоялось не только после подавления бунтов Варды Фоки (989 г.) и Варды Склира, но и после захвата Византией Грузии и Армении (начало 90-х годов X в.). После чего укрепившая свою мощь империя обрушилась на сильно-го противника ("узнали его мощь и сильные болгары"). Из статьи Хр.1512 узнаем, что до захвата греческими войсками Видина (1003 г.). греки дважды одолели болгар. Логично предположить, вновь привлекая данные Яхъи, что обе они имели место в период 991–995 гг.

Сведения Хр.1512 о повторном завоевании Византией Северной и Северо-Восточной Болгарии надежно вписываются в аналогичные свидетельства других источников, прежде всего Скилицы. Согласно последнему, Плиска, Великий и Малый Преслав попали в руки византийцев в 1001 г., Видин – в 1003 г., а Скопье – в 1004 г. Причем, Скопье не было захвачено с боями, а передано Василию II Романом, сыном болгарского царя Петра¹⁸. Роман же, в свою очередь, стал правитеlem Скопье, "когда болгары до Охрида и Драча и далее царствовали". Именно тогда Самуил передал Роману Скопье. Когда же именно это случилось? Логично, на наш взгляд, принять к сведению сообщения Скилицы о том, что в 998 г. Самуил путем удачного брака своей дочери с одним из византийских военачальников, изменивших императору, сумел овладеть всей Драчской областью и, соответственно, Драчом¹⁹. В конце 90-х годов X в. Самуил находился вновь на вершине своей славы. И царственный жест Самуила в сторону потомка прежней правящей болгарской династии был здесь вполне уместен. При захвате Скопье Василием II царевич Роман был пленен византийцами.

Драматичное столкновение греческих и болгарских войск летом 1014 г. у горы Беласица, окончившееся сокрушитель-

ным разгромом болгар, описано и в Хр.1512, впрочем, как и во многих других источниках. Представлено и жестокое действие византийского императора, повелевшего ослепить 15 тысяч пленных болгарских воинов, из коих на каждую сотню был оставлен лишь один одноглазый. Увидавший посланную к нему страшную процессию, болгарский царь Самуил тяжко заболел и вскоре скончался (6 октября 1014 г.). В последних строках всей этой истории Хр.1512 сообщает, что болгары стали рабами, попав под власть Византии, продолжавшуюся вплоть до воцарения Ивана Асеня I (1188 г.)²⁰.

В составе Русского хронографа последующей редакции, а именно, Западнорусской (Хр. ЗР) история завоевания Первого Болгарского царства Византией изложена по другому источнику. Как нами уже отмечалось, это единственная болгарская статья в Хр. ЗР, полностью сменившая свою источникющую базу. В Хр. ЗР в основе повествования – хроника Иоанна Зонары (XII в.) в ее сокращенном варианте, так называемом Паралипомене²¹. Впечатляет уже сам заголовок этой статьи: "Царство 54 Греческое Василия Болгарского губителя". Воспроизводим текст статьи Хр. ЗР в сделанном нами современном переводе, позволяя, как и в случае с Хр.1512, небольшие сокращения частей текста, прямо не относящиеся к анализируемым событиям.

Статья предстает в следующем виде: "В это время болгары передали правление Болгарией четырем братьям: Давиду, Моисею, Аарону и Самуилу, сыновьям некоего болгарского князя, называемого комит. Те же, которые были из царского рода, все погибли. Один только сын Петра остался, да и тот был скопцом. Давид вскоре умер, Моисея же убили камнем, а Аарона погубил Самуил. Остался лишь сын Аарона Иван Владислав. Тогда принял все болгарское царство Самуил и с боем стал захватывать западные страны и города. Царь Василий выступил против болгар и осадил болгарский город Средец, т.е. Сердику. Самуил победил его, и Василий отступил к городу Филиппосу... Затем Василий пошел походом на болгар и победил их, разрушив укрепления вокруг Сердики. Разорил он и Сербчищу (Сервию. – Л.Г.), заставив сдаться Николицу – начальника Сербчиши, который был возведен им в сан патриция. Но тот снова убежал к Самуилу. Самуил тем временем ограбил торг в Адрианополе. Шедший следом Василий

захватил затем город Бдин, а Скопье передано было ему Романом, скопцом, сыном Петра, бывшего болгарского правителя. А правителем Скопье поставил Романа Самуил... Царь Василий непрестанно воевал с болгарами. И победил их и, захватив в плен 15 тысяч воинов, ослепил их всех, оставив на двухсот одного одноглазого, дабы вел один двести человек. И послал их всех к Самуилу. Самуил не мог этого вытерпеть, пал в изнеможении и вскоре умер. Тогда царство принял Гавриил, сын его, называемый Роман, который правил один год и был убит своим двоюродным братом Иваном Владиславом, сыном Аарона. Он правил два года и пять месяцев и был убит при осаде города Драча. Царь Василий вновь выступил походом против болгар, захватил многие их города, а многие князья болгарские покорились ему. Его власти подчинился Охрид. Затем он отправился в Адрианополь, куда к нему прибыли большие князья болгарские, и все перешли под его власть. Перешел под его власть и город, называемый Перник и прочие города, числом 35. Болгарская царица, жена Ивана Владислава, называемая Мария, передала ему всю болгарскую землю и прибыла к нему с шестью своими дочерьми. Затем прибыли три ее сына. Одного из них, именем Прусиан, царь сделал магистром, двух – патрикиями. Император иные города разорил, иные, напротив, укрепил. В итоге, в результате войны, земля болгарская была возвращена Константинополю²².

В анализируемой статье Хр. ЗР древнерусский составитель последовательно, опираясь на Паралипомен Зонары, излагает события, связанные с установлением власти комитопулов, а затем и одного Самуила, в Болгарии и политических действиях, последовавших за этим. Прежде всего возникает важный вопрос о времени установления в Болгарии власти сыновей комита Николы – комитопулов. В этом случае, на наш взгляд, нет особой нужды погружать читателя в огромную разноголосицу мнений, высказанных в литературе по этому поводу. Считаем себя вправе присоединиться к одному из них, а именно мнению Г.Г. Литаврина, согласно которому Давид, Моисей, Аарон и Самуил заявили о себе сразу же после смерти своего отца – комита Николы в 969 г.²³ По данным Хр. ЗР, братья получили власть над страной от самих болгар, поскольку их считали законными претендентами. Ведь прежняя

династия прервалась со смертью царя Петра (начало 970 г.). А гибель в том же году отпущенного из Константинополя в Болгарию сына Петра – Бориса, а также невозможность занять царский престол другим сыном Петра – Романом (тот был скопцом) поставили точку в истории династии Симеоновичей. В Хр. ЗР воцарение комитопулов предстает как акция совершенно законная. Другое дело, что источники не сообщают точных данных о дате этого важнейшего события. Можно опереться лишь на косвенные данные. Так, в самом Хр. ЗР (текст предшествует приведенному нами отрывку источника) сообщается, что болгары передали власть над страной комитопулам в то время, когда византийский полководец Варда Склир пытался укрыться от гнева Василия II в Багдаде, у халифа Хосрова. Но был там схвачен и посажен в тюрьму²⁴. Эти события, согласно Михаилу Пселлу, случились в середине 80-х годов X в.²⁵ По данным Льва Дьякона, болгары восстали после смерти Цимисхия (976 г.)²⁶. И Скилица относит воцарение комитопулов к 976 г.²⁷

Затем за короткое время в Болгарии произошло много важных событий. Умер Давид (976 г.), погиб Моисей при осаде города Сер (977 г.), и в этом же году Самуил убил своего брата Аарона, став, таким образом, единоличным правителем Болгарии. В Хр. ЗР представлены как блестящие победы Самуила, так и постигшие его неудачи, когда один за другим попадали в руки завоевателей болгарские города. В 1002 г. в Сервии сдался полководец Самуила – Николица²⁸, в 1003 г. пал Видин²⁹, а Скопье, сообщает Хр. ЗР (равно как и Хр. 1512), передал в руки византийцев Роман, искалеченный сын болгарского царя Петра.

Краткое описание битвы при Беласице имеется и в Хр. ЗР. Правда, там сообщается, что на каждые 200 (а не сто, как в Хр. 1512) из 15 тысяч ослепленных болгарских воинов был оставлен одноглазый поводырь³⁰.

Заключительное повествование Хр. ЗР о последних днях существования Первого Болгарского царства, базирующееся все на том же Паралипомене, выглядит вполне правдивым, ибо находит подтверждение во многих, в том числе нами ранее указанных источниках. В Хр. ЗР цепочка событий выстраивается в следующий ряд: после смерти болгарского царя Самуила (6 октября 1014 г.) престол занял его сын Роман

(Гавриил), но править ему довелось недолго, всего лишь в 1014–1015 гг. Он был убит своим двоюродным братом Иваном Владиславом, сыном Аарона. Но и этот болгарский царь был на престоле менее трех лет. Он был убит византийцами во время осады Диরрахия (Драча) в феврале 1018 г. Вот тогда-то на поклон к Василию II явилась сама болгарская царица Мария, ее дети и высшие сановники. Власть перешла в руки Византии, а Первое Болгарское царство прекратило свое существование.

Хочется заметить, что древнерусский книжник, составитель Хр. ЗР, избрал источник достаточной степени достоверности (речь идет о Паралипомене Зонары), поскольку его данные не входят в противоречие со сведениями других исторических источников этих событий. В свое время П. Потапов в целом отказал Паралипомену как историческому источнику в надежности³¹. Полагаем, что в той своей части, где Паралипомен повествует о последних десятилетиях Первого Болгарского царства, он правдив и достоверен, что подтверждает проведенный нами сравнительный анализ этого источника с другими. Полагаем, что суровый приговор Потапова Паралипомену может быть обжалован.

Составитель последующей редакции Русского хронографа, а именно Хронографа 1617 г. (Хр.1617) все возвращает "на круги своя". Он вновь строит повествование о захвате Болгарии Византией на материалах Хроники Константина Манасии, привлекая глоссы болгарского переводчика памятника. Правда, по сравнению с Хр.1512 составитель чрезвычайно сокращает свой источник. Представляем указанную статью Хр.1617 в нашем переводе, сделанному по рукописному списку Хр.1617³². "Болгары нападали на греков по Дунаю и пленили Фракию, находящуюся близ их границ. Сильные болгары вооружились на него (Василия II. – Л.Г.). Василий же тоже ополчился на них как победоносный Арес. И болгарские воины побежали, втягивая плечи, а греческие полки гнали их и, овладевая жилищами, радовались добыче. И покрылись кровью и трупами мертвцев поля болгарские. Тогда воинство греческое по всей земле ликовало. И падших из болгар было не менее, чем тел древних дарданцев после боя с Ахиллом, что у реки Скамандра. Василий не единожды, а дважды победил царя болгарского. Имя его было Самуил. И захватил горо-

да его Бдин и Плиску, и Великий Преслав и Малый, и прочие города многие. И Скопье передано было ему Романом, сыном царя болгарского, прежде там правившего. Самуил передал во владение Роману этот город, так как болгары тогда до Охрида, и до Драча, и далее царствовали. Так царь сломил надменность болгар и низверг столп их гордости, отогнал как бедных гсов от кошар своих и стад. Некоторых болгар отвел в плен и шесть тысяч ослепил. На каждую сотню он оставил одного одноглазого и послал их к самому царю Самуилу, который увидев их, очень затужил и с горя умер. Так усмирил он гордых и сделал рабами. И с тех пор было болгарское царство под греческой властью, вплоть до Асеня I, царя болгарского³³".

Древнерусский автор Хр.1617, несомненно, следует за текстом Хр.1512, опуская при этом эмоциональные, но не имеющие конкретно-исторического содержания фрагменты хроники Манассии. Вызывает удивление приводимая в Хр.1617 цифра искалеченных болгарских воинов. Но ее можно отнести на счет ошибки переписчика или составителя данного свода.

Рассмотренная нами статья Русского хронографа, повествующая о борьбе болгар за сохранение своей государственности, – одна из важных в череде болгарских сюжетов этого памятника. И в этой же череде – она уникальна, поскольку меняет свою источниковую базу в разных редакциях Хронографа. Вероятно, далекая история завоевания Болгарии Византией в конце X – начале XI вв. вызвала специальный интерес древнерусского историка. Разумеется, Русский хронограф, как сочинение историческое, принадлежит русской историографии. Составляя Хронограф, средневековые русские историки решали сложнейшие проблемы сбора, систематизации, расположения и оформления огромного источникового материала. Тот факт, что весь обширный свод базируется в значительной своей части на болгарских переводах византийских хроник, заслуживает всяческого внимания. Появление на Руси этих переводов, их активное служение древнерусским книжникам позволяет поместить проблему болгарских материалов Русского хронографа в общие рамки болгаро-русских культурных отношений эпохи средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып.1. М., 1866; Вып.2. 1869.
- ² Творогов О.В. 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975; 2) Хронограф – Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2. Л., 1989 и др.
- ³ Турилов А.А. К вопросу о болгарских источниках Русского хронографа // Летописи и хроники: Сб. статей. М., 1984.
- ⁴ Горина Л.В. 1) Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г.: (к истории болгаро-русских культурных связей конца XIV – начала XVI в.) // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976; 2) О болгарских материалах в Русском хронографе редакции 1512 г. // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978.
- ⁵ Обширный указатель соответствующей литературы имеется в книге: Словарь книжников и книжности Древней Руси...
- ⁶ Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. Т.22, ч.1. СПб., 1911. Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Т.22, ч.2. Пг., 1914.
- ⁷ Нами привлечен к исследованию список Хронографа редакции 1617 г., распространенный, Иргизской коллекции, № 118. Ныне сохраняется в Научной библиотеке Московского университета. Рукопись памятника найдена учеными МГУ и, в частности, И.В. Поздеевой во время экспедиции на Иргиз. См. подробное описание этого памятника в кн.: Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XIV–XVII веков Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964–1984 годов). М., 1986.
- ⁸ Хр.1512. С.365–366.
- ⁹ Iohannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. Мы посчитали возможным воспользоваться также публикацией этого источника в: Гърцки извори за българската история. Т.6. София, 1966.
- ¹⁰ Михаил Пселл. Хронография. Перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. М., 1978.
- ¹¹ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883.
- ¹² История на България от Блазиус Клейнер съставена в 1761 г. Под. ред. На Иван Дуйчев и Карол Телбизов. София, 1977.
- ¹³ О западных хрониках, повествующих об этом сюжете см.: Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т.1. Ч.2. София, 1971. С.610.
- ¹⁴ Петров П. Раздел: Давид, Мойсей, Арон и Самуил начело на българската държава // История на България. Т.2. София, 1981. С.401–402.
- ¹⁵ Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. София, 1976. С.53–54.
- ¹⁶ История на България от Блазиус Клейнер... С.88.
- ¹⁷ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца... С.34.
- ¹⁸ Гърцки извори... С.280–283.
- ¹⁹ Там же. С.279.

- ²⁰ Хр.1512. С.366. Этими строчками кончается повествование о захвате Болгарии Византией в Хронографе указанной редакции, базирующееся на хронике Манассии, вызывающей интерес у исследователей по сю пору: см. Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянской литературе. София, 1988. Исследование текстов хроники в этой книге принадлежит И. Дуйчеву и М.А. Салминой, внесших большой вклад в изучение самого памятника, а также в исследование хроники как источника Русского хронографа.
- ²¹ Бодянский О. Паралипомен Зонарин // ЧОИДР. 1847. № 1.
- ²² Хр. ЗР. С.165–166.
- ²³ Литаврин Г.Г. Глава V: Внутренний кризис, новый подъем и борьба за независимость // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С.91–92.
- ²⁴ Хр. ЗР. С.165.
- ²⁵ Михаил Псевл. С.8.
- ²⁶ Лев Далякон. М., 1988. С.220.
- ²⁷ Гръцки извори... С.275.
- ²⁸ Там же. С.280–282.
- ²⁹ Там же. С.282.
- ³⁰ Хр. ЗР. С.166.
- ³¹ Потапов П.О. Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе // ИОРЯС. Т.22, кн.2. 1918.
- ³² Хр. 1617 по списку Иргизской коллекции, № 118, лл.372, 372об., 373.
- ³³ Там же, л.373.

В.И. Косик
(Институт славяноведения РАН)

ГОРДИЕВ УЗЕЛ БАЛКАН

Македонская тема с прошлого века не сходит с политической авансцены. Для нынешнего времени слово "Македония", хотя и перестало быть "запретным", тем не менее и сейчас порождает многочисленные споры и не перестает быть яблоком раздора на международном уровне. Достаточно упомянуть разногласия между Болгарией и Македонией по языковой проблеме, демарш Греции, обусловивший непризнание рядом международных организаций и государств самого названия страны – Республика Македония.

Обратимся к недавней истории. Находясь в составе Османской империи, Македония могла получить свободу только через освободительную войну, как это было с Грецией, Сербией, Болгарией. Однако та же Россия, включенная в систему международных обязательств по сохранению статус-кво на Балканах и немало уже сделавшая для своих единоверцев в этом регионе, была стеснена в своих действиях, да и не была готова снова послать свою армию на помощь православным братьям. Одновременно не следует забывать, что, выступая в роли "старшего брата", Россия считала своей обязанностью оказывать покровительство македонским славянам, защищая их от притеснений турецкой власти. В Петербурге полагали, что дальнейшая судьба македонцев будет связана с одной из православных стран Балканского региона. Во всяком случае, так думали в 1886 г., когда посол России в Константинополе А. И. Нелидов в своей известной программе, одобренной царем, писал, что в случае очередной русско-турецкой войны или осложнений на Балканах вопрос о Македонии будет служить для "приобретения содействия той или другой народности".

Борьба за души македонцев значительно усложнилась с появлением в 90-х годах на политической сцене Македонской революционной организации (далее – Внутренняя организация) и Верховного македонского комитета (далее – ВМК). Их деятельность с самого начала отличал различный подход к решению македонского вопроса: одни были сторонниками революционного пути, другие – приверженцами использования прежде всего легальных методов. Соответственно все это обусловило сложности в деле выработки единой стратегии, создании общего центра и определении роли в его руководстве каждой из сторон.

Русская дипломатия пристально следила за македонскими делами. 25 мая 1903 г. в МИД России поступила секретная телеграмма: "По сведениям агентуры, Сарафов и девять других македонских революционеров постановили и подписали 7 мая следующую резолюцию: если Европа и Болгария останутся все еще безучастными и не дадут Македонии прав по статье 23 Берлинского трактата, произвести в Македонии и Адрианопольском вилайете поголовное восстание болгар, взорвать динамитом правительственные учреждения, казармы, арсеналы, склады, некоторые железнодорожные станции, в особенности Салоникские ... разрушить телеграфные линии и взорвать артиллерийский арсенал и другие постройки в Константинополе. Если и это не вызовет вмешательства, то распространить в Турции и Европе чуму через заготовленных бацилл прививкой их крысам, чтобы отомстить Европе. Это сведение, если оно справедливо, дает повод думать, что македонские революционеры уже близки к отчаянию и что при надлежащей бдительности их деятельность скоро перестанет быть опасной. Но казалось бы тем необходимое обеспечить мирное население безотлагательным осуществлением обещанных преобразований"¹. Николай II, прочитав это грозное сообщение, оставил на нем лаконичную помету: "Людей, прибегающих к таким способам мести, следует уничтожать, как собак"².

В качестве комментария о политике России того времени можно привести суждение посланника в Софии Ю. П. Бахметьева. В разговоре с военным министром Болгарского княжества Р. Петровым он подчеркнул, что "русский народ не сравненно дороже государю, нежели все другие славянские,

взятые вместе; что македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело, и что надежды руководителей комитетов, как Михайловский, Ризов, Цончев, Сарафов, своей кровью, или скорее кровью своих братий, – разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение³.

Эта беседа состоялась 2 августа 1903 г. в день начала Илинденского восстания, результатом которого было то, что Европа, утомленная балканскими неурядицами, добилась от Порты принятия обязательства по улучшению положения христианского населения. Однако реализация реформ, предусмотренных Мюрцштегским соглашением между Австро-Венгрией и Россией (осень 1903 г.), проваливалась: территория Македонии стала ареной ожесточенных столкновений болгарских, греческих и сербских вооруженных отрядов, обагривших кровью эту несчастную землю.

В январе 1907 г. на собрании Внутренней организации в Рильском монастыре было принято очередное решение делать ставку на восстание. Подчеркивалась необходимость революционирования населения "через беседы и распространение революционных изданий". Предполагалось послать на места специалистов-инструкторов "для обучения населения изготавлению патронов, бомб, взрывчатых веществ", равно как и открыть курсы для подготовки террористов⁴. Однако шансы на успех планируемого восстания были невелики из-за четнического террора, раскалывавшего население.

Таблица

Билайет	Год	Че-	Четники	Че-	Четники	Че-	Четники	Че-	Чет-
		ты		ты		ты		ты	ники
		Болгарские		Греческие		Сербские		Всего	
Солун-	1906	36	456	14	142	–	–	50	598
	1907	31	282	10	113	–	–	41	395
Мона-	1906	23	234	10	282	6	78	39	594
	1907	29	241	17	257	3	35	49	333
Косов-	1906	15	143	–	–	6	95	21	238
	1907	17	138	–	–	3	139	20	277
Всего:	1906	74	833	24	424	12	173	110	1430
	1907	77	661	27	370	6	174	110	1205

Эта официальная таблица⁵, составленная на основе донесений местных властей, дает представление об ареале действий чет, их количестве. Сравнительно небольшая численность

боевиков может вызвать удивление, но здесь следует учитывать возможную неполноту и неточность данных. Размышая о деятельности этих отрядов, один из русских дипломатов с горечью писал в МИД в апреле 1906 г.: "Мученический венец христиан ... в большинстве случаев свивается их же собственными руками ... и в продолжении смут больше всего повинны ... комитеты в соседних государствах, растлевающих нравы населения своей проповедью братоубийственных междоусобиц ... На деле обычно болгарские комитеты и являются главным источником неурядиц ... Расположившись хозяином в крае, оспариваемом другими пропагандами, и объявив его вопреки своему теоретическому интернационализму, своей территорией со своими законами ... и своей исполнительной властью, болгарские комитеты накликали нашествия банд разных "спасителей", последние переняли у них их насилистственные кровавые приемы, дали им еще большее развитие, — и по всему лицу вилайетов пошла беспрерывная, бессмысленная травля и дикая взаимная расправа между христианами, заполняющая современную криминальную хронику ... провинности болгарских комитетов ... не ограничиваются одним пролитием крови. По милости этих комитетов ... (турецкие власти. — В. К.) по праву и долгу всячески задерживают рост болгаризма, выжидая пока он очнется от революционного гипноза; благодаря комитетам судебные наезды на села не прекращаются, чрезвычайные суды не упраздняются и селяне должны переносить все тяготы полуосадного положения; комитеты разоряют болгарское население поборами, они причина упадка и мусульманских хозяйств ... они же, наконец, причина расстройства в бюджетах вилайетов, обремененных непосильными налогами на содержание сверхкомплектного гарнизона"⁶.

Эта пространная цитата с традиционным набором сведений не заслуживала бы помещения ее здесь, если бы не одно, важное для нас, обстоятельство, а именно — российские дипломатические чиновники считали, что основное население спорной территории принадлежит к болгарской национальности. В своих донесениях они неоднократно называли его македонскими болгарами, что вполне можно объяснить, зная о тесной связи Внутренней организации и ВМК с Болгарией.

В то же время нельзя было не заметить роста патриотизма, точнее, национального самосознания в македонских землях. В одном из русских дипломатических донесений в Петербург сообщалось: "Само население начало весьма тяготиться разными пропагандами и искренне желает, чтобы его оставили в покое. В Касторийской казе (входила в Монастырский вилайет, где сильны были греки. – В. К.) к нам приходила депутация от сел, заявлявших, что не желают ни греческих, ни болгарских учителей и священников, но просят дать им македонских. На расспросы об их национальности, они отвечали, что они македонцы. Такие заявления, далеко не единичные, показывают, что христианское население Македонии устало от гравли его разнообразными пропагандами, и что в нем начинает пробуждаться национальное самосознание, отличное от навязываемого ему со стороны"⁷.

В 1908 г. в Османской империи вспыхнула младотурецкая революция. Следует заметить, что победа заговорщиков во многом была обусловлена поддержкой масонской ложи в Салониках, во главе которой стоял еврей Каарассу. Именно масоны старались всеми силами "помочь младотуркам добиться единения всех македонских народностей и слить их в одно политическое целое". Эта задача представлялась вполне реальной с учетом того, что большинство младотурецкого руководства входило в состав салоникской ложи⁸. Младотурки стремились продемонстрировать Европе, что переход к либеральному правлению притупляет остроту македонского вопроса. Известно, что у "новых османов" наблюдались некоторые различия в подходах к нему: одни признавали за христианскими национальностями право на обособление и "культурную пропаганду", другие выступали под флагом единого оттоманского народа⁹. Но в одном они были едины – в желании задушить панболгарскую идею. Вероятно, здесь следует искать ключ к разгадке поддержки ими "македонских болгар" во главе с Я. Санданским и Хр. Чернопеевым. Младотурки, несомненно, приветствовали выступления своих новых неожиданных "союзников", протестовавших против пропагандистской деятельности Греции, Болгарии, Сербии и Румынии в Македонии. Особенно резкой критике подвергались Россия, Германия и Австро-Венгрия. Причем Россия изображалась в качестве некоего политического Тартюфа, стремящегося под

маской покровительства христианам, с помощью Болгарии, добраться до Константинополя. В свою очередь Австро-Венгрия и Германия характеризовались как "рынки публичной продажи политической совести". Заключительный аккорд всех этих рассуждений был один: "Македония не нуждается ни в России, ни вообще в Европе, а если получит и укрепит свою свободу, то благодаря своим собственным силам в единении с младотурками"¹⁰.

В сущности, этот вывод не был лишен логики, хотя и крайне наивен с практической стороны. И еще одно наблюдение: союз младотурков с Я. Санданским отнюдь не означал мира на земле, где продолжали действовать различные "пропаганды". Да и сами турки стремились быть *primus inter pares*.

Пути к прекращению кровавых распреей были различны. Один из них предложил русский консул А. Петряев в "Записке по вопросу о национальностях в Македонии" (1909 г.). В ней он несколько наивно, если не сказать жестче, писал: "По моему мнению, в случае возникновения Македонского кризиса, наилучшим разрешением его было бы наделение Македонии кантональным устройством наподобие Швейцарии и гарантирование ей вечного нейтралитета ... Устроенная таким образом Македония может послужить основным ядром Балканской федерации, к которой могут потом примкнуть и другие балканские государства и сделаться первым буфером на пути австро-германского движения к Солуни"¹¹. Свой рецепт был у русского дипломата в Скопье А. Д. Калмыкова, докладывавшего в 1911 г. в МИД о том, что "... автономия Македонии под непосредственным наблюдением Европы и ее представителей безусловно неисполнима. Необходимо сохранить Македонию и Албанию в составе Турецкой империи"¹². Для нормализации обстановки он предлагал оказать Порте помощь, выделив заем на оживление экономики края. Тогда, как он отмечал, "политические кризисы отойдут в сферу действия парламентов и кабинетов и перестанут служить поводом к междуусобной войне"¹³.

Самое удивительное в том, что эти мысли высказывались не теоретиками от дипломатии, а практиками, явно недооценившими степень запущенности "македонской болезни": прыщ – язва – флегмона. Паллиативное лечение не помогало. Необходимо было хирургическое вмешательство, т. е. войны.

13 марта 1912 г. подписывается сербско-болгарский договор для "оказания взаимной помощи и для охраны общих интересов в случае изменения статус-кво на Балканах или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон". В мае заключается союзное соглашение между Болгарией и Грецией, по которому вопрос о Македонии, вернее о ее разделе, предполагалось решить в зависимости от числа выставленных на фронт войск, военных успехов и размеров потерь. В сентябре становится реальностью сербско-греческий пакт.

Долгожданный Балканский союз создан. Война с Турцией под знаменем освобождения македонских братьев была на пороге. Уже в октябре Болгария, Греция и Сербия объявили войну своему бывшему грозному повелителю.

"Остановить их порыв, — писал министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, — обещанием новой коллективной попытки держав принудить Турцию провести, наконец, в жизнь много раз обещанные и никогда не выполненные реформы ... было чрезвычайно трудно"¹⁴.

Здесь надо помнить, что сама русская дипломатия практически подталкивала к войне, результаты которой могли оказать существенное влияние в случае открытия военных действий между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией — с другой.

Ход балканской войны известен: болгарские войска заняли восточную Македонию, сербские — западную и через Албанию вышли к Адриатике, греческие — большую часть южной Македонии. Однако Сербия, лишившись выхода к морю после провозглашения Албании независимым государством, требовала от Софии в качестве компенсации Вардарскую долину. Греция выступала за передачу ей занятых Болгарией некоторых территорий юго-восточной Македонии и добивалась признания прав на Салоники. Болгария имела свои претензии на западную Македонию, занятую сербами и греками. Все были недовольны.

После заключения антиболгарского тайного сербско-греческого договора (1913 г., май) назревала новая война. София также готовилась к ней, рассчитывая окончательно решить македонский вопрос в свою пользу. В июне 1913 г. нападение болгарских частей на сербские аванпосты стало началом вто-

рой Балканской войны, в которой София потерпела поражение. В августе того же года по условиям Бухарестского мира Сербия получила Вардарскую Македонию, Греция – Эгейскую Македонию и Салоники, за Болгарией осталась Пиринская Македония. Больше других от войны выиграла Греция, к которой отошло более половины всех македонских земель, на втором месте была Сербия, на третьем – Болгария.

Болгарские правящие круги не замедлили обвинить в прошедшем Россию. Апофеозом русофобских настроений явилось стихотворение, каждая строфа которого оканчивалась проклятием "братской России"¹⁵. И хотя тираж газеты "Дневник" с этим стихотворением был конфискован и правительство выразило свое сожаление русскому посланнику А. В. Неклюдову, эти зарифмованные проклятия можно и нужно расценивать как результат "нестроений" в славянстве, своеобразной игры на качелях, которая в русско-болгарских отношениях принесла немало бед.

С. Д. Сазонов писал в своих воспоминаниях: "Бухарестский мир был только пластирем, налепленным на незалеченные болканские язвы, которым было суждено вскрыться не далее чем через год ... Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года"¹⁶.

Итак, по мнению болгарских национал-патриотов, Россия была ответственна за их неудачи. При этом забывалось, что Российская империя не всемогуща и не могла позволить себе конфликт с державами, поддерживавшими болгарских неприятелей. Ревизия договора была России явно не под силу. Силу России дробило само славянство.

Можно поставить вопрос: а какова была реакция в самой Македонии на оккупацию и раздел?

Ответ должен учитывать этнонациональное соотношение населения и властей. Предположение о возмущении и активном сопротивлении не подтверждалось. Хотя были зафиксированы такие формы пассивного отпора, как скрытие ору-

ския, утаивание продуктов от реквизиции, дезертирство из армий новых властителей. Это "бездействование" народа обуславливалось рядом причин.

Во-первых, для многих новый порядок означал воссоединение с исторической родиной.

Во-вторых, в результате эмиграционных процессов Македония лишилась значительной части активного населения.

В-третьих, для жителей этого края сложившаяся многовековая привычка к повиновению превратилась в характерную черту быта. (Мое утверждение, разумеется, не носит абсолютного характера.)

В-четвертых, общественно-политическое сознание крестьянской массы было на низком уровне из-за самого уклада жизни и отталкивавшей от себя зачастую насильственной пропаганды и иных форм "адаптации" жителей.

Вспомним, что власти для укрепления своих позиций, случалось, шли даже на замену имен и фамилий у жителей ново-присоединенных территорий. В докладе Международной комиссии, созданной для информирования мировой общественности о Балканских войнах 1912–1913 гг., все правительства и армии воюющих сторон обвинялись в жестокости к военно-заточенным и гражданскому населению.

Само болгарское правительство начало, как уже упоминалось, осуществлять почти нескрываемое сближение с Берлином и Веной. В беседе с русским посланником А.А. Сан-гинским (1914 г., июль) премьер-министр В. Радославов подчеркнул, что "народ уже не так верит России; что он чувствует себя оставленным и оставленным всеми: теперь мы восстановили против себя Россию, в лице Австрии и Германии мы имеем только врагов славянства, с соседями мы со всеми в соре; мы не славяне, — мы монголы и ничего у нас нет общего ни с сербами, ни с русскими"¹⁷.

В этих сбивчивых и нервно-напряженных заявлениях проглядывало одно: болгарское правительство уходило от России, не обеспечившей ей желанного результата в македонском вопросе.

Началась первая мировая война.

Власти в Софии уверяли, что Болгария никогда не присоединится к лагерю, воюющему против России, и без предварительной договоренности с Петербургом не займет Македо-

нию. Однако в это верилось с трудом: в правительстве находились лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией. В этой ситуации Россия стремилась привлечь Болгарию в свой лагерь. В частности, разрабатывались планы подкупа ряда министров, включая В. Радославова. Однако союзники России предпочли отказаться и не тратить 5 млн. франков на такое рискованное предпринятие¹⁸.

Тем временем успехи немецкого оружия в 1915 г. убеждали Софию в правильности ее ставки на Германию. После оставления русскими войсками Брест-Литовска председатель Народного Собрания Болгарии послал германскому императору телеграмму с поздравлениями. В ней он несколько настырно напоминал, что "обиженная державами Болгария ожидает от германской моци ... содействия в возвращении отнятой у Болгарии территории"¹⁹.

Прогерманские настроения Софии, гонения на русских подданных, отказ от союза с Антантой – все это вынудило русского царя пойти на решительный шаг. 11 сентября 1915 г. в 21 час 37 минут он телеграфировал С. Д. Сазонову: "С крайним прискорбием уполномачиваю Вас отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульствами"²⁰. В свою очередь министр предпринял последнюю попытку "образумить" Софию. Через А. А. Савинского он извещал В. Радославова: "События, происходящие теперь в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в Военном министерстве и Штабах армии, сосредоточение войск в пограничной с Сербией области, широкая финансовая помощь, принимаемая Софийским кабинетом от наших врагов, не оставляют сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Согласия, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими как направленное и против них самих ... Представитель России ... не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть

Болгарию ... если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвёт открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия"²¹.

Ультиматум не был принят. Благо Болгарии требовало возвращения отторгнутых Сербией македонских земель. "Нам чужого не надо, но и своего не отдадим" – это изречение было известно с древних времен.

21 сентября отношения были разорваны. 6 октября в манифесте Николая II Болгарии объявлялась война.

На Балканах болгарские и сербские крестьяне, одетые в солдатские шинели, в очередной раз были брошены в патриотическую мясорубку войны. Успех сопутствовал наследникам хана Аспаруха. Желанные земли становились болгарскими. Эйфория побед настолько захватила Софию, что в феврале 1916 г. В. Радославов внес в Народное Собрание законопроект о переименовании столичного храма-памятника св. Александра Невского в собор свв. Кирилла и Мефодия. В. Радославов тогда заявил, что переименовывая храм, "мы хотим лишь ознаменовать и увековечить наступление новой национальной эры – эры освобождения Македонии"²². Этот законопроект был принят лишь "благодаря" голосам депутатов турецкой национальности, что явилось слабым утешением для России.

Однако говорить о каком-то резком всплеске антироссийских настроений нельзя. Болгарская пресса, критикуя царское правительство, в то же время писала о "наилучших чувствах" своего народа к русским братьям. Лейтмотив всех выступлений, заявлений, настроений был один – болгары не желают воевать ни с кем, даже с сербами, они только берут у них то, что принадлежит им по праву²³.

Но право на территориальную компенсацию давно не отрицалось Россией и ее союзниками. В августе 1916 г. начальник штаба Главковерха генерал М. В. Алексеев склонялся к тому, чтобы начать переговоры с Болгарией и заключить с ней тайное – от Сербии и Греции – соглашение. В нем предусматривалась передача Болгарии Македонии до р. Вардар, Каваллы и, возможно, Салоник в обмен на детронацию короля Фердинанда, отставку правительства, разрыв с Центральными державами. Однако против такого плана выступала Франция, считавшая, что переговоры могут быть начаты только по ини-

циативе Софии, поставленной на колени в результате нанесения Болгарии мощного удара²⁴.

Наступил 1917 год с его Февральской революцией. Петербург оставался верен своим союзническим обязательствам. В планах дипломатии Временного правительства разрабатывались новые варианты разрешения македонского вопроса. Это было связано с появлением в Швейцарии болгарского Комитета, который замышлял переворот в Болгарии. Его руководители соглашались на переход в стан Антанты только в случае передачи своей стране всей болгарской Македонии "в ее этнографическом смысле"²⁵.

Разрозненность информации не позволяет составить целостную картину тогдашнего состояния македонского вопроса и путей его разрешения. Революции в противоборствующих странах смешали карты. В результате поражения Центральных держав македонские земли, удерживаемые Болгарией и Сербией, вновь подверглись переделу. И здесь осталось втуне романтическое Программное обращение Македонского Революционного Комитета из далекого Петрограда (18 июня 1917 г.) о создании Балканской федеративной демократической республики, в которую входили бы: Македония, Албания, Черногория, Греция, Сербия, Болгария, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Фракия, области со смешанным населением все имели бы республиканский статус²⁶. В 1919 г. согласно решениям Парижской мирной конференции у Болгарии осталась лишь Пиринская Македония. Вардарская Македония и Струмица были присоединены к новому государству – Королевству сербов, хорватов и словенцев.

Македонский вопрос утратил свою остроту, но только на время – до начала второй мировой войны, в ходе которой Болгария вновь попыталась решить свою давнюю задачу, но поражение Германии не позволило ее осуществить. Обретение Македонией государственности в составе Федеративной Народной Республики Югославии влекло за собой превращение болгарской мечты в миф. "Третья мировая война", позволившая Македонии стать суверенным государством, кажется внушает надежду, что гордиев узел, наконец-то разрублен. Однако ничто не обладает такой устойчивостью и живучестью как миф. Ум бессилен перед чувством. И мифический узел продолжает жить в сознании...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 500. Ч. 1. Л. 361.
- ² Там же.
- ³ Там же. Д. 1319. Л. 47.
- ⁴ См.: АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). Оп. 631. 1907. Д. 64. Л. 86.
- ⁵ Там же. Д. 65. Л. 235.
- ⁶ Там же. 1906. Д. 48. Л. 126 об.–127.
- ⁷ Там же. 1907. Д. 65. Л. 68.
- ⁸ Там же. 1908. Д. 73. Л. 180; Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике ХХ века. М., 1998. С. 220–222.
- ⁹ См.: АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). Оп. 631. Д. 73. Л. 187, 188 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 174 и об.
- ¹¹ Там же. Ф. Политархив. Д. 4392. Л. 30–31.
- ¹² Цит. по: Шатилова Л. В. Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С. 190.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- ¹⁵ См.: АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 123 об.
- ¹⁶ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. Л. 194 об.
- ¹⁸ См.: Там же. Д. 3779. Л. 135 об.–136.
- ¹⁹ Там же. Д. 3772. Л. 206.
- ²⁰ Там же. Д. 3781. Л. 7.
- ²¹ Там же. Л. 15.
- ²² Там же. Д. 3779. Л. 82–83.
- ²³ См.: Там же. Л. 68–79.
- ²⁴ Там же. Д. 3792. Л. 31.
- ²⁵ Там же. Д. 3792.
- ²⁶ См.: Ристовски Б. Русско-македонские исторические связи // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 42–43.

O.H. Исаева
(Саратовский государственный университет)

МЮРЦШТЕГСКИЙ ОПЫТ "УМИРОТВОРЕНИЯ" МАКЕДОНИИ

В самом начале XX в. Македония, являвшаяся частью Османской империи, оказалась в центре региональной и европейской политики. В этом отсталом крае с многочисленным христианским населением с наибольшей силой проявился феодально-религиозный гнет султанской деспотии. Национально-освободительная борьба тесно переплеталась здесь с экспансионистскими устремлениями молодых балканских государств и затрагивала интересы великих держав, имевших свои планы в отношении этого очень важного в стратегическом отношении района. Резкое осложнение положения в Македонии, проявившееся в антитурецких выступлениях местного населения и обострившемся соперничестве соседних стран, было чревато очередной вспышкой Восточного кризиса и грозило перерасти в военный конфликт не только регионального, но и континентального масштаба.

У европейских держав, готовившихся к возможному разделу турецкого наследства, преобладало желание оттянуть решение Восточного вопроса до более благоприятного момента. Поэтому они выступали за сохранение территориального и политического статус-кво, созданного Берлинским трактатом 1878 г. И поскольку статус-кво подразумевало проведение реформ в европейских провинциях Турции, то "умиротворение" Македонии путем частичных преобразований и дипломатических демаршей стало в тот период одним из наиболее важных дел европейских политиков.

Наибольшую активность в решении македонского вопроса проявили Россия и Австро-Венгрия. Их сотрудничество на Балканах было заложено соглашением 1897 г., обязывавшим обе стороны поддерживать в регионе статус-кво и устанавлив-

вавшим определенные правила соперничества. Кульминацией этой совместной компромиссной политики стала Мюрцштегская программа реформ в Македонии, проводившаяся дипломатическими и военными представителями двух империй в течение пяти лет (1904–1908 гг.) при поддержке остальных держав. В полном объеме эта программа не была реализована, так как была прервана младотурецкой революцией, начавшейся летом 1908 г. в Македонии. В итоге вопрос об освобождении и разделе Македонии стал одной из основных причин Балканских войн 1912–1913 гг., которые, в свою очередь, явились прелюдией к первой мировой войне.

Первая практическая попытка дипломатии России и Австро-Венгрии решить македонский вопрос с помощью реформ не была обойдена вниманием историков. Оценки Мюрцштегской программы были весьма критичными: "так называемые реформы", "реформенная комедия", "бесславная и безрезультатная акция" и т.п. Отмечая несостоятельность реформ в Македонии, исследователи считали, что они отражали обычную политику империалистов по отношению к балканским странам, желание "урвать кус" на Балканах. По их мнению, вместо облегчения участия населения Македонии, эти реформы принесли ему новые беды, так как на деле служили укреплению султанской власти и привели к национальному и религиозному антагонизму¹.

Автор настоящей статьи вновь обращается к данной теме, чтобы выявить ту реальную роль, которую российская дипломатия сыграла в процессе "умиротворения" Македонии. Последнее представляет особый интерес с точки зрения давно идущего спора, что же преобладало в балканской политике царской России – корыстное желание использовать славянский вопрос в собственных интересах или православно-национальные чувства, в силу которых Россия считала себя призванной поддерживать единоверные родственные народы.

Марксистская историография начала XX в., выдержанная в духе ленинских установок об ограблении и порабощении балканских народов буржуазной Европой, связывала возникновение вооруженных конфликтов на беспокойном полуострове с соперничеством великих держав. Следует, однако, выяснить и роль местных факторов в появлении "горячих точек" на Балканах, тем более, что искры почти забытых конфликтов ярко

разгорелись в последнее время². Здесь нам представляется важным прояснить отношение к реформам македонского населения, которое, естественно, не было пассивным объектом целенаправленной преобразовательной деятельности дипломатий великих держав. Известно, что в тот период в Македонии происходили очень сложные, неоднозначные процессы, сопровождавшиеся вспышками агрессивного национализма, которые прямо влияли на ход и результаты реформ.

В основу статьи положены документы МИД России, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). В первую очередь использовались директивы царских министров В.Н. Ламздорфа и А.П. Извольского, один из которых стоял у истоков реформ в Македонии, а другой был их сторонником и продолжателем. Не меньшую важность имеют донесения тех представителей России, на плечи которых легла непосредственная разработка реформ и претворение их в жизнь, – посла в Константинополе И.А. Зиновьева и особых уполномоченных лиц, командированных в Македонию с наблюдательной и контрольной миссией. В их обстоятельных отчетах и аналитических записках, а также в сообщениях российских консулов представлена вся хроника местной жизни в процессе ее преобразования. Конечно, можно признать, что порой оценки событий в крае страдают односторонностью, а иногда эмоции берут верх над беспристрастным анализом, но это не снижает ценность этих материалов.

Оказавшись в самой гуще событий, посланцы России стали свидетелями беспрецедентной по масштабам и жестокости этноконфессиональной борьбы в Македонии, завершившейся в конце концов этнической реструктуризацией края. На их глазах здесь происходили метаморфозы с национальным самосознанием у православного населения, относившегося к различным автокефальным церквам, усиливалась степень "этничизации" славян Македонии. Констатируя колебания "этнического настроя" среди македонского населения", российские представители пытались установить и факторы их определяющие. Свидетельства этих высокопрофессиональных и многоопытных дипломатов и военных являются ценнейшим источником, способствующим приближению к достоверному изучению македонской истории.

Возникновение македонского вопроса – как составной части Восточного вопроса – обычно датируют 1878 г. Тогда, как известно, завершилась последняя русско-турецкая война и по Сан-Стефанскому миру Македония была включена в состав Болгарского княжества. Однако смелый замысел российской дипломатии создать обширное славянское государство встретил противодействие Запада, особенно Великобритании и Австро-Венгрии. Сан-Стефанский договор был заменен Берлинским трактатом, предоставившим автономию только северной части Болгарии. Юг был преобразован в автономную провинцию Османской империи, получившую название Восточной Румелии, а Македония, отторгнутая от Болгарского княжества, осталась в составе Турции в качестве провинции.

Великие державы, подписавшие Берлинский трактат, обязали Порту провести в европейских провинциях реформы местного самоуправления с тем, чтобы уравнять в правах христиан с мусульманами. Образцом для нового административного устройства должен был служить Критский "органический устав", предусматривавший известную децентрализацию и демократизацию автократической системы османского управления. Суть европейской политики состояла в частичном улучшении положения здесь немусульманского населения средствами, нормами и учреждениями турецкого государства³.

Затягивая проведение реформ, султан установил в империи с 1878 г. жесточайший режим ("зулум"), для которого были характерны чудовищный произвол и коррупция в государственном аппарате. Христианское население шести европейских вилайетов, не имевшее равенства с мусульманами перед законом, было лишено возможности в условиях тотальной централизации участвовать в местном управлении. Наиболее тяжелым было положение в полигэтничной Македонии, территории которой входили в состав Салоникского, Монастырского и частично Косовского вилайетов. Безземелье и малоземелье в сочетании с невыносимым налоговым бременем были характерными чертами социально-экономической жизни края. Наиболее обременительным был натуральный ашар (десятина), в результате откупной системы его размер доходил до одной трети урожая. Неудивительно, что с 1878 г. Македония стала очагом непрекращающейся борьбы христиан против изжив-

шей себя системы эксплуатации, против религиозного, политического и национального бесправия.

Однако суть македонского вопроса заключалась не только в стремлении к улучшению положения двух миллионов христиан, но и к удовлетворению амбиций Болгарии, Греции и Сербии, мечтавших о полном или частичном включении этого историко-географического региона в свои границы. Для обоснования своих претензий София, Афины и Белград использовали самые разные аргументы: конфессиональные, этнические, так называемое "историческое право" и т.п. Соперничеству соседних монархий благоприятствовала сложная этно-конфессиональная ситуация в крае: более половины его населения тогда – это славяне, кроме того здесь издавна жили греки, турки, албанцы, влахи и др. Православное население, преобладавшее над мусульманским, было раздроблено в церковно-административном отношении – значительная его часть подчинялась Константинопольской патриархии, проводившей эллинизаторскую политику, а остальная часть находилась под юрисдикцией Болгарской экзархии.

С целью ослабления позиций главных своих противников – греков и болгар – турецкие власти стали поддерживать в Македонии влияние сербского патриарха. В результате северо-запад края стал наиболее спорной областью между сербами и болгарами. К ней примыкало знаменитое Косово поле, часто именуемое Старой Сербией, где сильные позиции имели албанцы. Таким образом, в Македонии сошлись все мыслимые национальные и религиозные противоречия.

Церковно-административные центры православия и подчиненные им школы являлись главными проводниками влияния (пропаганды) соседних стран в крае. Понятно, что влияние Болгарии, Греции и Сербии было сильнее всего в тех районах Македонии, которые прилегали к их границам. По мере продвижения от окраин в глубь Македонии сферы их влияния перекрещивались и провести между ними какие-нибудь границы было практически невозможно.

Специфика ситуации в Македонии состояла и в том, что национальная самоидентификация населения различных районов шла крайне неравномерно. На окраинах, под воздействием внешних факторов, оно развивалось более динамично, в центральной части самосознание славянского населения было

лабильным, "размытым". Последнее неоднократно отмечали российские консулы в Монастырском вилайете. Так, по свидетельству В. Каля, местное население в силу отсутствия твердого осознания своей национальной принадлежности легко поддается влиянию пропаганды. А. Петряев сообщал, что "за исключением окраин в коренном населении Македонии нет ясно выраженного и определенного типа. Мое шестилетнее пребывание в Македонии приводит меня к заключению, что македонец носит в себе характерные черты разных национальностей более или менее ярко выраженных в зависимости от местности. Все даваемые ему названия – болгар, греков, сербов и куцовлахов – являются лишь политическими этикетками, навязываемыми ему соседними с Македонией балканскими государствами, так или иначе заинтересованными в ее судьбах"⁴.

На рубеже веков усилился процесс осознания значительной частью македонских славян своей этнической обособленности. Эта тенденция проявилась после отделения в 1878 г. Македонии от Болгарии, которое ослабило их прежние связи и предопределило новое развитие края. Хотя культурно-языковая общность обеих названных территорий продолжала сохраняться, постепенно среди славян Македонии стало формироваться понимание своей самобытности, своих особых задач в освободительном движении. Иначе говоря, специфическое развитие Македонии, усиление культурного и языкового своеобразия вело к вызреванию элементов македонской нации.

С конца XIX в. в Македонии все более усиливалось освободительное движение под руководством тайной организации, созданной в Салониках учащейся молодежью и интеллигенцией. Целью движения было достижение политico-административной автономии в рамках империи путем вооруженной борьбы партизанских отрядов против турецкой администрации и жандармерии. Чтобы подчеркнуть свою самостоятельность, непричастность к македонским комитетам, существовавшим в столицах балканских стран, создатели новой организации назвали ее Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО), а политический идеал определили как "Македония – для македонцев". К началу века край покрылся сетью местных подпольных комитетов, руководивших мо-

бильными вооруженными отрядами и собиравших средства для их содержания среди крестьянства.

Первоначально правящие круги Болгарии и Верховный комитет поддерживали ВМРО, рассчитывая на то, что достижение Македонией автономии создаст предпосылку для ее объединения с Болгарией. Затем между ними стали возникать острые разногласия. Для Афин и Белграда лозунг автономии Македонии с самого начала был неприемлем, так как там не без оснований опасались, что Македония может повторить судьбу Восточной Румелии, объединившейся в 1885 г. с Болгарским княжеством. Афины, например, больше устраивал "справедливый" раздел Македонии между заинтересованными сторонами, т.е. образование трех автономных провинций, возглавляемых тремя христианскими генерал-губернаторами. Возникновение ВМРО вызвало усиление греческой и сербской пропаганды в Македонии.

Осенью 1902 г. на северо-востоке Македонии вспыхнуло восстание, инспирированное княжеством. Только что закончившиеся Шипкинские торжества усилили ностальгию по "Сан-Стефанской Болгарии". Восстание, получившее название Горноджумайского, должно было, по замыслу верховистских чет, привести к вмешательству Европы и признанию за Македонией автономии. Хотя эта повстанческая акция была быстро и жестоко подавлена турками, весной 1903 г. ожидалось новое, более сильное восстание.

Смута в Македонии заставила Россию активизировать свою политику на Балканах. Ее положение было достаточно сложно: традиция и идеология внешней политики (поддержка единоверцев и особенно славян) предполагали деятельную защиту христианского населения Османской империи, но государственные интересы требовали сохранения сложившегося порядка. Охранительная политика царской России на Ближнем Востоке была вызвана ограниченностью ее финансово-экономических и военных возможностей, а также отвлечением ее внимания на Дальний Восток. Единственным, что могло бы решить эту двуединую задачу было, по мнению МИД, потребовать у Порты проведения преобразований в Македонии. Развитие местного самоуправления считалось простейшим и наиболее целесообразным решением македонского вопроса.

Правительство России осудило македонскую смуту, подчеркнув, что вызвана она была не турецкой действительностью, а преступными замыслами революционных комитетов. Официальный Петербург был противником предоставления Македонии автономии в любом ее варианте. Одним из препятствий на пути образования в Македонии отдельной административной единицы под главенством султана считалось отсутствие однородного в этническом отношении населения. Так министр иностранных дел Ламздорф полагал невозможным говорить о Македонии для македонцев. "Македонцев нет, — заявлял он, — есть конгломерат народностей и масса турок". Поэтому он считал необходимым добиваться "улучшения быта христианского населения Османской империи, а не македонцев, в сущности как отдельная нация вовсе не существующих"⁵.

Посетив в декабре 1902 г. Софию и Белград, Ламздорф ясно дал понять, что Россия не заинтересована в вооруженном конфликте на Балканах и поэтому не потерпит революционной агитации комитетов. Одновременно он заявил о неизменной готовности России защищать духовные и жизненные ценности христианского населения Турции. Беженцам из Македонии, нашедшим приют в Болгарии, от имени императора было передано 10 тыс. рублей, такую же сумму получили церкви Сербского королевства и Старой Сербии.

В то же самое время посол России в Турции Зиновьев представил Порте план "улучшения быта православного населения Македонии", который основывался на проекте реформ, разработанном константинопольской конференцией в январе 1897 г., но не получившем хода из-за греко-турецкой войны. Этот план сводился к упорядочению личного состава администрации и жандармерии, допуску туда местных христиан⁶. Настойчиво рекомендуя Порте провести эти преобразования, Зиновьев в качестве одного из аргументов указывал на то, что своевременное проведение реформ в Македонии избавило бы Османскую империю от вмешательства в македонские дела европейских держав. Прямыми следствием настоящий России было появление в декабре 1902 г. указа султана о некоторых изменениях устройства Салоникского, Монастырского и Коносовского вилайетов. В частности, предусматривалось учреж-

дение должности генерального инспектора трех вилайетов для надзора за турецкой администрацией.

Австро-Венгрия выразила желание присоединиться к усилиям России в решении македонского вопроса. В самом конце 1902 г., покинув столицы балканских государств, Ламздорф отправился в Вену, имея поручение императора согласовать с австрийской дипломатией дальнейшие действия. Во время встречи Ламздорфа с его австрийским коллегой А. Голуховским была достигнута договоренность об "общем умиротворении славянских народностей и противодействии революционным замыслам комитетов"⁷. Послы двух империй в Константинополе получили задание разработать проект реформ для Македонии и установить контроль над их осуществлением. Оба министра условились употреблять в совместных сообщениях вместо определения "Македония" выражение "три турецких вилайета". Тем самым они хотели подчеркнуть свою приверженность политическому статус-кво, административному делению Европейской Турции и выразить свое отрицательное отношение к возможности создания нового образования, не предусмотренного Берлинским трактатом.

Фундаментального обсуждения македонского вопроса не было, вследствие чего у Ламздорфа отсутствовало четкое представление о будущих преобразованиях в Македонии. Вернувшись из Вены, он, по словам военного министра А. Куропаткина, и сам еще хорошо не знал, что нужно требовать для Македонии. "На мои вопросы, — отмечал Куропаткин в своем дневнике, — он отвечал довольно неопределенно, что будет турецкий комиссар, что прекратят обирание народа, установив контроль над приходной и расходной сметами. Что контроль этот будут иметь русские и австрийцы через своих послов"⁸. Отсутствие ясной концепции решения македонского вопроса и четкого плана действий негативным образом сказалось затем в ходе реформ⁹.

Проект реформ, разработанный Зиновьевым и послом Австро-Венгрии в Турции Г. Каличе, после одобрения державами в феврале 1903 г. был представлен султану. Порта, назначив Хильми-пашу генеральным инспектором трех вилайетов, другие обязательства выполнять не спешила. Даже официальные объявления о начале реформ в Македонии умалчивали о самых существенных мерах, выработанных послами, — обя-

зательстве наполовину замещать христианами должности в административных и судебных органах, сборе налогов организациями общинного самоуправления, а не откупщиками. Эта недобросовестность турецких властей вызвала протест российских консулов.

Известие о начале реформ встретило значительное сопротивление в крае: мусульмане опасались потерять свое привилегированное положение в результате их осуществления, а часть христиан считала их явно недостаточными. Руководство болгарско-македонских комитетов с целью ускорения европейского вмешательства и радикального решения македонского вопроса приняло решение о проведении весной 1903 г. серии террористических актов в Салониках, а на лето запланировало вооруженное восстание. Центром его подготовки был избран Монастырский вилайет. По подсчетам российского консула А.А. Ростковского, только местных повстанцев в этом вилайете было около 3 тыс. и несколько тысяч ожидались из Болгарии. Руководители комитетов с целью привлечения населения к повстанческому движению стали распространять ложные слухи о том, что Россия сочувствует ему и обещает военную помощь.

Российское посольство в Константинополе обязало своих консулов строго осудить подобные действия революционеров и разъяснить населению позицию России, четко и ясно изложенную в правительственном сообщении от 12 февраля 1903 г. Там говорилось, что "Россия не пожертвует ни единой каплей крови своих сынов, ни самой малейшей долей достояния русского народа в случае попытки изменить существующий строй Балканского полуострова революционными и насилиственными средствами"¹⁰. Заявления российских дипломатов были встречены руководством комитетов с крайним неудовольствием. Они либо скрывали их, либо развязывали против русских консулов яростную кампанию, не останавливаясь перед клеветой и угрозами.

Важно отметить, что отношение революционеров к австро-венгерским консулам в Македонии было принципиально иным. По мнению Ростковского, это объяснялось тем, что его австрийские соратники недостаточно энергично убеждали христиан воздерживаться от участия в революционном движении. Отмечая оживленные контакты местного комитета

ВМРО с его австрийским коллегой, Ростковский сообщал, что последний расспросами жителей Монастыршины старался выяснить их отношение к возможной оккупации македонских земель войсками Австро-Венгрии¹¹.

Донесения Ростковского не были единственным свидетельством нарушения Габсбургской монархией договоренности с Россией о поддержании статус-кво на Балканах. Все российские представители извещали Петербург, что венский кабинет проводит двуличную политику, способствовавшую эскалации напряженности и усилению собственных позиций в регионе. Закрепившись в Боснии и Герцеговине путем временной оккупации, Вена строила планы подчинения подобным же образом и Македонии. По информации агентов, центр австрийских происков находился в Старой Сербии. Исходя из стратегических соображений, Вена не хотела допустить усиления в этом регионе сербского элемента и поэтому втайне потворствовала волнениям албанцев, вспыхнувшим в Косовском вилайете в марте 1903 г.¹²

Во время беспорядков в Старой Сербии, часто выливавшихся в избиение албанцами местных славян, от руки албанского фанатика погиб российский консул Г. Щербина. Это была первая, но не последняя потеря отечественной дипломатии в Македонии. В конце июля 1903 г. турецким солдатом был убит Ростковский. Гибель второго консула совпала с началом вооруженного восстания населения Македонии против турецкого гнeta. Это восстание, вошедшее в историю под названием Илинденского, до крайности обострило македонскую проблему. После его жестокого подавления более двухсот сел было сожжено войсками, количество убитых исчислялось несколькими тысячами и десятки тысяч македонцев превратились в беженцев и эмигрантов.

Петербург основную вину за резкое обострение положения в Македонии возложил на революционные комитеты, блокировавшие февральскую программу реформ, и Порту, чинившую всяческие проволочки ее осуществлению. Для придания весомости своим требованиям навести порядок в Македонии и наказать виновных в гибели Ростковского Россия провела кратковременную морскую демонстрацию нескольких кораблей Черноморской эскадры у берегов Босфора. В то же время стало ясно, что февральская программа реформ не отвечает

сложившейся обстановке в Македонии. Один из ее авторов, Зиновьев, в разгар Илинденского восстания писал в Петербург: "Ввиду настоящего положения дел не может быть и речи о реформах в том виде, как они были спроектированы. Сосредоточивать наши усилия на массовой смене второстепенных турецких чиновников, которых невозможно заменить лучшими, совершенно бесполезно и даже вредно"¹³. Поэтому было решено дополнить февральскую программу новыми условиями, которые Турция должна была осуществлять под более действенным контролем России и Австро-Венгрии.

Расширенная программа реформ была согласована осенью 1903 г. в Мюрцштеге во время визита Николая II к Францу Иосифу при участии Ламздорфа и Голуховского. Она была оформлена в виде тождественной инструкции послам России и Австро-Венгрии в Константинополе. Первый ее пункт утверждал должности двух особых уполномоченных лиц, представлявших Россию и Австро-Венгрию и получивших название гражданских агентов. В их обязанности входило "повсюду сопровождать главного инспектора, обращать его внимание на злоупотребления местных властей, передавать соответствующие представления послов в Константинополе и доносить своим правительствам обо всем происходящем в стране". Полномочия гражданских агентов должны были прекратиться через два года одновременно с окончанием срока службы генерального инспектора трех вилайетов.

Во втором пункте Мюрцштегской программы декларировалась необходимость реорганизации турецкой жандармерии и полиции под руководством военных чинов великих держав. Иностранные офицеры должны были получить в подчинение отдельные районы Македонии и действовать там как контролеры, инструкторы, организаторы. Третий пункт содержал требование "изменить территориальное разграничение административных единиц в видах более правильной группировки народностей". Реализация этого предложения предполагалась после "умиротворения страны". Четвертый пункт требовал преобразования административных и судебных инстанций с допуском туда местных христиан. В соответствии с пятым и шестым пунктами предусматривалось создание смешанных комиссий из христиан и мусульман для расследования преступлений, совершенных во время смуты, и распределения

пособий среди пострадавшего населения. Контроль за осуществлением указанных мер возлагался на консулов России и Австро-Венгрии. Пункт седьмой освобождал сожженные турецкими войсками христианские селения от уплаты налогов в течение года. Пункт восьмой обязывал Порту проводить без изменений не только реформы, упомянутые в февральской программе, но и те, которые державы разработают впоследствии. И последний, девятый, пункт предусматривал роспуск резервных и нерегулярных воинских формирований в Македонии¹⁴.

Мюрцштегская программа реформ была принята султаном в ноябре 1903 г. после нескольких энергичных настояний послов России и Австро-Венгрии. Ее практическое осуществление началось в январе 1904 г. после приезда в Салоники двух гражданских агентов и двадцати пяти иностранных офицеров, принятых на турецкую службу для реорганизации местной жандармерии и полиции. Их деятельность на первых порах дала видимые результаты. Была проведена амнистия, благодаря которой свободу получили более двух тысяч человек. Вернулись в родные места шесть тысяч беженцев. В ряде сел Салоникского вилайета стала применяться новая система взимания десятины. Жандармы, ранее выполнявшие роль слуг у чиновников, с введением французского устава стали выполнять обязанности, свойственные провинциальной и сельской полиции и органов предварительного судебного дознания. Их состав стал обновляться, они стали аккуратно получать повышенное жалованье. Это привело к сокращению злоупотреблений с их стороны и открыло доступ в жандармерию местным христианам. Болгарско-македонские комитеты, в ожидании результатов преобразований, заявили о своем отказе от организации нового восстания. Таким образом уже летом 1904 г. в Македонии установилось относительное спокойствие.

Население Македонии в первое время было уверено в том, что Мюрцштегское соглашение является замаскированным устранением турецкой власти и что Россия совместно с Австро-Венгрией возьмет все управление в свои руки. Но вскоре выяснилось, что посланцы обеих империй обладают лишь наблюдательной и контрольной функциями. К тому же, встретив на всех уровнях глухое сопротивление турецкой администрации, они не располагали какими-либо средствами прину-

ждения и действительного контроля над действиями властей в отношении христианского населения. Ограниченные полномочия и низкая эффективность действий органов иностранного контроля вызвали у местного населения разочарование. "Часть населения Македонии, — отмечал в своем отчете генерал-майор Ф.А. Шостак, — стала отвергать Мюрштегскую программу как не отвечающую желанию совершенно изменить образ правления в стране"¹⁵. ВМРО с 1905 г. стала дискредитировать Мюрштегскую программу, призывать население к пассивному сопротивлению реформам, гражданских агентов предлагалось игнорировать и все жалобы направлять консулам¹⁶. Тем не менее значительная часть православного населения связывала свои надежды на улучшение положения с деятельностью иностранных представителей, и в первую очередь — российских. Последние получали огромное количество жалоб и петиций, у них искали поддержки против произвола властей.

К новым порядкам, установившимся в Македонии в период проведения реформ, по-разному относились и в мусульманской среде. По сообщению Петряева, "крупные землевладельцы, державшие до сих пор в своих руках всю местную администрацию и бедный люд, живший милостями богатых беев, — недовольны установлением контроля. Люди среднего достатка, земледельцы-селяне считают свои интересы тождественными с интересами христианского населения и поэтому в ведении новых порядков видят ограждение себя от своеобразия и необузданности крупных землевладельцев"¹⁷.

Свою главную задачу гражданские агенты видели в подготовке почвы для выполнения программы реформ, в "замирении возбужденного населения". На первом совместном заседании Н. Демерик и его австрийский коллега Г. Мюллер заявили Хильми-паше, что параллельно с работой над реформами, которая имеет "характер скорее теоретических изысканий" они будут требовать полного внимания к частным жалобам. Повышенный интерес к последним объяснялся желанием познакомиться с местными условиями, которые должны были учитываться при проведении реформ.

Делая упор на своей посреднической деятельности между турецкой администрацией и христианским населением, гражданские агенты стремились утвердить и·возвысить влияние

представляемых ими держав. Патерналистский подход к решаемой ими задаче, тесно связанный с традициями прошлого, хорошо виден в следующем рассуждении Демерика: "Реформы – реформами, когда-то еще они осуществляются настолько, чтобы стать понятными и осязательными для каждого македонца, преимущественно селянина, в его медвежьем углу. Для него ближе и дороже уложение его собственных дел и такого рода деятельность агентов ему понятнее, чем забота об изменениях общих условий государственного режима страны. Он поймет, что истые радетели о нем не комитаджии, требующие от него крови и разорения, а две Державы, взявшиеся за улучшение уклада его жизни, обеспечения ему человеческого достояния путем действительного контроля над действиями его природных управителей-тиранов"¹⁸.

Охранительная политика России и Австро-Венгрии на Балканах, их совместные действия по совершенствованию турецких порядков в Македонии вызывали противоречивые мнения в российском обществе. Если часть общества, включая консервативную правящую элиту, считала Мюрцштегское соглашение разумным базисом здравой восточной политики, то другая, либеральная его часть, критиковала это соглашение за отказ России от своей преобладающей роли и свободы действий на Балканском полуострове.

Наибольшей критике Мюрцштегское соглашение подверглось со стороны А.А. Гирса, заменившего весной 1904 г. заболевшего Демерика. В своих донесениях, отправляемых в Константинополь и Петербург, он писал: "Мы взялись за дело неосуществимое и несогласованное с нашими существенными интересами на Балканском полуострове. Мы вступили на новый, для нас тернистый путь упорядочения турецкой администрации и укрепления турецкой власти над христианскими областями, путь, от которого доселе мы тщательно откращивались". Правильное, "коренное" решение македонского вопроса Гирс видел в признании права на существование за болгарским национальным движением в Македонии, руководимым Верховным комитетом и "прямом содействии надеждам болгар в пределах нами указанных и нам выгодных"¹⁹. Высказываемая Гирсом критика реформ в Македонии была признана руководством МИД несовместимой с его обязанностями гражданского агента, а предлагаемое им юридическое

признание болгарских повстанцев было взрывоопасным²⁰. В сентябре 1904 г. в Салоники вернулся Демерик и вновь стал выполнять обязанности гражданского агента.

Осуществление жандармской реформы и других преобразований, намеченных Мюрцштегской программой, упиралось в нехватку денежных средств. Поэтому российский МИД летом 1904 г. поручил Зиновьеву разработать реформу финансового управления трех подконтрольных вилайетов. Ввиду особой сложности проблемы, затрагивавшей к тому же интересы великих держав, Зиновьев предложил привлечь их представителей к активному участию в задуманном преобразовании. После долгого согласования всех вопросов в конце 1905 г. появился еще один орган иностранного контроля в Македонии – Финансовая комиссия, состоявшая из представителей России, Австро-Венгрии, Великобритании, Франции, Германии и Италии. Ее появление завершило создание системы ограниченного административно-финансового контроля в крае, установленного великими державами при руководящей роли России и Австро-Венгрии.

Следует подчеркнуть, что именно Россия была инициатором привлечения к русско-австрийскому сотрудничеству в македонском вопросе остальных держав, участвовавших в подписании Берлинского трактата. Идея организации своего рода коллективной ответственности великих держав, от имени которых Россия и Австро-Венгрия брались за введение необходимых реформ и обеспечение порядка в Македонии, возникла еще в 1903 г. в условиях разгорающегося Илинденского восстания. Российский МИД рассчитывал таким образом возложить на остальные державы "долю ответственности за крайний оборот событий" и устраниТЬ "весь вред, причиняемый русско-австрийскому воздействию державами, остающимися "безответственными" зрителями происходящих событий". Ламздорф особо выделял Германию, "противившуюся согласному образу действий России и Австро-Венгрии". В Берлине, полагал он, "конечно, предпочитали бы единоличное вмешательство России в балканскую смуту, которая, по расчетам немцев, должна была как и в 1878 г. втянуть Россию в войну с Турцией"²¹.

Сложность решаемых проблем и стремление активизировать процесс реформ в Македонии заставили Россию продол-

жить линию на расширение участия держав в македонском вопросе и в последующий период. Представители шести держав принимали участие в реорганизации жандармерии и налаживании экономической жизни края. Коллективными дипломатическими демаршами, которые часто подкреплялись демонстрацией военно-морских сил, великие державы добивались от Порты принятия нужных им решений, например, признания Финансовой комиссии или продления сроков полномочий органов европейского контроля над македонскими вилайетами.

Финансирование органов иностранного контроля в Македонии шло, главным образом, за счет государств их сформировавших. Так Россия и Австро-Венгрия содержали своих гражданских агентов и финансовых делегатов, а также выплачивали надбавки к жалованью русских и австрийских офицеров, участвовавших в реорганизации жандармерии. Предложение Порты в 1907 г. принять на турецкую службу гражданских агентов и членов Финансовой комиссии были отвергнуты Петербургом и Веной. Зиновьев заявил, что хотя бы номинальная зависимость от турецкого правительства европейских агентов неизбежно уронила бы их в глазах населения²².

Общий ход реформ в Македонии и работа органов иностранного контроля страдали от явного несовпадения интересов великих держав. Австро-Венгрия, например, оглядываясь на Германию, готовила почву для сделки с Османской империей и поэтому придавала своей работе с реформами более формальный характер, чем Россия. Вена выступала за "половинные реформы" за ограничение вмешательства остальных держав, в первую очередь Великобритании, предлагавшей наиболее радикальные проекты преобразований в Македонии. Когда между Петербургом и Веной началось обсуждение самой существенной части Мюрцштегской программы – судебной реформы, новый австро-венгерский министр иностранных дел Л. Эренталь настаивал на том, чтобы она шла исключительно под австро-русским контролем и чтобы все державы знали, что речь идет не о фундаментальном изменении существующих институтов, а об улучшении нынешнего судебного строя и контроля над ним²³. Российская сторона, разработавшая достаточно радикальный вариант судебных преобразований,

была вынуждена долго согласовывать его с Веной, но и этот компромиссный вариант так и не был принят Портой, весьма умело игравшей на противоречиях между державами.

Итальянский генерал Дегеоргис, возглавивший жандармерию трех вилайетов, сделал попытку захватить руководство жандармской реформой и ограничить ее рамками, выгодными Риму. Италия, мало заинтересованная в реформах, по мнению Зиновьева, на свое участие в них смотрела как на средство упрочения своего преобладания в восточной части Адриатического побережья. Традиционное австро-итальянское соперничество в этом регионе проявилось в том, что Дегеоргис направил своих инструкторов в районы, населенные албанцами, хотя они по настоянию Вены были исключены из сферы применения Мюрцштегских реформ. Протесты русской стороны вызвали распоряжение генерала, запрещающее офицерам принимать жалобы от местного населения. Зиновьев и Каличе расценили эти действия Дегеоргиса как стремление подорвать влияние России и Австро-Венгрии в крае. А сопротивление генерала увеличению числа иностранных офицеров в македонской жандармерии привело к разбирательству на уровне послов в Константинополе, завершившемуся удвоением состава инструкторов²⁴.

Трения между представителями держав возникали и в Финансовой комиссии. Так, при разработке финансового регламента для трех вилайетов делегаты Великобритании и Италии сделали попытку установить полную опеку над Македонией, ввести "самый назойливый контроль", что, по словам Демерика, привело бы "к упразднению всякой самостоятельности, если не самого строя турецкого управления". Демерику, выступившему, по его собственному признанию, "в неподобающей роли турецкого адвоката" удалось добиться приемлемого для всех сторон регламента Финансовой комиссии²⁵.

Свою главную задачу Финансовая комиссия видела в упорядочении македонского бюджета. Порта, пользуясь случаем, поставила перед делегатами вопрос о повышении на 3% ввозной пошлины. На согласованное решение этого вопроса, создававшего материальную базу для реформ в Македонии, ушло почти полтора года. Только в апреле 1907 г. был подписан окончательный протокол о действии 3% таможенной надбавки до 12 июля 1914 г. и о поступлении 75% дополнительных

доходов султанской казны на нужды македонских вилайетов. Реформаторы большое значение придавали новому способу взимания ашара, который с лета 1904 г. стал постепенно распространяться в крае. Система откупа ашара заменялась уплатой правительственным сборщикам земельного налога, равного среднему сбору десятины за последние пять лет. Результатом нововведения явилось повышение благосостояния христианских селений. Однако Администрация Оттоманского долга, состоявшая из представителей Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии, выступила против этого начинания, ущемлявшего ее интересы. Собирая значительную часть доходов Османской империи, она имела право десятичного сбора во всех казах Салоникского и некоторых казах Монастырского вилайетов в качестве километрической гарантии. Под давлением этой могущественной организации Финансовая комиссия отказалась летом 1907 г. от новой системы взимания ашара в указанных районах²⁶.

Не только противоположные интересы великих держав и косные турецкие порядки мешали преобразованиям в Македонии, наиболее сильным препятствием оказалось усиление этноконфессиональной напряженности, переросшей с 1904 г. в настоящую междуусобную войну христианских народов. Хотя этот процесс имел очень сложную природу и стимулировался политикой соседних стран, следует признать, что в какой-то мере ему способствовало крайне неудачное и по форме, и по сути предложение России и Австро-Венгрии провести административно-территориальную реформу с учетом расселения национальностей. Такое предложение, зафиксированное в третьем пункте Миорцштегской программы, преследовало цель ввести церковно-школьные споры, имевшие место среди православного населения Македонии, в относительно приемлемые рамки и провести разграничение населения по этноконфессиональному признаку организованным способом. Авторы данного предложения не учли того, что тенденция к размежеванию всегда приводит к ожесточенным конфликтам, перерастающим в военные столкновения, поощряет жестокое соперничество между этническими группами. Поэтому эта первая, весьма самонадеянная попытка национально-территориального размежевания в условиях Османской империи вылилась в кровопролитную войну.

Афины, София и Белград истолковали третий пункт Мюрцштегской программы весьма расширительно, в том смысле, что предполагается раздел Македонии по этнографическим границам и, следовательно, каждая заинтересованная сторона должна закрепить за собой по возможности более обширные территории. В Греции, Болгарии, Сербии и в самой Македонии развернулось формирование вооруженных отрядов, предназначенные для борьбы за расширение сфер влияния. Отряды, засылаемые извне, обычно возглавлялись кадровыми офицерами, а четы, формируемые на месте, нередко возглавлялись священниками и учителями. Роль организаторов вооруженной борьбы в Македонии выполняли официальные представители балканских стран: консулы, торговые агенты. Силовая конфронтация в Македонии была точным отражением межбалканского соперничества. В борьбу активно вмешалась и ВМРО, но теперь свою деятельность она направила всецело против пропаганды соседних государств. Таким образом, Македония была охвачена стихией сепаратизма, принимавшего то форму ирредентизма, то национально-освободительной борьбы.

Российские дипломаты уже с начала 1904 г. стали сообщать о деятельности "разноплеменных шаек" и "остатков повстанческих банд", подчеркивая, что все они свернули свою борьбу с турецкими властями и начали путем угроз и насилий увеличивать численность отдельных групп населения по этно-конфессиональному признаку. Наиболее ожесточенная борьба развернулась в центре Македонии – в районах спорного влияния. Готовясь к будущему разграничению Македонии, болгарские четы принуждали патриархистов переходить под юрисдикцию Болгарской экзархии, а греческие отряды, в свою очередь, обрушились на экзархистов. Основная борьба развернулась между греками и болгарами, но в ней приняла участие и сербская сторона. Села со смешанным населением под угрозой расправы были вынуждены подавать властям прошение о признании их то патриархийскими, то экзархийскими. Были случаи, когда мятечные селения сжигались, а их жители вырезались.

Россия совместно с Австро-Венгрией тщетно пыталась погасить истребительную войну христианских народов. С этой целью было введено правило сохранения церковно-школьного

статуса 1903 г., в силу которого переход из патриархистов в экзархисты и обратно был приостановлен, часть спорных церквей была закрыта, а в других было установлено поочередное служение. Но кровавая перетасовка между патриархистами и экзархистами продолжалась, и гражданские агентства были завалены делами о правах владений спорными церквями и школами. В этих условиях вопросы о свободе совершения богослужения и преподавания в школах на местных языках оставались нерешенными.

Греческие отряды, косвенно поощряемые турецкими властями, действовали более успешно, чем болгарские, обескровленные Илинденским восстанием. Неоднократные обращения российских представителей к греческому правительству привели лишь к изменению тактики последнего: переброска отрядов в Македонию прекратилась, но взамен Афины сделали ставку на усиление боевой организации в крае. Полное прекращение кровопролития в Македонии греческое руководство направляло с реализацией третьего пункта Мюрштегской программы, т.е. с созданием мононациональных окружков путем перемещения населения.

Своего апогея междуусобная борьба в Македонии достигла в период проведения переписи населения, начавшейся осенью 1905 г. с целью установления истинного соотношения различных религий и народностей. Повсеместно распространялось мнение, что результаты переписи будут иметь политическое значение, что именно ими Россия и Австро-Венгрия будут руководствоваться при разграничении края согласно третьему пункту Мюрштегской программы. Число преступлений, совершенных в Македонии, резко выросло. По отчету Демерика, в 1906 г. было убито и ранено 3457 лиц, треть преступлений была совершена неизвестными, а остальные поровну делились между экзархистами и патриархистами. Сообщалось, что враждующие стороны начали вербовать себе наемников из мусульман. Завершала отчет безрадостная картина македонской действительности, нарисованная Демериком: "Пуля, нож, поджог и новомодная бомба, а, с другой стороны, доносы властям, угрожающие письма и взаимное бойкотирование по городам и селам получают все больший ход между христианами-соперниками. Среди этой смуты, поддерживающей самими христианами, меркнет обычное представление о

македонце-страдальце, изнывающем от турецких насилий и все рельефнее выступает современный тип разнужданного уголовника, требующего прежде всего обуздания"²⁷.

Междоусобная борьба христианского населения Македонии создала очень трудную политico-психологическую ситуацию для представителей России, прибывших с миссией защиты единоверцев от турецкого произвола и насилия. Демерик писал в МИД о том, что он не может настаивать перед Хильми-пашой на массовых арестах христиан, заподозренных в оказании помощи вооруженным отрядам отчасти потому, что селяне помогают четам иногда не по доброй воле, а по принуждению, отчасти же потому, что гражданское агентство вообще избегает поощрения христиан²⁸. Постоянные попытки враждующих сторон втянуть в свою борьбу представителей России заставляли их дистанцироваться от "межплеменных раздоров" и ожидать того момента, когда "сами христиане поймут наконец все безрассудство братоубийственной междоусобицы".

Вопрос о положении в Македонии был рассмотрен министрами иностранных дел России и Австро-Венгрии во время их встречи в Вене в конце лета 1907 г. Эренталь, высказав мнение, что кровавое соперничество христианских народов в крае вызвано неправильным пониманием третьего пункта Миорцштегской программы, предложил Извольскому публично разъяснить его в рамках идентичных инструкций гражданским агентам. Инициатива Эренталя вызвала протест видных российских дипломатов, считавших третий пункт программы ошибкой и полагавших, что лучше вообще не напоминать балканским народам о его существовании. Так как Извольский склонялся в пользу совместного с Веной демарша для укрепления взаимного согласия, Зиновьев настоял на том, чтобы вместо инструкции гражданским агентам в столицы балканских государств были направлены соответствующие представления со строгим предписанием пресечь формирование банд на их территории.

В середине 1907 г. Афины, София и Белград получили тождественную русско-австрийскую ноту с требованием прекратить раздувание междоусобной войны в Македонии. Особо строгие предупреждения были сделаны греческому правительству. Разъяснения третьего пункта Миорцштегской про-

граммы, содержавшиеся в ноте и повторявшие текст проекта австрийской инструкции, поражали своей противоречивостью и путанностью. Если первый пункт разъяснений напоминал, что изменение территориального размежевания отдельных народностей может быть рекомендовано Порте только после прочного умиротворения страны, то второй пункт опровергал намерение держав разделить край на национальные секторы: "Державы никогда не хотели создания в Македонии национальных областей, а лишь незначительных изменений для облегчения работы местных властей". Третий пункт указывал, что "разграничение это будет основано на принципе *status quo ante*"²⁹. Нота вызвала новый всплеск толкований в столицах балканских государств и продолжение усобицы.

Инициатива Вены по "восстановлению точного смысла третьего пункта Мюрцштегской программы", по сути дела подлившая масла в огонь балканских противоречий, была, по мнению Зиновьева, еще одним свидетельством неискренности австрийской политики. Действительно, многое указывало на то, что Россия и Австро-Венгрия при проведении реформ преследовали различные, даже противоположные цели. Россия в пределах возможного заботилась о нормализации жизни в крае, а Австрия все больше обнаруживала желание поддерживать смуту в македонских вилайетах и показать миру, что Македония вследствие противоположных интересов населяющих ее народностей неспособна к самоуправлению и нуждается в ее опеке. Стремясь использовать ослабление России после ее неудачной войны на Дальнем Востоке, Австро-Венгрия стала наращивать свою экспансию в юго-восточном направлении. В конце 1907 г. Австро-Венгрия отказалась поддержать согласованный ранее с Россией проект судебной реформы в Македонии. В начале 1908 г. Вена обнародовала план предстоящего строительства железной дороги через Старую Сербию, которая должна была связать Сараево с Салониками. Выдвижение этого проекта означало отход Вены от политики совместного поддержания статус-кво на Балканах в целом и в Македонии в частности, зафиксированной в соглашениях 1897 г. и 1903 г., а его осуществление предрешало переход Македонии под безраздельное австрийское господство.

В этих условиях Петербург пошел на сближение с Лондоном, давно уже выдвигавшим радикальные планы решения македонского вопроса. В марте 1908 г. Великобритания предложила России учредить в Македонии должность несменяемого генерал-губернатора, ответственного не перед Портой, а перед великими державами, и уменьшить численность турецких войск в крае. Россия выдвинула более умеренный план, предлагая замену русско-австрийского контроля над Македонией многосторонним, но без фактического отторжения области от Турции. Он предусматривал расширение полномочий генерального инспектора и Финансовой комиссии, уравнение в правах гражданских агентов и финансовых делегатов. В установлении коллективной опеки над Македонией Россия видела возможность предотвращения упрочения позиций австро-германской группировки в этом регионе. Новая программа реформ, нацеленная на усиление иностранного контроля в Македонии, была согласована летом 1908 г. во время встречи в Ревеле Николая II с Эдуардом VII.

Угроза расширения европейского вмешательства во внутренние дела Османской империи и отторжения Македонии явилась одной из причин государственного переворота, вошедшего в историю под названием младотурецкой революции. Она началась летом 1908 г. в Македонии, где на многочисленных митингах "от имени народа и армии" было провозглашено восстановление конституции 1876 г. Султан был вынужден подписать указ о созыве парламента. Режим "зулюм" был ликвидирован и в ожидании дальнейших перемен все враждующие стороны прекратили свою борьбу.

Известно, что младотурецкая революция не решила многих насущных проблем, ее лидеры не были единодушными в вопросе изменения политической структуры империи, а именно предоставления автономии угнетенным народам. Последовавший вскоре поворот младотурецких правителей к великодержавному гегемонизму и форсированию "османизма" окончательно оттолкнул от режима нетурецкие народы империи. ВМРО, помогавшая младотуркам и летом 1908 г., и при подавлении контрреволюционного мятежа весной 1909 г., возобновила вооруженную борьбу против властей. В своем обращении к великим державам, разосланном консулам в македонских вилайетах, она выразила сожаление по поводу их

отказа от политики реформ в Македонии и заявила о твердом решении бороться за автономию края под лозунгом "Свобода или смерть"³⁰.

События, развернувшиеся в Турции во второй половине 1908 г., приостановили действие Мюрцштегской программы: начался распад всего механизма контроля в Македонии, а затем последовало и свертывание всех реформ в крае. Ревельская программа, так и оставшаяся на бумаге, завершила поиски путей реформирования македонских вилайетов. Следует отметить, что Австро-Венгрия уже в августе 1908 г. отозвала своих офицеров-инструкторов, выступив инициатором ликвидации системы европейского контроля в Македонии, а через год первая упразднила должность своего гражданского агента. 1 сентября 1909 г., не имея возможности нормально работать, прекратила свою деятельность Финансовая комиссия и вместе с ней завершил свою работу и российский гражданский агент. С этого времени в Македонии восстанавливается обычный консульский строй, существовавший там до Мюрцштегского соглашения.

Мюрцштегское соглашение, наметившее ряд практических преобразований в Македонии, было нацелено на стабилизацию положения в регионе путем нормализации жизни христианского населения македонских вилайетов. Есть все основания считать, что русско-австрийский контроль предотвратил вооруженные столкновения различных групп населения, которые могли достичь высокого уровня интенсивности и перерасти в масштабный военный конфликт с участием всех соседних стран. Поэтому совместные действия России и Австро-Венгрии в рамках соглашения 1903 г. можно определить как начало конструктивной интернационализации македонского вопроса. Дипломатические службы этих держав активно использовали механизм двухсторонних встреч и консультаций, в ходе которых вырабатывался общий подход, находивший отражение в идентичных инструкциях их представителям в регионе. Усилиями обеих сторон были созданы специальные органы административно-финансового контроля над македонскими вилайетами с участием остальных великих держав.

Представляется очевидным, что действия российской дипломатии в решении македонского вопроса начала XX в. не вписываются в расхожую схему мнений о реакционном само-

цергавии, использовавшем славян для реализации собственных великодержавных проектов. Не хотелось бы, однако, впадать и в другую крайность — противопоставлять благотворные действия России злым козням других держав, той же Австро-Венгрии. Признавая естественным наличие у каждой из названных держав собственных геополитических интересов на Балканах, важно выяснить, какую же политику они проводили для достижения своих целей — нагнетания напряженности и провоцирования конфликтов или поддержания стабильности в регионе. В политике Вены, как известно, первая тенденция взяла верх над второй, что свело на нет в конце концов миротворческие усилия обеих империй.

Еще сложнее обстоит дело с оценкой реформ в Македонии, предпринятых по инициативе России и Австро-Венгрии. Практически всеми они оценивались весьма критически. Извольский, выступая 4 апреля 1908 г. в Государственной Думе, заявил, что до сих пор все еще не достигнуто ничего положительного и окончательного в положении македонских христиан и не сделано нового крупного шага по пути осуществления реформ в Македонии³¹.

Анализируя причины неудачи реформ следует, конечно, поставить вопрос о достаточности, адекватности предлагаемых державами мер. Очевидно, что в условиях "зулюма" совершенствование турецких властных структур и полиции, как и контроль за ними не могли существенно улучшить положение христиан и поэтому усилия реформаторов оказались в основном бесплодными. Османская империя нуждалась в радикальной трансформации, которая способствовала переходу от средневековья к современным экономическим, правовым и политическим формам общественного существования, что, естественно, не входило и не могло входить в задачу реформаторов. В то же время не надо забывать, что именно Македония стала колыбелью младотурецкой революции, покончившей с султанской деспотией и восстановившей конституционные порядки.

Представляется, что Мюрщтегская программа, при всей ее ограниченности, открывала перспективу разрешения конфликта между турецкими властями и христианским населением. Во всяком случае, впервые за четверть века с того момента, когда заговорили о реформах в Македонии, в ней прекра-

тились систематические преследования турками местных христиан и стали происходить видимые изменения в положении последних. Следует подчеркнуть, что важным фактором деятельности европейской дипломатии, и в первую очередь российской, были всеобщие принципы гуманности, защита личности и его достоинства.

Отмечая ограниченность и несовершенство реформ, особенно в части регулирования национальных отношений, необходимо указать на сложность задачи, с которой столкнулись российская и австро-венгерская дипломатия. События в Македонии начала XX в. были многомерными, в них переплетались разнообразные противоречия и конфликты. Они были вызваны не только политикой Османской империи, отсталые порядки и жестокий гнет в которой оказались в непримириимом противоречии с жизненными устремлениями порабощенных народов. В македонских событиях того времени проявился и естественный, адаптационный кризис тех социоэтнических групп, которые с огромным трудом преодолевали проблемы совместимости в процессе образования наций. Их направленность на национально-территориальное размежевание приводила к кровопролитию, принявшему хронический характер.

Сложное переплетение между собой процессов национального самоутверждения и роста национализма создало в Македонии проблему, которая в то время едва ли могла иметь позитивное решение, устраивавшее все стороны. Тем более, что тогда, в начале XX в., отсутствовал всякий опыт в разрешении подобных вопросов. Попспешность, проявленная дипломатией двух империй и их склонность к великодержавному администрированию в столь щекотливой и неизведанной сфере, усугубили ситуацию в Македонии и превратили последнюю в своеобразную лабораторию негативного опыта. Изучение этого опыта очень важно в наши дни, когда воскрешаются ситуации, превратившие Балканы в "пороховой погреб Европы".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции 1905–1912 гг. М., 1960; Мил-

- лер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983; Тодоровски Г. Реформите на големите европски сили во Македонија (1829–1909). Скопје, 1984; Германов С. Реформената акција в Македонија и руската общественост (1903–1908) // Исторически преглед. 1990. Кн.4.
- Биноградов В.Н. Об исторических корнях "горячих точек" на Балканах // Новая и новейшая история. 1993. № 4.
- Поповски В. Историко-политическое и правовое значение Берлинского договора 1878 г. для Македонии // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С.38.
- АВПРИ. Ф. Политархив. 1903–1911. Д.2701. Л.68; Ф. Политархив. 1909. Д.5268. Л.1–2.
- Красный архив. 1922. Т.2. С.76; АВПРИ. Ф. Политархив. 1903. Д.2632. Л.63.
- АВПРИ. Ф. Политархив. 1902. Д.2629. Л.169, 275.
- Там же. Ф. Политархив. 1903. Д.2632. Л.214.
- Красный архив. 1922. Т.2. С.16.
- Подобный подход к решению столь важного и ответственного вопроса не был случайностью, это было в стиле царского МИД. Г.Н. Михайловский, поступив туда на службу, был поражен тем, что в составе министерства не было ни одной части, ни одного лица, которые занимались бы славянским вопросом, а между тем справедливо считалось, что этот вопрос является центральным для всей политики России (См.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. М., 1993. Кн.1. С.165).
- ¹ Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.297.
- АВПРИ. Ф. Политархив. 1903. Д.2633. Л.146; Д.2635. Л.114–115.
- ² Там же. Д.2633. Л.288; Д.2636. Л.37–40.
- ³ Там же. Д.2639. Л.4.
- ⁴ См.: Реформы в Македонии. 1903–1905. СПб., 1906. С.16–18.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. 1905. Д.1369. Л.101.
- ⁶ Там же. Ф. Политархив. 1905. Д.2708. Л.543.
- ⁷ Там же. Ф. Политархив. 1904. Д.2707. Л.313.
- ⁸ Там же. Л.17.
- ⁹ Там же. Л.265–267.
- ¹⁰ Там же. Л.479.
- ¹¹ Российская дипломатия в портретах. С.298; АВПРИ. Ф. Политархив. 1903. Д.2637. Л.166.
- ¹² АВПРИ. Ф. Политархив. 1905. Д.2708. Л.97.
- ¹³ Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С.229–231.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. 1903–1904. Д.2719. Л.158–160, 177,193.
- ¹⁵ Там же. Д.2708. Л.63–65, 97.
- ¹⁶ Там же. Ф. Политархив. 1907. Д.2713. Л.371.
- ¹⁷ Там же. Д.2708. Л.655.
- ¹⁸ Там же. Л.609.
- ¹⁹ Там же. Д.2676. Л.88–89.
- ²⁰ Там же. Ф. Миссия в Афинах. 1903–1912. Д.1308. Л.755.
- ²¹ Вестник Европы. 1908. № 5. С.445.

М.Г. Смольянинова
(Институт славяноведения РАН)

РАЙКО ЖИНЗИФОВ В РОССИИ

Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов – видный болгарский писатель и общественный деятель эпохи национального возрождения, незаурядный публицист, поэт, литературный критик. Его творчество привлекает внимание исследователей Македонии¹, Болгарии², России³ и других стран⁴. И это не случайно. Он родился 15 февраля 1839 г. в Македонии, в Велесе, в семье учителя. В ту пору самостоятельного македонского государства не существовало и самоидентификация у македонцев была болгарской (в том числе, и у Райко Жинзифова). Тяжесть жестокого турецкого ига усугублялась тем, что греческое духовенство стремилось проводить эллинизацию славянского населения на Балканах. Пагубное влияние гречизма, по мнению Жинзифова, привело к тому, что многие болгары позабыли даже свое славянское происхождение: "Фанариоты и греческие учителя в известный период времени уничтожили все остатки древнего болгарского достояния. Славянская азбука сделалась совершенно нейзвестною большей части болгарского народа, как будто она никогда не существовала в мире, так что болгарские торговцы, по необходимости старавшиеся усвоить себе красоту и прелесть новоэллинского языка, вели свою переписку по-гречески; те же из них, которые не могли выучиться греческому языку, писали на болгарском языке, но греческими буквами"⁵.

В родительском доме Жинзифов обучился греческому языку, в то же время он овладел и славянской грамотой. В 1856 г. юноша работал младшим учителем в Прилепе, в болгарском училище, где место старшего учителя занимал его духовный наставник Дмитрий Миладинов. В 1857 г. Миладинов отправил Жинзифова учительствовать в Кукуш. "С перездом его в этот небольшой городок, населенный исключи-

тельно болгарами, в нем впервые был введен болгарский язык и болгарская грамота; до этого времени как в церкви, так и в училище господствовал исключительно один греческий язык, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые, юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквах надлежало заменить греческое богослужение славянским⁶.

В июле 1858 г. Жинзифов поехал в Россию, желая, подобно многим его соотечественникам, получить здесь высшее образование. Сначала он приехал в Одессу, где сблизился с Г. Раковским. Вместе с другими молодыми болгарами юноша был принят в Херсонскую семинарию. В конце 1858 г. по вызову Константина Миладинова он перебрался в Москву, где был зачислен воспитанником Славянского благотворительного комитета.

Первопрестольная была в середине XIX в. одним из основных культурно-просветительных центров болгарского возрождения за пределами Османской империи. Здесь широко развернулось взаимодействие двух славянских культур. Болгары – питомцы московских учебных заведений стали крупными писателями и критиками, учителями и учеными, общественными, культурными и политическими деятелями, составившими существенную часть формировавшейся национальной интеллигенции, разносторонняя деятельность которой составила важную страницу в истории национально-культурного возрождения их родины. Среди них – Нешо Бончев, Марин Дринов, Райко Жинзифов, Любен Каравелов, Константин Миладинов, Никола Михайловский, Васил Попович, Илларион Стоянов, Савва Филаретов и многие другие. В Московском университете учился Никола Катранов – прототип Инсарова в романе И.С. Тургенева "Накануне". В 40–70-е годы прошлого века в Москве учились более 100 (а всего в России более 700) болгар, которые, как правило, получали материальную поддержку со стороны государственных учреждений и общественных организаций. Москва в середине XIX в. была одним из центров болгарского книгопечатания в России. Здесь были опубликованы на болгарском языке книги Георгия Бусилина, Константина Миладинова, Райко Жинзифова, Захария Княже-

ского и др. В Москве же увидел свет и ряд книг болгарских авторов на русском языке.

Большую помощь болгарам, стремившимся получить образование, оказывали славянофилы. В 1858 г. был создан Московский славянский комитет, работавший вплоть до 1878 г. Славянофилы поддерживали молодых болгар, представляя им материальную помощь, помогая советами, изданием их трудов. Болгарам помогали все слои русского общества: и члены царской фамилии (императрица вносила ежегодно 300 р. серебром на обучение болгар в России), и дворяне, и купцы. При Московском славянском комитете была образована Болгарская комиссия в составе И.С. Аксакова и известных представителей московской буржуазии – Т.С. Морозова, С.М. Третьякова, Н.А. Найденова. Тимофей Саввич Морозов выделял Ивану Сергеевичу Аксакову средства на издание газет славянофильского направления⁷, в которых регулярно печатался Р. Жинзифов.

В 1860 г. Райко Жинзифов поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1864 г. со степенью кандидата. В университете его научным руководителем был известный славист профессор О.М. Бодянский, в архиве которого сохранились курсовые работы студента Жинзифова. Юноша был тесно связан и с другими представителями московской профессуры (М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, П.И. Бартеневым), входил в Московскую болгарскую дружину (объединение учащихся в России болгар), которая ставила своей целью знакомить русских с жизнью соотечественников, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науке. В эту дружину входили также Л. Каравелов, К. Миладинов, Х. Даскалов, Н. Бончев, Г. Теохаров, В. Попович и др. На собраниях дружины обсуждались произведения ее членов, изучались филологические, социальные, политические вопросы. Дружина издавала журнал "Братский труд" (1860–1862), который выходил на болгарском языке. Райко опубликовал в этом журнале ряд патриотических стихотворений, рассказ "Прогулка", статью "Два слова к читателям". Он был не только автором, но и редактором журнала.

Жинзифов сблизился в Москве со славянофилами (И.С. Аксаковым, Нилом Поповым), которые оказывали ему и материальную, и моральную поддержку. Иван Аксаков высоко ценил талант Жинзифова и считал, что этим питомцем Московский славянский комитет может по праву гордиться. В редактируемой Аксаковым газете "День" (1861–1865) Жинзифов вел Славянский отдел, да и позднее он был связан со всеми последующими аксаковскими изданиями. Среди болгар, обучавшихся в Москве, Жинзифов был одним из самых последовательных приверженцев славянофильтва.

Важную роль в формировании мировоззрения Жинзифова сыграли труды одного из первых российских славяноведов Ю.И. Венелина. В книге Ю. Венелина "Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" (М., 1829) болгарские читатели нашли, по мнению Жинзифова, то, что до того времени только смутно сознавали и в чем нуждались как в хлебе насущном. "В его книге, как в зеркале, увидели болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю его ста-ринную славу и отнеслись с горячим сочувствием к описанным событиям. Его научный взгляд относительно древних болгар, основавших первую династию среди славян Балканского полуострова, до того пришелся по сердцу современным болгарам-славянам, что... никто не смеет сказать им, что теория Венелина не выдерживает строгой научной критики"⁸.

В конце XVIII–начале XIX в. значительным для зарождающейся болгарской литературы было греческое литературное влияние. Но на определенном этапе греческое влияние стало тормозом собственно болгарского культурного развития. Плодотворное воздействие возможно только при самостоятельном развитии национальной культуры, а ему-то и противодействовали, по убеждению Райко Жинзифова, греческие фанариоты, не заинтересованные в национальном самоопределении болгар, в развитии болгарской культуры, поддерживающие так называемую "Великую идею" восстановления Великой Греции в былых пределах Византийской империи, а соответственно и ассимиляторскую культурную политику. В результате такой политики некоторые образованные болгары стали ярыми грекофилами, стыдились своего болгарского происхождения, а болгарский язык считали языком

простонародья. Работы Ю.И. Венелина определили решительный поворот в духовной ориентации болгарской нации, они способствовали возврату болгарской литературы к славянской традиции.

Этот поворот ярко просматривается на примере семьи Райко Жинзифова. Его отец, Иоан Дзиндзиф, настроенный эллинофильски, дал сыну греческое имя Ксенофонт, записал его в греческое училище, сам обучал его греческому языку. А сын сменил греческое имя Ксенофонт на болгарское – Райко, получил высшее образование в России, сблизился со славянофилами и стал борцом против засилья греческих фанариотов в училищах и церквях Болгарии. "Не слепая ненависть, – писал он П.И. Бартеневу, – заставляет меня нападать на греческое образование, но горький опыт, который испытали на себе болгары, и не против греческой древней литературы восстаю я, но против той пагубной системы, принятой греками, особенно в последнее время, чтобы задавить все славянское на Балканском полуострове"⁹. Жинзифов считал, что своими сочинениями Юрий Венелин пробудил болгарский народ от глубокого сна невежества и самозабвения, призвав его к духовной деятельности и самопознанию. В январе 1861 г. студент Р. Жинзифов на похоронах болгарского мецената И.Н. Денкоглу произнес речь, в которой, в частности, сказал: "Четыреста лет, братья, уже миновало с тех пор, как несчастная Болгария находится в темнице. За эти четыреста лет Болгария претерпела такие мучения, такие гонения, какие не претерпела ни одна славянская земля. Мы, болгары, утратили древнюю письменность, начали забывать наш родной язык и стали говорить на чужом языке; мы начали скрывать свою национальность. И если в наше время мы наблюдаем возрождение всего нашего народа, если уже прогремело болгарское слово от Солуна до Охрида, от Средеца до Видина, от Тырново до Варны, то всем этим мы обязаны таким людям, как Юрий Венелин и всем другим русским ученым, которые посмотрели на нас с сочувствием, и таким нашим патриотам-болгарам, каким был Иван Николаевич, о котором сохранил память благодарное потомство"¹⁰. Эта речь ясно отражает взгляды писателя, его самосознание болгарского патриота, скорбящего о рабской участи отчизны, преклоняющегося

перед просветителями, способствующими возрождению Болгарии.

Во всех своих произведениях Жинзифов называет себя болгарином, свой язык – болгарским, своих земляков – македонскими болгарами, а родиной считает "Мать-Болгию (Македонию, Фракию и балкансскую Болгию)". 28 октября 1861 г. в газете "День" (№ 3) напечатано "Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору". Эта первая публикация Райко в аксаковской газете уже своим заглавием ясно отвечает на вопрос о том, к какой национальности относит себя автор. В письме студент сокрушается, что русская общественность почти ничего не знает о болгара и выражает надежду на сближение славянских народов. Он подчеркивает, что "все славянские племена имеют хорошее понятие о русских, которых считали и еще считают за будущих освободителей своих от чужого ига"¹¹.

Осеню 1862 г. в письме П.И. Бартеневу Жинзифов рассказывает о жизненном пути Дмитрия и Константина Миладиновых, которых называет усердными ревнителями болгарского развития и просвещения. "После Юрия Венелица, открывшего болгар на белом свете, появляются из среды болгар люди каковые Априлов, Кипиловский, Пешаков, Сапунов, Неофит, Йордан Константинов, Мутьев, Раковский, двое Миладиновых и другие, из которых каждый содействовал, по силе своей, распространению между народом грамотности и образования... Миладиновы родились в небольшом городе Струга, одна половина которого населена болгарами, а другая – турками... Род Миладиновых как по женскому, так и по мужскому колену чисто славянский"¹². Рассказывая о том, что Дмитрий Миладинов преподавал болгарский язык в разных городах Македонии (Струге, Прилепе, Кукуше), Жинзифов подчеркивал, что учитель неустанно трудился в "общеболгарском деле и принес большую пользу македонским болгарам, избавив их от начинавшего уже вкореняться в них гречизма"¹³. Жинзифов послал П.И. Бартеневу не только жизнеописание братьев Миладиновых, но и письмо Дмитрия Миладинова жителям Кукуша, которые пригласили его на должность учителя во вновь открываемое в городе болгарское училище. Из этого письма следует, что Д. Миладинов считал себя болгарином: "Фанариоты проклянут нас, скажут, что болгарская грамота против-

на Богу, как говорили прежде. Прошли те времена, в темницу вошли лучи света, и не могут больше лгать, как в Костуре, пятьдесят лет тому назад, фанариоты прокляли болгарский язык, и только одни горожане огречились, между тем как все окружные поселяне Костура – славяне без примеси, что доказывается их языком и песнями. Но зачем мне распространяться о том, что Вам известно? Вы первые в Восточной Македонии начинаете изучать наш прадедовский язык... какая глупость и наглость – болгарину выдавать себя за грека! На вашем предложении я согласен и в скором времени я приеду¹⁴.

В письме болгарскому филологу В.Д. Стоянову (от 12 января 1864 г.), жившему в Праге, Жинзифов писал, что "все молодые болгары, рассеянные по Европе, должны заботиться о том, чтобы густой мрак над нашей горемычной Матерью-Болгарией (Македонией, Фракией и балканской Болгарией) рассеялся"¹⁵.

Еще в студенческие годы (в 1863 г.) Жинзифов издал в Москве свою первую книгу на болгарском языке – "Новоболгарский сборник" ("Новобългарска сбирка"). На титуле этой книги поэт пометил слова родоначальника новой болгарской литературы, автора "Истории славяно-болгарской" Паисия Хилендарского: "... О неразумный и юродивый! Почто стыдишься называться болгарином и не читаешь на своем языке и не говоришь?.. Ты, болгарин, не прельщайся чужим, знай свой род и язык и учись на своем языке". В сборник вошли как оригинальные стихотворения Жинзифова (цикл "Новобългарска гусла"), так и переводы славянской поэзии с русского, чешского и украинского языков. Жинзифов стремится познакомить болгарских читателей с лучшими произведениями славянской культуры, показать, что славяне издавна создавали непревзойденные поэтические шедевры. Он первым переводит с древнерусского на болгарский язык "Слово о полку Игореве", снабдив перевод предисловием и комментариями. Перевод великого памятника древнерусской поэзии явился важным вкладом в культурное сближение двух славянских народов. В предисловии к переводу "Слова о полку Игореве" Жинзифов дает недвусмысленный ответ на вопрос о том, на каком языке он творит: "Мы болгарским языком считаем тот язык, на котором говорит вся Македония, Фракия и Болга-

рия... потому что нет македонцев, нет фракийцев, как отдельных народов, а есть только славяне – болгаре, которые живут в указанных местах, названия которых, возможно, могут употребляться в землеописаниях, но не могут – в названиях народностей. Короче говоря, есть один целостный народ болгарский и один язык болгарский, который, как и другие языки, делится на наречия"¹⁶. С чешского языка поэт перевел "Крапледворскую рукопись" (но ему было неизвестно, что это мистификация В. Ганки), с украинского – стихотворения Т.Г. Шевченко, творчество которого высоко ценил. В предисловии к книге Жинзифов сообщал, что 1000 экземпляров "Новоболгарского сборника" будут подарены болгарским училищам и читальням.

"Новоболгарский сборник" имел отзвук в русской прессе. В газете "День" (1863. № 46. 16 ноября) была помещена рецензия «По поводу "Новоболгарского сборника" господина Жинзифова (Заметка для всего русского образованного общества» за подписью П.А. Г-т. Автор рецензии считал, что оригинальные стихотворения Жинзифова, помещенные в сборнике, прекрасны. Анализируя переводы Жинзифова, он пришел к выводу, что подобные переводы – первое средство для знакомства и сближения славянских народов. "В этом первонаучальном (литературном и научном) сближении и знакомстве заключается залог будущего политического единения и полной самостоятельности всего славянского племени"¹⁷. Рецензент призывал основать отдельное издание, посвятив его переводам славянских литературных и научных книг, дабы лучше знать славян (ибо русским более известна история Габсбургов, чем история Чехии, Сербии, Болгарии). В болгарской прессе также появился отклик на книгу "Новоболгарский сборник". В газете "Болгарская пчела" рецензию на книгу опубликовал Любен Каравелов, который критиковал Жинзифова за его славянофильские убеждения.

В 1864 г. Райко закончил Московский университет. Он продолжал информировать русских читателей о трудной жизни и порабощенном отечестве, о развитии возрождающейся национальной культуры, публикуя статьи в русских периодических изданиях: "Москва", "День", "Москвич", «Московские ведомости», "Современная летопись", "Православное обозрение", "Русский архив". Печатался он и в болгарской периоди-

ке: "Дунавска зора", "Българска пчела", "Народност", "Македония", "Свобода", "Век", "Време", "Периодическо списание", "Български книжици", "Читалище". Он творил на двух языках: болгарском и русском (на болгарском языке Жинзифов писал поэтические произведения, на русском – публицистику). Полицентризм культурной жизни болгар привел к полилингвизму многих писателей болгарского возрождения, создававших произведения на двух и более языках.

Только литературным трудом писатель не мог прожить, поэтому он работал в Чертковской библиотеке, преподавал в московских учебных заведениях, в частных домах. Весной 1866 г. Райко сообщает Марину Дринову о своем намерении поехать на родину: "Строго говоря, я еду в Турцию на три месяца, но я посмотрю: если будет возможность остаться там, я останусь" (письмо от 5 апреля 1866 г.).

Летом 1866 г. Жинзифов посетил Константинополь (где встретился с П.Р. Славейковым, Т. Бурмовым и другими соотечественниками) и Македонию (где пробыл два месяца). Он побывал во многих македонских городах и селах, расспрашивая жителей об их житье-бытье: «И на наш вопрос: облегчилась ли хоть сколько-нибудь их участь со времени обнародования турецким правительством пресловутого хатти-хумаюна, они с лицом, выражющим отчаяние, с глубоким, глухим стоном отвечали: "Эй брат наш, лучше и не спрашивай! Огонь и меч царят над нашей землей. Наши властители довели нас до крайней нищеты: высосут они у нас и последнюю каплю крови. Вот тебе и облегчение нашей участи! О, чтобы пусто было турецкому правительству с его турецкими порядками»¹⁸. Жинзифов рассказывает о насилиях, убийствах, зверствах разбойников: "В течение одной недели, проведенной нами в Битоле, в последних числах июня месяца, было совершено в ближайших к городу болгарских деревнях несколько ужаснейших убийств" ... Жинзифов поведал русскому читателю и о духовном гнете: о грабежах архиереями-фанариотами болгарского населения, о преследовании церковнославянского языка в церквях, о закрытии болгарских училищ и изгнании учителей болгарского языка или передаче их в руки турецких властей как людей подозрительных и опасных для турецкого правительства. "Мы были удивлены, узнав, что в Македонии есть еще местности, жители которых вовсе не знают о суще-

ствовании славянской азбуки, и, не зная ни слова по-гречески, пишут по-болгарски греческими буквами... Мы могли бы рассказать множество фактов, собранных нами в Македонии и свидетельствующих о том, с какими трудностями, препятствиями и опасностями сопряжено развитие народного самопознания у македонских болгар"¹⁹. Видимо, эти трудности и не позволили Жинзифову остаться на родине, дабы продолжить дело своего "духовного наставника" Д. Миладинова. Писатель вернулся в Москву, где принял российское гражданство. Но и живя в России, он делал очень много полезного для своего отечества, за освобождение которого боролся как публицист, поэт, общественный деятель. Осенью 1866 г. Жинзифов опубликовал в "Современной летописи" обширный очерк "Из заметок путешественника по Македонии" (№ 32–34, 36, 40).

Писатель принимал участие во многих культурных начинаниях болгарской и русской интеллигенции. В мае 1867 г. в Москве состоялся первый славянский съезд, на котором поэт проявил себя как блестящий оратор, он произнес зажигательную речь, нашедшую живой отклик у слушателей. "Братья русские, – обращался к присутствующим Жинзифов. – Неужели же вы, могущественные и крепкие духом и телом, позабудете этот многострадальный болгарский народ, находящийся с лишком пять столетий под ненавистным ярмом свирепых и кровожадных турок? (Нет, нет не забудем! – ответствовала публика). Неужели вы... не подадите руку помощи страждущему болгарскому народу? (Да, да, мы ему поможем! – вновь бурно реагировали слушатели). Братья! Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжкого ига!..."²⁰. Эта пора наступила через 10 лет. В русской печати, освещавшей работу съезда, отмечалось, что речь Жинзифова была краткой, но он говорил с таким энтузиазмом, с такими горячими патриотическими чувствами, что слушатели его прерывали неоднократно то продолжительными рукоплесканиями, то громкими возгласами²¹. А чешский ученый Константин Иречек, подчеркивая значимость деятельности Жинзифова, приводил отрывки из рапорта Высокой Порты, в котором выражалось беспокойство по поводу речи молодого болгарина на славянском съезде в Москве.

В начале 1868 г. писатель был принят в члены Московского славянского комитета, где сделал доклад, посвященный тысячелетию крещения болгар. Работа в комитете дает ему возможность помогать болгарским училищам (куда посылаются книги), болгарским студентам, обучающимся в России; он поддерживает проект основания женского училища для южных славян в России. 8 февраля 1868 г. по предложению Нила Попова Жинзифов избирается в члены Этнографического отдела при Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. В марте 1869 г. он делает доклад о болгарских обычаях, обрядах, посиделках. Интерес его к народным обычаям, к фольклору постоянен. Он сам собирал народные песни. В журнале "Филологические записки" (1866. Вып. IV, V) им опубликованы четыре народные сказки ("Два брата", "Сварливая жена", "Если судьба...", "Сын прокармливает семейство"), записанные братьями Миладиновыми. В русской периодике им опубликовано много статей этнографического характера о славянских народах.

В 1870 г. Жинзифов был избран действительным членом Болгарского литературного общества (прообраз Болгарской Академии наук). Это общество было образовано в 1868 г. в г. Браила (Румыния) – одном из центров болгарской эмиграции в эпоху национального возрождения – для развития национальной науки и литературы. Главная его цель – распространение просвещения в нарсде. В научной программе общества отмечалось, что оно должно направлять свою деятельность на изучение истории Болгарии, болгарского языка и литературы, народного быта болгар и других народов, на развитие и улучшение преподавания в мужских и женских болгарских училищах. В его уставе отмечалось, что общество будет распространять свою деятельность на все науки, искусства, художества и изучать средства и способы повышения материального благосостояния страны и духовного прогресса народа. Подчеркивалась необходимость собирать и хранить редкие книги и рукописи. Болгарское литературное общество сыграло огромную роль в становлении и развитии науки, литературы, искусства, содействовало росту национального самосознания. Общество издавало первый научный болгарский журнал "Периодическо списание", в котором сотрудничал Р. Жинзифов. Жинзифову была свойственна широта духовных интересов, он

относился к тому типу культурных деятелей эпохи национального возрождения, который органично соединял в себе поэта и публициста, этнографа и историка, литературного критика и общественного деятеля. На годичном собрании общества, состоявшемся 25 июля 1870 г., Жинзифов выступил с предложением имеющиеся капиталы не тратить, а пользоваться только процентами с них. Зная о материальных затруднениях общества, писатель обратился в письме к председателю его – Марину Дринову с просьбой отказаться на два года от зарплаты, ибо "существование Общества, по моему мнению, для нас болгар – наущный хлеб".

В 1870 г. в Браиле Жинзифов издал свою поэму "Кровавая рубашка". Часть этой поэмы была опубликована в 1868 г. в болгарской газете "Народност". В России отрывки из нее появились в 1871 г. в сборнике "Поэзия славян" в переводе Н.В. Гербеля. Действие поэмы происходит в городе Прилеп:

В българска ми клета земля
Има малко градче,
То ѹе легнало в поляна,
Име нему Прилеп.

В начале поэмы автор в романтических тонах вспоминает о героическом прошлом этого города. В четырнадцатом веке в нем жил легендарный крали Марко, который "Българска ѿе бранил земля, /роду си помагал". Славному историческому прошлому поэт противопоставляет суровое, безрадостное настоящее в порабощенной стране. Сюжет произведения Жинзифова трагичен: в 1857 г. в Прилепе совершено злодеяние – турки убили ятаганом безвинного юношу Божина. Героиня поэмы – несчастная мать, оплакивающая гибель сына. Единственное, что у нее осталось – окровавленная рубашка Божина, которую обезумевшая от горя мать всегда носит в торбе, обливает слезами, с которой, по ее словам, она "ляжет в могилу холодную, темную". Мать воспитывала Божина в смиренении, полагая, что непротивление злу сохранит его, но рабская мораль стоила ему жизни. Оплакивая сына, мать призывает отомстить за него, протестует против тирании. Поэма "Кровавая рубашка", утверждавшая необходимость сопротивления иноземным завоевателям, была очень популярна в эпоху национального возрождения.

Для формирования Жинзифова-поэта большое значение имела русская литература. Он сделал вольное переложение стихотворений М.Ю. Лермонтова ("Молитва"), А.С. Пушкина ("Шотландская песня", "Не дай мне бог сойти с ума..."). Переводы и подражания послужили школой поэтического мастерства для Райко Жинзифова. Поэт испытал сильное воздействие народного творчества, что весьма ощутимо и в поэме, и в лирике. Об этом свидетельствует широкое использование народных преданий, фольклорных мотивов, системы изобразительных средств, характерных для народных песен, обращение к образам фольклорных богатырей-юнаков, гайдуков, способствовавшее формированию романтической поэтики. Творчески восприняв фольклор, поэт создал произведения самобытные, отражающие идеи своего времени. В народных песнях парень нередко просит птицу поведать любимой девушке о своих сокровенных желаниях. Жинзифов использует этот фольклорный мотив, переосмысливая в соответствии с современностью. Лирический герой первого стихотворения поэта – "Голубь" просит птицу полететь на родину и рассказать матери и братьям, что покинул он семью не ради личного счастья:

Но ако може да спомогне
Отечество да си избави,
Македония, Тракия,
Па и Горна България,
От фанариите владици
Прокляти, лукави гърци.

Как видим, отечество, которое герой хочет избавить от проклятых, лукавых греков, от владык-фанариотов включает Македонию (которую Жинзифов часто называл "Нижней Болгарией"), Фракию и Верхнюю Болгию (или "Балканскую Болгию", по выражению поэта). Жинзифов очерчивает границы Болгарии не только в этнографических трудах, но и в поэзии.

Воздействие фольклора ярко проявляется в стихотворении "Гусляр в соборе", носящем характер народной песни. В нем очень выразителен романтический образ легендарного народного певца – нового Баяна, настроившего гусли на новый лад, пробуждающего народ от сна, призывающего его к борьбе с поработителями, ибо стыдно влачить рабство:

И страмно! Че малку ли сме ми,
Ил' малък на земля ни край?
За граници си броиме ми:
Река Вардар, река Дунай,
Гора Балкан – втори Карпат,
Балкан, Стара планина,
Гора Белащица, Доспат,
Останали нам от старина.

Юноши и старики дают клятву гусляру изгнать врагов из Болгарии. Они поют хором:

И загърме народен,
глас новий и свободен:
"О гърци, гърци чуйте нас
чуйте наш народен глас!"

.....
Охрид и Търнов веч дали вик.
Македония, чудна страна,
нема да бидит гърчка она!
Шума и гора, и планина,
самий камен на таз страна,
птица и риба в Вардар река,
живо и мъртво на свои крака
ке стаанат и ке дадат ответ
на цела Европа, на цел свет:
Я българка сум, българин сум я
българе живеят в тая страна!"

Поет и черноокая красавица Македонка:

"Я сум млада бугарка,
име ми е Милкана
я сум чиста славянка,
в Бугария родена
от бугарски род
и бугарски плод.

.....
Гърк за мене враг,
а бутарин – драг".

Лирика Жинзифова предельно ясно отражает болгарское самосознание поэта. Вера в скорое освобождение родины связана у него с бесконечно дорогой ему идеей общеславянского братства:

Сме славяне как московци,
Сърби, чехи и поляци,
Чърногорци, ерцеговци
И хървати, и бошняци.

Братья, вече дошла доба,
Да испием първа чаша
Не за завист, не за злоба,
Но за братство, дружба наша.

Нек ся ширит, ся раздава
В България, горна, долна,
от Вардара до Дунава
Дума свободна, народна.

В лирике Р. Жинзифова отчетливо выделяется струя ностальгической поэзии, появившейся в связи с тем, что он вынужден был жить и творить 19 лет вдали от родины. Лейтмотив его поэзии – мучительная тоска по дому, желание вернуться в родные края звучит особенно пронзительно в стихотворениях "Печаль", "Болгарской матери", "Голос", "Спрашивала Болгария", "Близ реки Вардар", "Молодые годы", "Бессонница", "На Пасху", "На чужбине". В последнем стихотворении лирический герой признается, что терпит страдания "ради общей матери – Болгарии, ради просвещения, науки", но его неудержимо влечёт на родину, в домашний круг, где родная природа согревает душу. Воспоминания о детстве, о песнях родного края перемежаются в лирике поэта с мотивами одиночества, скорби. Ностальгическая лирика Райко Жинзифова отражала чувства многих его соотечественников, вынужденных жить в эмиграции во времена турецкого ига.

Скорбной тональностью отмечены и некоторые поэтические произведения Жинзифова, посвященные славному прошлому страны, тому далекому времени, когда она была сильной и независимой. В стихотворении "Охрид", написанном в 1862 г., поэт с болью вспоминает о высокой в прошлом, а ныне поверженной в прах культуре отчизны, об ее духовном центре – Охриде, о мудром Клименте – ученике и соратнике создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. В стихотворении "Сон" поэт обращает свой взор к Преславу – столице Первого Болгарского царства (893–972) и царю Симеону – опытному политику и крупному полководцу, неоднократно наносившему поражения византийцам. Немецкий романтик Йозеф Эйхендорф считал, что мучительная любовь и непреодолимая тоска по "потерянной родине" являются самыми характерными чертами романтизма. Специфическая

особенность ностальгической поэзии Р. Жинзифова, отличающейся романтической возвышенностью чувств, состоит в том, что она передает не только щемящую боль изгнанника, не только жалость к слезам Родины-страдалицы, но и гневные проклятья в адрес тирании, вынуждающей лучших сынов Болгарии жить вдали от нее. В одном из последних своих произведений – "Недопетая песня" Жинзифов писал:

Нам не помогат сълзи, молитви,
Жертвы олтарни, поклони ниски...
Нам са потребни кървави битви, –
Час на съдба ни мож' да е близкий!

Один из первых рассказов зарождающейся болгарской беллетристики – "Прогулка" (1862) также принадлежит перу Жинзифова. Фабула рассказа незамысловата: это впечатления от прогулки по болгарскому селу. Во время этой прогулки читатель знакомится с болгарской действительностью середины XIX в., с народными обычаями, отношением героя к греческому духовенству и западноевропейскому влиянию (оно резко отрицательное). Критическое отношение к "европеизму" как в рассказе, так и в некоторых стихах ("Европеизм в Шумене", "Иностранцу") и публицистических статьях связано со славянофильскими взглядами Жинзифова, его убеждением, что западная цивилизация не приносит пользы славянам.

В своей яркой публицистике, опубликованной в России, Жинзифов поведал читателю о том, к каким роковым последствиям привело многовековое иноземное иго: массовое физическое истребление болгар, отуречивание, подавление всякой духовной деятельности. Жинзифов рассказал об опасности для болгарской культуры ассимиляторской деятельности фанариотов, направленной на эллинизацию болгар, на изгнание болгарского языка из церквей и училищ, на уничтожение славянской письменности. Боль Болгарии благодаря публицистике возрождения становилась болью России. Писателя волновали и проблемы развития России, он считал, что самодержавие и православие являются основой жизни русского народа. Жинзифов разделял суждения славянофилов о необходимости для России самобытного пути развития, отличного от того, которым шли западноевропейские страны; он полагал, что интенсивное развитие техники на Западе сопро-

вождается угасанием духовной жизни и, прежде всего, нравственности, что там происходит обезбоживание, обездушивание человека.

Райко Жинзифов знакомил русскую общественность с болгарской литературой. В 1871 г. он опубликовал ряд литературно-критических статей в сборнике "Поэзия славян", изданном русским поэтом, переводчиком, библиографом Н.В. Гербелем в Санкт-Петербурге, в типографии императорской Академии наук. Жинзифов принял активное участие в работе над болгарскими разделами сборника "Поэзия славян". Он составил два раздела: "Болгарские народные песни" и "Современные поэты Болгарии". Кроме того, Жинзифов написал для сборника статьи: "Болгарская литература", "Раковский", "Петко Славейков", "Любен Каравелов", "Чинтулов", "Жинзифов" (это фактически автобиография). В раздел народных песен Жинзифов поместил песни о женитьбе короля Шишмана, о Дойчине-воеводе, о Марко Кралевиче. В раздел, включающий произведения современных болгарских поэтов, помещены стихотворения Д. Чинтулова, Л. Каравелова, П.Р. Славейкова, Р. Жинзифова, отрывки из поэмы "Лесной путник" Г. Раковского и "Кровавая рубашка" Р. Жинзифова.

В архиве Н.В. Гербеля сохранились письма Р. Жинзифова, в которых поэт просил не ставить его подпись под статьями, написанными для сборника "Поэзия славян". Гербель не согласился с этим предложением Жинзифова и, думается, был, по-своему, прав. Удовлетвори Гербель просьбу Жинзифова – и мы сегодня не знали бы, кто был первым историком болгарской литературы. Им, по сути дела, был именно Райко Жинзифов. Его статья "Болгарская литература", помещенная в сборнике "Поэзия славян" – это очерк развития болгарской словесности, начиная с Паисия Хилендарского и вплоть до выхода книги в свет, т.е. до 1871 г. Жинзифов показал русскому читателю, к каким роковым последствиям привело многовековое иноземное иго. По мнению автора статьи, более тягостным, нежели турецкое, было иго, наложенное на болгар греческим высшим духовенством: "Греческие архиереи стали изгонять мало-помалу славянский язык из церквей и училищ и заменять его везде божественным греческим языком... Пагубные для болгар действия греков-фанариотов не ограничивались только изгнанием из церквей и училищ славянского язы-

ка: они систематически истребляли славянские книги и рукописи"²². Жинзифов убедительно показывает опасность для болгарской культуры ассимиляторской деятельности фанариотов, направленной на эллинизацию болгар, изгнание болгарского языка из церквей и училищ, на уничтожение славянской письменности. Тревога за судьбы болгарской культуры проходит красной нитью через всю публицистику Р. Жинзифова.

В статье "Болгарская литература" Р. Жинзифов впервые в литературной истории и критике дает периодизацию новой болгарской литературы, чутко улавливая своеобразие каждого из периодов. Сначала он характеризует деятельность первоходцев эпохи Возрождения – Паисия Хилендарского, поднявшего в "Истории славяно-болгарской" свой голос в защиту порабощенного народа, и его последователя Софрония Врачанского, "Житие" которого "замечательно не только своим содержанием, но и внутреннею силою языка"²³. Затем Жинзифов выделяет период 20-х годов XIX в. На этом этапе среди переводов (главным образом, религиозной литературы) А. Кипиловского, В. Неновича, П. Сапунова автор статьи особо выделяет первое светское сочинение – "Рыбный букварь" П. Берона: "Эта книга, хотя и носит название букваря, но по своему обширному и разнообразному содержанию скорее могла бы быть названа книгою для полезного чтения, тем более, что она в течение нескольких десятков лет приносила несомненную и огромную пользу болгарскому юношеству, только что начинавшему тогда учиться своему родному языку"²⁴. Жинзифов понял, что эта книга – важная веха в болгарском историко-литературном процессе. Тридцатые годы XIX в. – следующий этап в периодизации, данной Жинзифовым. "Это время, – считает автор, – по справедливости можно назвать временем Юрия Венелина ... который своими сочинениями о болгараах приобрел в их среде неувядаемую славу". Жинзифов чрезвычайно высоко оценивает деятельность Ю. Венелина, подчеркивая, что своими сочинениями, благотворное влияние которых на болгар было громадным, ученый создал целую школу с многочисленными последователями. Именно с этого времени начинает появляться болгарская литература воспитательного характера: труды Неофита Рильского, Константина Огняновича, Х. Павловича, Неофита Хилен-

дарского и др. И наконец, Жинзифовым выделяется период с 1845 по 1871 г. (т.е. четверть века, предшествующая выходу в свет сборника "Поэзия славян"). Это время появления собственно художественной литературы нового времени. Именно в этот период "между болгарами" появился целый ряд литературных деятелей, в числе которых были и есть писатели с замечательными талантами²⁵. К числу таких писателей автор статьи относит Найдена Герова, обращая внимание читателей на его лирическую поэму "Стоян и Рада", и Петко Славейкова, литературная деятельность которого составила одну из самых славных страниц истории новоболгарской письменности. Чутье художника и критика не обмануло Жинзифова, для него Славейков – "один из лучших современных поэтов, наделенный от природы замечательными способностями"²⁶. И не случайно в сборнике "Поэзия славян" помещены как ранние стихи П.Р. Славейкова (из сборника "Песнопойка" – 1852 г.), так и его лирика 70-х годов XIX в. ("Мне не поется" и "Мое положение"). Георгия Раковского Жинзифов относит к числу горячих патриотов, деятельных тружеников, посвятивших всю свою жизнь пользе отечества. Лучшим его произведением он считает поэму "Лесной путник" (1857), в сборнике помещен отрывок из этой поэмы в переводе Н.В. Гербеля. Существенную пользу, по мнению Жинзифова, оказал Раковский болгарам изданием и редактированием газеты "Дунайский лебедь", которая имела громадное значение в Болгарии, несмотря на строгое преследование ее со стороны турецкого правительства²⁷.

В статье "Болгарская литература" Жинзифов касается и зарождения жанра драматургии, отмечая, что отец болгарского театра – Войников черпает сюжеты для своих драм из болгарской истории (в таких заслуживающих внимания пьесах, как "Княжна Райна", "Крещение преславского двора", "Велислава", поставленных в театре Браилы). Жинзифовым дан в статье и обстоятельный обзор болгарской периодики, которая разделена им на две группы (в зависимости от места издания): 1) журналы и газеты, выходившие в пределах Османской империи, от которых власти требовали изображать Турцию в радужных тонах и ругать Россию; 2) периодика, издаваемая за пределами Турции (как правило в зарубежных эмигрантских центрах), более раскрепощенная, свободная, но имеющая

ограниченное число читателей. Жинзифов выявил основные направления в развитии национальной периодики.

В своих статьях, помещенных в сборнике "Поэзия славян", Райко Жинзифов впервые достаточно компетентно и обстоятельно описал состояние новой болгарской литературы, показал тяжелейшие последствия турецкого политического и греческого духовного ига, осветил своеобразие общественного и литературного развития Болгарии в эпоху Возрождения. Сборник "Поэзия славян" сыграл огромную роль в знакомстве русской публики с болгарской литературой эпохи Возрождения, в налаживании прерванных литературных связей России и Болгарии. В течение длительного времени этот сборник был источником сведений о болгарской литературе как для писателей (он, в частности, имелся в личной библиотеке А.М. Горького), так и для ученых (например для авторов "Истории славянских литератур" А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича). Причем немаловажно, что в сборнике болгарская литература была включена в контекст общеславянского литературного развития. Издание этого сборника знаменовало собой своего рода первый прорыв в борьбе с европоцентризмом в литературе и литературоведении.

В 1876 г., когда в Болгарии вспыхнуло апрельское восстание, Жинзифов хотел вступить в повстанческую чету, чтобы участвовать в освобождении родины. Но мечта эта не осуществилась, силы его были на исходе. В 1877 г. по просьбе И.С. Аксакова он работал над "Путеводителем по Македонии" (который готовился для нужд русской армии в освободительной войне). 15 февраля 1877 г. в день своего 38-летия Райко Жинзифов скончался в Москве. Он прожил короткую жизнь, но успел сделать много для отечества, которое беззаветно любил. Судьба поэта во многом трагична. Возможно, что преждевременная смерть его была приближена безысходной ностальгией. Половину жизни Жинзифов учился и работал вдали от родины, но все эти годы его мысли были устремлены к ней, им безраздельно владела "одна, но пламенная страсть" – увидеть порабощенную отчизну свободной. И своим творчеством он, безусловно, приблизил ее освобождение. Через два месяца после смерти поэта началась русско-турецкая освободительная война. Иван Аксаков, говоря с благодарностью о

тех людях, которые много сделали для освобождения Болгарии, но не дожили до него, назвал и имя Райко Жинзифова.

В сборнике "Поэзия славян" было опубликовано стихотворение Р. Жинзифова "На смерть юноши", завершившееся словами:

Он тихо угасал, уж смерть над ним носилась,
В больной его груди чуть слышно сердце билось
А он все говорил, страдая и скорбя:
"Как сильно я люблю, Болгария, тебя!"

(Пер. Н. Гербеля)

Когда читаешь эти строки, невольно думаешь о трагической, ранней смерти самого Р. Жинзифова. Лишь года не дожил Жинзифов до освобождения Болгарии, но своей деятельностью он приблизил его.

Кому же принадлежит сегодня творчество Райко Жинзифова? Помните: спорили семь городов – где же родился Гомер. Так и вокруг творчества Жинзифова идут непрерывные дискуссии между учеными. Кем считал себя сам писатель – ясно из его поэзии, публицистики. У него было болгарское самосознание. А по прошествии 120 лет после его смерти что мы можем ответить на этот вопрос? По большому счету сегодня оно принадлежит и Болгарии, и Македонии, и России. Так многое изменилось за этот век с лишком. Появилось самостоятельное государство – Македония. И македонские ученые считают своим поэта Р. Жинзифова, родившегося в Македонии, в городе Велесе, работавшего в Прилипе, Кукуше (ныне македонских городах), тосковавшего по родным краям, воспевшего в своей поэзии красоту Македонии. В России прошла половина жизни писателя (и вся творческая жизнь). Он принял русское гражданство. Его талантливая публицистика (написанная по-русски)красила страницы русских периодических изданий. Российский ученый, исследующий историю славянофильства, не может обойти творчество Райко Жинзифова, которого интересовали не только болгарские и македонские проблемы, но и судьба России, гражданином которой он стал.

Каждая национальная литература формируется не изолированно, а в рамках межлитературного процесса. Ценность автора, пишущего более чем на одном языке, возрастает. Саят-Нова внес вклад в развитие армянской, грузинской и азер-

байджанской литератур, Ян Коллар и Шафарик – чешской и словацкой; Владимир Набоков оставил яркий след в русской и американской литературах, Чингиз Айтматов – в киргизской и русской. Исследователи Д. Дюришин и И. Доровский говорят о "двуходности" (или "многодомности") ряда писателей. Этот термин применим и к творчеству Райко Жинзифова. Если писатель удовлетворяет духовные нужды не одного, а нескольких народов, то значимость его творчества в истории мировой культуры только возрастает.

В первой своей публикации в газете "День" (1861. № 3) Райко Жинзифов писал: "Слава Богу, думаешь сам с собою: мы дети одной и той же матери, мы *ветви одного и того же корня*" (курсив мой. – М.С.). Он имел в виду русских и болгар. Но то же самое можно сказать и о македонцах и болгарах (причем в еще большей степени). Исторические и культурные корни этих народов переплетаются еще теснее. Сегодня творчество Р. Жинзифова принадлежит как болгарскому, так и македонскому народу. И потому существует много интересных исследований о творчестве писателя как в болгарской, так и в македонской науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Милошевски Ф. Македонската литературна историја и публицистика за Рајко Жинзифов. (Библиографија) // Литературен збор. 1965. № 3. С.35–36; Конески Б. Избрани дела во седум книги. Скопје, 1967. Кн.4. С.132–150; Сталев Г. Рајко Жинзифов // Сталев Г. Преглед на македонската литература во XIX век. Скопје, 1963. С.71–94; Тодоровски Г. Поетот на македонските неволи (Рајко Жинзифов) // Македонската книжевност во XIX век. Скопје, 1990. С.176–196.

² Пенев Б. Ксенофон (Райко) Иванов Жинзифов // Пенев Б. История на новата българска литература. София, 1936. Т. IV. Ч. I. С.627–684; Константинов Г. Начало на стихотворната поезия // Константинов Г. Нова българска литература. Епоха на Възраждането. София, 1947; Динеков П. Рајко Жинзифов. – В его кн.: Възрожденски писатели. София, 1962. С.261–272; Леков Д. Рајко Жинзифов. София, 1979.

³ Державин К.Н. Рајко Жинзифов и его перевод "Слова о полку Игореве" // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 1; Никитин С.А. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1952. Т.VI. С.89–122; Ерихонов Л.С. Жинзифов в русская печат // Ерихонов Л.С. Руското общество и българска литература. София, 1967. С.233–280; Толстой Н.И. Страница из истории македонского литературного языка (Переводы "Любушиного суда" из "Кра-

- ледворской рукописи" на македонский язык в XIX в.) // Толстой Н.И. Избранные труды. М., 1998. Т. II. С.395–419.
- ⁴ Dorovsky I. Rajko Žinzifov. Vozdejstvije russkoj i ukrainskoj literatury na jego tvorčestvo. Впно, 1988; Dorovsky I. Rajko Žinzifov. Skopje, 1995. 112 s.
- ⁵ Жинзифов Р. Публицистика. Съставили Ц. Унджиева, Д. Леков, И. Конев. София, 1964. Т. II. С.204.
- ⁶ Жинзифов Р. Болгарские поэты // Жинзифов Р. Публицистика. София, 1964. Т. II. С.218.
- ⁷ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.440. Ед.хр.783. Л.52.
- ⁸ Жинзифов Р. Публицистика. Т.II. С.206–207.
- ⁹ Там же. Т. I. С.42.
- ¹⁰ Жинзифов Р. Памяти Ивана Николаевича Денкоглу // Жинзифов Р. Публицистика. С.286.
- ¹¹ Жинзифов Р. Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору (По прочтении первого номера газеты "День") // Жинзифов Р. Публицистика Т. I. С.34.
- ¹² Жинзифов Р. Димитрий и Константин Миладиновы (Письмо П.И. Бартеневу) // Жинзифов Р. Публицистика. Т. I. С.41–42.
- ¹³ Там же. С.44.
- ¹⁴ Там же. С.48–49.
- ¹⁵ Цит. по: Леков Д. Райко Жинзифов. София. 1979. С.21–22.
- ¹⁶ Жинзифов Р. Публицистика. Т. I. С.235.
- ¹⁷ Цит. по: Жинзифов Р. Публицистика. Т. II. С.280.
- ¹⁸ Там же. Т. I. С.243.
- ¹⁹ Жинзифов Р. Из заметок путешественников по Македонии // Жинзифов Р. Публицистика. Т. I. С.260.
- ²⁰ Речь Жинзифова на славянском конгрессе в Москве, май 1867 // Жинзифов Р. Публицистика. Т. II. С.201.
- ²¹ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867.
- ²² Жинзифов Р. Болгарская литература // Жинзифов Р. Публицистика. Т. II. С.203.
- ²³ Там же. С.206.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С.208.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С.214.

B.A. Бурбыга
(Харьковский государственный университет)

**РОССИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ
О ПУТЯХ РЕШЕНИЯ МАКЕДОНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.
НАКАНУНЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН
(1908–1912 гг.)**

С середины XIX в. Македония попала в поле зрения европейской политики. В силу своего географического положения и исторического развития она стала для великих держав и балканских государств разменной монетой в их борьбе за наследство разваливающейся Турции.

Македонский вопрос с момента его возникновения после Берлинского конгресса (1878 г.) всегда вызывал значительный интерес не только правящих кругов России. Российское общество в силу этнического родства, географической и языковой близости, единства религии всегда живо интересовалось судьбой Македонии. На страницах газет, журналов и книг велись горячие дискуссии вокруг проектов решения македонской проблемы. В зависимости от политики правительства в балканском регионе и событий, происходивших там, точки зрения на этническую принадлежность славянского населения Македонии, политических взглядов и симпатий к балканским народам российские ученые, общественные деятели, публицисты предлагали различные варианты выхода из македонского кризиса.

Македонская проблема, уходящая своими корнями в прошлое, и в наши дни вызывает острые дискуссии, противоречивые точки зрения, разногласия на межгосударственном уровне. В связи с этим представляется актуальным обратиться к истории македонского вопроса, рассмотрев его сквозь призму мнений и оценок российского общества, нашедших отражение на страницах многочисленных газет, журналов, книг и других печатных изданий периода обострения македонского вопроса в начале XX в. Это тем более важно, что до настоя-

щего времени в историографии стран СНГ отсутствуют работы, в которых анализировалось бы отношение к македонскому вопросу российской общественности и печати. Этой темы частично касались в своих работах лишь македонские историки Ц. Станоевски [1], Х. Андонов-Полянски [2], их болгарский коллега Ст. Германов [3, 4], а также ученые Украины [5, 6].

При изложении данного материала использован тематико-хронологический принцип. Сначала на фоне международных отношений, затрагивавших в той или иной мере судьбу Македонии, и событий, происходивших там, рассмотрена точка зрения изданий и отдельных публицистов, стоявших на правительственный позиции. Далее проанализированы взгляды авторов, отдающих приоритет другим проектам решения этой сложной балканской проблемы.

Следует напомнить, что европейские державы, Россия в том числе, в конце XIX – начале XX в. придерживались принципа *status quo* в балканском регионе [7]. Однако в конце первого десятилетия XX в. на Балканах произошли события, коренным образом изменившие политику России. В июле 1908 г. комитеты младотурецкого движения в Битоли и Солуни, опираясь на революционную организацию Яне Санданского и албанских националистов, подняли восстание в армейских частях и потребовали восстановления Конституции 1876 г. В Меморандуме младотурок подчеркивалось, что Македония является равноправной провинцией Турецкой империи, жители которой без религиозных и национальных различий провозглашаются "оттоманами", а македонский вопрос становится "оттоманским" [8, 1908, 12.08]. Однако, несмотря на обещания, младотурки вскоре взяли курс на свертывание революции, так и не поставив на повестку дня национальный и другие вопросы демократического характера [9].

Реакция великих держав на события в Турции была неоднозначной. Если Австро-Венгрии и Германии революция грозила потерей влияния в империи, то Великобритании, Франции и России политика султана вселяла надежды на усиление их позиций в Константинополе. Поглощенные перераспределением сфер влияния в Османской империи, державы отодвинули македонский вопрос на второй план. Младотурецкая революция резко изменила внешнеполитический курс Австро-

Венгрии, которая, опираясь на Германию, отказалась от поддержки суверенных прав султана и взяла курс на захват Боснии и Герцеговины. Париж в сентябре 1908 г. заключил договор с Турцией о предоставлении ей срочного кредита и очередного займа, в ответ получив обещания о размещении во Франции военных заказов. Лондон направил своих представителей для реформы таможенного, банковского дела и флота и начал подготовку проекта укрепления Босфора [10: 638–639]. Петербург также не бездействовал. На совещании при министре иностранных дел А.П. Извольском 3 августа 1908 г. была поставлена задача улучшения отношений с Константинополем. Аннексия Боснии и Герцеговины и провозглашение полной независимости Болгарии 5 октября 1908 г. активизировали деятельность российской дипломатии по созданию блока балканских стран, включая Турцию, который был бы направлен против усиления присутствия Дунайской монархии в этом регионе. Предложенный Порте в начале октября этого же года проект русско-турецкого соглашения предполагал открытие Турцией Проливов и признание независимости Болгарии. Россия же обещала султану отказаться от невыплаченных контрибуций за войну 1877–1878 годов, а также поддержку в отмене капитуляционного режима и статей Берлинского трактата, ограничивавших его суверенитет над Македонией, тем самым предавая интересы македонских славян. В мае 1909 г. послом в Константинополь был назначен сторонник русско-турецкого сближения Н.В. Чарыков, который начал энергично проводить в жизнь курс правительства. Однако осуществление планов России активно противодействовали Великобритания и Германия, а Турция медлила с ответом, лавируя между интересами держав [11: 312–332].

Более успешными оказались контакты русской дипломатии с балканскими странами. При ее содействии в 1908 г. было заключено сербско-болгарское соглашение, восстановлены отношения между Сербией и Черногорией, урегулирован болгаро-турецкий конфликт, возникший после провозглашения независимости Княжества [12: 95].

Несмотря на активизацию России на Балканах, она, как и в предшествующие десятилетия, прилагала все усилия для того, чтобы отложить решение македонского вопроса, которое могло привести к ухудшению отношений между предполагаемы-

ми союзниками и разрушить планы по созданию антиавстрийского блока.

Изменение ситуации в Османской империи и связанная с ним переориентация России, нашли свое отражение на страницах либеральных "Русских ведомостей", которые призывают не забывать о македонской проблеме, хотя при ее решении Европе придется теперь учитывать "и выступление младотурок, и противодействие турецкого правительства" [13, 1908, 12.07]. С недоверием к обещаниям младотурок отнеслась и милковская "Речь", выразившая сомнения по поводу их заявления, что македонский вопрос более не существует [8, 1908, 20.08].

Представляет интерес проследить, как на фоне переориентации внешней политики России менялись взгляды буржуазно-монархического "Нового времени" на македонский вопрос. Младотурецкую революцию газета встретила холодно, без оптимизма; в своих передовицах она подчеркивала: "Законный интерес и право России... заключается по-прежнему в ограждении Македонии от злодейств турецкой администрации, как бы она не называлась – старой или молодой" [14, 1908, 11.07]. "Россия должна быть подготовлена на тот случай, если надежды на самоисцеление Турции вновь разлетятся в прах...", – продолжало издание [там же, 27.07]. Когда же из Европейской Турции начали поступать тревожные сообщения о свертывании революции и наступлении на права христиан, "Новое время" констатировало: "Македонский вопрос снова становится на очередь дня" [там же, 14.08]. Всего лишь несколько месяцев спустя, газета, учитывая стремления российского правительства к созданию антиавстрийского союза, свои надежды на сохранение мира и установление "равновесия" на Балканах уже связывала с "согласованными действиями Турции, Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины" [там же, 2.11]. С этого времени главной целью передовиц "Нового времени", посвященных македонскому вопросу, стала пропаганда предотвращения его решения балканскими странами. После провозглашения независимости Болгарии в дипломатических кругах великих держав и балканских стран существовали опасения, что Царство может попытаться присоединить Македонию. Возможность такого развития событий вызывала тревогу и у "Нового времени".

Газета, манипулируя "австрийской опасностью", предостерегала, что это вызовет "протест" Сербии и "выльется в войну", в которую непременно вмешается Вена. При любом ее исходе Сербия перестанет играть какую-либо роль на Балканах, а Болгария окажется на границе с "наступающим германизмом и скоро сама станет его жертвой", – считал автор передовицы [там же, 21.12].

Резкой критике подверг внешнеполитический курс Извольского Л. Каменев на страницах "Социал-демократа", заявив, что "российский абсолютизм" не может руководить внешней политикой [15, 1909, 28.02]. Не осталась без внимания публицистов, выражавших свои взгляды на страницах этой газеты, и политика младотурок. Так, в одной из своих статей лидер меньшевизма Л. Мартов отмечал: "В области национального вопроса не сделано ни одного решительного шага даже в том весьма скромном направлении, которое младотурки наметили в своей программе..." [там же, 23.05].

В начале 1909 г. в связи с приходом к власти в Константинополе прогерманских кругов, идея Петербурга о всебалканской федерации стала нереальной. Вместе с тем в правящих кругах России постепенно набирало силу течение, представители которого ориентировались на создание блока славянских государств, направленного против Турции [16: 347–348]. Создание такого союза соответствовало интересам и самих балканских стран. Предвидя скорый распад Османской империи, они стремились с помощью совместных действий завершить идею "национального освобождения и объединения", неотъемлемой частью которой каждая из них считала присоединение всей Македонии или части ее.

Между тем, стала накаляться ситуация в македонских вилайетах. Младотурки начали наступление на все революционные организации, национальные партии и клубы, которые были легализованы в ходе революции. Стремясь возродить былое могущество империи, они проводили политику "оттоманизации" нетурецких народностей, ограничивали права церковно-школьных общин. В ходе осуществлявшихся турецким правительством акций разоружения македонского населения совершились жестокие насилия над славянами. "Политика и дела младотурок перешли всякие границы.., все о чем пишут газеты – аресты, побои, истязания, убийства, к сожале-

нию, является истиной", – писал болгарский генеральный консул в Салониках А. Шопов [17: 163].

Взрывоопасная обстановка в Европейской Турции активизировала контакты балканских стран и поставила македонский вопрос снова в центр внимания великих держав. Россия активно посредничала на переговорах между Сербией и Болгарией, Великобритания – между Грецией и Болгарией. Секретный болгаро-сербский договор, подписанный 13 марта 1912 г., гарантировал сторонам целостность их государств и предлагал помочь друг другу в случае нападения на одну из них. В секретном приложении оговаривалось, что совместные действия против Турции могут быть начаты только с одобрения России. Что касалось раздела европейских владений Османской империи, то Сербия по договору должна была получить территории к северо-западу от Шар-Планины, а Болгария – во Фракии, к востоку от Родоп и Струмы. Спорную же северо-западную часть Македонии предполагалось разграничить после войны при арбитраже российского императора. 29 мая 1912 г. были подписаны греко-болгарские договор и военная конвенция, а в сентябре заключено болгаро-черногорское соглашение [18].

Выступая посредником в создании Балканского союза, Петербург прилагал немало усилий, чтобы его участники договорились о размерах своих территориальных приобретений в Македонии. Царское правительство, озабоченное тем, как удовлетворить экспансионистские стремления балканских государств, и в то же время не причинить ущерба своему возросшему авторитету, не особенно интересовалось этнической принадлежностью македонского населения и его судьбой. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал по этому поводу, что главной целью балканской политики России являлось "торжество идеи господства балканских народов на Балканском полуострове", достижение которого "тормозилось... их взаимными между собой раздорами на почве соревнования в Македонии.., поэтому в глазах русской политики первая серьезная попытка полюбовного размежевания взаимных интересов сербов и болгар в этой спорной области ... имела особое значение" [19: 62–63].

С оптимизмом отнесся к идее балканского соглашения печатный орган Русского Синода "Церковные ведомости", инте-

ресовавшийся, однако, лишь религиозными проблемами этого региона. С "объединением православия" газета связывала решение греко-болгарского церковного конфликта [20, 1910, № 51–52].

Отставало в своих оценках изменившейся ситуации "Новое время", которое в передовицах антиавстрийской направленности продолжало ратовать за создание балканского союза с Турцией. По его мнению, только такая "сила" могла остановить "тевтонский напор к Эгейскому морю" [14, 1909, 23.10]. Не считала газета препятствием для образования коалиции и разногласия союзников по поводу судьбы Македонии. Она утверждала, что если болгары этой провинции Османской империи получат права равные с турками, а также "религиозную и национально-бытовую свободу", то исчезнет необходимость вмешательства Болгарии и Сербии в македонские дела [там же, 6.11]. Связывая с созданием союза окончательное решение македонского вопроса, "Новое время" отмечало: "Балканская федерация ... есть вопрос жизни и смерти всех балканских народов... Для Турции... точно так нет другого выхода, как вступить ради самообороны в общебалканский союз. К нему, в конце концов, должна будет примкнуть и Греция" [там же, 14.11]. Отождествляя свою точку зрения с позицией официальной России, газета по-прежнему считала главной задачей Петербурга на Балканах "обеспечение твердого порядка и мира". Основным же условием восстановления отношений с Австро-Венгрией она видела отказ последней от "наступательных притязаний" в этом регионе [там же, 1910, 6.03]. Не повлияли на позицию газеты и сообщения из Македонии о турецких бесчинствах; она лишь "рекомендовала" Турции "не усложнять отношений с Болгарией" и принять меры по восстановлению порядка [там же, 1.08]. Однако вскоре тон высказываний "Нового времени", обеспокоенного угрозой нарушения мира в Македонии, стал более резким. В одной из передовиц в феврале 1911 г. утверждалось, что причины македонских беспорядков "создаются и поддерживаются самим оттоманским правительством" [там же, 1911, 17.02]. Газета считала, что главным условием заключения балканского соглашения могло быть только "искреннее решение Турции коренным образом изменить свое отношение к славянским подданным империи", в частности, улучшить положение в

Македонии. "Установление в этой области широкого местного самоуправления с сохранением оттоманского суверенитета удовлетворило бы одинаково и национальные стремления македонцев, и государственные интересы Оттоманской империи", – писала она [там же].

В идеи создания федерации балканских государств видели самое "выгодное" и "безболезненное" решение всех проблем этого региона и "Русские ведомости" [13, 1910, 17.02]. Иного мнения по этому поводу придерживался публицист С. Котляревский: "Ближний Восток полон каких-то неразрешимых противоречий, при свете которых балканская федерация кажется беспочвенной утопией", – заключал публицист [там же, 1911, 2.07].

Несмотря на поддержку великими державами создания Балканского союза, они не были заинтересованы в начале военных действий в ближайшее время. Российское правительство прилагало все усилия для предотвращения кризиса. Прежде всего, оно убеждало воздержаться от конфликта софийский кабинет, а Порте рекомендовало немедленно приступить к проведению реформ в Македонии. В сентябре 1912 г. в ходе поездки С.Д. Сазонова в Германию, Великобританию и Францию был разработан совместный проект договора великих держав в деле предотвращения войны и сохранения status quo на Балканах. После достигнутого принципиального согласия между Россией и Австро-Венгрией 25 сентября правительству балканских стран был направлен Меморандум, в котором предупреждалось, что державы не допустят территориальных изменений в Европейской Турции. Через два дня была вручена и нота султану с требованием начать осуществление преобразований в македонских вилайетах [11: 349–350]. Российский министр иностранных дел отмечал, что для "задержания хода балканских событий, развивавшихся со стремительной быстротой... были испробованы все средства, которыми располагает дипломатия, начиная от убеждений и кончая угрозою непризнания того нового территориального положения, которое явилось бы результатом удачного для балканских союзников исхода войны" [19: 73].

В связи с реально возникшей угрозой конфликта "Новое время", поддерживая правительство, также начало на своих страницах антивоенную кампанию. Ссылаясь на пример ре-

шения критского вопроса, газета считала, что македонскую проблему, а вместе с ней и балканский кризис, ликвидирует предоставление этой провинции автономии во главе с генерал-губернатором и помощниками – христианином и мусульманином, где местные власти должны быть той национальности, к которой принадлежит большинство населения района, а в административный совет должны входить три мусульманина и три христианина. По мнению "Нового времени", основой соответствующего решения македонского вопроса являлся § 23 Берлинского трактата, а его осуществление, несомненно, "умиротворило" бы эту область, что и отвечало интересам России [14, 1912, 25.08]. За месяц до начала Первой Балканской войны газета, надеясь на сохранение мира, считала, что европейская дипломатия должна "втолковать" Турции единственное решение, которое спасет ее "от покушения со стороны мелких балканских государств", – предоставление автономии Македонии, "заинтересованной в сохранении своей независимости" [там же, 9.09]. В одной из своих следующих статей, посвященной балканским проблемам, "Новое время", используя свой старый прием с австро-венгерской угрозой, пыталось доказать союзникам нецелесообразность войны. Согласно его утверждениям, Вена, стремившаяся "повторить с Македонией судьбу Боснии и Герцеговины", не допустит разгрома Турции и поможет ей противостоять христианам, поражение которых "будет иметь ужасающие последствия" для них. По мнению газеты, только Россия в союзе с Великобританией и Францией может сохранить мир на Балканах, заставить Турцию предоставить автономию Македонии, "затушить начинаящийся пожар и положить предел вожделениям Австрии" [там же, 11.09; 14.09]. Когда, вопреки попыткам держав, неизбежность войны стала очевидной, "Новое время" направило все свои усилия на предотвращение вмешательства в нее других европейских стран, то есть на ее локализацию [там же, 22.09]. По мере того как обстановка на Балканах накалялась газета постепенно склонялась и к необходимости договоренности с Австро-Венгрией о совместной политике в этом регионе. Пытаясь любыми методами сохранить в Европейской Турции существующее положение, она предлагала "в случае победы Турции предоставить ей денежную компенсацию, а если верх

одержат балканские государства – то автономию Македонии и Старой Сербии" [там же, 23.09].

За сохранение мира активно выступали и "Биржевые ведомости", полагавшие, что балканским странам необходимо предоставить твердые гарантии о введении Портой преобразований. Только тогда, по мнению газеты, "балканские события войдут в свои берега, а немусульманское население Турции получит надежду на безопасное и сколько-нибудь свободное существование" [21, 1912, 11.09].

Иных взглядов на македонскую проблему придерживались "Русские ведомости", которые считали кризис на Балканах "закономерностью времени". По мнению либералов, группировавшихся вокруг газеты, положение в Македонии было таково, что "*status quo* не находит здесь для себя никакого оправдания". Призывая великие державы мирным путем решить судьбу этой области, они отвергали реформистский путь, не предлагая, однако, своего варианта выхода из этой острой ситуации [13, 1912, 19.09].

В разрез с официальной политикой публицист "Z" на страницах дворянско-монархических "Санкт-Петербургских ведомостей" считал путь, выбранный балканскими государствами, правильным и призывал их "действовать быстро и единодушно", объясняя свою точку зрения безуспешностью попыток держав ввести реформы в Македонии [22, 1912, 28.09].

Между тем, военные приготовления балканских стран вступили в завершающую фазу, и дипломатия держав не смогла удержать союзников от начала военных действий. Первую Балкансскую войну начала 9 октября 1912 г. Черногория; 17 октября в нее вступили Сербия и Болгария; 18 октября – Греция. Таким образом, закончился мирный, дипломатический этап решения македонского вопроса.

Наряду с публицистами, ратовавшими за сохранение существующего положения на Балканах, самый многочисленный лагерь в рассматриваемый период составляли сторонники проболгарского взгляда на проблему. В их число входил известный юрист и член Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества Александр Башмаков, в жизни которого Болгария оставила заметный след. В 1881 году он работал в Пловдиве секретарем законодательной комиссии. После – был первым директором областной библиотеки и

музея Восточной Румелии. Македонию он посетил осенью 1899 г., будучи юрисконсультом российского МИД [23]. Свои аналитические статьи, написанные в ходе путешествия, Башмаков подписывал криптограммой "В.О.", под которой скрывался его псевдоним "Вещий Олег".

Вызывает интерес его публикация, появившаяся в 1908 г. на страницах либеральной газеты "Россия", где А. Башмаков, критически рассмотрев существовавшую статистику, представил собственные данные, из которых следовало, что население Македонии составляли: 1.099.737 болгар-христиан, 146.803 болгар-мусульман, 72.399 сербов, то есть 1.318.939 всех славян; 494.964 турок, 221.637 греков, 160.812 албанцев, 73.389 арнаутов, 67.840 евреев, 55.597 цыган, 24.847 прочих, то есть всего 2.418.025 [24, 1908, 7.08]. Опираясь на эти цифры и личные впечатления, полученные во время путешествия по городам Салоники, Битоль, Велес, Прилеп, ученый повторил вывод, сделанный им уже ранее: "Болгарский язык есть природный язык македонского населения" [там же, 6.08]. Будущее Македонии специалист по Балканам напрямую связывал с политикой Белграда по отношению к сербским землям, находившимся под властью Габсбургов: "Пусть укрепится сербизм на Адриатике и тогда укрепится болгарское владычество на берегу Эгейского моря" [25: 28].

"Сами македонцы признают себя в большинстве случаев за болгар, с которыми поддерживают ближайшие культурные и политические отношения", – соглашался с Башмаковым видный ученый-славист А.Л. Погодин (1872–1947) в книге "История Сербии" [26: 1]. В другой работе, посвященной истории Болгарии, исследователь, считая македонское возрождение неотъемлемой частью Возрождения Болгарии, подтверждал это фактами совместной борьбы македонцев и болгар за независимую от патриархии церковь [27: 186]. Выдвигая на первый план экономическое и культурное развитие Болгарии, Погодин второй важнейшей задачей считал "объединение болгарского народа и, значит, слияние с Македонией" [там же: 224]. Ученый приветствовал восстановление в Турции Конституции 1876 г. (июль 1908 г.), иллюзорно надеясь, что теперь "такой жгучий вопрос как македонский исчезнет, потому что принцип равноправия народов в Оттоманской империи приведет к сближению быстрыми шагами балканских

народов, а европейским державам соответственно не для чего будет вмешиваться во внутренние ее дела и делить здесь сферы своего преимущественного влияния" [28: 9].

В 1909 г. вышел в свет капитальный труд видного русского византолога Н.П. Кондакова (1844–1925) "Македония. Археологическое путешествие" [29], в котором автор, являвшийся руководителем научной экспедиции Академии Наук в Македонию летом 1900 г., опубликовал результаты исследований по изучению старых памятников и установлению этнической принадлежности ее населения. Столь большой разрыв между временем экспедиции (в состав которой вошли историк П.Н. Милюков, языковед П.А. Лавров, архитектор П.П. Покрышкин, художник Д.А. Крайнев) и изданием книги объяснялся сложностью затронутых этнографических вопросов, что потребовало привлечения дополнительных научных сил [4: 71]. Отмечая искусственную запутанность македонской проблемы "политиками и пристрастными учеными", Кондаков предупреждал читателей, что "мы не решаемся нигде вмешиваться в ведущую политику" [29: 5]. На основании исследований, продолжавшихся несколько месяцев, собранных богатых этнографических и других материалов, сопоставления различных статистических данных и изучения работ русских и западноевропейских ученых экспедиция пришла к главному выводу: "...в лице македонских славян мы имеем определенную национальную группу, совершенно ясно примыкающую к народности, населяющую собственную Болгарию. На всем нами обозримом пространстве, от Охрида до Скопье и Куманово, живет один народ, который и в IX веке называл себя болгарами" [там же: 290]. В то же время автор указывал на "неоспоримость ряда сербских культурных пунктов, открытых археологами в Скопском округе" [там же]. Кондаков, рассмотрев все научные аргументы, "единственно справедливым" решением вопроса признал "предоставление почти всей Македонии болгарам, за исключением некоторых ее северо-западных местностей, примыкающих к Старой Сербии". Но, будучи реалистом, он понимал всю трудность выполнения этого проекта, который, несомненно, вызвал бы возражения со стороны Сербии, нарушив и без того шаткое равновесие на Балканах [там же: 295].

Последнее обстоятельство учитывал и публицист В. Викторов-Топоров, который на страницах либерально-народнического журнала "Русское богатство" высказался за автономию Македонии, хотя вслед за Кондаковым признавал, что "Болгария стоит по духу и по языку ближе всех других балканских государств к населению этой области" [30, 1910, № 3: 44].

Такое же решение македонского вопроса поддерживал сотрудник издания Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества "Славянские известия" Н.И. Сурин, который считал автономию одним из шагов на пути создания балканской федерации, направленной против "немецкого Drang'a" [31, 1910, № 1: 31]. Придерживаясь явной антинемецкой позиции и выдвигая на первый план общность интересов балканских славян, публицист обвинял Германию в возникновении сербско-болгарской вражды. По его мнению, именно "немцы создали новую теорию, что в Македонии живут не болгары и не сербы, а славяне, похожие и на тех, и на других, поэтому оба государства имеют одинаковые права на нее" [там же, № 2: 152]. Принимая первые шаги двух соседних держав по их сближению как уже свершившийся факт, Сурин далее утверждал, что "Сербия, отрезвившись после аннексии Боснии и Герцеговины, решила отомстить Австро-Венгрии и соперничество в Македонии было забыто" [там же]. Журналист, изменив своей первоначальной точке зрения, предлагал отдать Македонию болгарам, а Старую Сербию – сербам. Не видя никаких серьезных препятствий осуществлению данного проекта, автор оптимистично отмечал, что "осталось провести только границу, по поводу которой существуют некоторые разногласия", названные им лишь "пограничными недоразумениями" [там же: 156]. Вопреки реальным фактам Сурин и в следующей статье писал, что македонский вопрос стал снова, как и до Берлинского трактата, "чисто болгарским, поскольку сербы и греки отвернулись от Македонии", направив свои стремления соответственно на Боснию и Герцеговину и на Крит [там же, № 5–6: 559].

Определенную роль в формировании взглядов общественности на македонскую проблему сыграли и работы иностранных ученых, изданные в России. Так, чешский славист Л. Нидерле (1865–1944) в книге "Обозрение современного слав-

виянства" [32], подчеркивая крайнюю политизированность данного вопроса, писал, что "даже самые лучшие труженики обеих сторон не всегда могли отбросить одностороннюю точку зрения" [там же: 151]. Сам же автор, добросовестно проанализировав многочисленную литературу об этнической принадлежности македонских славян, пришел к следующим выводам. Во-первых, национальное сознание славянского населения Македонии и Старой Сербии "до сих пор не вполне и неравномерно развито" по сравнению с болгарами или сербами. Во-вторых, он все же признал, что большинство македонцев "чувствуют себя болгарами", считая при этом этоним "бугарин" названием древним, а не пришедшем из болгарской церковной пропаганды [там же: 153]. В-третьих, говоры македонских славян Нидерле характеризовал как переходный тип от экавского сербского наречия к языку восточной Болгарии, "более близкий главными своими признаками все-таки к языку болгар, чем сербов" [там же: 154]. Отвергая претензии Греции, Румынии и Турции на Македонию как "слишком преувеличенные", исследователь иначе относился к требованиям Сербии. По его данным, сербы составляли большинство в окрестностях Скопье, Тетово, Куманово и Кратово, т.е. в Старой Сербии, а общее число их в Македонии автор доводил до 300.000 человек [там же: 155].

Следует отметить активную публицистическую деятельность Н.Н. Дурново*. В 1908–1912 гг. старейшина российской журналистики опубликовал на страницах "Санкт-Петербургских ведомостей" свыше 25 статей, без сомнения, задававших тон выступлениям газеты по македонскому вопросу. Справедливо связывая младотурецкую революцию с началом "оттоманизации" Македонии, он предлагал Греции, Сербии, Болгарии и Черногории, как "народам единым нам по духу", образовать балканскую федерацию, что вполне согласовывалось с политикой официального Петербурга в это время [22,

* Не путать с известным русским историком и филологом, также писавшим о Балканах, Н.Н. Дурново (1876–1937). Несмотря на обилие в российской прессе статей публициста Дурново, затрагивавших, в основном, церковные проблемы южных славян и народов Российской империи, сведений биографического характера о нем найти не удалось. Известно лишь, что он три раза посетил Сербию, с 1869 года переписывался с митрополитом серbsким Михаилом, был лично знаком с известными общественными деятелями Сербии И. Ристичем, М. Милоевичем, Н. Пашичем и другими (См.: [33]).

1910, 21.10; 23,11]. "Сила каждой народности на Балканах заключается в единении между собой, тогда не только македонский, а и ближневосточный вопрос приблизится к окончательному разрешению: дни Турции и Мадьяро-Швабии будут сочтены", – писал публицист [там же, 13.02]. Предварительным условием создания такой коалиции, по замыслу Дурново, должно было стать "разграничение Македонии по народностям и новое административное деление на казы и санджаки" на основе уже сложившегося деления Европейской Турции на православные церковные епархии, из которых – 7 македонославянских, 4 болгарских, 1 греческая и 1 сербская [там же, 1908, 16.09]. Детализируя свой проект, автор представлял будущую Македонию в виде четырех автономных генерал-губернаторств: греческого, с центром в Янине, для юго-западной Македонии и Эпира, в котором "преобладают православные греки"; старосербского, с центром в Скопье, для Старой Сербии, Ново-Пазарского санджака и северной Македонии; славяно-македонского, с центром в Охриде и Салоникского, для Халкидского полуострова и греческого населения, проживавшего на побережье Эгейского моря [там же, 1912, 6.09]. Таким образом, Дурново противоречил сам себе, признавая, с одной стороны, наличие болгар в Македонии (4 епархии), а с другой – не отводил им в будущем устройстве края ни одной территориальной единицы, в то же время "награждая" греков двумя.

На разделе Македонии настаивала в одной из передовиц и газета "Новое время", которая предлагала взять за основу карту этой области немецкого ученого К. Пейкера, "как незаинтересованного в македонских делах". Карта иллюстрировала границы "сфер интересов по языку", согласно которым "можно разграничить и сами национальности". По мнению газеты, лишь на юге существовала спорная греко-болгарская зона, а к востоку от Скопье – сербско-болгарская [14, 1912, 3.06].

Нашла свое отражение в публикациях некоторых российских авторов и точка зрения о неопределенном национальном сознании македонских славян, которую отстаивал известный сербский профессор географии и этнографии Йован Цвич (1865–1926) [34: 6]. В связи с этим представляет интерес эволюция взглядов на македонскую проблему русского народа-

вольца, корреспондента нескольких российских изданий в Болгарии И.Н. Кашинцева (1860–1917) [35]: от полного признания в 1898 г. населения македонских вилайетов болгарским [36, 1898, № 1: 344–345] до определения его в 1908 г. "слабо дифференцированной этнографической средой" [там же, 1908, № 9: 73]. Прожив к тому времени уже 16 лет в Болгарии и посетив несколько раз Европейскую Турцию, публицист писал: "Какова бы ни была истинная национальная сущность христианского населения Македонии, она никогда не мешает македонцам именовать себя, а отчасти и чувствовать, то греками, то сербами, то болгарами, в зависимости от чисто политических условий, места и времени, от того, что при данных условиях казалось более выгодным или более безопасным". Такая точка зрения автора вытекала из его личных наблюдений над жителями одних и тех же сел [там же]. Признавая все же "политические успехи" болгар в крае, Кашинцев считал их лишь следствием многолетней работы Княжества "над осуществлением своих национальных идеалов", отвергая при этом какие-либо филологические, исторические или этнографические аргументы [там же].

К аналогичным выводам пришел и русский путешественник П.А. Ригтих, опубликовавший в 1909 г. свои впечатления от поездки в Македонию восьмилетней давности. Автор считал, что "македонцы в массе своей не имеют и по сию пору национального и политического самосознания" из-за политики турок, которые признавали деление славянского населения только по религиозному признаку [37: 141].

В 1909 г. четвертый раз посетил Македонию в качестве корреспондента ряд российских газет известный беллетрист А.В. Амфитеатров (1862–1938). В книге "Славянское горе" [38] он практически повторил выводы, сделанные им ранее, в путевых заметках "Страна раздора" [39]: "Македонцы – это ни болгары, ни сербы, а первобытный славянский народ, с простым корневым языком в высшей степени способным подчиняться любой форме, которую предложит ему другая, более влиятельная и выработанная славянская культура" [38: 246]. Свою точку зрения автор доказывал тем, что в населенных пунктах, где в результате религиозно-культурной деятельности были созданы болгарские школы, македонцы становились болгарами, там, где сербские – сербами. По утверждению

Амфитеатрова, "с равным удобством они таким же образом могли бы превратиться под образовательно-религиозным влиянием в малороссов, великороссов или поляков" [там же: 247]. Что касалось дальнейшей судьбы Македонии, то в книге подчеркивалось: "Она упадет в объятия того из соседей, кто освободит ее от турецкого ига" [там же: 252].

Публицист "Z" указывал, что население Македонии "не имеет специфического национального самосознания и только по ненависти к туркам или грекам примыкает к сербским или болгарским течениям", за исключением Скопского и Тетовского санджаков, которые автор относил к Старой Сербии [22, 1912, 12.08]. Вслед за Драгановым, Ягичем и другими авторами, "Z" считал язык македонских славян "не окончательно определившейся смесью" болгарского и сербского языков. Единственно же правильным решением македонского вопроса он считал предоставление Македонии статуса автономии под контролем европейских держав. По мнению автора статьи, "только таким образом еще не слившиеся славянские элементы ее населения объединятся, спаяются и составят новую разновидность славянского племени, способную к самостоятельной гражданской жизни" [там же].

Таким образом, активизация России на Балканах в 1908–1912 гг. не вызвала интенсивного обсуждения македонского вопроса в прессе. Связано это было, прежде всего с тем, что большинство славистов и публицистов уделяли больше внимания младотурецкой революции, боснийскому кризису, провозглашению независимости Болгарии. Некоторые из них возлагали надежды на решение всех национальных проблем Европейской Турции на младотурецкую революцию (А.Л. Погодин) или создание балканского союза ("Русские ведомости"). Официальный Петербург же в рассматриваемый период не был заинтересован в решении македонского вопроса, которое повлекло бы за собой изменение существующего в этом регионе положения. Такая политика правительства находила поддержку на страницах "Нового времени", остававшегося, пожалуй, единственным печатным органом, продолжавшим активно освещать македонский вопрос.

Лагерь приверженцев решения македонского вопроса в пользу Болгарии представлен именами ученых и публицистов широко известных российскому обществу (Башмаков, Пого-

дин, Кондаков), причем некоторые авторы (Викторов-Топоров, Сурин), признавая болгарским характер населения Македонии, в качестве выхода из кризиса предлагали последней предоставить автономию. К ним примыкал публицист "Z", придерживавшийся точки зрения о несформировавшемся национальном сознании македонского населения. В то же время разделявшие подобный взгляд И. Кашинцев и П. Ритих, не предлагали каких-либо путей решения проблемы. Идею раздела Македонии выдвигал Н. Дурново, связывая ее с созданием балканского союза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Станоевски Цв.* Како ја видоа Македонија. Руски публикации за Македонија. 1829–1913. Скопје, 1978.
2. *Андонов-Полјански Хр.* Македонското прашање. Скопје, 1990.
3. *Германов Ст.* Македония и Одринска Тракия в пътните бележки на руски учени и кореспонденти (края на XIX – нач. на XX в.) // Исторически преглед. 1988. № 4.
4. *Германов Ст.* Руската общественост и революционото движење в Македония и Одринско. 1893–1908. София, 1992.
5. *Бурбъга В.А.* Российская печать о реформах в македонских вилайетах Османской империи (1904–1909) // Болгария, Дагестан, Турция. Вып. II. Махачкала, 1997.
6. *Бурбъга В.А.* Российское славяноведение и публицистика об этнической принадлежности македонских славян (1893–1903 гг.) // Болгарский ежегодник. Т. 3. Киев, 1998.
7. *Бурбъга В.А.* Македонският въпрос в кореспонденцията на руската дипломация 1893–1908 г. (По материали на консулствата в Солун и Битоля) // Македонски преглед. 1996. № 1.
8. Речь, 1908–1912.
9. *Шпилькова В.* Младотурецкая революция. 1908–1909 гг. М., 1977.
10. История дипломатии: В 2 т. Т. 2. М., 1963.
11. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
12. *Тодорова Цв.* Обявяване независимостта на България през 1908 и политиката на империалистически сили. София, 1960.
13. Русские ведомости, 1908–1912.
14. Новое время, 1908–1912.
15. Социал-демократ, 1908–1912.
16. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961.
17. *Шопов А.* Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995.
18. Дипломатические переговоры, предшествовавшие первой балканской войне // Красный архив. 1925. Т. 1,2.
19. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

20. Церковные ведомости, 1908–1912.
21. Биржевые ведомости, 1908–1912.
22. Санкт-Петербургские ведомости, 1908–1912.
23. Български исторически архив при Национална библиотека "Св. св. Кирил и Методий" в София. Ф. 278. Бобчев Н.С., а.е.309, л.3.
24. Россия, 1908–1912.
25. *Башмаков А.А.* Балканские речи. СПб., 1909.
26. *Погодин А.Л.* История Сербии. СПб., 1909.
27. *Погодин А.Л.* История Болгарии. СПб., 1910.
28. *Погодин А.Л.* Балканский кризис и боснийский вопрос // Новое слово. 1910. № 6.
29. *Кондаков Н.П.* Македония: археологическое путешествие. СПб., 1909.
30. Русское богатство, 1908–1912.
31. Славянские известия, 1908–1910.
32. *Нидерле Л.* Обозрение современного славянства. СПб., 1909.
33. Воспоминания Н.Н. Дурново "К истории сербской войны 1876 года" // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 1. С.530–537.
34. *Цвијић Ј.* Неколика праматрања о етнографији македонских словена. Београд, 1906.
35. *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашиццев (Калина) // Исторически преглед. 1967. № 3.
36. Вестник Европы, 1898–1912.
37. *Ритих П.А.* По Балканам: Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909.
38. *Амфитеатров А.В.* Славянское горе. М., 1912.
39. *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. СПб., 1903.

Р.П. Гришина
(Институт славяноведения РАН)

**ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДА
НА МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЕ
1922–1924 гг.**

(По документам российских архивов)

Переворот в России в октябре 1917 г., приход к власти большевиков коренным образом изменили содержание государственной политики страны во внешней области. Одним из главных ее ориентиров стала идея мировой революции, порождавшая готовность оказать моральную и материальную помощь "кризисным странам" в случае вспышки в них революционных событий.

Балканский регион большевики считали потенциально революционным и отводили ему в своих планах роль одного из очагов всемирной революции. Изменения на карте полуострова, явившиеся результатом первой мировой войны, как и всю Версальскую систему мирных договоров, советское руководство в начале 20-х годов не признавало и определяло исключительно как "империалистический, грабительский передел мира". В такой системе координат власти Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов, словенцев (КСХС) – государств, щедро вознагражденных великими державами-победителями новыми территориями за счет соседей, стали в лексиконе Советов именоваться также империалистическими.

На практике переход в разряд "империалистических", например, для КСХС означал наряду с утратой российского покровительства (столь ценного для Сербии в свое время и дорогостоящего для самого царизма, опиравшегося на активное использование символов типа славянского и православного братства) превращение вместе с "новыми" Грецией и Ру-

мынией в государственные образования, обреченные согласно классовой марксистской идеологии, на целенаправленное разрушение. Болгария же оказывалась в ряду балканских стран в особом положении – как страна, потерпевшая поражение, и частично за счет которой в регионе был произведен территориальный передел. Впрочем, пострадала она, в соответствии с той же большевистской системой ценностей, опять-таки из-за империалистических устремлений своих вождей.

Такой была общая оценка. Конкретных решений центральных советских или партийных органов в отношении балканских стран, судя по доступному архивному материалу, до первой половины 1922 г., когда, интерпретируя слова наркома иностранных дел Г.В. Чicherина, началось "зондирование" Балкан, не существовало. До тех пор – в период становления органов советской власти, их постоянного изменения, переоформления, перетекания или даже исчезновения – общая неустойчивость и неслаженность государственного аппарата не располагали к планомерному сбору конкретного балканского материала. Да и после отлива волны революционных событий на Западе Советам приходилось решать в первую очередь внутренние задачи – не до македонских проблем было. Тем не менее определенная информация о положении на Балканах, далеко не систематизированная, поступала к большевистскому руководству, до поры до времени, однако, не преобразовываясь в специальные решения. Поэтому один из вопросов, на которые хотелось бы найти ответ, – это вопрос об источниках информации относительно македонских проблем, приходившей в Москву в период, предшествовавший времени, когда большевистское руководство стало уделять балканским делам особое внимание и приступило к целенаправленному зондированию региона.

В поисках ответа на поставленный вопрос, обратимся прежде всего к Коминтерну, имея в виду и его балканских деятелей, и в первую очередь – Кр. Раковского. Именно он, на наш взгляд, сыграл большую роль в закладке основ балканской политики Советской России 20-х годов.

Христиан (Кръстю) Георгиевич Раковский (1879–1941), деятель болгарского и румынского социалистического движения, в 1915 г., на второй балканской социалистической конфе-

ренции, принявший решение об образовании Федерации балканских рабочих социалистических партий, был избран секретарем бюро этой Федерации. В 1919 г. он посчитал эти свои полномочия достаточными, чтобы представлять всю Федерацию на Учредительном конгрессе Коминтерна, в подготовке которого он принял деятельное участие. Подпись Раковского стоит под всеми документами I Конгресса Коминтерна наряду с подписями В. Ленина, Г. Зиновьева, Л. Троцкого, Ф. Платтена.

Х.Г. Раковский полагал себя "принадлежащим" пяти государствам: Болгарии, Румынии, России, Франции, Швейцарии, но ощущал себя болгарином. Будучи деятелем II Интернационала, проделал известную эволюцию от крайне левой позиции в начале XX в. – к центристской к 1911–1914 гг., из-за чего нередко подвергался острой критике со стороны не склонившихся на революционную фразеологию болгарских тесняков, в том числе со стороны их патриарха Д. Благоева, неистового приверженца марксистской доктрины.

Позиция Раковского в македонском вопросе ко времени образования Коминтерна также претерпела изменения. В начале XX в. он видел будущее Македонии в составе Болгарии, жителей македонских земель называл македонскими болгарами, но исходил из того, что этнические проблемы на Балканах следует решать в общебалканском контексте – путем объединения народов полуострова в федерацию, где и Македония будет располагать автономией¹. Национальный вопрос как таковой марксиста Раковского тогда не интересовал: вместе с К. Радеком, Н. Бухариным и другими социалистами, считавшими, что социалистическая революция сама по себе разрешит все проблемы, в том числе и национальные, он отрицательно относился к лозунгу о праве наций на самоопределение. Более того, Раковский не отвергал возможность создания такой федерации силами буржуазных балканских правительств и для этого случая полагал, что на время можно отказаться от принципа классовой борьбы². Образование на Балканах сильного федеративного государства с населением свыше 30 млн. человек и имеющего выход ко всем южным морям казалось привлекательным и вождю тесняков, но посагательство Раковского на приоритет пролетариата в таком

важном деле ничего, кроме резкой критики со стороны Благоева вызвать не могло.

1 мая 1917 г. Раковский был освобожден русскими солдатами "от имени русской революции" из Яссской тюрьмы. Едва выйдя из заключения, Раковский заявил о необходимости перенести революцию в Румынию. Две недели спустя он через Одессу прибывает в Петроград, но ленинской идеи восстания не разделяет, надеясь, что власти можно добиться легальным путем³. Лишь после октябрьского переворота, вскоре после него, он примыкает к большевикам. И сразу становится их истым сторонником, оправдывая жесткую диктатуру и красный террор. С марта 1918 г. по поручению В. Ленина Раковский возглавляет борьбу за советскую власть на Украине и в 1918–1923 гг. становится председателем СНК и комиссаром по иностранным делам этой республики.

Раковский не только воевал за установление советской власти на Украине. Как гласят документы, в апреле 1919 г. "по инициативе Предсовнаркома Украины" в Одессе был создан Революционный Добруджанский комитет, что очевидно было связано со стремлением Раковского "перенести" революцию в Румынию. Хотя, по-видимому, военные действия на территории Советской России не позволили Раковскому развернуть широкую деятельность в этом направлении, но уже в марте 1920 г. действовавшие в Одессе балканские коммунистические группы заявили о необходимости "немедленно возобновить прерванную работу Ревкома Добруджи и немедленно войти в связь с заграничными отделениями Ревкома". Они приняли решение связаться с реввоенсоветом 14-й армии, с губревкомом и губпаркткомом, с III Интернационалом, с Раковским, Лениным и Чичериным, а также о командировании двух лиц в Харьков (не в Москву!) для установления связи и регулирования всех вопросов с СНК Украины и Бюро III Интернационала⁴. В составленном плане работы находим такие пункты, как: "в нужный момент поднять восстание в Добрудже", содействовать разложению румынской армии, организовать интернациональные части, которые первыми перейдут румынскую границу и "поднимут знамя политической социальной революции".

В документах этого периода революционная инициатива на Балканах отдавалась Румынии, там видели основной ее

очаг. Так, в протоколе заседания балканских коммунистических групп от 29 марта 1920 г. говорилось: "Балканский полуостров, в частности Бессарабия и Добруджа, как по своему географическому положению, так и по политическим причинам, вызываемым хищническим версальским миром, будет играть первенствующую роль в деле дальнейшего хода всемирной революции ... Как в прошлом они (Балканы. – Р.Г.) были началом и развязкой мировых событий, так и для дальнейшего развития мировой социальной революции они сыграют свою традиционную историческую роль"⁵.

Но вскоре состав ревкома был расширен, а сам он преобразован в Балканское оргбюро, которое заявило, что объектом своей деятельности считает более десяти стран и отдельных районов, а именно: Болгарию, Румынию, Бессарабию, Добруджу, Сербию, Македонию, Грецию, Албанию, Черногорию, Югославию, Турцию и Венгрию. Форма будущего устройства "освобожденных" революцией территорий в данном документе не определялась, главным было "организовать" победное шествие революции на Балканах и в Средней Европе. Как представляется, столь масштабное расширение революционной зоны не являлось спонтанным: организующую роль, видимо, сыграло коминтерновское "Обращение к пролетариату балкано-дунайских стран" от 5 марта того же года⁶. В нем, кстати, пожалуй, впервые было упомянуто о значении национального вопроса для балканских стран, хотя и не содержалось каких-либо рекомендаций относительно конкретных действий.

Коминтерн, как известно, официально провозгласил своей целью совершение всемирной революции, а себя ее штабом. Роль боевых военизированных отрядов предназначалась компартиям разных стран, признавших руководство собою из Москвы. Наряду с идеалом – Всемирной советской федеративной социалистической республикой на повестку дня был поставлен и вопрос о Балканской советской федеративной социалистической республике, и, как видим, даже шире – о Балкано-Дунайской федерации. Ориентация Раковского, таким образом, кардинально менялась: на смену первоначальной идее создания демократической балканской федерации, провозглашенной на 2-й балканской социалистической конференции 1915 г., и собственным предположениям Раковского

о возможности федерации балканских буржуазных государств, пришла заманчивая идея борьбы за создание федерации социалистической. В общем Раковский проявил себя как весьма гибкий идеолог и политический практик, умеющий приспосабливаться к обстановке, ставить и формулировать задачи.

Любопытные сведения сообщают современные украинские историки В.А. Головко, М.Г. Станчев (кстати, принадлежащий к роду Раковских) и Г.И. Чернявский, работавшие в местных архивах. Сохраняются сотни документов, пишут они, свидетельствующих о прямом участии правительства Украины и его главы в секретных подрывных операциях на Балканах. Раскрывая некоторые из этих документов, указанные авторы утверждают, что Раковский, пользуясь огромной властью, "посыпал в соседние страны, особенно в Болгарию, партийных эмиссаров, которые в свою очередь пытались диктовать линию поведения болгарским коммунистам"⁷. (В настоящее время эти аспекты деятельности Раковского следует отнести к еще совсем не изученным и ждущим своего исследователя).

Таким образом, став большевиком, Раковский в первые годы советской власти предпринимал усилия, нацеленные на превращение восточной части балканского региона в своего рода базу для распространения огня революции на всю балкано-дунайскую территорию; благодаря же социалистической революции сами собой здесь были бы разрешены сложные национально-территориальные вопросы, включая македонский.

Другой стороной деятельности Раковского в интересующей нас области была, несколько позже, дипломатическая, причем на самом высоком уровне: он входил в состав советских делегаций на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях. Большая роль Раковского в работе Генуэзской конференции (весна 1922 г.) отмечена всеми его биографами. Но помимо открытой и известной ее части, имела место значительная кулуарная и другая "побочная" работа, в том числе на балканском направлении, гораздо более знакомом Раковскому, чем главе делегации Г.В. Чичерину и другим ее членам. Так, благодаря дружеским контактам, установленным с болгарским премьером А. Стамболийским (известно, что для

него был устроен неофициальный прием в апартаменте Раковского), большевистским делегатам удалось заручиться помощью Стамболийского в преодолении административных барьеров для приезда в Болгарию советской миссии Красного Креста. Тем самым облегчалось решение первостепенной для Советской России задачи депортации из Болгарии части бывших врангелевцев и другой не менее важной – сопутствующего легального проникновения в эту балкансскую страну многочисленных сотрудников ГПУ, из которых в основном и была составлена советская миссия Российского общества Красного Креста (РОКК), в короткий срок развернувшая свои филиалы в 22 городах. Это обстоятельство отметим особо, так как агенты заместителя председателя ГПУ Й. Уншлихта, присутствие которых и до того давало о себе знать, получив таким образом известную свободу действия⁸, стали направлять в Москву уже регулярные отчеты и информацию с оценкой положения не только болгарских, но и балканских дел вообще. Включая македонские сюжеты. Так создавалась база для еще одного источника информации большевистского руководства по македонскому вопросу, о характере которой будет сказано ниже.

Во время пребывания Раковского в Генуе к нему был проявлен интерес со стороны некоторых деятелей македонского движения, которые искали здесь с ним встречи, назовем в частности Т. Карайовова, Н. Томалевского; поближе к столице международной конференции перебрался А. Протогеров. Не совсем внятные сообщения об этом имеются в мемуарной литературе, иногда встречаются упоминания и в научных исторических сочинениях. Так, македонский историк М. Пандевский пишет, что Протогеров и Томалевский встречались с Раковским через Д. Влахова, входившего в состав болгарской правительственный делегации⁹. Но если такие встречи и имели место, они носили, очевидно, конфиденциальный характер и судить о содержании переговоров не представляется возможным. Здесь же важно отметить подчеркиваемое Пандевским обстоятельство: Раковский и Влахов – старые знакомые по Солуни и Константинополю еще турецкого времени. Думается, их генуэзская встреча (или встречи?) не прошла даром. Во всяком случае, на подобную мысль наталкивают материалы о той роли, которую вскоре пришлось сыграть Влахову в македонско-советских переговорах 1923–1924 гг.

После Генуи влияние Раковского на развитие дел на балканском направлении советской внешней политики выросло в значительной степени. Пожалуй, можно говорить о том, что она приобрела в его лице весьма инициативного деятеля. Так, в своем письме Сталину от 25 ноября 1922 г. относительно тактики советской делегации на Лозаннской международной конференции нарком Чичерин отмечал: "...кроме принятого на Политбюро проекта платформы по ближневосточному вопросу тов. Раковский рекомендует декларативно выдвинуть проект создания балканской федерации (включая Венгрию). Речь идет не о принуждении к этому балканских народов, а о том, чтобы дать им соответствующий совет. При этом имеется в виду не простой союз ... Речь идет о другом – о проекте создания единого балканского государства с уничтожением границ"¹⁰.

Реакция Сталина по поводу этого заявления остается пока за завесой времени. Но 30 декабря 1922 г. российско-украинско-грузинская делегация, представлявшая на Лозаннской конференции советские черноморские республики, выступила со специальным Меморандумом по Восточному вопросу. Заявляя, что мир на Ближнем Востоке и в Европе не может быть прочным, пока сохраняется нарушение прав народов, зафиксированное в мирных договорах, советская делегация выдвигала положение о Балкано-Дунайской конфедерации. В Меморандуме, официально врученном Дж. Керзону, говорилось: "В результате Лондонского и Бухарестского договоров 1913 г., договоров в Сен-Жермене, Трианоне и Нейи целые страны и провинции, как, например, Македония, Черногория, Фракия, Добруджа, территории и города Албании, Далмации, Хорватии, были включены в состав других государств без опроса их населения ... Вышедшая из революции Россия и другие союзные с ней Советские республики отвергли эти договоры и ныне снова заявляют, что они считают несуществующими все территориальные изменения, которые были осуществлены в нарушение принципа самоопределения народов". Далее советская делегация предлагала свое средство создания благоприятных условий для экономического и политического развития народов Балкан и Дуная, а именно – объединение их в конфедерацию, считая, что "лишь при сохранении каждым из народов автономии, при объединении всех их

усилий во имя общей цели долина Дуная и Балканский полуостров перестанут быть театром локальных войн и приманкой для мировых империалистических войн"¹¹.

Под документом стоят подписи Чичерина и Раковского, но авторство проекта Меморандума, несомненно, принадлежит последнему. 7 июля 1924 г. Чичерин в письме Раковскому, тогда послу СССР в Великобритании и заместителю наркома по иностранным делам, так определял фактическое содержание документа: "Я должен заметить, что наша баланская политика до сих пор была под чрезвычайно сильным давлением старого принципа II Интернационала, что каждая партия должна работать в пределах существующих политических границ. При Вашем участии мы решили выставлять два тезиса: федерализацию Югославии и создание Балкано-Дунайской федерации"¹². Но что означала бы на деле "федерализация Югославии", провозгласившей себя в 1918 г. унитарным государством?

Меморандум принадлежит к числу полузабытых исследователями документов, изредка лишь подчеркивающих его декларативность. Однако исторически он весьма интересен. Во-первых, как выражение четкой формулы советского неприятия Версальской системы мирных договоров вообще, а в частности и более конкретно – формулы неприятия состоявшегося территориального передела в Балкано-Дунайском регионе. Фактически, если говорить о "федерализации", автор Меморандума предлагал раздробить недавно созданное Королевство СХС на национальные автономии (частично новый передел должен был коснуться и других государств региона, строившихся на унитарной основе, но более всего затрагивал интересы Королевства) с последующим объединением их в конфедерацию. (Видимо, все-таки именно в конфедеративную форму преобразовался предварительный проект Раковского некоего, совсем невероятного, "единого балканского государства с уничтожением границ".)

Хотя о советском социалистическом характере такого государственного образования в документе ничего не говорилось, последующая советская практика свидетельствовала, что текст Раковского, положенный на музыку экспортруемой революции, явился в 1922–1924 гг. своего рода программой деятельности для структур Коминтерна и советских специальн-

ных служб, ориентированных на работу за границей и идеологически вооруженных концепцией мировой революции.

Во-вторых, само появление Меморандума, публикация его в официальном советском органе – газете "Известия" 11 и 12 января 1923 г. говорят о значительности роли Раковского в большевистском руководстве того времени. И о том, что тогда он принадлежал в этом руководстве к числу тех, кто не боялся брать на себя ответственность за формулирование определенных идей в НКИД. Стоит отметить, что на ряде официальных бумаг послегенуэзского периода, касавшихся македонских сюжетов и адресованных Чичерину, стоит переадресовка наркома: "Раковскому"¹³.

Однако в 1922 г. скорее можно говорить о самодеятельности Раковского, как активного и инициативного работника, чем о разработке четкой и сложившейся программы Советской России на балканском направлении. Во всяком случае следов обсуждения таковой или утверждения ее высшим коммунистическим органом – политбюро ЦК РКП(б) пока не обнаруживается. Более того, спустя несколько месяцев положения Меморандума были частично дезавуированы Чичериным. Давая 5 октября 1923 г. инструкции полпреду СССР в Чехословакии К.К. Юрневу по поводу его переговоров с югославскими представителями на предмет установления официальных отношений между Москвой и Белградом, Чичерин писал: "Наш лозаннский Меморандум кланяется и в мусульманскую сторону, и в сторону балканских народов. В данный момент нам излишне выдвигать какую бы то ни было программу и о Западной Фракии, и о Македонии, т.е. бывших вилайетах Салоникском, Ускюбском и Монастирском. Наши общие принципы известны, относительно же конкретных программ мы по этим вопросам ничем не связаны"¹⁴. То есть, имея в виду конкретную цель – дипломатические переговоры с Югославией, Чичерин никак не связывал действия НКИД с программой "федерализации" этой страны, как он сам понимал для себя содержание Меморандума.

Раковский же продолжал отстаивать свои идеи в пропагандистской литературе. В 1923 г. он опубликовал брошюру под характерным названием "Грядущая революция. В Лозанну и обратно. Путевые заметки о международном положении", в которой специальный раздел посвятил Меморандуму. Как

следует из названия брошюры, изменение ситуации в Балканско-Дунайском регионе Раковский связывал с "грядущей революцией".

Лето 1923 г. внесло кардинальные изменения в жизнь Раковского: недовольный его позицией в дискуссиях по вопросам национального строительства в СССР, а также его стремлением сохранить атрибуты государственной самостоятельности Украинской Республики (следовательно, и его собственной), Сталин настоял на назначении Раковского заместителем наркома СССР по иностранным делам и направлении его в Лондон в качестве полпреда Советского Союза, что воспринималось многими как устранение слишком активного партийца путем отправки его на тогдашнюю периферию дел.

* * *

После образования Коминтерна в марте 1919 г. потребовалось время, чтобы балканские социалистические и социал-демократические партии поняли, что благодаря шагу Раковского с ними поступили по принципу "без меня меня женили": они далеко еще не были готовы к этому. Болгарский историк П. Цветков с полным основанием оспаривает утверждавшийся в историографии тезис о том, что будто бы уже в 1919 г. Болгарская компартия "безоговорочно встала на позиции Коминтерна" и что изначально можно ставить знак равенства между партией Д. Благоева и БКП, тем более, что "никто не уполномочивал тогда Кр. Раковского быть представителем левицы балканских социалистических партий в новоучрежденной организации. Он сам себя назначил"¹⁵. Показательно, что в ходе работы I Конгресса Коминтерна Раковскому было отказано в праве голосовать от имени югославянских и греческих социалистических организаций. Когда же сведения о создании Коминтерна дошли, например, до Греции, они, по словам отечественного историка Ар.А. Улуняна, были восприняты членами Социалистической рабочей партии этой страны весьма осторожно, так как среди его основателей, пишет он, не было ни одного известного им лица из числа западноевропейских социалистов¹⁶.

Лишь в мае 1921 г. состоялся учредительный съезд компартии Румынии, в апреле 1920 г. назвала себя коммунистиче-

ской соцпартия Греции. Раньше других прошли учредительные съезды коммунистических партий в Югославии (20 апреля 1919 г.) и Болгарии (25–27 мая 1919 г.), совпавшие с работой международных комиссий по подготовке послевоенных мирных договоров. Известия о предложениях которых с тревогой воспринимались в побежденной Болгарии, в том числе болгарскими социалистами. Тем более, что в годы войны уже появились сигналы о новациях в подходе к национально-территориальным вопросам среди балканских социалистов, в частности в кругу сербских социалистов зрела идея поэтапного разрешения национального вопроса, что отличалось от позиций, согласованных на Балканской социалистической конференции 1915 г. Этапность заключалась в том, чтобы вначале произвести объединение всех югославян в одном самостоятельном и независимом государстве и лишь затем делать следующий шаг – к федерации. Колебания чаши весов в одном из главных для стран-соседей национально-территориальных вопросов – македонском при учете конечного результата войны, устраивающего одних и совершенно не устраивающего других – все это имело свое отражение в социалистической среде и, естественно, оказалось перенесенным в коммунистическую.

Известно, что организаторы Стокгольмской социалистической конференции 1917 г. столкнулись с тем, что их решение включить в свой манифест предложение Болгарской социал-демократической партии "широких" об объединении болгарского народа с болгарами в Македонии и Добрудже вызвало протест сербских делегатов Тр.Кашлеровича и Д. Поповича. По мнению последних, македонские славяне еще не определились с точки зрения национального самосознания и кроме них в Македонии проживают еще четыре этнические группы: албанцы, греки, турки и аромуны. Македония, утверждали они, это классическая страна этнического и национального хаоса; существовать же без Македонии Сербия не может и ее потеря не может быть компенсирована Черногорией. Попович и Кашлерович также полагали, что окончательным решением македонского вопроса может быть только федеративная баланская республика, включающая Македонию – как автономную единицу¹⁷. Они соглашались на уступки Болгарии части

территории: предположительно – Восточной Македонии до Вардара.

Такая позиция подверглась критике со стороны тесняков, считавших, что сербские социалисты солидаризировались с позицией своей буржуазии. На это обстоятельство обратил внимание К.В. Никифоров, специально исследовавший национальный вопрос в постановке его социалистами югославянских земель. Главным вопросом для сербских социал-демократов в 1917 г., полагает он, был вопрос о государственном устройстве сербов и всех югославян после войны; сербские социал-демократы все больше удалялись от довольно абстрактного лозунга Балканской федерации, и их позиция все больше сближалась с планами сербской буржуазии, шла в общем русле национальных устремлений сербской нации. Эти устремления, замечает Никифоров, наталкивались на подобные же со стороны болгар в вопросе о Македонии¹⁸.

Нет ничего удивительного, что окончание мировой войны, оказавшейся победоносной для Югославии, Румынии и Греции, привело социалистические (коммунистические) партии этих стран на, как теперь говорят, государственные позиции. Еще в декабре 1918 г. Сербская СДП, например, заявила, что "сербы, хорваты и словенцы – один народ" и что их объединение в единое национальное государство является настоятельной политической, экономической и культурной потребностью. О поддержке лозунга "единого национального государства" – Королевства СХС не менее уверенно заявил Объединенный съезд социал-демократических партий, ставший 1-м съездом КПЮ.

1-й съезд Болгарской компартии был иным по звучанию. Приняв все полагающиеся для вступления в Коминтерн "пролетарские" революционные лозунги, заявив о поддержке идеи борьбы за Балканскую советскую федеративную социалистическую республику, болгарские коммунисты в первой же своей резолюции специально назвали республики Македония и Добруджа в качестве составных элементов этой федерации. "Болгарская коммунистическая партия, – говорилось в документе, – заявляет, что алчная на грабежи и завоевания болгарская буржуазия не способна добиться объединения и независимости народа ... Право на самоопределение болгарского народа, как и всех разделенных на части, подчиненных и по-

лунезависимых народов, может быть осуществлено только путем победоносной революции трудящихся народных масс против буржуазии и империализма и что балканские народы национально объединятся и обеспечат свою независимость только в пределах Балканской социалистической федеративной советской республики, которая включит в свой состав и советские республики Македония, Добруджа и другие"¹⁹.

Здесь важно отметить два обстоятельства. Во-первых, то, что в качестве одного из подходов к решению национального вопроса БКП ссыпалась на принцип самоопределения. Упор в резолюции на необходимость применения этого принципа был не случайным и отражал болезненное восприятие населением Болгарии подчеркнуто пренебрежительного отношения к своей стране со стороны победителей, их отказа от проведения референдума в спорных и отторгаемых от Болгарии землях, о чём просили болгарские власти; равно как и отказа великих держав признать, хотя бы формально, за населением отходивших от Болгарии по условиям мирного договора территории в пользу соседних государств статуса меньшинства (при переходе его в новое гражданство). Все это дополнительно актуализировало старые национально-территориальные споры и, конечно, особенно македонский вопрос. Нам же для нашей темы важно подчеркнуть сам факт обращения 1-го съезда БКП к праву наций на самоопределение.

Во-вторых, указание в резолюции на конкретные территории, на которые продолжала претендовать Болгария, ибо считала их населенными болгарами. То есть в известной мере БКП выступила в этом вопросе также с точки зрения защиты национальных интересов государства. Но пути решения его видела не в возрождении планов Великой Болгарии, а в интернационализации социалистической революции, распространении ее на Балканы, полагая при этом, что национальный вопрос может получить справедливое разрешение только благодаря ей.

Следует также отметить, что, провозгласив ориентацию на Всемирную советскую социалистическую федерацию и как часть ее – на Балканскую советскую федерацию, БКП декларативно признавала готовность участвовать в разрушении версальской государственно-территориальной конфигурации на Балканах: ведь для осуществления такой федерации необ-

ходимо было расстроить внутреннее единство как Королевства СХС, так и Греции, и Румынии. Заявления советского правительства о непризнании мирных договоров Версальской системы становились теми нитями, что крепко привязывали БКП к Коминтерну и советскому большевистскому руководству.

Однако, став коминтерновской партией, приняв лозунги социалистической революции и диктатуры пролетариата, БКП еще долгое время сохраняла прежние навыки работы, не проявляла революционного рвения. Приоритетом для тесняков всегда была агитационно-пропагандистская деятельность. Тесняки знали и любили ораторское искусство, ценили слово, умели им пользоваться на митингах или под сводами Народного собрания. Отчасти именно благодаря умелому владению фразеологией и бескомпромиссности в борьбе против ревизии догматов марксизма, тесняки во II Интернационале воспринимались, например, Лениным ближе всего стоящими к большевикам. Шлейф этой славы старалось поддерживать и использовать руководство Коминтерна, подыгрывая амбициям руководителей БКП. Однако на самом деле ни в 1920–1921, ни в 1922–1923 гг., включая Сентябрьское восстание, БКП к борьбе за провозглашенные революционные цели готова не была. "Дядо" (Д. Благоев), твердо заявлявший в начале 1920-х годов, что революционного переворота БКП затевать не должна, своим авторитетом просто глушил все подобные попытки.

Это противоречие между имиджем и сутью БКП и стремился помочь преодолеть Раковский, ставший жестким большевиком. Однако руководство БКП не хотело принимать такого давления, осуществлявшегося через специальных послацов председателя СНК Украины: в 1919 г. В. Коларов обратился к Раковскому с резким письмом-требованием прекратить посылку в Болгарию эмиссаров с мандатами Коминтерна, которые, по мнению Коларова, только вредили деятельности БКП. В 1920 г. последовал новый демарш: ЦК БКП обратился в Москву с просьбой сообщить Раковскому, чтобы он не посыпал в Болгарию никаких товарищей с мандатами III Интернационала без извещения об этом Исполкома Коминтерна и ЦК БКП²⁰. Видно, еще слишком свежим был для болгар урок румынского вторжения в Венгрию при подавлении

Венгерской Советской Республики. Да и старые трения и конфликты Раковского с благоевцами постоянно давали о себе знать. Любопытно, что, докладывая Ленину летом 1919 г. об образовании Коммунистической партии Болгарии, Раковский не преминул заявить, что еще до возникновения этой партии в стране была создана коммунистическая партия во главе с его родственником (мужем племянницы) Н. Харлаковым. Нелишне упомянуть, что к Харлакову, как леворадикальному социалисту, благоевцы относились настороженно.

Неготовые к непосредственным боевым революционным действиям, болгарские коммунисты пошли другим путем. Два месяца спустя после подписания Нейского мирного договора они созвали в Софии 3-ю Балканскую социалистическую конференцию (январь 1920 г.) из представителей коммунистических и социалистических партий четырех балканских стран. На конференции было заявлено об образовании Балканской коммунистической федерации (БКФ) как секции Коминтерна. Ведущими провозглашались идеи мировой революции, диктатуры пролетариата, советской власти. Конкретно для Балкан предусматривалось создание советской социалистической республики в каждой из стран полуострова, а также объединение их всех в Балканскую советскую федеративную социалистическую республику и ее вхождение в свою очередь во Всемирную Социалистическую Советскую республику.

Выдвигая на первый план интересы мировой революции, основатели БКФ утверждали, будто после России именно на Балканах пролетарское движение организовано лучше всего и что в близкой перспективе Балканы могут явиться одним из возможных очагов мировой революции²¹, что, вероятно, и должно было поддерживать в Москве специальный интерес к этой организации. Однако болгарские коммунисты, игравшие в БКФ доминирующую роль, и не скрывали, что создание последней является "стратегической необходимостью" для Болгарии: на это указывал на 3-й конференции балканских компартий один из ее инициаторов В. Коларов, говоря, что Пловдив находится в шести часах от южной границы Болгарии, Плевен – в 40 км от северной, Болгария же разоружена²². Стратегия болгарских коммунистов заключалась в том, чтобы в момент военной угрозы для Болгарии (а возможность нападения на нее со стороны "империалистических правительств

"соседних государств" считалась в стране в начале 20-х годов совершенно реальной) использовать мотив пролетарской солидарности, в данном случае уставное единение балканских компартий в составе БКФ, каждая из которых мобилизовала бы рабочий класс своей страны на срыв эвентуальной агрессии. Так, например, в возникновении очередной войны на Балканах – греко-турецкой (1919–1922 гг.) БКФ увидела действительную опасность для революционного движения в соседних с Грецией государствах и потребовала от греческой компартии подготовить свои революционные силы в стране, чтобы помешать национальной буржуазии осуществить военное вмешательство за пределами греко-турецких фронтов²³.

Здесь необходимо учитывать важный психологический момент, обычно упускаемый из виду: два подряд тяжелых поражения Болгарии в войнах, мирный договор, воспринятый страной как грабительский и несправедливый, огромность притязаний, выдвигавшихся соседними государствами в ходе подготовки этого мирного договора – все это порождало в народе ощущение глубокой неустойчивости положения страны и возможности нападения на нее в любую минуту со стороны соседей, особенно Югославии. Ощущение такой опасности постоянно фигурировало в материалах БКП начала 20-х годов. А инициировать революционные выступления, дестабилизирующие внутреннее положение Болгарии, и таким образом дать повод к иностранной интервенции, тем более, что соседи-победители постоянно следили за изменениями внутренней ситуации в Болгарии, как могущими вызвать нарушение установленного баланса, руководство БКП не считало правильным.

Поэтому в первые годы существования БКФ речь шла только о ее организационном, идеином и программном становлении, а никак не о революционных действиях. Руководящую роль в БКФ, Исполком (ИК) которой размещался в Софии, играли болгары. В. Коларов, Хр. Кабакчиев, Г. Димитров, сменяя друг друга, возглавляли эту организацию на протяжении нескольких лет. Болгарские коммунисты численно преобладали при распределении квоты в руководящих органах БКФ (Коларов при принятии ее Устава настаивал на том, чтобы Исполком формировался на такой основе: три представителя от БКП, по два – от КПЮ и КПР, по одному от КПГ, а

также от Венгрии, Балканского секретариата КИМ, ИККИ²⁴). Существовало также квотирование финансов на содержание БКФ: БКП должна была платить 35% общего объема, КПО и КПР – по 25, компартия Греции – 15%²⁵. В пору организационного становления БКФ практически не удавалось созвать заседание ее ИК в полном составе, особенно часто отсутствовали представители румынской и греческой компартий, болгарские же товарищи, имевшие относительно неплохие легальные возможности при правительстве Стамболийского, всегда были в центре принятия решений. Лишь в июле 1921 г. на 3-й конференции БКФ, проводившейся в Москве, впервые удалось собрать представителей всех четырех партий.

Одним из постоянных пунктов внимания деятелей БКФ был национальный вопрос и картина несправедливости Версальского перераспределения территорий. Так, в резолюции 2-й конференции БКФ (София, май 1921 г.) отмечалось, что под покровом "национального объединения" происходит новое разъединение балканских народов: в Югославии югославянская буржуазия владеет частями венгерского, болгарского, албанского, немецкого и других народов; Румыния держит под национальным игом венгров, болгар, немцев и русских; Греция распространила свое господство над областями, населенными турками, албанцами, болгарами, сербами и другими народами, под владычеством болгарской буржуазии находятся значительные части других народностей, таких, как турки и греки²⁶. В заострении этого вопроса наибольшую заинтересованность проявляли, конечно, болгары, и чаще других, пожалуй, Хр. Кабакчиев.

Однако в начале 20-х годов национальный вопрос в Коминтерне трактовался еще как препятствие для революции. Считалось, что "националистический яд" отравляет сознание народных масс и отвлекает их от классовой борьбы. Например, в приветствии III Конгресса Коминтерна (1921 г.) народам балканских стран говорилось: "Революция на Балканах наталкивается на особые препятствия" и среди них на первом месте указывалось на "националистические подстрекательства относительно владения Македонией, Фракией, Добруджей, Банатом и другими спорными областями". Отсюда и задача ставилась перед коммунистами соответствующая: "нейтрали-

зователь националистические подстрекательства балканской буржуазии"²⁷.

Дело в том, что никто из большевистских идеологов до поры до времени не разрабатывал детально принципов национальной политики для компартий зарубежных стран. Основополагающими считались тезисы В. Ленина "По национальным и колониальным вопросам", подготовленные им для II Конгресса Коминтерна в 1920 г. Но весьма общие по своему характеру, они вряд ли могли служить практическим целям. Кроме формулирования принципа классового подхода к национальным процессам²⁸, остальной текст тезисов отличался странной невнятностью. Запрятанным в длинных фразах оказался тезис о "праве зависимых наций и колоний на государственное отделение": актуализированный и интенсивно пропагандируемый Лениным в 1916 г., во время мировой войны²⁹, в 1920 г. он как бы перешел на запасные позиции.

Своего рода поисковым в этом отношении стал X съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), на котором основным докладчиком по национальному вопросу выступил И. Сталин. В его докладе подходы к национальному вопросу как к внутреннему, советскому (строительство федеративного государства), так и к внешнему, зарубежному, перекрецивались и основательно не разграничивались. А потому заявление Сталина о том, что лозунга о национальном самоопределении "у нас больше нет в программе" и что его использовала буржуазия в ходе империалистической войны³⁰, относилось, по-видимому, и к внутри- и к внешнеполитическим проблемам.

Как ни странно, Сталин противопоставлял право на самоопределение наций праву на их государственное отделение. "У нас говорится в программе, – возражал Сталин Чичерину, – не о национальном самоопределении – лозунг совершенно расплывчатый, а о лозунге более отчеканенном и определенном – о праве народов на государственное отделение. Это две вещи разные"³¹. Советские народы, объединяющиеся в федерацию на добровольных началах, продолжал он, оставляют по своей воле неиспользованным право на отделение, но для народов колоний и полуколоний оно является революционным и актуальным.

На XII съезде РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.) Сталин заявил "о новой постановке национального вопроса", связывая это с

поворотом политики СССР в сторону нэпа. Однако во внешнеполитическом аспекте новым можно счесть только указание Сталина на роль национального вопроса для "тяжелых резервов – западных и восточных, составляющих основной тыл мирового империализма", которые следует "расшевелить, революционизировать" и тем ускорить падение империализма³². В заключительном слове на съезде Stalin бегло упомянул о праве на самоопределение и таким образом как бы реабилитировал старый лозунг, не забыв, правда, подчеркнуть, что "кроме права на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти и этому последнему праву подчинено право на самоопределение"³³.

От Сталина исходила также установка на необходимость оказывать преимущественное внимание странам Востока, где, по его мнению, находился центр национального вопроса. На возражение того же Раковского, что, дескать, и на Западе есть что делать в этом плане, Stalin, иронизируя, ответил, что в две стороны одновременно повернуться нельзя.

Из сказанного вытекает, что в начале 20-х годов расчет на использование национального вопроса в качестве одного из средств для переноса революции в зарубежные страны как бы исчез из номенклатуры революционных идей большевиков. Во всяком случае, какие-либо конкретные разработки на сей счет отсутствовали. Спохватились большевики лишь в начале 1924 г. в канун V Конгресса Коминтерна, когда решили дополнить его программу пунктом о национальном вопросе. В ЦК компартий срочно полетели указания с требованием дать сведения о состоянии национальных проблем в стране и позаботиться о включении в коммунистические программы разделов по национальному и аграрному вопросам. Но для самого выступления на V конгрессе долго не могли найти докладчика. Последовательно назначались Stalin, Троцкий, Сафаров, каждый из которых отказывался, передавая эстафету следующему. Выступил же Д.З. Мануильский, и не с докладом, а с довольно поверхностной "речью по национальному вопросу".

Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что подходы большевиков к балканским национальным проблемам формировались в начале 20-х годов не сверху, исходя из теорий, а снизу, при столкновении отдельных уполномочен-

ных советских деятелей с конкретными реалиями региона. И что большую роль в этом процессе играли личные качества и личная инициатива таких деятелей.

* * *

Руководство и отдельные функционеры балканских компартий – важнейший источник разнообразной информации, в том числе по национальным проблемам, поступавшей в Москву. В плане "немедленных революционных действий" особую готовность проявляли балканские "интернационалисты", обитавшие в столице и в других городах Советской России. Из Софии же, Белграда, Бухареста, Афин приходили вести иного характера.

В 1922 г. РКП(б) провела непосредственный зондаж на месте, направив своего представителя на съезд Болгарской компартии, единственной в то время на Балканах, действовавшей легально. О приглашении "российских товарищей" принять участие в IV съезде БКП докладывал в политбюро ЦК РКП(б) Сталин. Тогда было решено делегировать на съезд К.Б. Радека³⁴, т.е. осуществить представительство на высоком уровне: Радек вместе с Зиновьевым и Бухарином входил в тройку большевиков, направленных РКП(б) для руководства Коминтерном.

Но поехал на болгарский коммунистический форум, состоявшийся в начале июня 1922 г., В.П. Милютин, в то время кандидат в члены ЦК РКП(б). Милютину принадлежит большая роль в последующих событиях на Балканах, поэтому скажем несколько слов о нем. Родился он в 1884 г., в 1937 г. погиб в ходе сталинских репрессий. Вступив в молодые годы на революционный путь, после Февральской революции стал первым председателем Саратовского совета депутатов. В апреле 1917 г. он уже среди участников Апрельской конференции РСДРП(б), где был избран в ЦК. На VI съезде партии Милютин также вошел в состав ЦК. Исследователи относят Милютина вместе с Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым, В.П. Ногиным, А.И. Рыковым к умеренным большевикам, к тем, кто в предоктябрьские дни был среди сомневающихся и чинивших препятствия восстанию³⁵. В первые недели советской власти Милютин, Каменев, Зиновьев, полагая, что власть

не должна быть исключительно большевистской, вышли из ЦК, а Милютин, будучи наркому земледелия, с некоторыми другими комиссарами вышел и из СНК. Правда, партия их тут же поправила и они, согласившись с этой поправкой, вернулись на свои посты. В 1918–1921 гг. Милютин, помимо работы в наркомате земледелия, был заместителем председателя ВСНХ. А затем – участие в нелегальной работе, где он проявил себя уже как сторонник леворадикальных позиций. На эти позиции его, как и Зиновьева и других, привело, вероятно, переосмысление практики умеренности 1917 г. и психологически объяснимое стремление сбросить ее груз в новых условиях – в условиях собственной причастности к власти.

IV съезд БКП оказался необычайно представительным. Помимо Милютина (от РКП(б) и ИККИ), в его работе участвовали делегаты компартий Германии (В. Пик), Греции и Румынии, коммунистических групп Турции, молодежных организаций Румынии и Турции, Международного женского секретариата (КПЮ ограничилась направлением приветствия в адрес съезда). По окончании съезда в Софии состоялся Международный митинг, на котором выступили 15 человек, включая присутствовавших делегатов балканских и других зарубежных коммунистических партий. Основными лозунгами митинга были: "Уничтожение империалистических мирных договоров и reparаций", "Да здравствует БКФ" и "Да здравствует братство и объединение балканских народов в Балканской федеративной советской республике"³⁶.

Чем объяснить, что такое ритуальное мероприятие, как очередной съезд Болгарской компартии, вылилось в масштабную балканскую акцию?

Прежде всего, очевидно, взаимной заинтересованностью вождей БКП и РКП(б) в демонстрации непризнания коммунистами Версальской системы договоров. При этом не ошибемся, если скажем, что каждая из сторон преследовала еще и собственные, очень важные для нее, интересы. Милютин, например, в отчете называл "наиболее существенным" вопросом своей командировки выяснение возможности государственного переворота в Болгарии. Для этого он провел на месте действительно большую работу³⁷. И общий вывод, к которому пришел, казалось, был положительным: БКП в силах взять власть, докладывал он большевистскому руководству, в силах

установить советский строй. Но болгары, продолжал он, держатся мнения, что если взять власть они могут, то не смогут удержать ее, так как уверены, что в этом случае произойдет нападение на Болгарию со стороны Югославии и Румынии и они будут быстро разбиты; к тому же они полагают, что вопрос о власти должен рассматриваться как общий для всех балканских компартий, для чего необходимо сначала поставить на ноги компартии Югославии и Румынии³⁸. Такой подход очень не устраивал Милютина, и к его большому сожалению вопрос о восстании или перевороте в Болгарии временно пришлось оставить. Зато он сразу оказался вовлеченным в стихию балканских национально-территориальных проблем.

Для руководства же БКП важно было заручиться определенной международной поддержкой на уровне, с одной стороны, Коминтерна и РКП(б), а с другой – балканских компартий в формулировании концепции БКФ, смысл которой состоял в отрицании внутренней монолитности балканских государств, созданных Версальской системой, и в фиксации наличия в каждом из них "подчиненных народов", в том числе "подчиненных народов из соседних стран". Так, в резолюции IV съезда БКП признавалось, что "новое большое румынское государство" подчинило себе значительные части соседних народов, а именно: венгров, немцев, русских, болгар и других; что "сербская буржуазия для поддержания своей гегемонии над подчиненными народами (хорватами, словенцами, венграми, болгарами, албанцами) и своего классового господства над ограбленными трудящимися создала централистское бюрократическо-монархистское государство, крепящееся штыками большой армии"³⁹. Революционная логика требовала не только уничтожения Версальского мира, но и "национального и классового" освобождения указанных "подчиненных народов" и последующего устройства всех балканцев в составе Балканской социалистической федерации.

Нельзя не обратить внимания на то, что при предлагаемом подходе в одном ряду оказывались разные группы населения – и те, кого можно было отнести к национальным меньшинствам, и те, кто имел значительно более прочное статусное положение из-за постоянного и традиционного проживания на данной территории и выступал в качестве государствообразующих элементов.

Софийская акция преследовала и более близкую конкретную цель – укрепление Балканской коммунистической федерации и международное признание ведущей роли в ней болгарских коммунистов. Пока в БКФ принимались декларации общего свойства, особых осложнений между руководителями балканских компартий не возникало.

Один из первых сигналов прозвучал на 4-й Балканской коммунистической конференции, состоявшейся в июне 1922 г. в Софии, следом за съездом БКП. Хотя основное внимание участников конференции было обращено на организационные вопросы, но, на наш взгляд, именно с июньской дискуссии 1922 г. по "неглавному" вопросу конференции – национальному начинается поворот к новому видению роли и значения этого вопроса в балканском коммунистическом движении. Резолюция по основному докладу – о положении на Балканах, с которым выступил Хр. Кабакчиев, оказалась насыщенной преимущественно национальными сюжетами. Помимо уже известных положений, в резолюции появились и два новых элемента: во-первых, конкретное указание на македонский вопрос как на конфликтный в отношениях между Болгарией и Югославией вплоть до признания возможности вооруженного конфликта между этими странами, и во-вторых, введение в официальный оборот понятия "самоопределение балканских народов".

Македонская проблема поднималась на этой конференции балканских коммунистов в связи, как указывалось в принятой резолюции, с "насильственным режимом сербской буржуазии", и "политикой денационализации и террора в отношении порабощенных и национальных меньшинств". Что речь шла прежде всего о защите интересов болгарского меньшинства, и не только в Югославии, видно из продолжения текста резолюции, где говорилось: "Вопросы о Фракии и Добрудже обостряют антагонизмы и питают новые конфликты Болгарии с Грецией и Румынией"⁴⁰. Призыв Кабакчиева к компартиям Балкан оказывать активную помощь борьбе национальных меньшинств за их освобождение вызвал возражения со стороны на этот раз присутствовавшего на форуме БКФ делегата КПЮ М. Поповича (М. Пьяде), который, считая, что национальный вопрос отнюдь не является в КСХС главным, призывал не педалировать его, ибо, по его мнению, и освобождение,

и объединение балканских народов совершатся сами собой в результате социальной революции и создания балканских советских республик. Весьма существенной поддержкой позиции Кабакчиева послужило выступление Милютина, заявившего о значении национального вопроса вообще и специально обратившего на него внимание делегатов от КПЮ и КПР. И именно Милютин впервые открыто раскритиковал позицию КПЮ по национальному вопросу как ошибочную⁴¹. Может быть, благодаря этому резолюция по докладу Кабакчиева была принята конференцией единогласно⁴².

Что касается понятия "самоопределение балканских народов", то оно вошло в резолюцию без какой-либо конкретизации того, к каким субъектам относится. В резолюции говорилось, что БКФ выступает против реакционных балканских буржуазных государств, где существует национальный гнет, и "за самоопределение балканских народов и объединение их в Балканскую СФСР"⁴³, т.е. опять-таки без какого-либо ограничения национальных меньшинств от сформировавшихся национальных общностей, имевших определенные объективные возможности для самостоятельного государственного существования. Возможно, именно в этом смешении понятий кроется источник последующих перекосов в собственно болгарском национальном вопросе (в толковании его БКП) в виде выделения в болгарской коммунистической пропаганде отдельных македонской, добруджанской и фракийской наций.

В своем отчете о командировке в Софию, адресованном "Всем членам Политбюро", Милютин относительно 4-й конференции БКФ писал: "Но на последней выявились серьезные разногласия с сербским представителем по национальному вопросу. Только после долгих обсуждений эти разногласия были смягчены и не отразились на существе вопроса"⁴⁴. Покидая Балканы, Милютин написал 3 июля 1922 г. письмо руководству КПЮ, рекомендая на первой партийной конференции этой партии уделить серьезное внимание национальному вопросу. «Именно в Югославии, – писал он, – должно получить особое значение проведение резолюции по национальному вопросу, принятой II Конгрессом Коммунистического Интернационала. Использовать лозунг "самоопределений" (NB! Множественное число! – Р.Г.) в Югославии, использовать движение на этой почве – ваша задача!»⁴⁵.

1-я конференция КПЮ состоялась в Вене 3–17 июля 1922 г. На ней было избрано нежелательное для Коминтерна "правое руководство", а потому спустя некоторое время в ЦК КПЮ вмешательством ИККИ был кооптирован "левый" Тр. Кацлерович. Говоря о национальном вопросе, подчеркнем, что в резолюции конференции он был представлен примерно так же сложно и запутанно, как и в материалах 4-й конференции БКФ, т.е. без разграничения государственно-правового положения национальных меньшинств и фактически сложившихся в Югославии наций. То же относится к вопросу о самоопределении. Этот вопрос поднимался на конференции, пишет Г. Влайич, но без каких-либо объяснений, к кому относится данный принцип. Для большинства в руководстве КПЮ, продолжает этот автор, македонской нации не существовало; речь велась только о "болгарах в Македонии", которые "никоим образом не включались в сербскую теорию о едином югославском народе". При этом в резолюции конференции признавалось, что македонские болгары "относятся к самым угнетенным народам Югославии"; отмечалось также неравноправное положение венгров и албанцев, в то время как совсем иначе оценивалось положение хорватов и словенцев, которые в национально-культурном плане не порабощены, "но несомненно оставлены без внимания". Анализ материалов 1-й конференции КПЮ приводит автора к выводу о том, что конкретный состав будущей Балканской социалистической федерации, к которой, в свою очередь, апеллировали югославские коммунисты, оставался неясным; но поскольку об отдельных национальных государствах в составе такой федерации ничего не говорилось, "большинство руководства КПЮ, – утверждает Влайич, – предусматривало возможность включения в Балкансскую социалистическую федерацию единой и централизованной Югославии"⁴⁶.

Неустойчивое положение в руководстве КПЮ, внутренняя борьба, носившая нередко просто личный характер, и в дальнейшем вызывали пристальное внимание к этой партии со стороны коминтерновских структур. IV Конгресс Коминтерна принял специальную резолюцию "По югославскому вопросу". В ней, правда, внимание к национальным проблемам не преувеличивало, но выражалось настойчивое требование к КПЮ связаться с БКФ и "наметить и немедленно послать своего

представителя в Исполком БКФ⁴⁷. Между тем, сами балканские компартии остротой споров и разногласий между ними заставляли московское руководство все более и более фиксировать внимание именно на национальном вопросе. Очередное происшествие произошло на 5-й конференции БКФ (8–12 декабря 1922 г.), собравшейся в Москве по завершении IV Конгресса Коминтерна, когда два югославских делегата, чьи имена были зашифрованы в документе под инициалами П. и К., выступили с критикой В. Коларова как секретаря БКФ, и обвинениями Федерации в том, что она вмешивается во внутренние дела других партий и что БКП стремится через нее навязать свое мнение Исполкому Коминтерна по всем вопросам, касающимся остальных партий Федерации⁴⁸. Одним из поводов для выражения фактического недоверия БКП явилось то обстоятельство, что принятое несколько ранее Исполкомом БКФ решение о необходимости работать в исторически спорных пограничных балканских областях, в том числе в Македонии, компартии Югославии, Румынии, Греции практически не выполняли, и компартия Болгарии стала заполнять вакуум, направляя туда своих функционеров. На конференции скандал удалось загасить и еще раз подтвердить верность пункту одной из прежних резолюций, в которой говорилось: БКФ обязана взять на себя организацию пропагандистской работы в тех областях, где деятельность соответствующих партий невозможна; сами эти области пограничья определяются Исполкомом БКФ по согласованию с руководящими органами балканских компартий или с их представителями в БКФ⁴⁹. В ходе дискуссии представители другой части югославской делегации (А. Цесарец, например) отмечали, что в настоящий момент БКП располагает наибольшим количеством лучших кадров и должна предоставлять их в распоряжение других секций по их требованию и согласованию.

Основным докладчиком на 5-й конференции БКФ выступил Хр. Кабакчиев. Для его интерпретации политического положения на Балканах по состоянию на конец 1922 г. было характерно почти болезненное ощущение возможности новой войны на полуострове: он считал, что победа Турции в греко-турецкой войне могла послужить импульсом для военных выступлений Югославии и Румынии, что составило бы военную угрозу для Болгарии. Беспокоила, кроме того, судьба

Фракии, также являвшейся своего рода яблоком раздора между Болгарией, Грецией и Турцией. Но для нашего сюжета наибольший интерес представляет раздел доклада, посвященный "национальным движениям в Югославии и других балканских странах", в котором Кабакчиев, во-первых, обвинял сербскую буржуазию в политике лишения прав и насилиственной ассимиляции, насилия и террора в отношении "подчиненных народов", вызывающей массовое недовольство в Македонии, Воеводине, Хорватии и др. А во-вторых, заявлял о националистическом завоевательном характере политики в отношении народов, населяющих Македонию, не только сербской, но также болгарской и греческой буржуазии. Поставленные перед всеми балканскими компартиями в целом и перед каждой из них в отдельности задачи содержали важный элемент нового: не просто разоблачать буржуазную политику, но активно использовать национальное движение в интересах революционной борьбы. Балканские компартии, говорилось в докладе Кабакчиева, поддерживая всеми силами борьбу народов Македонии за национальную независимость ("и автономию" было добавлено в резолюции, принятой по докладу), "будут стремиться освободить национальное движение в Македонии от влияния буржуазии соседних стран и направить его по пути революционной борьбы для создания Советской республики в Македонии и Балканской социалистической федеративной республики на Балканах"⁵⁰. Так, хотя бы в теоретическом плане, балканские национальные проблемы предлагалось увязывать с революционной борьбой местных коммунистических партий за перспективный идеал – Балканскую социалистическую федерацию.

Палешутский, в свою очередь, выделяет в качестве элемента нового, проявившегося на 5-й конференции БКФ, признание коммунистическим форумом "македонского освободительного движения", которое уже "не игнорировалось"⁵¹.

Декабрь 1922 г. стал месяцем важных назначений: после избрания Коларова IV Конгрессом Коминтерна генеральным секретарем ИККИ во главе БКФ встал Кабакчиев, также представитель ЦК БКП. Почти одновременно с этим оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о командировании в распоряжение Коминтерна В. Милитина, который вскоре был направлен в

Вену, в так называемое Венское бюро ИККИ, имея мандат на занятие балканскими делами.

Всю первую половину 1923 г. Милютин большую часть времени посвятил КПЮ. Ее представители не хотели работать в Исполкоме БКФ, отказывались принимать участие в его заседаниях. 6 февраля Милютин сообщал в Президиум ИККИ: "Павлович саботирует отъезд в Софию, я угрожал за сабстаж репрессиями, но не знаю, подействует ли. Думаю все же, что отправлю его, хотя боюсь, что он там будет по меньшей мере бесполезен"⁵². 14 февраля последовало новое сообщение – о демарше югославов: Павлович, писал Милютин, отказался быть представителем КПЮ в БКФ, поэтому им будет Радованович; и вообще Павлович, Новакович и Пяде подали в отставку как члены ИК КПЮ и со всех остальных постов⁵³. В волнении Милютин доносил на следующий день: эта группа систематически саботирует партийную работу, собирает "склонный материал"; ни один из них не выполнил постановление IV Конгресса Коминтерна. Впрочем, некоторые причины отказа Павловича ехать в Софию, как можно понять из сообщений Милютина, имели под собой основание и связывались они с тем, что "партия не имеет мнения по национальному вопросу"⁵⁴. Из Софии Кабакчиев в свою очередь неоднократно обращался в ЦК КПЮ с требованием прислать представителя в Исполком БКФ, обращался по этому поводу за помощью к ИККИ⁵⁵.

Находясь в Вене, Милютин был занят подготовкой к парламентским выборам в Югославии, составлением воззваний, лозунгов и "намечением", как он писал, кандидатов. Опубликованную к выборам программу партии Милютин в очередном докладе для Президиума ИККИ назвал малоудовлетворительной: "много воды и общих рассуждений о капитализме и империализме, а наиболее существенные требования момента почти обойдены молчанием: национальный вопрос и крестьянский". Из дальнейшего текста видно, сколь большое значение стал придавать Милютин национальному вопросу и как, во многом ощущая, приходилось ему действовать на практике из-за отсутствия конкретных теоретических, столь необходимых марксисту, разработок. "С национальным вопросом на Балканах, – писал Милютин в Москву, – вообще неблагополучно. На это следует обратить самое серьезное внимание.

Шовинистическим духом здесь разит вовсю. К сожалению, мы после известного доклада тов. Ленина по национальному вопросу не имели ни одного авторитетного и серьезного выступления (я говорю о специальном выступлении, так как попутно этот вопрос много раз, конечно, затрагивался). Мне представляется крайне существенным поручить по этому вопросу кому-либо написать брошюру или статью, используя последнего времени материала⁵⁶.

Конец этого абзаца документа я отделяю специально, чтобы подчеркнуть его смысл и лучше понять направление деятельности Милютина на Балканах. Эта часть письма посланца Коминтерна от 6 февраля 1923 г. заканчивалась так: «Я буду в выборной кампании в Югославии настаивать на решительном выдвижении лозунга "Право наций на самоопределение, вплоть до отделения"»⁵⁷.

Кто и как должен был отделяться, Милютин не конкретизировал, но, очевидно, такой подход находился в соответствии с планами "федерализации" Югославии, выраженными в Меморандуме Чичерина и Раковского, о чем речь шла выше. При этом Милютин в данном конкретном случае действовал инициативно, без специального благословения сверху, что следует из первой части цитируемого письма. Его послания в Москву полны жалоб на нерегулярность связи и отсутствие своевременных ответов на его вопросы. Письма о необходимости "разработки национального вопроса" с повторными запросами: "Заказана ли кому литература?"⁵⁸ не получали положительного ответа. Секретарь ИККИ И.А. Пятницкий отвечал Милютину 2 апреля 1923 г.: "Вы спрашиваете, поручено ли кому-либо написать работу о национальном вопросе. Конечно, никому не поручили. Кому это можно было бы поручить?"⁵⁹.

Положение в КПЮ в марте 1923 г. специально рассматривалось на заседании Президиума ИККИ: помимо парламентских выборов (на них образованная в январе 1923 г. легальная прокоммунистическая Независимая рабочая партия Югославии потерпела сокрушительное поражение), предстояло провести 2-ю конференцию КПЮ. Из-за недостатка доступного документального материала остается неясным, что именно не устроило председателя Президиума ИККИ Г.Е. Зиновьева в письме, составленном, по словам И.А. Пятницкого, "после

тщательного ознакомления со всеми югославянскими материалами и личными переговорами с целым рядом товарищей-югославян"⁶⁰ и подготовленном для отправки в Вену. В результате Исполком Коминтерна ограничился направлением в ЦК КПЮ своего обращения – документа общего свойства⁶¹. Пятницкий тем не менее переслал предыдущий текст Милотину, с предупреждением: "Посыпаем его Вам лично и только для Вас, как материал"⁶².

Из "совершенно секретного" послания Пятницкого Милотину в Вену от 5 апреля 1923 г. следовало, что из конкретных рекомендаций ИККИ 2-й конференции КПЮ Зиновьевым было "выкинуто все, касающееся нацвопроса" и, следовательно, посланец Коминтерна должен был сам на месте сообразовываться с обстоятельствами. Копия коминтерновских рекомендаций направлялась также в Софию – в Исполком БКФ⁶³. Одновременно в помощь Милотину в организации и проведении конференции направлялся Б. Шмераль и выражалось требование ускорить созыв конференции, установить ее точный срок.

Повторные напоминания Милотина ЦК КПЮ о том, что " дальнейшая оттяжка созыва совершенно недопустима", свидетельствовали о сложности отношений между раздробленным руководством КПЮ и московским патроном, которому приходилось преодолевать фактический саботаж. 28 апреля 1923 г. он обратился в ЦК КПЮ со следующим письмом: "Ввиду того, что несмотря на наши неоднократные и самые настоятельные требования созыва конференции для борьбы с царящим в партии развалом, затем ввиду неполучения нами никакой отчетности относительно израсходования полученных Вами денежных средств – мы постановляем: 1) потребовать немедленного ответа о дне и месте конференции; 2) задержать выдачу средств впредь до получения ответа относительно конференции и до получения отчетности. В случае дальнейшей затяжки с ответом мы вынуждены будем поставить перед Президиумом Коминтерна вопрос о ЦК КПЮ для принятия необходимых мер". Помимо Милотина письмо подписал А. Альбрехт (А. Абрамович-Четуев) как представитель бюджетной комиссии ИККИ в Вене⁶⁴.

Так или иначе конференция состоялась 9–12 мая 1923 г. и национальный вопрос стал на ней одним из главных, что не в

последней степени было связано с серьезным поражением партии на мартовских парламентских выборах.

На конференции отчетливо проявилось недовольство делегатов КПЮ политикой БКФ (кстати, ее представителей не было на этом югославском форуме), как стремящейся вмешиваться во внутренние дела отдельных партий и к тому же пытающейся навязать мнение о неспособности КПЮ вести пропаганду в македонских землях, каковую, дескать, и следует поручить самой БКФ⁶⁵.

В своем отчете в Москву Милютин оценивал конференцию как прошедшую "довольно успешно", несмотря на то, что созвать ее удалось "только благодаря усиленному нажиму (вплоть до угрозы прекратить выдачу средств)". Его мнение о "политической линии партии в отношении национального вопроса" четкостью не отличалось, видимо, из-за отсутствия четкости в высказываниях самих участников конференции. Так, отмечая, что в этом вопросе представления "продолжают быть не вполне ясными, вследствие чего конференция вынесла постановление о необходимости более детального обсуждения" его, он сообщал, что вместе с тем была принята "полностью предложенная мною формулировка по национальному вопросу"⁶⁶. То есть КПЮ соглашалась принять формулу "самоопределение вплоть до отделения".

Что бы это могло означать? По-видимому, принятие такой формулы было связано прежде всего с поиском югославскими коммунистами возможностей приспособиться к ситуации в стране, где уже достаточно сильно проявили себя стремления хорватских и словенских организаций к обособлению, примером чего явился, в частности, внушительный успех на выборах Хорватской республиканской крестьянской партии Ст. Радича, выступавшей с требованием предоставления Хорватии автономии. При вариативности представлений о национальном вопросе в КПЮ, отсутствии хорошо разработанной соответствующей программы и упорстве участников конференции в отстаивании своих прав перед БКФ и в борьбе между "левыми" (они, кстати, одержали победу на конференции) и "правыми", дискуссия, недостаточно подготовленная предварительно, выявила крайние точки зрения: от отказа от теории единого народа до принятия формулы самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

дарства. Конкретики того, к кому относилось последнее право и как с этой постановкой вопроса сочеталось предложение конференции, чтобы КПЮ выступила со своей программой "автономизации Югославии", "более широкой, чем программа хорватской и словенской буржуазии" (в числе автономий называлась и Македония)⁶⁷, в доступных документах обнаружить не представляется возможным. Как утверждает Палешутский, подробно анализировавший материалы конференции и последовавшего за ней пленума ЦК партии, из них уже исчезло понятие о "македонских болгарах"; пленум, пишет он, согласился с мнением, что "македонцы являются собой этнографический переход между сербами, болгарами и греками"⁶⁸. Было высказано также предложение реорганизовать БКФ.

Впрочем, мысль, как конкретно использовать в Югославии право наций на самоопределение вплоть до отделения, не слишком занимала Милютина⁶⁹. Выступая на конференции от собственного имени (после "зачтения" официального послания ИККИ), он сделал упор на вопросе обострения национальных и социальных противоречий в стране, создающих, по его мнению, условия, благоприятные "как редко где" для работы коммунистов⁷⁰, т.е. видя в национальных и социальных проблемах не более чем подсобное средство для приближения революционных боев.

Основным вопросом 2-й конференции КПЮ был все же организационный: руководство Коминтерна все более решительно вставало на путь освобождения от "реформистских элементов" в центральных органах коммунистических партий и замены их людьми иного склада, склонными следовать жестким большевистским приемам. Избрание нового состава ЦК КПЮ во главе с Тр. Кацлеровичем означало в то же время примирение партии с прежде саботировавшимися ею решениями IV Конгресса Коминтерна. Но предстояло еще наладить отношения с БКФ.

Подводя некоторый итог, следует сказать, что руководство Болгарской компартии действовало в 1922 – начале 1923 г. гораздо более инициативно в отношениях с Москвой, чем КПЮ или другие балканские компартии, принадлежавшие к странам-победителям. БКП была заинтересована в привлечении внимания Коминтерна к балканским национально-территориальным проблемам, и главным образом к македонской, в

признании и укреплении своего влияния в БКФ, что вызвало недовольство и сопротивление со стороны КПЮ. Руководители БКП и БКФ акцентировали внимание Коминтерна на балканских национальных проблемах в то время, когда в Москве еще не была выработана четкая линия в постановке национального вопроса для компартий зарубежных стран. Теоретически увязывая грядущее решение балканских национальных проблем с социалистической революцией и с созданием Балканской советской федеративной республики, что безусловно укладывалось в большевистскую концепцию мировой революции, болгарские коммунисты практически тем самым подпитывали внимание большевистских лидеров к Балканам.

Подобными идеями особенно проникся делегат ИККИ в Вене В. Милютин. Оказавшись в австрийской столице, где вольготно разместились центры многих балканских "национально-революционных" организаций и эмигрантских ЦК запрещенных компартий, он, очевидно, испытал на себе их авантюристически-боевое влияние в искусно создаваемой атмосфере вот-вот готовых разразиться революционных схваток. Один из важнейших факторов в "раскочегаривании" революции он стал видеть в использовании национальных противоречий. Характерно, что поддержка Милутиным лозунга "самоопределения вплоть до отделения", ориентирование на него компартии Югославии на 2-й ее конференции осуществлялась им без специального санкционирования Москвы.

* * *

После переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии, в котором, по неофициальным сведениям, принимала участие Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) Т. Александрова, информация, поступавшая в Москву по македонскому вопросу, стала значительно более обширной. Количество источников ее увеличилось, содержание усложнилось. Помимо прежних партийно-коммунистических, включая письма Милутина из венского центра, определенные данные стали поступать в красную столицу от лидеров самих македонских организаций – ВМРО федералистов и ВМРО автономистов, которые по тем или иным причинам проявляли заинтересованность в установлении связей с Москвой. Кроме того,

на режим более регулярной отправки донесений перешли направлявшиеся на Балканы агенты советских спецслужб. В результате к концу 1923 – началу 1924 г. на основе полученных данных и анализа проведенного Московской зондажа региона в большевистских кругах постепенно стала оформляться определенная линия относительно балканских национальных проблем и их использования в революционных целях. В последнем случае македонскому вопросу придавалось специальное значение.

В свое время содействие Стамболийского приезду в Болгарию советской миссии Красного Креста способствовало открытию шлюза для свободного проникновения в страну советских разведчиков и агентов спецслужб. Достаточно сказать, что формирование членского состава этой миссии проходило в Москве через ГПУ под непосредственным присмотром И. Уншлихта. Установлено, что в Болгарии в это время работали такие удачливые разведчики, как С.Г. Пупко-Фирик и Б.Н. Иванов-Краснославский. Фирик, например, еще в 1921 г. был командирован Москвой вместе с известным "Степановым" (А.К. Гиршфельд) в столицу Германии для постановки разведработы в Западной Европе и организации ее центра в Берлине.

Оказавшись в Болгарии, Югославии и особенно в Вене, советская агентура не могла не окунуться в атмосферу далеко не простых отношений между эмигрантским руководством коммунистических и национал-революционных балканских партий и организаций, дискуссий о целях, задачах и способах их достижения. Контакты достигались, видимо, легко, тем более, что помохи со стороны Советской России – моральной, финансовой, оружием – балканские нелегалы ожидали трепетно и наивно. Свою роль играли и такие факторы, как славянская родственность и навеянное советской пропагандой желание верить, будто русская революция справедливо разрешила национальные проблемы в многонациональной стране.

Следует учесть, что в закордонные командировки ГПУ отправляло опытных людей, прошедших школу гражданской войны в России. Такие люди были инициативны, нередко сами находили за границей объекты внимания и субъектов для обработки. При актуализации в 1922–1923 гг. в советском руководстве идеи мировой революции в связи с представле-

нием о якобы новом подъеме революционной волны в Европе и роли, отводившейся в этом Балканам, концепция всемирной революции являлась главным идеологическим аргументом их деятельности.

1922 год можно считать началом активного зондирования советскими агентами различных балканских национал-революционных организаций путем установления связей с их лидерами и членами, выяснения таких проблем, как устройство, внутренняя иерархия и состав руководящих органов, наличия вооружения, способности к объединению с другими организациями, а также к контактам с "советскими делегатами". Балканские "национал-революционные" нелегалы в свою очередь старались максимально "прощупать" советских контрагентов. Возможная материальная помощь с советской стороны была непременным атрибутом переговоров.

Среди документов 1922 г. по интересующему нас вопросу более всего материалов о ВМРО федералистов. Так, 16-м октября 1922 г. помечен доклад № 45 (! – Р.Г.) под названием «О положении в "Новой зоне", Македония и Фракия», полученный в Разведупре Штаба РККА (копии его были разосланы в НКИД, а также Э. Склянскому – заместителю наркомвоенмора, курировавшему военную разведку, и А. Иорданскому – члену РВС Республики). Донесение (подписи под ним не обнаружено) касалось земель, вошедших в состав Болгарии вследствие территориальных переделов 1912–1919 гг., которые подробно районировались с указанием степени влияния в каждом районе того или иного "национал-революционного" деятеля. Судя по контексту, задачей агента было обратить внимание на организацию федералистов и на то, что они вооружаются (как и ВМРО автономистов), отстаивают идею автономии Македонии и выступают за ее самостоятельность "от болгарского, греческого и сербского империализма"⁷¹. Передаваемая информация грешила лобовыми утверждениями типа: "налицо имеем и национальные, и классовые противоречия" или: в македонском kraе Болгарии "исключительно коммунистическое влияние"⁷². Заключался документ сильным аккордом, вероятно, рассчитанным на специальную заинтересованность Москвы: "почва довольно непрочная и каждый момент может взорваться"⁷³.

Случайно или закономерно, но первоначально основное внимание советской разведки оказалось направленным на федералистов, хотя на самом деле их организация была значительно слабее, чем у автономистов, и авторитет их лидеров не мог идти ни в какое сравнение с авторитетом руководства последних. Согласно отчету болгарской полицейской службы, контакт между одним из членов ЦК ВМРО федералистов доктором Ф. Атанасовым и советским агентом Б. Николаевым (так он назван в отчете; вероятно, речь шла о Б.Н. Иванове-Краснославском) был установлен в конце 1922 г. через завербованного болгарины П. Шатева⁷⁴.

В 1922 г. характерный "дипломатический" зондаж предпринимал старый деятель македонского движения Т. Карайловов, нанося более или менее регулярные визиты к советскому полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому. Последний в своих донесениях в Москву называл Карайловова "здесьшим представителем ВМРО", уточняя, говорил о его приближенности к А. Протогерову – члену ЦК ВМРО автономистов. Судя по содержанию этих донесений, Карайловов брал на себя некую провокационно-зондажную роль, вынуждая Крестинского делать официальные заявления. Может быть и не стоило бы уделять специального внимания этому македонскому деятелю (кстати, предоставляемую им информацию Крестинский ценил невысоко), но, кажется, именно он был первым, кто на встрече с советским представителем заговорил в октябре 1922 г. о возможности подготовки Болгарией "в благоприятный момент восстания в Сербской Македонии"⁷⁵. Буквально через несколько месяцев этой версии суждено было сыграть существенную роль в провоцировании "революционных" событий в Болгарии – принятии БКП курса на подготовку вооруженного восстания и участии в Сентябрьском мятеже, да и позже она имела хождение в коммунистических кругах. Но тогда, в октябре 1922 г., Крестинский так резюмировал встречу с Карайлововым: "Разговоры его о болгарских делах носят несколько безответственный характер"; "Для нас сообщения Карайловова актуального значения не имеют"⁷⁶.

Из других идей, "подбрасывавшихся" Карайловым, следует обратить внимание на его тезис об общебалканском характере национально-территориальных проблем в регионе: в июне 1923 г. во время очередного визита в советское полпред-

ство в Берлине Карайовов говорил о том, что "федералистические стремления македонцев по существу ничем не отличаются от таких же стремлений хорватов, словенцев и т.п."⁷⁷ Это суждение, по его мнению, должно было импонировать революционному сознанию и масштабной практике большевиков. Характерно, что во время визитов в советское полпредство Карайовов ссылался на то, что его хорошо знает Чичерин (вероятно, по Генуэзской конференции), просил устроить ему встречу с Литвиновым⁷⁸.

Летом 1923 г. усилилось соперничество враждовавших между собой и нуждавшихся в помощи извне ВМРО автономистов и ВМРО федералистов в стремлении получить моральную и финансовую поддержку со стороны большевистской России. И та, и другая организация, опираясь на нелегальные связи с советскими агентами в Софии и Вене, старались направить свои делегации в Москву. Существующей в историографии версии о приеме в СССР делегации федералистов в июне 1923 г. документального подтверждения обнаружить не удалось. Однако доклад-донесение от 25 июня 1923 г. членов руководства этой организации Ф. Атанасова и Сл. Иванова был представлен в Москву и скорее всего через передаточный пункт в Берлине. В многостраничном тексте руководство ВМРО федералистов излагало историю македонских земель после Берлинского конгресса, сообщало о проделанной ими работе по сплочению всех угнетенных народностей не только в Македонии, но также в Югославии и Греции, исходя из "задачи образовать единый революционный центр", о переговорах на этот счет и установлении связи с хорватами, черногорцами, албанцами, о готовности "открыть в Албании свою революционную базу". Своих противников – автономистов они, естественно, старались всячески принизить. Авторы доклада, кроме того, посчитали нужным сообщить, что после переворота в Болгарии "имеются возможности общих действий против реакции со стороны коммунистической партии, левого крыла землевладельцев и нашей организации". Послание кончалось словами: "ВМФРОрганизация обращается с просьбой к РСФСР о моральной и материальной поддержке. А мы решим отдать в помощь все наши наличные боевые и легальные силы для восторжествования свободы и правды"⁷⁹.

28 августа 1923 г. те же авторы направили в Москву еще один доклад, сообщая о своих новых шагах по зондированию готовности балканских национальных организаций к образованию единого руководящего центра борьбы, упоминая при этом, что едва ли не каждая из них уже имеет собственные связи с московскими представителями⁸⁰. Доклады федералистов поступали в Москву и в последующие месяцы.

ВМРО автономистов Т. Александрова несомненно в большей степени, чем федералистическая, интересовала большевиков. Несмотря на мнение Чicherина, после обсуждения совместно с Раковским соответствующего вопроса на коллегии НКИД заявившего М. Трилиссеру – главе Иностранныго отдела (ИНО) ОГПУ, что не следует спешить с приемом македонцев, делегация автономистов прибыла в советскую столицу, где и находилась в июне–августе 1923 г. в течение 45 дней. "Снаряжена" она была самим Т. Александровым, причем причина того, почему он, всегда отличавшийся крайней осторожностью, выбрал в качестве главы делегации Д. Влахова, человека отнюдь не одномерной линии политического поведения, остается тайной. Очень туманно описан этот эпизод и в воспоминаниях самого Влахова, во всем остальном весьма подробных. Вторым членом делегации был М. Монев – зять Александрова, приставленный, как считал Влахов, к нему для контроля.

Несколько слов о Димитре Влахове (1878–1953). Родился он в г. Кукуш и с малых лет вращался в кругу деятелей македонского освободительного движения. Получил приличное образование, обучаясь в том числе за границей. Имел склонность к социалистическим идеям и одновременно стремился связать македонское освободительное движение с другими национальными организациями на Балканах, в Турции, Европе. "Влахов постоянно работал против изоляции или самоизоляции македонского движения", – пишет исследователь его биографии современный македонский историк М. Пандевский⁸¹. С победой в 1908 г. в Турции революции "младотурок" Влахов стал с ними активно сотрудничать, относясь к ним как к "новой политической реальности, отвечающей перспективным интересам македонского народа"⁸². Вслед за пришедшим вскоре разочарованием в "младотурках", Влахов становится на путь укрепления связей с социалистами – балканскими и П

Интернационала. В годы первой мировой войны особенно тесные контакты устанавливаются между ним и группой болгарских социалистов во главе с Н. Харлаковым. Личные связи он поддерживает с Раковским как одним из основателей Румынской социал-демократической партии, с сербским социалистом Д. Туцовичем⁸³.

Характерно, что после военной победы болгарских войск над сербскими в 1915 г. не кто иной, а именно Влахов возглавил Царскую болгарскую администрацию в Приштине. В начале 20-х годов Влахов работал секретарем Торговой палаты в Варне и одновременно поддерживал связи как с лидерами ВМРО автономистов, так и, главным образом через того же завербованного советского агента П. Шатева, с неофициальными представителями Советской России в Болгарии⁸⁴. Как уже упоминалось, Влахов входил в состав правительственной болгарской делегации, участвовавшей в Генуэзской конференции 1922 г. После убийства 31 августа 1924 г. Т. Александрова и многочисленных жертв, понесенных вслед за этим македонскими организациями из-за начавшихся кровавых "разборок", осенью 1925 г. Влахов стал одним из создателей прокоммунистической ВМРО (объединенной). В 30-е годы жил в эмиграции в СССР. На исходе второй мировой войны участвовал в новом круге борьбы балканских компартий за создание Балканской федерации, будучи уже членом КПЮ.

Но возвратимся к воспоминаниям Влахова о его поездке в Москву в 1923 г. Согласно их автору, македонские делегаты имели встречи с Трилиссером, Радеком, Чичериным, Раковским⁸⁵. Из написанного Влаховым для ЦК ВМРО отчета о поездке⁸⁶ можно понять, какие именно вопросы интересовали московских руководителей. Это, во-первых, роль ВМРО в государственном перевороте в Болгарии 9 июня 1923 г.; во-вторых, кто такие "нелегальные федералисты", и в связи с этим вопрос о едином революционном фронте в Македонии; в-третьих, отношения ВМРО с БКП и другими балканскими компартиями.

Мы подробно разъяснили, писал Влахов в отчете, что федералисты – это группа людей, осужденная нашей организацией за разбой и мародерство в Македонии. Он отметил при этом, что если у некоторых советских представителей не было

ясности в этом вопросе, то другие были информированы о "нелегальных федералистах" из источника, близкого к последним, — наблюдение, свидетельствовавшее о том, что поступавшая с Балкан информация распределялась между руководящими московскими структурами избирательно.

Несмотря на усиленно подчеркивавшуюся враждебность автономистов к федералистам, Влахов, судя по его отчету, уверенно заявил в Москве: единый революционный фронт в Македонии существует. Собственно говоря, так же представляли дело федералисты в своих докладах в большевистскую столицу. И те, и другие отлично понимали желание своих московских контрагентов иметь такой национально-революционный фронт на Балканах и спешили уверить их в его наличии, хотя это и не отвечало действительности.

Ускользающе-дипломатично прозвучал также ответ Влахова на вопрос об отношении ВМРО к БКП. "ВМРО — организация народная, — читаем в его отчете, — и как таковая она не может быть против партии, тоже ставящей своей целью освобождение угнетенных масс". Что касалось собственных задач ВМРО, то в отчете они выглядели следующим образом: добиваться политического и экономического освобождения македонского населения без различия народности, религии, пола и политических убеждений и становления свободной и независимой Македонии как самостоятельной политической единицы⁸⁷.

Свои впечатления о советской стране, о господстве в ней твердого порядка, поддерживаемого населением, о прекрасном состоянии Красной армии и органов, обеспечивающих безопасность, об отсутствии какого-либо национального угнетения Влахов изложил в отчете в исключительно превосходных степенях. Доклад кончался словами: "В результате многочисленных встреч, которые мы имели с представителями Советской России и в Вене, и в России, для нас очевидно, что Советская Россия очень заинтересована в Македонской рев. организации, что ее представители *подробно, хотя и односторонне* (выделено в документе. — Р.Г.) осведомлены о ее деятельности", что они высоко ценят Организацию — "единственную революционную силу на Балканах, если не во всей Европе". На таком фоне вполне естественным был и окончательный вывод Влахова о результатах поездки: "Наш контакт

и соглашение с Советской Россией будут полезны для Македонии. Россия в настоящее время является единственной силой, которая может помочь нам и которая не стремится вести денационализаторскую политику"⁸⁸.

Читая отчет Влахова, трудно освободиться от впечатления, что уже тогда он помышлял о собственной игре в сложных советско-македонских комбинациях. Впрочем, они действительно были многоярусными. Согласно данным Палешутского, Александров посыпал делегацию в Москву без согласования этого шага со своим соратником и членом ЦК ВМРО А. Протогеровым и таким образом сорвал некие договоренности последнего с Раковским. Это следует из цитируемого Палешутским письма Протогерова к Александрову: "Ты хорошо знаешь, – говорилось в нем, – что я начал переговоры с Раковским и я должен был их продолжить ... но твой представитель помешал их продолжению с тем, чтобы вести свои переговоры от твоего имени"⁸⁹.

Из большевистских партийных деятелей высокого уровня одним из первых включился в македонскую проблематику К. Радек. Выступая на 3-м расширенном пленуме ИККИ (12–23 июня 1923 г.) в Москве со специальным докладом "Переворот в Болгарии и компартия" и жестко критикуя БКП за невмешательство в события, которые могли вылиться в желаемую большевиками революционную гражданскую войну, Радек помимо прочего поставил БКП в вину бездействие в македонском вопросе. Македония, говорил Радек, "где живут крестьяне, в которых трудно различить, сербы они или болгары", является старым объектом борьбы между Сербией и Болгарией и потому, подчеркивал он, македонский вопрос играет большую роль во всей современной истории Болгарии. Радек призывал обратить специальное внимание на то, что македонские национал-революционные организации являются не только важным социальным фактором, но и "крупной вооруженной силой на вооруженной основе"⁹⁰.

Летом 1923 г. в коминтерновских донесениях из Вены возникла тема македонского восстания, притом в увязке ее с идеей захвата власти и установления "рабоче-крестьянского правительства". 17 августа не знавший сомнений Милотин писал в ИККИ о якобы имевшихся у Т. Александрова замыслах поднять восстание в Македонии и о необходимости ис-

пользовать его для взятия власти и "организации рабоче-крестьянского правительства" в Болгарии. Одновременно Коминтерн, по его мнению, должен был заявить о праве Македонии на "полное самоопределение вплоть до отделения"⁹¹.

Трудно с точностью определить происхождение слухов о восстании в Македонии, но, несомненно, в их распространении более всего были заинтересованы властные учреждения Югославии, откровенно боявшиеся возможных реваншистских устремлений Болгарии с приходом правительства Цанкова и связанной с ним ВМРО Александрова. Провокационные по своей сути, эти слухи не только способствовали подрыву и так невысокого авторитета болгарского правительства в международных кругах, но и подвело идейной основы под неоднократное реальное стягивание вооруженных сил Югославии в августе–сентябре 1923 г. к болгаро-югославской границе с угрозой превентивной интервенции с ее стороны и предъявлению грубого ультиматума Болгарии с требованиями репрессий в отношении ВМРО.

Однако пагубнее всего слух о готовящемся македонском восстании отразился на БКП. Не будет ошибкой утверждать, что среди методов давления на руководство БКП, к которым прибег направленный в августе в Софию "Альбрехт", венский напарник Милотина, с целью заставить болгарскую компартию отказаться от политики нейтралитета и перейти к революционной практике, использовалась и прошедшая через советских представителей в Вене информация о желании, с одной стороны, руководителей "земледельческой" эмиграции в Югославии и Чехословакии, а с другой – лидеров македонских организаций установить связи с Москвой, о наличии у каждой из этих организаций вооруженных отрядов и их готовности к боевым действиям. Это означало, что в грядущих событиях (а что они наступят – коминтерновские деятели в 1923 г. не сомневались) активность будет принадлежать "земледельческим" и македонским организациям, как готовым немедленно ввязаться в бой, БКП же останется в стороне. Пирог власти будут делить без нее. В такой ситуации ЦК БКП было решительно предложено изменить политический курс, начать подготовку к вооруженному восстанию, а "земледельцев" и македонцев, ушедших вперед в этом деле, взять себе в союзники⁹².

Косвенным подтверждением использования фактора "македонского восстания" при склонении деятелей БКП к перемене курса служит пункт резолюции заседания Исполкома БКФ, проведенного в присутствии "Альбрехта" 22–24 августа политическим секретарем ЦК БКП Кабакчиевым. Из него видно, что к подобному восстанию и в БКП отношение становилось серьезным. В резолюции говорилось: "Ввиду возможности в близком будущем восстания в Македонии и вспышки национально-революционного движения в Хорватии и других областях Югославии – событий, которые создадут острый революционный кризис в Болгарии и Югославии, а также возможности войны между ними, необходимо, чтобы компартии Болгарии и Югославии, в частности их ЦК, самым внимательным образом следили за развитием событий и уже теперь определили свое отношение к восстанию в Македонии, к национально-революционным движениям в Югославии и вообще к опасности войны между Болгарией и Югославией и к возможности большого революционного кризиса в этих странах и на Балканах"⁹³.

В августе–сентябре 1923 г. информация о македонском восстании шла в Москву почти непрерывно. Об этом писал "Альбрехт" в ИККИ в отчете от 5 сентября о своей софийской командировке: "... совершенно открыто готовится восстание в Македонии. Болгарские националисты связывают свои надежды на восстание Великой Болгарии с Тодором Александровым, этот последний – фактический хозяин Болгарии". Причем на другой странице отчета автор признавался: "С македонским вопросом я знаком совсем немного"⁹⁴.

Не уставал нести свою службу Милютин. Сообщая 14 сентября в Президиум ИККИ о начавшемся в Болгарии вооруженном выступлении, он не преминул упомянуть, что "в Югославии можно ожидать восстания в Македонии", в связи с чем он направил в ЦК КПЮ письмо "с указанием необходимости поддержать македонское движение"⁹⁵. От КПЮ он требовал также твердой поддержки хорватского движения, считая, что подъем борьбы за самоопределение в этих областях "мы не должны упустить"⁹⁶.

Если алармистская информация о македоно-болгаро-югославских проблемах, шедшая в Москву от коминтерновских уполномоченных, носила в целом весьма общий характер, то

донасения агентов советских спецслужб из балканского региона содержали значительно более подробные сведения с элементами профессионального анализа. Из содержания ряда подобных документов следует, что в задачи разведчиков, например ИНО ОГПУ, входило многостороннее изучение ВМРО автономистов, ее действительных повстанческих стремлений, а также возможностей работы с этой организацией в интересах советской политики. Сколько ни раздроблены и случайны попавшие в руки исследователя донасения, они все же позволяют составить некоторое представление о направлении работы советских спецслужб на Балканах и проследить за их оценками эволюции положения в регионе в период лета–осени 1923 г.

В этом отношении интерес представляют доклады "сотрудника 10/А", поступавшие в Москву сравнительно регулярно и выполнявшиеся, видимо, по определенной программе, ибо носили одно и то же название: "Македонский вопрос по данным на такую-то дату" (в названии менялась только сама эта дата). Например, в материале по данным на 10 августа 1923 г. сообщалось о продолжавшейся в сербской печати кампании против Болгарии, о том, что сербы опасаются Болгарии и ожидают "активного выступления этой осенью". Не исключая возможности вооруженных событий в сербской части Македонии, разведчик, вместе с тем, делился с Москвой важным наблюдением: сами верхи "македонствующих", писал он, не надеются путем переворота захватить Македонию, но полагают, что крупные события в Македонии заставят Европу вмешаться в македонские дела⁹⁷. Из донасения вытекало, с одной стороны, что руководство ВМРО отнюдь не стремилось к самостоятельным боевым вооруженным действиям, а с другой – что Москве все же следует поторопиться, если она хочет играть собственную роль в регионе.

Спустя две недели тот же агент уже вполне определенно подвергал сомнению версию о скором восстании в Македонии, ибо, по его мнению, единственным правильным решением Александров считал на тот момент продолжение организационно-просветительной деятельности. Для открытого же выступления лидеру ВМРО необходимо было добиться координации действий с хорватами, "и в случае пассивности последних", как заключал автор доклада, "вероятность высту-

пления Александрова весьма незначительна"⁹⁸. Агент предлагал, кроме того, своим московским начальникам разработанные им три направления действий для того, чтобы оторвать автономистов от "болгарской реакции", а именно: "1. Либо создать (! –Р.Г.) конфликт между правительством, Военлигой и автономистами; 2. Либо ввести в организацию (ВМРО. –Р.Г.) трезвых, более интеллигентных людей с левыми взглядами, которые смогли бы постепенно видоизменить борьбу и коллективную мысль организации; 3. Либо начать открытую борьбу против идеологов и работу среди автономистов, подобную работе агитационной по методам, принятым для армии". Для этого, заключал автор, требуются три условия: время, средства и жертвы.

Перспективы для работы автор считал более благоприятными, чем два месяца назад. Любопытна общая оценка им автономистов: "большая часть их состоит из людей неинтеллигентных абсолютно и т.д., они всецело находятся под влиянием более сильных личностей и факторов из болгарского националистического лагеря ... имеющих завоевательные тенденции и шовинистические взгляды". В результате они, по его мнению, не умеют смотреть трезво на вещи, "почему и могут пойти на выступления, находящиеся в противоречии с преследуемой ими общей и конечной целью". Иными словами, разведчик не исключал возможности вооруженного выступления автономистов, однако скорее, по-видимому, спонтанного, чем заранее спланированного. Вместе с тем он не преминул сообщить, что Александров и его нелегальная организация располагают огромными средствами, которые в прошлом поступали как от болгарского правительства, так под тем или иным предлогом и от немцев и австрийцев.

В заключение автор документа приходил к выводу, что текущий момент (конец августа) очень выгоден для того, чтобы начать работу по "македонскому вопросу", из чего следует, что в то время у Москвы еще не было определенного взгляда на эту проблему. И именно на тот случай, если в центре будет принято решение "нам активно принять участие в разрешении македонского вопроса", агент в качестве программы действий предлагал, во-первых, срочно выработать главную директиву, а во-вторых, немедленно направить в Болгарию "наш орган, коему этот вопрос будет поручен". Дополнительные сведения

для составления конкретного плана и установления связи разведчик готов был предоставить на месте⁹⁹.

По-видимому, автор донесения считал себя держащим ситуацию под контролем, если ни словом не обмолвился о возможных трудностях при реализации таких задач, как "создать конфликт" в чужом государстве или "ввести в организацию своих людей".

Довольно подробными и разносторонними были донесения советских агентов в Москву в связи с предъявлением Югославией ультиматума Болгарии, "скрытого от страны", в числе требований которого содержались пункты о закрытии македонской прессы и о выдаче Т. Александрова. Документ с очередными "Краткими выводами по македонскому вопросу на 1 октября 1923 г."¹⁰⁰ лобопытен констатацией того, что лидер ВМРО автономистов на встрече с представителем ЦК БКП в августе 1923 г. выступил как противник борьбы за рабоче-крестьянское правительство. Вместе с тем, как отмечалось в донесении, по поводу проведенных болгарским правительством 12 сентября массовых арестов коммунистов Александров направил Цанкову письмо с неодобрением этой меры, что явилось для последнего полной неожиданностью¹⁰¹.

Оба этих момента представляются нам очень важными, ибо свидетельствуют не только о том, что с самого начала переговоров представителей БКП с ВМРО, что бы ни писали о них позже Коларов и другие болгарские партийцы, Александров отнюдь не предполагал связывать себя с коммунистами совместным вооруженным выступлением, но и о том, что он боялся возможного коммунисто-земледельческого восстания, которое может послужить предлогом для интервенции со стороны Югославии, а ей обезоруженная Болгария не сможет противостоять. И, думаю, именно этим – пониманием, что аресты коммунистов могут спровоцировать их на выступление, было в первую очередь наполнено его письмо Цанкову, а не чем-либо другим.

В целом определить степень достоверности сведений, направлявшихся разными источниками в Москву, не представляется возможным: каждый агент понимал складывавшуюся ситуацию по-своему, что-то подчеркивая в донесениях, а что-то опуская, а чего-то вообще не зная и по ходу письма по необходимости придумывая. К примеру, в агентматериале о

положении БКП после разгрома Сентябрьского восстания, где говорилось, что "партия на долгое время потеряла для нас значение крупного фактора на Балканах", как бы в замену этой потери разведчик подробно описывал боевые возможности ВМРО. Ныне, сообщал он, ВМРО располагает вполне достаточным количеством оружия для снабжения 100.000 человек (! – Р.Г.), имеет, якобы по проверенным сведениям, до 150 пулеметов, не установленное количество горных орудий, 10 орудий полевых, 4 гаубичных, "а возможно, и большее количество"; положение в Вардарской Македонии на конец октября 1923 г. он характеризовал так: эта область "хорошо организована. Снабжена оружием. Население способно поднять восстание". В Пиринской Македонии имеется до 35 тыс. вооруженных бойцов. "Всего же, – заключал разведчик, – организация в случае нужды может выставить до 100.000 человек. Людей имеется и на большее количество, но нет оружия". Материал сопровождался схемой организации ВМРО на местах, степенью ее влияния в том или ином районе¹⁰².

Вообще в донесениях агентов спецслужб, датированных временем после разгрома БКП, явно, на мой взгляд, стала ощущаться торопливость, стремление подтолкнуть события. В этом отношении характерен документ "Краткие выводы по македонскому вопросу на 1 октября 1923 г.", в котором можно выделить три основные идеи. Автор считал, во-первых, что поведение ВМРО в отношении компартии во время Сентябрьского восстания – это "частичный успех СССР, однако совершенно не развитый" (он исходил из того, что в рядах добровольцев, направлявшихся против повстанцев, автономистов не было). Во-вторых, возможности использования ВМРО благоприятствовало, по его мнению, настроение как самой этой организации, так и македонских эмигрантских масс. Наконец, совсем осмелев, агент брался утверждать, что Александров "нам не опасен, как лидер ВМРО, ибо перспективы работы на массы через голову Т. Александрова вполне благоприятны"¹⁰³. На самом деле ни одно из этих положений скрупулезной точностью не отличалось, а всякая приблизительная информация могла лишь провоцировать получателей информации на не вполне адекватные действия.

Приведенные документы поступали ИНО ОГПУ и в копиях рассыпались: Менжинскому–Ягоде (заместители председа-

теля ОГПУ), Пиляру-Артузову (контрразведка ОГПУ), Радеку-Пятницкому (Исполком Коминтерна), Чичерину (НКИД), а некоторые еще и Невскому (работал с югославскими документами по заданию Троцкого).

К концу 1923 г. московские ведомства, проводившие зондаж на Балканах, посчитали полученную информацию достаточной, чтобы перейти к конкретным действиям.

Так, со стороны Коминтерна был предпринят решительный шаг к реорганизации БКФ и вооружению ее жесткой программой по национальному и крестьянскому вопросам. Это произошло на 6-й конференции БКФ (ноябрь 1923 г.), на которой были приняты резолюции переломного значения для каждой балканской коммунистической партии.

Идея проведения конференции БКФ в Москве при участии в ней солидной делегации большевиков родилась еще летом 1923 г. в разгар борьбы ИККИ с самовольством ЦК БКП в вопросах тактики. В письме в ЦК БКП с приглашением на конференцию Миллотин не случайно упомянул: "Вы понимаете, конечно, что решения этой конференции с участием членов Президиума Коминтерна будут исключительно важны"¹⁰⁴. Действительно, Президиум ИККИ вопросами подготовки этого мероприятия занимался специально, возводя его тем самым в ранг высоких. Избранный оргкомитет в составе Миллотина, Цеткин и Пятницкого учредил комиссии по работе каждой балканской партии, включив в них по представителю Коминтерна (Прухняка, Коларова, Петровского, Грамши, Цеткин, Пятницкого) и в качестве обязательного члена – самого Миллотина¹⁰⁵. В канун открытия конференции делегация страны приема была усиlena за счет Варского и Бухарина.

При столь мощной опеке делегаты приняли серию резолюций для каждой из балканских компартий по организационному, крестьянскому и национальному вопросам, из которых остановимся на последних.

Общими отправными моментами в них стали, во-первых, ссылка на русский теоретический и практический опыт по "разрешению национального вопроса в границах бывшей Российской империи" и, во-вторых, уверенность коминтерновских функционеров в наличии якобы в каждой балканской стране революционного кризиса. Отсюда проистекал и третий общий постулат: в целях революции, готовой вот-вот про-

изойти, необходимо использовать крестьянские и национальные организации, для чего следует разжигать недовольство крестьянской бедноты, с одной стороны, и национальные конфликты – с другой. В одном из коминтерновских материалов от 4 декабря 1923 г. откровенно говорилось: "КПЮ должна сделать национальный вопрос исходной точкой всех последующих выступлений партии, т.к. именно национальные конфликты и создают благоприятную почву для революционного движения. Не отодвигать национальные конфликты на задний план, не затушевывать их, а наоборот подчеркивать и обострять их, переносить их на классовую почву..."¹⁰⁶. Из такого подхода вытекала постановка важнейшей тактической задачи – проникновение коммунистов в национальные организации для последующего овладения их руководящими органами и подчинения национального движения коммунистическим лидерам. Например, в резолюции по национальному вопросу в Болгарии говорилось о необходимости обязать болгарских коммунистов–македонцев по происхождению стать активными членами македонских организаций, направлять их деятельность в пользу автономии Македонии и "вырвать движение из рук болгарских националистов"¹⁰⁷. Поручение "взять на себя македонское национальное движение и повести его за собой, не забывая и о социальных задачах борьбы" конкретно адресовалось коммунистическим организациям Петричского края.

Македонской проблеме было уделено особое внимание в резолюциях 6-й конференции БКФ. Решение ее предлагалось осуществить на "классовой рабоче-крестьянской" основе, т.е. в противовес стремлениям сербской и болгарской буржуазии представить Македонию дополнением Сербии или, соответственно, Болгарии. Но в действительности, говорилось в одной из резолюций, в Македонии нет большинства ни сербов, ни болгар и даже всех христиан вместе взятых; здесь существует нераспутываемый клубок болгар, сербов, греков, албанцев, турок и румын и других христианских славянских народностей с неразвитым национальным сознанием – сербским или болгарским; и у этого "македонского населения всех национальностей" имеется представление, по крайней мере в латентной форме, об его общих интересах, противоположных интересам сербской, болгарской и греческой буржуазии. И

исходя из того, что Македония является собой географическое и экономическое единство, 6-я конференция БКФ признавала, что ее интересам не соответствует разделение на части или присоединение к одному из борющихся за нее государств. Отсюда и выдвинутый конференцией лозунг "Македония для македонцев", который компартиям Югославии, Болгарии и Греции предлагалось "открыто выставлять и разъяснять" и одновременно усиливать среди македонского населения движение за полную независимость Македонии¹⁰⁸.

Формула "самоопределение вплоть до отделения" была доведена на конференции до абсурда. Остается только удивляться, как делегаты БКП согласились внести в резолюцию по национальному вопросу в Болгарии такие, например, пассажи: "Петричский округ принадлежит к Македонии, которую ее население воспринимает как единую, отдельную страну. БКП признает за этим населением полное право отделиться от Болгарии и войти в состав македонского государства, либо создать автономию и управлять ею, либо обособиться в отдельную независимую республику, либо, наконец, остаться в границах Болгарского государства как его части". Или: БКП признает право фракийского и добруджанского населения обособиться в отдельные государства; население этих областей свободно выскажет свое мнение, в какой форме должна быть выражена их самостоятельность¹⁰⁹.

Разгул стихии самоопределений, а по существу провоцирование сепаратизма, коснулся и Греции, где компартия должна была бороться за самоопределение меньшинств, проживающих на ее территории, к которым были отнесены турки, болгары, арумыны, евреи, албанцы, армяне. "И это право на самоопределение, – гласила соответствующая резолюция, – в свою очередь должно дать компактным национальным меньшинствам право отделиться от Греции"¹¹⁰.

Любопытна постановка вопроса о меньшинствах в Югославии. К ним были причислены мадьяры, немцы и румыны, "Македонская же проблема, – сообщалось в документе, – будет освещена в особой резолюции". В последней развертывалась уже упоминавшаяся концепция автономной или "совсем независимой" Македонии. Таким образом из обихода выводилось понятие "болгарское меньшинство" в Югославии, при-

знания которого с таким упорством пытались добиться и государственные власти Болгарии, а прежде – и сама БКП.

Сумбур квалификаций национального вопроса в балканских странах на 6-й конференции БКФ, неясность содержания используемых определений, в частности слишком свободное оперирование понятием "национальное меньшинство" и его правом, как и населения приграничных областей, на выход за пределы имеющихся государственных границ – все это внесло разброд и непонимание в сознание балканских коммунистов, особенно проявившиеся после их отъезда из Москвы. С этим и БКФ, и Коминтерну пришлось столкнуться, по существу, сразу же по окончании конференции.

От постановки национального вопроса на конференции пострадала, кажется, более всего БКП, явившаяся в 1919 г. инициатором среди балканских коммунистов выдвижения лозунга о праве наций на самоопределение. Через БКФ, особенно когда с конца 1922 г. ее стал возглавлять политический секретарь БКП Хр. Кабакчиев, этот лозунг начал внедряться среди руководителей других балканских компартий, чему активно способствовал уполномоченный Коминтерна Милютин. Собственно говоря, 6-я конференция БКФ прошла под знаком торжества этой болгарской концепции. И не случайно: к концу 1923 г. большевистская верхушка, задействованная в Коминтерне и знакомая с опытом работы балканских компартий, очевидно, уже достаточно оценила важность использования в революционных целях местных национальных конфликтов и противоречий, тем более, что несмотря на недавние бесславные поражения коммунистических выступлений в Болгарии, Германии, Польше, революционная эйфория среди части руководства РКП(б) не убывала, а сами поражения принимались партийными функционерами, сознание которых было замутнено мифом о мировой революции, в общем как победы. Зиновьев, например, в январе 1924 г. оценивал события в этих странах как "все-таки начало новой волны международной революции"¹¹¹.

Мифы мифами, но как понять широкие жесты болгарских коммунистов и, в частности, Коларова – главного болгарского представителя на 6-й конференции БКФ, провозгласивших право свободного отделения от родного государства населения приграничных территорий, т.е. являющихся, выходит,

неболгарами. И все это – ради отдельного существования Македонии, то ли в виде автономии, то ли в виде самостоятельного государственного образования, состоящего из трех слиянных частей, но с последующим включением в Балканскую рабоче-крестьянскую федерацию. Видимо, руководящая роль болгар в БКФ, их тесные контакты с большевистским руководством (в 1922 г. Коларов, став генеральным секретарем ИККИ, переехал в Москву с семьей на постоянное жительство) вселяли в них надежды на руководящую роль и в грядущем государственном образовании – Балканской Федерации.

Нельзя не признать, что расширительное толкование права на самоопределение перевело БКП с государственнической позиции "собирания" болгарской нации, заявленной на I съезде БКП в 1919 г., на позицию согласия с фактическим ее расставлением, зафиксированную в решениях 6-й конференции БКФ 1923 г.

В конце 1923 г. ОГПУ также перешло от зондажных мероприятий к конкретным – были возобновлены переговоры с ВМРО автономистов.

Общая цель советских ведомств, работавших на балканском направлении, достаточно четко обозначилась в рассмотренных документах 6-й конференции БКФ и заключалась она в стремлении коммунистов овладеть национальным движением в регионе, поставить его под свое руководство. Этому и должны были способствовать переговоры Москвы с наиболее сильным и авторитетным национальным лидером в лице Т. Александрова.

После встречи где-то в Болгарии негласного советского представителя "Андреева-Базарова" (Б.Я. Шпак) с Т. Александровым мандат "на завершение переговоров с Русской советской республикой" в духе этой встречи лидер автономистов вновь вручил Д. Влахову. Затем с датой 30 декабря 1923 г. в Москву за подписью Александрова поступил "Проект соглашения между ВМРО и Русской советской республикой", в котором цель ВМРО определялась так: "Объединение Македонии, расколотой между Болгарией, Сербией и Грецией ... в одну политическую единицу, которая впоследствии станет равноправным членом Балканской федерации или, по крайней мере, на первом этапе – Югославянской федерации". При этом

ВМРО брала на себя обязательства "работать совместно с другими революционными организациями на Балканах в пользу федерирования балканских государств в их этнических границах".

Уже этот пункт проекта соглашения содержал недоговоренности (ни одна "из других революционных организаций" конкретно не называлась) и противоречия: в частности, ВМРО ставила себя на особое место по сравнению с другими организациями, заявляя о себе как о "единственной представительнице суверенной воли Македонии" и предлагая советской стороне признать это обстоятельство. Более того, в группе сопроводительных документов, присланных в Москву, содержался материал "О так называемых нелегальных федералистах", которые иначе, чем разбойники и мародеры, автономистами не квалифицировались. И как можно было организовать общую работу национальных организаций при таком подходе?

Весьма дипломатично излагался пункт проекта соглашения о том, что стороны, сохраняя самостоятельность своей внутренней и внешней политики, могут предпринимать конкретные совместные акции по общему согласию и в соответствии с политическими обстоятельствами. Говоря современным слогом, Александров планировал заключить рамочное соглашение, не более того. При этом он не брал на себя ровно никаких обязательств, но не преминул попросить о возможной материальной, дипломатической и моральной поддержке со стороны большевиков¹¹².

Как протекали переговоры на этой их стадии, судить из-за недостатка доступных документов очень трудно. Частично завесу над ними приоткрывает сохранившаяся рукописная протокольная запись под названием "Совещание по Македонии" от 11 января 1924 г. Из нее следует, что в совещании участвовали Уншлихт, Трилиссер, Чичерин, Пятницкий, Коларов, т.е. представители ОГПУ, НКИД и ИККИ. Обсуждался вопрос о том, какие условия должна была выполнить ВМРО автономистов, по-видимому, в ответ на какие-то услуги или обещания с советской стороны (они не упоминались).

В документе были подробно зафиксированы предложения Коларова, который к тому времени уже имел активные контакты с руководством некоторых советских спецслужб, так

что ему удалось, например, перевести часть бюджета Болгарской компартии на "спецсчета" – для "облегчения бюджета партии". Требования Коларова к ВМРО Александрова, высказанные на указанном совещании, включали следующие пункты: автономисты должны были обеспечить свободу коммунистической пропаганды в округах, где они являются фактическими хозяевами; допустить коммунистов во все организации ВМРО и в ее руководство; допустить коммунистов к участию в печатных органах ВМРО; ВМРО должна была защищать коммунистов, преследуемых правительством; действовать в контакте с коммунистическими депутатами в парламенте и в местных органах власти; устраниТЬ ряд одиозных лиц; подвергнуть осуждению всех, запятнавших себя эксцессами в отношении коммунистов и "земледельцев"; оказать содействие в перевозке литературы (читай: вооружения. – Р.Г.). Иными словами, Москва должна была потребовать от Александрова поддержки всей деятельности БКП, включая ее подпольную сторону, притом делать это практически открыто.

Солидаризируясь с Коларовым, Уншлихт в свою очередь предложил на совещании перенести центр тяжести в требованиях к Александрову из военной области (видимо, этот вопрос также обсуждался) в политическую¹¹³.

В настоящее время невозможно установить, располагали ли участники совещания документами Т. Александрова от 30 декабря 1923 г., как и когда последние были доставлены в Москву (высказанное мною суждение о повторном приезде Влахова сюда в начале 1924 г.¹¹⁴ подтверждения на основе архивных данных пока не получает). Во всяком случае, протокольная запись совещания от 11 января свидетельствует о различии тональности документов, представленных Александровым, и готовившихся кругом московских руководителей.

О разности подходов сторон к содержанию политического соглашения между ними еще красноречивее говорит доклад для Москвы нелегала Гольдштейна – одного из активных советских работников в Вене, идентифицировать личность которого исследователям до сих пор не удается¹¹⁵. Доклад Гольдштейна помечен 9 января 1924 г. и является изложением его большой беседы с Александровым, состоявшейся, по-видимому, в конце 1923 г., когда перед лидером ВМРО встал вопрос о продолжении переговоров с большевиками.

Кратко позицию Александрова в изложении Гольдштейна можно представить так:

- ныне открытое выступление ВМРО в защиту БКП невозможно, ибо это было бы проявлением нелояльного отношения к болгарскому правительству, "в котором сейчас ВМРО нуждается" и, кроме того, означало бы преждевременное раскрытие карт;
- никаких политических группировок, в том числе коммунистических, внутри ВМРО быть не может;
- отношение к возможному восстанию – отрицательное, так как победа БКП, тем более в союзе с "земледельцами", сопровождалась бы интервенцией со стороны Югославии. Александров прямо заявил, что в случае восстания организация "морально поддержит" правительство Цанкова, ибо "всякий мятеж только на руку Югославии"¹¹⁶.

Гольдштейн сообщал также, что в заключение Александров особенно подчеркивал свою заинтересованность в сохранении полной конспиративности соглашения с Москвой. Руководитель ВМРО проявлял готовность лишь к мелким уступкам в пользу БКП, причем и об этом заявлял в условной манере. Единственное, к чему он отнесся положительно, – это создание македонской группы в парламенте Болгарии.

Как видим, разность подхода сторон к проектируемому сотрудничеству была огромной. Для нас важно здесь отметить два обстоятельства: во-первых, наличие тесного контакта Коларова, в качестве главного в то время представителя Болгарской компартии в Москве, с крупными руководителями ОГПУ, причем занимавшимися конкретной "специальной" деятельностью, и совместная работа с ними по "македонской проблеме". И во-вторых, специфический подход к ее разрешению, а скорее использованию, притом прежде всего в интересах БКП. Кстати, сам характер высказываний Александрова позволяет думать, что в беседе с Гольдштейном он отвечал на вопросы, очень похожие на те, что обсуждались в Москве на совещании 11 января. И на все лидер ВМРО ответил отрицательно.

Несмотря на столь вопиющую противоположность программ, с которыми договаривающиеся стороны приступали к новому раунду переговоров, на свет в конце концов появился известный Майский манифест 1924 г. Активнейшая роль в его

подготовке принадлежала Влахову и одному из его сподвижников Харлакову. Об этом документе, его содержании, значении и т.п. существует обширная литература. В исторических исследованиях неоднократно упоминалось, что данное Александрову обещание не обнародовать Манифест без его разрешения было нарушено. Ныне на давно дискутируемый вопрос об обстоятельствах публикации Манифеста можно получить документальный ответ – указание пришло из Москвы и принято оно было на самом высоком уровне. 19 июня 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б), занимаясь на своем заседании болгаро-македонскими проблемами, в числе прочего постановило: "Декларацию македонских автономистов опубликовать за их подписью"¹¹⁷.

Что из этого получилось – хорошо известно. Если вспомнить, что одной из главных целей большевиков и Коминтерна в отношении национальных организаций было добиться их объединения, а также попытаться овладеть их руководством, то в случае с ВМРО автономистов это оказалось невозможным. Большего, чем бумажный Манифест, – не получилось. Оставалось скомпрометировать Александрова, т.е. разрушить сложившуюся иерархию организации, дискредитировать ее руководство. Результатом стала взаимоистребительная расправа, Александров и многие другие македонские деятели были убиты, македонское движение понесло большие жертвы. 22 сентября 1924 г. Чичерин направил в берлинское полпредство СССР ориентировку: "Александров совершил предательство и поплатился жизнью. Мы в этом не участвовали. Это не наших рук дело. Не наш метод. Но положительные результаты его смерти признаем"¹¹⁸.

Спустя год в Вене была основана прокоммунистическая ВМРО объединенная во главе с Д. Влаховым, в основу идеологии которой были положены принципы Майского манифеста.

В целом следует отметить, что со времени выработки в большевистском руководстве взгляда на македонский вопрос (конец 1923 – начало 1924 г.) как на один из инструментов прогнозируемой революции на Балканах до реализации этой идеи сроки оказались предельно сжатыми, ибо уже тогда появление признаков стабилизации капитализма содействовало постепенному отходу части московской правящей элиты от

курса на немедленное революционное действие международного масштаба. Тем не менее балканские проблемы, в том числе македонские, на протяжении 20–30-х годов постоянно продолжали привлекать внимание Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бурбыга В.А. Македонский вопрос в ранней публицистике Кр.Раковского // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы. 20–80-е годы XX в. Харьков, 1995. Т.2. С.430; Дамянова Ж. Кр.Раковски – живот и дейност // Известия на Института за история на БКП. София, 1989. Т.64. С.131.
- ² Лобанова М.В. Опыт сравнительного анализа взглядов Х.Г. Раковского на Балканскую и Советскую конфедерации // Тоталитаризъ... Т.2. С.443.
- ³ Панайотов Ф. Доктор Кръстю Раковски. Допълнения към биографията му. София, 1988. С.343.
- ⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф.509. Оп.1. Д.2. Л.6.
- ⁵ Там же. Л.5.
- ⁶ Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С.1406.
- ⁷ Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х.Г. Раковского. Харьков, 1994. С.96.
- ⁸ Гришина Р.П. БЗНС, БКП, ГПУ и депортация врангелевцев из Болгарии. 1921–1922 гг. // Болгарский ежегодник. Киев, 1998. Т.3.
- ⁹ Пачдевски М. Доктор Кръстю Раковски за Македонија и македонското прашање // Македонска Академија на науките и уметностите. Одделение за општествени науки. Скопје, 1989. С.60.
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.1982. Л.35–36.
- ¹¹ Документы внешней политики (ДВП) СССР. М., 1962. Т.VI. С.132.
- ¹² Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф.0144. Оп.7. П. 102. Д.13. Л.90.
- ¹³ Там же. Ф.04. Оп.7. П.61. Д.831. Л.21.
- ¹⁴ Там же. Оп.48. П.296. Д.54312. Л.26 об.
- ¹⁵ България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискуси). София, 1998. С.372, 377.
- ¹⁶ Улуңян Ар. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии и внутренней истории. М., 1992. Ч.1. С.73.
- ¹⁷ Никифоров К.В. Социал-демократия в Югославянских землях // Европейское социалистическое движение в годы первой мировой войны. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С.241.
- ¹⁸ Там же. С.243.
- ¹⁹ БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК. София, 1957. Т.2. 1919–1923. С.24
- ²⁰ Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Указ.соч. С.96.
- ²¹ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.1. Л.4.
- ²² Там же. Д.6. Л.26.
- ²³ Там же. Л.60–61.
- ²⁴ Там же. Д.4. Л.14.

- ²⁵ Там же. Д.27. Л.9.
- ²⁶ Там же. Д.4. Л.4–6.
- ²⁷ Там же. Д.6. Л.2.
- ²⁸ Тезисы ко Второму конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг., б/д. С.49–50.
- ²⁹ Европейское социалистическое движение... С.48–51.
- ³⁰ Стalin И. Соч. М., 1947. Т.5. С.42–43, 54.
- ³¹ Там же. С.42–43.
- ³² Там же. С.237.
- ³³ Там же. С.265.
- ³⁴ Архив Президента РФ (далее – АП РФ). Ф.3 Оп.20. Д.90. Л.23, 24.
- ³⁵ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989. С.250.
- ³⁶ БКП в резолюции и решения... Т.2. С.242–243.
- ³⁷ Подробнее см.: Гришина Р.П. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии по новым документам // Новая и новейшая история. 1996. № 5.
- ³⁸ АП РФ. Ф.3. Оп.20. Д.90. Л.42–51.
- ³⁹ БКП в резолюции и решения... Т.2. С.221.
- ⁴⁰ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1 Д.9. Л.49–50.
- ⁴¹ Палешутски К. ЮКП и националният въпрос. 1921–1923 гг. // Известия на Института по история на БКП (ИИИ БКП). София, 1979. Т.41. С.179–180.
- ⁴² РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.9. Л.12.
- ⁴³ Там же. Л.54.
- ⁴⁴ АП РФ. Ф.3. Оп.20. Д.90. Л.43.
- ⁴⁵ Там же. Л.56.
- ⁴⁶ Irajcic G. Revolucija i nacije. Evolucija stavova vodstva KPJ i Kominterne (1919–1929). Zagreb, 1978. S.52–53.
- ⁴⁷ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1923. М., 1933. С.365.
- ⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.11. Л.34.
- ⁴⁹ Там же. Л.35.
- ⁵⁰ Там же. Л.17.
- ⁵¹ Палешутски К. Указ.соч. С.191.
- ⁵² РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.2. Д.22а. Л.5 об.
- ⁵³ Там же. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.6.
- ⁵⁴ Там же. Ф.495. Оп.2. Д.22а. Л.15.
- ⁵⁵ Там же. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.13,14.
- ⁵⁶ Там же. Ф.495. Оп.2. Д.22а. Л.5.
- ⁵⁷ Там же. Л.5 об.
- ⁵⁸ Там же. Л.33.
- ⁵⁹ Там же. Оп.18. Д.175. Л.50.
- ⁶⁰ Там же. Оп.19. Д.390. Л.24.
- ⁶¹ Там же. Оп.18. Д.175. Л.273.
- ⁶² Там же. Л.50.
- ⁶³ Там же. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.33.
- ⁶⁴ Там же. Ф.495. Оп.18. Д.186. Л.22.
- ⁶⁵ Палешутски К. Указ.соч. С.196–197.
- ⁶⁶ РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.2. Д.22а. Л.131–132.
- ⁶⁷ Палешутски К. Указ.соч. С.200.

- ⁶⁸ Там же. С.201.
- ⁶⁹ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.75.
- ⁷⁰ *Gligorijevic Br.* Kominterna, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. С.104.
- ⁷¹ АВП РФ. Ф.04. Оп.7. П. 61. Д.834. Л.11.
- ⁷² Там же. Л.13.
- ⁷³ Там же. Л.15.
- ⁷⁴ Централен държавен архив (София). Ф.370. Оп.1. Д.314. Л.45–46.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф.04. Оп.7. П. 64. Д.4. Л.2.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. П. 61. Д.883. Л.16.
- ⁷⁸ Там же. П. 64. Д.4. Л.2.
- ⁷⁹ Там же. П. 61. Д.831. Л.53–57.
- ⁸⁰ Там же. Л.17–19.
- ⁸¹ *Пандевски М.* Димитар Влахов – живот и дело // Свечен собир, посветен на Д. Влахов, одржан на 8.XI.1978. Скопје, 1979. С.11.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С.14..
- ⁸⁴ *Пандевски М.* Крсто Раковски... С.60.
- ⁸⁵ *Влахов Д.* Мемоари. Скопје, 1970. С.222–224.
- ⁸⁶ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.55. Л.16–26.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Палешутски К.* Македонското освободително движение след първата световна война. 1918–1924. София, 1993. С.224–225.
- ⁹⁰ Расширенный пленум ИККИ. Отчет. М., 1923. С.258.
- ⁹¹ РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.19. Д.477. Л.8.
- ⁹² Там же. Оп.2. Д.22а. Л.139–141.
- ⁹³ *Гришина Р.П.* Сентябрское восстание... // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С.138.
- ⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.27. Л.4–6.
- ⁹⁵ Там же. Л.161–162.
- ⁹⁶ Там же. Оп.18. Д.186. Л.86–87.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.9. П. 64. Д.886. Док.33.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. Оп.7. П. 61. Д.834. Л.29.
- ¹⁰⁴ РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.19. Д.476. Л.136.
- ¹⁰⁵ Там же. Л.182, 184.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф.509. Оп.1. Д.28. Л.184.
- ¹⁰⁷ Там же. Д.24а. Л.107.
- ¹⁰⁸ Там же. Д.24. Л.99–101.
- ¹⁰⁹ Там же. Д.24а. Л.107–109.
- ¹¹⁰ Там же. Д.25. Л.117.
- ¹¹¹ XIII конференция РКП(б). М., 1924. С.177.
- ¹¹² РЦХИДНИ. Ф.509. Оп.1. Д.35. Л.27а–28.
- ¹¹³ АВП РФ. Ф.04. Оп.7. П. 61. Д.831. Л.17–28.

¹¹⁴ България в сферата... С.273–274.

¹¹⁵ *Troebst St. Dr Goldstein und sein Doppelgaengen. Eine biographischen Aktivität des Sowjetischen Diplomaten zu Beginn der Zwanziger Jahre //* Първи международен конгрес по болгаристика. Доклади. София, 1982. Т.2.

¹¹⁶ АВП РФ. Ф.04. Оп.7. П. 61. Д.834. Л.30–31.

¹¹⁷ АП РФ. Ф.3. Оп.74. Д.2. Л.12.

¹¹⁸ АВП РФ. Ф.04. Оп.7. П. 61. Д.833. Л.19.

Л.Я. Гибианский
(Институт славяноведения РАН)

**ПРОБЛЕМА МАКЕДОНИИ
И ВОПРОС О ФЕДЕРАЦИИ НА БАЛКАНАХ
В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МОСКОВОЙ
И КОММУНИСТАМИ ЮГОСЛАВИИ И БОЛГАРИИ
В 1941–1945 гг.**

Подобно тому, как это уже было в период Балканских войн 1912–1913 гг. и первой мировой войны, когда Македония стала объектом территориальных разделов, вопрос о ней вновь приобрел особое значение как международная проблема в условиях второй мировой войны. Тогда вследствие фашистской агрессии на Балканах Македония в 1941 г. повторно подверглась переделу, а в ходе последовавшего затем поражения нацистского "третьего рейха" и его союзников решение ее дальнейшей судьбы опять оказалось в повестке дня. Причем на сей раз одной из существенных специфических черт этого решения явилось то, что среди его важнейших участников были руководство СССР и тесно связанные с ним лидеры балканских коммунистических партий, прежде всего компартий Югославии и Болгарии, вставших к концу войны у государственного руля в своих странах. Другой существенной специфической чертой стало то, что и в политике названных компартий, и в советской политике того времени, особенно на последних этапах войны, македонский вопрос неразрывно соединялся с замыслами образования федерации на Балканах.

Планы Москвы и компартий Югославии и Болгарии в отношении Македонии и федерации на Балканах, их взаимодействие и практические усилия по этому поводу, предпринимавшиеся в ходе второй мировой войны, стали предметом внимания в историографии почти сразу по горячим следам тогдашних событий. Первыми коснулись названной темы западные авторы уже в конце 1940 – начале 1950-х годов в

связи с рассмотрением истории международных отношений на Балканах и в Восточной Европе¹ и процесса советизации восточноевропейских стран². Позже эта тема продолжала затрагиваться в различных западных изданиях о тех же проблемах³, а особенно – о советско-югославском конфликте 1948 г.⁴ Несколько шире она рассматривалась в не очень многочисленных трудах, специально посвященных истории македонского вопроса⁵. Выступив пионерами обращения к этой теме, западные исследователи были, однако, лишены доступа к основным оригинальным источникам для ее изучения, скрытым главным образом в архивах СССР и коммунистических режимов Югославии и Болгарии. В сходном положении оказались и греческие авторы, проявившие интерес к упомянутой проблематике⁶. Те и другие были вынуждены пользоваться преимущественно данными, которые сначала, после советско-югославского конфликта 1948 г., стали публиковаться югославской пропагандой и подконтрольной властям югославской историографией. Поскольку эта тема превратилась затем на долгие годы в предмет не затухавшей полемики между коммунистическими режимами Югославии и Болгарии, болгарская пропаганда и официозная историография начали публиковать свои данные, призванные опровергнуть югославскую версию.

Каждая из сторон – как югославская, так и болгарская – сохраняла при этом в течение значительного времени закрытость наиболее важных архивных фондов и предавала гласности лишь те сведения, которые считала политически выгодными. Такой подход во многом обусловил и ту интерпретацию, которая была характерна для историографии в обеих странах. Политика собственной компартии и затем своего коммунистического режима в вопросе о Македонии и о планах федерации оценивалась исключительно позитивно, а политика балканского коммунистического партнера-соперника в македонском вопросе трактовалась весьма критически. В каждом случае соответствующая селекция используемого архивного материала должна была подкрепить официальную версию, соответственно, той либо другой стороны. Что касалось оценки советской политики в вопросе о Македонии и федерации, то в югославской историографии после 1948 г. она была достаточно критической, между тем как для болгарских исто-

риков подобные оценки длительное время были недопустимы, и лишь к концу 1970-х годов, а более явственно в 1980-е годы в Болгарии стала возможной весьма осторожная, нередко косвенная, критика некоторых советских установок в отношении Македонии в интересующий нас период⁷.

В советской исторической науке какое-либо рассмотрение темы, о которой идет речь, было просто под запретом почти до конца 1980-х годов⁸. Любая имевшаяся в стране документация по этой теме тщательно скрывалась, а единственным источником хоть каких-то сведений о позиции СССР по вопросу о Македонии и планах федерации на Балканах могло быть лишь то, что оказывалось известным из югославских и болгарских публикаций⁹.

Крах как советского режима, так и коммунистических режимов в Болгарии и Югославии создал принципиально новые возможности для конкретно-исторического изучения названной выше проблемы. Во-первых, ввиду падения прежних политico-идеологических запретов, связывавших исследователей в бывших социалистических странах, а во-вторых, вследствие рассекречивания архивных материалов, прежде вовсе или почти недоступных и для большинства этих исследователей, и для их коллег в остальном мире. В результате в последние годы появился ряд новых работ, в которых различные аспекты македонского вопроса и проектов федерации на Балканах, в том числе в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в период войны, рассматриваются с использованием ранее закрытых архивных документов¹⁰. Однако в некоторых таких работах, вышедших в Болгарии и Югославии, обнаруживается преемственность с прежним освещением, имевшим место в болгарской и югославской историографии, но с той существенной разницей, что характерная раньше апология коммунистического руководства собственной страны сменилась апелляцией лишь к "национальным интересам" и даже сопровождается критикой в адрес не только балканского партнера-соперника и Москвы, если она поддерживала притязания последнего, но теперь уже и в адрес своих коммунистических лидеров, если они, по мнению автора работы, были непоследовательны в отстаивании "национальных целей"¹¹. Подобная коллизия, отражая историографические сложности, в сущности, является и своеоб-

разным продолжением – уже применительно к сегодняшним условиям – тех противоречий вокруг вопроса о Македонии, которые имеют давнюю историю и которые, в частности, проявились по-своему, в соответствии с тогдашней ситуацией, в период второй мировой войны. О такого рода продолжении свидетельствует и полемика по поводу относящихся к Македонии событий того времени, ведущаяся в течение последних лет между рядом историков из Болгарии и их коллегами из нынешней независимой Республики Македония¹².

* * *

В результате агрессии против Югославии и Греции и их оккупации в апреле 1941 г. гитлеровской Германией и ее со-общниками по фашистскому блоку Македония подверглась новому территориальному переделу. Большая часть Вардарской Македонии, явившейся до того югославской территорией, и восточная часть Эгейской Македонии, находившейся в составе Греции, были присоединены к Болгарии. Остальная часть Вардарской Македонии была передана квислинговскому режиму Албании, захваченной Италией, а центральные и западные районы Эгейской Македонии были поделены между германской и итальянской оккупационными зонами в Греции, но поставлены под административное управление греческого квислинговского "правительства". В этой новой ситуации вопрос о Македонии возник уже вскоре как перед Москвой, так и перед балканскими компартиями. И прежде всего это оказалось связанным с теми противоречиями относительно македонской проблемы, которые обнаружились поздней весной – летом 1941 г. между руководством компартии Югославии (КПЮ), организовывавшим вооруженное Сопротивление оккупантам, и ЦК Болгарской компартии (БКП; она тогда называлась Болгарской рабочей партией), действовавшим в подполье в Болгарии (основная часть руководства БКП находилась в СССР). Противоречия касались того, какой из партий должна принадлежать коммунистическая организация на территории Вардарской Македонии, оказавшейся под болгарской властью. Прежде организация коммунистов в югославской Македонии была частью КПЮ, но после оккупации и раздела Югославии секретарь македонского краевого комитета КПЮ

М. Шаторов-Шарло, поддержаный частью партийного актива, установил связь с подпольным руководством БКП и счел в сложившихся условиях более целесообразным действовать под его началом, а не под началом ЦК КПЮ (членом которого он являлся). В ответ руководство КПЮ приняло решение об исключении Шаторова из партии и направило в Вардарскую Македонию уполномоченных, которые при поддержке другой части партийного актива предприняли усилия, чтобы сместить Шаторова и сформировать новый краевой комитет. Шаторов и его сторонники оказали противодействие, в македонской парторганизации возникло противоборство, к которому были причастны представители как ЦК КПЮ, так и ЦК БКП. Эти события многократно освещались впоследствии в югославской и болгарской историографии, но с противоположных позиций: первая клеймила Шаторова и критиковала БКП, вторая трактовала позицию руководства КПЮ как нежелание считаться со стремлениями македонских коммунистов¹³.

Сложности, обнаружившиеся между двумя компартиями поздней весной – летом 1941 г. в связи с такого рода организационно-партийной проблемой, были в немалой мере отражением их неодинаковых подходов к вопросу о том, рассматривать ли бывшую югославскую Македонию по-прежнему как часть расчлененной фашистскими оккупантами Югославии или принимать как свершившийся факт то, что территория, о которой шла речь, присоединена к Болгарии и, таким образом, составляет с ней одно целое. Политическая линия КПЮ исходила из того, что Вардарская Македония – это часть Югославии и режим, установленный там болгарскими властями, является оккупационным. Наряду с этим политика КПЮ включала в себя признание славянского большинства македонского населения особым народом – македонцами. Между тем для БКП проблема Македонии была более сложной и противоречивой. С одной стороны, БКП, боровшаяся с правящим режимом Болгарии, осудила его участие вместе с другими государствами фашистского блока в оккупации и разделе Югославии и Греции, в том числе в захвате принадлежавших этим странам районов Македонии. С другой стороны, в позиции компартии не могло не сказываться в определенной мере то обстоятельство, что в болгарской национальной традиции, в сознании большинства населения Болгарии вся Македония

воспринималась как неотъемлемая часть территории болгарского народа. Это сказывалось по двум основным причинам. Во-первых, БКП политически стояла перед необходимостью учитывать подобное народное восприятие, которое к тому же особенно эксплуатировалось властями Болгарии, изображавшими участие в захвате Югославии и Греции как осуществление национальной задачи объединения болгарских земель. Во-вторых, хотя официальная линия БКП в соответствии с установками, выработанными в Коминтерне еще до войны, также исходила из признания македонцев особой национальной категорией, тем не менее среди болгарских коммунистов, в том числе части руководящих кадров, проявлялось и довольно ощутимое влияние традиционного отношения к славянскому населению Македонии как к болгарскому либо по меньшей мере связанному с болгарами общностью языка и культуры.

Ситуация, возникшая в связи с противоречиями по поводу принадлежности партийной организации коммунистов Вардарской Македонии, стала осенью 1941 г. предметом переписки между руководством КПЮ и подпольным ЦК БКП, причем югославы упрекали своих болгарских коллег по коммунистическому движению в поддержке Шаторова¹⁴. Вместе с тем в соответствии с принятой тогда субординацией каждая из сторон обратилась по этому поводу в Москву, известив о сложившемся положении Г. Димитрова, совмещавшего функции генерального секретаря исполнкома Коминтерна (ИККИ) и одновременно лидера БКП, главы ее основного, заграничного руководства. Среди исследованных до сих пор архивных документов имеются по крайней мере две адресованные Димитрову шифровки по данному вопросу: одна – от подпольного ЦК БКП, датированная 16 августа и полученная Димитровым 23 августа, вторая – от генерального секретаря КПЮ Й. Броза Тито, написанная им 4 сентября и полученная в Москве 30 сентября 1941 г. Сообщая о проявившемся стремлении руководства КПЮ держать в своих руках коммунистическую организацию в Вардарской Македонии, ЦК БКП заострял внимание на ненормальности создания там параллельно действующих и конфликтующих друг с другом партийных комитетов. Тито просил ИККИ о вмешательстве в пользу КПЮ¹⁵.

Вопрос о Македонии стал рассматриваться в Москве еще до получения этих сообщений. Судя по документам, он уже

обсуждался во всяком случае не позднее начала августа. Причем непосредственным поводом для этого явилась подготовка так называемого всеславянского митинга, точнее – радиомитинга, который состоялся в Москве 10–11 августа и на котором ряд советских деятелей и политэмигрантов, в основном коммунистов, из Югославии, Болгарии, Польши, Чехословакии выступили в качестве представителей славянских народов, призывая к борьбе славян против нацистской Германии и ее союзников. Формально созывавшийся от имени общественности, но на самом деле проводившийся по решению советских властей, митинг непосредственно организовывался в соответствии с установками Кремля аппаратом ИККИ под руководством Димитрова¹⁶. Выработанный план предусматривал, что в число тех, кто выступит на митинге и войдет в состав созданного там Всеславянского комитета, необходимо включить и участника, который бы фигурировал как представитель македонского народа. Инициатором такого решения был работавший в коминтерновском аппарате деятель КПЮ В. Влахович, включенный в группу по подготовке митинга и вырабатывавший предложения о его участниках, которые должны представлять там народы Югославии. Предложение Влаховича, как он писал позднее, встретило возражения (он не уточнял, с чьей стороны), но было поддержано Димитровым¹⁷. Вряд ли есть основание сомневаться в том, что окончательное решение согласовывалось Димитровым с соответствующими советскими инстанциями.

В качестве выступающего от имени македонского народа был определен Д. Влахов, известный деятель македонского революционного движения еще с начала XX в., а затем функционер БКП, с 1935 г. находившийся в эмиграции в СССР. Текст его выступления, подготовленного для митинга, предварительно просматривался Димитровым¹⁸. В апробированном им окончательном варианте, произнесенном Влаховым, речь шла о Македонии вообще, без специального упоминания о Вардарской или какой-либо еще ее части. При этом говорилось, что Македония порабощена германскими фашистами, которые "кромсают ее на множество кусков", в том числе предоставляют ее земли "разбойнику Муссолини", но о присоединении большей части Вардарской, а также районов Эгейской Македонии к Болгарии не было ни слова¹⁹. Сам факт

включения Влахова в число ораторов как македонского представителя и содержание его речи, санкционированное Димитровым, свидетельствовали о двойственности позиции, к тому моменту занятой в Москве. С одной стороны, декларирование тезиса о македонском народе и Македонии как его национальной территории выступало противовесом политике болгарских властей, идентификации славянского населения Македонии с болгарами. С другой стороны, умолчание о присоединении к Болгарии районов Вардарской и Эгейской Македонии было явным стремлением вообще уклониться от какого бы то ни было публичного обозначения своей оценки того, есть или нет у этого присоединения какие-либо основания с этнической точки зрения. Ибо сделанное в любой форме признание таких оснований означало бы невольную солидарность со всем происшедшем в результате агрессии фашистского блока, что, естественно, исключалось, а их прямое отрижение было сопряжено с опасностью еще большего осложнения ситуации для БКП внутри Болгарии.

Решение, избранное при подготовке и проведении всеславянского митинга, могло использоваться как временная тактика в пропагандистской кампании, но оно не могло быть способом урегулирования такой конкретной практической проблемы, как вопрос о том, в составе какой из компартий должна действовать организация коммунистов в Вардарской Македонии. Поэтому уже после митинга данный вопрос был специально рассмотрен в аппарате ИККИ. Согласно тому, что писал впоследствии Влахович, по этому поводу 12 августа состоялось совещание под председательством секретаря ИККИ В. Пика. Оно пришло к выводу о том, что парторганизацию Вардарской Македонии нужно оставить в КПЮ²⁰. Очевидно, что созыв подобного совещания мог быть вызван получением сведений о ситуации, возникшей в связи с Шаторовым. Поскольку в известных пока документах поступление таких сведений датируется самое раннее 23 августа, то, значит, либо в Москве имелись и более ранние сообщения, данные о которых просто еще не обнаружены в архивах, либо Влахович ошибся и зафиксированное им совещание проводилось не 12 августа, а позже. Судя по тому, что Димитров, получив 23 августа упоминавшееся выше сообщение от подпольного ЦК БКП, в тот же день составил и, как видно, отправил ответ секретарю

ЦК БКП А. Иванову, содержание которого было аналогично выводу отмеченного Влаховичем совещания²¹, последнее, скорее всего, состоялось еще до этого и его результат, представленный для решения генеральному секретарю ИККИ, к 23 августа уже был, очевидно, в соответствии с обычной тогда практикой, согласован Димитровым на надлежащем советском уровне.

В ответе Димитрова Иванову от 23 августа, являвшемся директивой ИККИ по этому вопросу, указывалось, что партийной организации в "сербской Македонии" (т.е. Вардарской Македонии) следует оставаться в КПЮ. Это мотивировалось "практической целесообразностью", обусловленной тем, что необходимо способствовать развитию партизанского движения, интенсивно развивавшегося именно в Югославии. Что же касалось будущей принадлежности Македонии, то указывалось, что как КПЮ, так и БКП должны тесно сотрудничать и выступать за "право македонского народа на самоопределение". Ничего более конкретного сказано не было, как не уточнялось и то, касается ли "самоопределение" только Вардарской или также Пиринской и Эгейской Македонии²². Когда эта директива достигла в сентябре ЦК БКП, тот переслал ее Шаторову, а последний переправил руководству КПЮ, получившему ее таким кружным путем лишь к концу сентября²³. Тем самым Тито получил, в сущности, и ответ на свое обращение к Димитрову от 4 сентября, которое ввиду тогдашней непрямой радиосвязи между ними поступило в Москву лишь три с половиной недели спустя, причем в несколько сокращенном виде²⁴.

Установкой, присланной из ИККИ, вопрос о принадлежности коммунистической организации Вардарской Македонии был решен: ЦК БКП принял директиву из Москвы к исполнению, равно как и Шаторов. Оба известили об этом руководство КПЮ²⁵ (Шаторов затем перешел на нелегальную работу в Болгарии как деятель БКП).

Однако, хотя таким образом конкретный спорный вопрос, возникший между двумя компартиями, был в тот момент урегулирован, тем не менее по-прежнему оставалось стоявшее фактически за этим спором более общее различие между партиями в подходах каждой из них к проблеме Македонии, о котором уже шла речь выше. Причем в этом отношении уста-

новка, полученная от ИККИ, не вносила никакой ясности. Наоборот, если в партийно-организационном плане послание Димитрова от 23 августа трактовало Вардарскую Македонию как сферу ответственности КПЮ, то почти одновременно с этим, в посланной 19 августа руководству КПЮ директиве о распространении в Югославии материалов всеславянского митинга тот же Димитров перечислял в данной связи выступления на митинге лишь от имени сербов, хорватов, словенцев и черногорцев и указывал на необходимость пропаганды этих выступлений среди соответствующих народов Югославии, но не упоминал о выступлении Влахова и необходимости пропагандировать его в Вардарской Македонии²⁶.

Различия по вопросу о Македонии продолжали обнаруживаться даже среди болгарских и югославских сотрудников ИККИ, несмотря на то, что их позиции в наибольшей мере нивелировались прямым воздействием установок, исходивших от советских директивных органов, под непосредственным руководством которых они работали в СССР. Так, Влахович в сентябре 1942 г. специально обращался к Димитрову, упрекая некоторых болгарских работников ИККИ, в частности известных деятелей БКП В. Коларова и С. Благоеву, в том, что в своих статьях они стремятся по возможности обойти или завуалировать вопрос о болгарской оккупации югославской, а также греческой частей Македонии, не называть тамошнее население македонским²⁷. В сущности, претензии Влаховича означали критику того, что болгарские коммунисты прибегали в значительной мере все к той же фигуре умолчания, которая в тактических целях стала использоваться годом раньше, когда готовился и проводился всеславянский митинг. Предложение Влаховича более четко проводить в пропаганде тезис об оккупации районов Вардарской и Эгейской Македонии Болгарией совпадало с той оценкой положения упомянутых районов, которая была присуща служебным аналитическим материалам советской стороны. Одним из примеров может быть специальный информационно-аналитический доклад "Балканы и теперешняя война", датированный 1 июля 1942 г. и подготовленный группой сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР для рассмотрения на заседании учрежденной советским руководством в январе 1942 г. комиссии по проектам послевоенного устройства мира,

которую возглавлял нарком иностранных дел В.М. Молотов. В этом обширном документе, отражавшем взгляды, бытовавшие в советском внешнеполитическом ведомстве, присоединение районов Македонии, и в частности Вардарской Македонии, к Болгарии, характеризовалось исключительно как оккупация²⁸.

В еще большей мере различия в подходе к проблеме Македонии сказывались в деятельности БКП и КПЮ непосредственно в Болгарии и Югославии, где уже сами условия толкали к более самостояльному принятию решений. Это особенно рельефно начало проявляться к осени 1943 г., когда в обстановке все яснее обозначавшегося поражения фашистского блока проблема послевоенного устройства на Балканах стала приобретать все большую актуальность.

Руководство КПЮ, решив в данной ситуации форсировать оформление новой, революционной югославской государственности на основе уже созданной компартией системы повстанческой власти и придать новой Югославии федеративный облик, сочло необходимым, чтобы в числе шести составных частей федеративного государства была в качестве таковой – наряду с Сербией, Хорватией, Словенией, Черногорией и Боснией и Герцеговиной – выделена и Македония. Это вошло в постановления состоявшейся в ночь с 29 на 30 ноября 1943 г. второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которыми была конституирована новая Югославия²⁹. Принимая такое решение, югославское коммунистическое руководство опиралось на то весьма важное обстоятельство, что партизанская борьба, довольно долго не получавшая в Вардарской Македонии особого развития, в частности, поскольку установление здесь болгарской власти воспринималось значительной частью местного славянского населения как освобождение от гнета старой Югославии с ее сербской династией, не говоря уже о тех слоях населения, которые ощущали себя болгарами либо близкими к ним, стала к тому времени все более широко развертываться и на этой территории.

В постановлении второй сессии АВНОЮ было употреблено название "Македония" без какого-либо уточнения, идет ли речь лишь о той ее части, которая принадлежала и старой, довоенной Югославии, т.е. о Вардарской Македонии, или

подразумевается вся Македония. Обычно в тогдашних документах КПЮ и возглавлявшегося ею так называемого народно-освободительного движения Вардарская Македония имелась просто Македонией, и в этом контексте формулировка, использованная второй сессией АВНОЮ, выглядела как обозначение югославской Македонии, тем более, что в постановлении шла речь о новой государственной власти именно в пределах прежней Югославии. Однако еще в период подготовки сессии, а затем и непосредственно после того, как она была проведена, в руководящих кругах КПЮ и народно-освободительного движения стали связывать рассмотрение вопроса о Македонии и с перспективой объединения всех ее частей.

О такой перспективе, в частности, говорилось в манифесте, который в октябре 1943 г. был выпущен от имени главного штаба партизанских сил на территории Вардарской Македонии, являвшихся составной частью партизанского движения Югославии, руководимого общеюгославским Верховным штабом во главе с Тито. В манифесте целью ведущейся борьбы провозглашалось "освобождение Македонии" и одновременно объединение всех ее земель. Хотя и в этом документе употреблялся лишь общий термин "Македония", из содержания видно, что авторы манифеста непосредственно имели в виду задачу освобождения Вардарской Македонии, причем вместе со всей Югославией и в рамках последней. О путях освобождения остальных частей Македонии ничего конкретно не говорилось. Но что касалось объединения Македонии, то его осуществление связывалось с возможностью создания федерации на Балканах³⁰.

Традиционная для социалистического, а затем и для коммунистического движения на Балканах, идея федерации вновь привлекла в ходе войны внимание в ряде компартий региона. Наиболее активным в этом плане было руководство КПЮ. Возглавляя самое мощное на Балканах вооруженное антигитлеровское движение, приведшее уже на раннем этапе к созданию системы повстанческой власти, югославские коммунистические лидеры претендовали на роль центра как в развитии подобных движений в других балканских странах, так и среди будущих балканских "народных демократий", которые должны были стать результатом руководимой коммунистами борь-

бы. Впервые эти устремления нашли свое проявление в связи с возникшим в конце 1942 – первой половине 1943 г. планом создания объединенного командования руководимых коммунистами партизанских движений Югославии, Албании, Греции и Болгарии. Такой план был предложен С. Вукмановичем-Темпо, которого Тито в конце 1942 г. направил в качестве специального эмиссара в Вардарскую Македонию, соответствующим албанским и греческим представителям на двух совещаниях с ними в июне–июле 1943 г. На совещаниях была достигнута договоренность об образовании совместного Балканского штаба, причем, как предполагалось, также и с болгарским участием. При этом указывалось, что создание штаба будет не только способствовать координации партизанской борьбы, но и откроет путь к "обеспечению народно-демократической власти" в каждой из стран и "созданию балканской конфедерации"³¹.

В течение многих лет официальная югославская версия утверждала, что Вукманович действовал по собственной инициативе, а потому Тито, узнав об этом осенью 1943 г., подверг его критике. Эту версию поддерживал и сам Вукманович³². Но, как оказалось, вынужденно. Когда намного позднее стали известны документы, что он имел директиву Тито относительно общего штаба, Вукманович признался, что получил такое задание в конце 1942 г. Но, по его словам, давая ему поручение, Тито имел в виду не создание отдельного Балканского штаба, а достижение договоренности о том, чтобы функциями такового был наделен югославский Верховный штаб, чего Вукманович оказался не в состоянии выполнить³³.

Так или иначе, но предложенный соседним балканским компартиям югославской стороной замысел военной интеграции партизанских движений оказался в итоге связанным и с идеей будущей федерации на Балканах. Другим проявлением этой идеи стало решение, принятое на заседании политбюро ЦК КПЮ 16–18 октября 1943 г., на котором определялся план предстоящего проведения второй сессии АВНОЮ и характер ее основных постановлений. Политбюро в числе прочего наметило, что Национальный комитет освобождения Югославии, который предусматривалось создать на сессии как правительство новой Югославии, одним из пунктов своей декларации, предназначено для опубликования, сформули-

рует "в качестве программного лозунга" цель создания "Федерации южных славян", т.е. федеративного объединения народов Югославии и Болгарии, а также примет специальные обращения к греческому и албанскому народам³⁴.

Линия руководства КПЮ на создание южнославянской, а по мере возможности, более широкой балканской федерации или конфедерации, которая объединила бы страны региона, где при освобождении от фашистской оккупации либо прогитлеровских режимов придут к власти коммунисты, была, как и у ряда других балканских компартий, обусловлена, с одной стороны, доктринальными мотивами, свойственными коммунистическому движению (идеей интернационального объединения народов, освобождающихся от господства эксплуататоров, и примером федерации в лице СССР, чей опыт воспринимался как эталонный), с другой стороны – стремлением к решению некоторых практических задач, весьма важных для нового государства, возникавшего в Югославии под главенством КПЮ. Среди этих задач в качестве особо существенной стояло как раз урегулирование таких наиболее крупных национально-территориальных проблем с балканскими соседями Югославии, как проблемы Македонии, а также Косова, уже вызывавшие осложнения с коммунистами Болгарии, Греции и Албании³⁵. С перспективой федеративного объединения Югославии и этих стран югославское коммунистическое руководство связывало возможность соединения разных частей Македонии, равно как и решение вопроса о единстве Косова и Албании, не путем перекройки границ между балканскими государствами, крайне затруднительной и сопряженной с тяжелыми конфликтами, а в виде всего лишь перегруппировки внутренней структуры общего федеративного государственного образования, которое было бы создано участвующими в нем странами. При этом Тито и его окружение исходили из того, что в таком образовании ведущее положение будет принадлежать югославской стороне, обеспечивая тем самым и реализацию еще одной существенной задачи, к решению которой стремились югославские коммунистические лидеры, – играть доминирующую роль в балканском регионе с приходом там к власти коммунистов. Как уже говорилось, стремление доминировать проявилось еще при выдвижении в конце 1942 г., по утверждению Вукмановича, плана Тито при-

дать югославскому партизанскому Верховному штабу функции общего штаба партизанских движений, возглавлявшихся компартиями Югославии, Болгарии, Албании и Греции. Позже, осенью 1943 г., когда руководство КПЮ стало нацеливаться на перспективу федерации на Балканах, Тито, критикуя шаги Вукмановича по созданию специального Балканского штаба, подчеркивал, что югославский Верховный штаб и ЦК КПЮ сами могут оказывать военную и политическую помощь компартиям и партизанам в соседних балканских странах, в частности, в Болгарии и Греции³⁶. Тито в связи с этим прямо формулировал тезис, что по размаху вооруженной борьбы с оккупантами и по успехам в создании новой, революционной власти Югославия "играет руководящую роль на Балканах", а потому "мы должны быть центром для балканских стран как в военном, так и в политическом отношении"³⁷.

Однако такого рода интеграционные замыслы, с реализацией которых югославские коммунисты связывали, в частности, и решение вопроса об объединении Македонии, сразу же натолкнулись на серьезные препятствия.

Сложности, возникшие в практических взаимоотношениях с другими балканскими компартиями, с которыми вступил в контакт Вукманович, убедили последнего, как уже отмечалось выше, в невозможности осуществить план, согласно которому югославский Верховный штаб был бы наделен функциями общего штаба партизанских движений, руководимых коммунистами Югославии, Албании, Греции и Болгарии. В итоге на упомянутых совещаниях, проведенных Вукмановичем с албанскими и греческими представителями в июне–июле 1943 г., было решено создать в качестве военно-координационного центра этих движений объединенный Балканский штаб, который должен был строиться на паритетном участии всех четырех сторон и, соответственно, состоять из четырех командиров и четырех комиссаров³⁸. Но даже такая договоренность показалась затем слишком опасной балканским партнерам югославских коммунистов. И потому вопрос о ее реализации был фактически отложен в долгий ящик руководством компартии Греции, а позже выразил отрицательное отношение к ней и подпольный ЦК БКП³⁹. Сказалась их подозрительность, вызванная югославскими претензиями на лидерство, и в том числе опасения относительно будущего Эгейской и Пирин-

ской Македонии. А осенью 1943 г. и Тито, узнав о договоренности относительно Балканского штаба, категорически отверг ее как неприемлемую. Та модель штаба, которую в качестве компромисса выработал Вукманович на переговорах с албанцами и греками, полностью противоречила первоначальному замыслу Тито. В посланиях Вукмановичу в октябре–декабре 1943 г. он прямо указывал, что создание такого рода Балканского штаба шло бы вразрез с линией югославского коммунистического руководства на то, чтобы осуществлять роль центра по отношению к другим компартиям и организованным ими партизанским силам на Балканах, вело бы, наоборот, к растворению движения во главе с КПЮ в общебалканском движении⁴⁰.

Но вслед за отклонением идеи образования Балканского штаба Тито пришлось почти сразу отказаться и от намерения провозгласить на второй сессии АВНОЮ цель создания федерации южных славян и выступить с особыми обращениями к народам Албании и Греции. Руководство КПЮ решило, что, проводя в массовой агитационной деятельности популяризацию лозунгов о южнославянской и балканской федерациях, необходимо, однако, пока воздержаться от официального публичного выдвижения цели создания таких федераций и каких-либо общебалканских образований. Это было обусловлено, с одной стороны, тем, что провозглашавшиеся постановлениями второй сессии АВНОЮ конституирование новой Югославии ставило в повестку дня практическую задачу добиваться ее признания как государства западными союзниками, а потому не предпринимать шагов, которые давали бы возможность обвинить руководимое КПЮ движение в "балканском большевизме". С другой стороны, не меньшее значение имело и то, что в условиях, когда на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. советское правительство выступило против британских планов образования федераций в Восточной и Центральной Европе, Тито должен был воздержаться от действий, которые бы выглядели как нацеленные на создание федеративных объединений балканских стран⁴¹.

Решив в сложившейся ситуации не выдвигать официально задачу создания южнославянской и балканской федераций, югославское коммунистическое руководство в ноябре 1943 г.

посчитало необходимым воздерживаться и от того, чтобы в публичных документах возглавлявшегося КПЮ движения и новой Югославии фигурировала цель объединения Македонии, связанная с образованием подобных федераций, как это было в упоминавшемся выше манифесте главного штаба партизанских сил югославской Македонии в октябре⁴².

Однако, как видно из тех же посланий Тито Вукмановичу, о которых шла речь выше, принятное решение касалось лишь тактики. На деле цели создания федераций и объединения Македонии остались, но не в качестве "актуального лозунга", т.е. непосредственной задачи политических усилий данного момента, а как более отдаленная перспектива⁴³. При этом вслед за второй сессией АВНОЮ югославское коммунистическое руководство стало все в большей мере представлять себе создание будущей федерации, которая бы объединила новую Югославию с соседними балканскими странами, как расширение федеративной Югославии за счет присоединения к ней этих стран на правах новых федеральных единиц, в дополнение к тем шести, что были определены упомянутой сессией. Обращаясь в начале 1944 г. к албанским коммунистам, руководство КПЮ выдвигало перед ними задачу популяризировать решение сессии АВНОЮ об образовании федеративной Югославии и пропагандировать "возможность вступления остальных балканских народов в эту федерацию и создание сильного и большого балканского государства равноправных народов"⁴⁴. Такая постановка вопроса отразилась и в подходе к проблеме объединения Македонии. В указаниях Тито Вукмановичу в декабре 1943 г. подчеркивался тезис о том, что "македонский народ имеет право самоопределиться", в том числе и право "присоединиться к федеративному сообществу других народов", но что гарантней его будущего является присоединение к другим народам Югославии⁴⁵. Соответственно, когда группа деятелей из числа интеллигенции Вардарской Македонии, участвовавших в движении, руководимом КПЮ, высказала в начале декабря 1943 г. мнение, что объединение Македонии не может быть осуществлено в рамках Югославии, поскольку речь идет и о территориях Болгарии и Греции, главный штаб партизанских сил югославской Македонии 14 марта 1944 г. без всяких недомолвок ответил, что, наоборот, объединение возможно как раз "скорее в Югосла-

вии Тито, чем в какой-то другой политической комбинации", ввиду международных позиций, завоеванных новой Югославией⁴⁶. О том же говорилось и в статье одного из руководителей организации КПЮ в Вардарской Македонии Б. Андреева, которая была в марте опубликована в тамошнем печатном органе возглавляемого коммунистами движения. В ней, в частности, прямо формулировалась линия на то, чтобы Пиринская и Эгейская Македония присоединились к югославской "свободной Македонии" в рамках "федеративной Югославии"⁴⁷. Эта линия была выражена и на уровне общеюгославского коммунистического руководства в опубликованной тогда же специальной статье "Македонский вопрос в свете решений АВНОЮ", которая была написана С. Жуйовичем, членом политбюро ЦК КПЮ, входившим в круг ближайших сотрудников Тито⁴⁸.

Таким образом, к моменту, когда вторая мировая война стала вступать в завершающий этап, руководство КПЮ придерживалось двух основных целей в отношении проблем Македонии: как минимум – сохранение Вардарской Македонии в составе нового, федеративного югославского государства с приятием ей статуса одной из его шести федеральных единиц, а как максимум – присоединение к ней Пиринской и Эгейской Македонии.

В конце 1943 г. подпольный ЦК БКП, находившийся в Болгарии, также занялся выработкой линии по македонскому вопросу, но подошел к этому с совершенно иных позиций. Он стремился наладить с рядом политических течений Болгарии, оппозиционных к прогитлеровскому режиму, сотрудничество в рамках Отечественного фронта (ОФ), создававшегося совместно с ними по инициативе компартии. Между тем осенью 1943 г., когда подпольное руководство БКП и ряд болгарских оппозиционных политиков вели переговоры относительно ОФ и его платформы, в частности в связи с готовившимся выпуском первого номера бюллетеня ОФ, партнеры коммунистов стали настаивать на уточнении позиции ОФ по поводу будущего Македонии. Имелось в виду выработать документ, который был бы опубликован в этом номере бюллетеня. И хотя ЦК БКП предпочитал на данном этапе уклониться от такого шага, он был вынужден согласиться⁴⁹.

В итоге сложных дискуссий коммунистов с их партнерами был выработан текст декларации ОФ по македонскому вопросу, помещенный в декабре 1943 г. и в бюллетене ОФ, и в нелегальном печатном органе компартии "Работническо дело". В декларации указывалось, что Македония неразрывно связана с болгарской историей и культурой. Вместе с тем в ней заявлялось, что поскольку эта территория многократно оказывалась яблоком раздора между балканскими государствами, в том числе стала средством пристегивания Болгарии к гитлеровской Германии, ОФ выступает за создание объединенной независимой Македонии. Провозглашался лозунг "Македония – для македонцев", фигурировавший в коммунистическом движении еще в 20-е годы. В декларации не пояснялось, каким именно образом это должно быть осуществлено. Говорилось лишь, что условием такого решения должно быть образование "подлинно народных правительств" в балканских государствах. По логике вещей, подразумевалось установление такой власти в самой Болгарии, а также в Югославии и Греции. Подчеркивалось, что "гарантами свободной и независимой Македонии" будут "Советский Союз и силы демократии"⁵⁰.

Как сама декларация, так и другие материалы, имевшиеся в нашем распоряжении, не содержат прямого ответа на вопрос, какую практическую цель преследовали авторы этого документа. Характерные для мемуаров Ц. Драгойчевой, которая в исследуемый период руководила подпольным ЦК БКП, сентенции относительно того, что документ "выражал глубоко последовательные интернационалистические традиции нашей партии" и помогал "воплощению принципов Атлантической хартии"⁵¹, представляли собой не больше чем обычные пропагандистские клише, и едва ли могут что-либо прояснить. Если исходить из логики исторического контекста, в котором появилась эта декларация, то сформулированная в документе позиция давала подпольному ЦК БКП возможность лавирования в условиях, когда партнеры по ОФ требовали от коммунистов выразить свое отношение к македонской проблеме. Привозглашение задачи создания независимой объединенной Македонии позволяло пройти между Сциллой и Харибдой: ответов на вопрос, должны ли оккупированные болгарскими войсками районы Вардарской и Эгейской Македонии быть

возвращены Югославии и Греции или, наоборот, сохранены за Болгарией. Первый из ответов отнюдь не способствовал бы ни укреплению сотрудничества коммунистов с партнерами в ОФ, ни расширению влияния компартии в массах. Второй же был невозможен, поскольку означал бы фактически переход на те же позиции, какие занимал правящий режим, и противоречил бы политике СССР и, соответственно, коммунистического движения. Ответ, содержащийся в декларации, был наиболее безболезненным тактическим решением. К тому же, хотя в документе речь шла о независимости "целостной Македонии", однако это было сформулировано таким образом, что оставалось неясным, включает ли это понятие и болгарскую (Пиринскую) ее часть. Ибо конкретно термином "Македония", без каких-либо уточняющих определений, в декларации дважды обозначалась лишь та часть Македонии, которая находилась за пределами довоенных границ Болгарии – в Югославии и Греции⁵². И это при желании могло быть истолковано как указание на то, что под будущей независимой Македонией подразумеваются лишь упомянутые территории, а Пиринская Македония должна тем не менее остаться в составе Болгарии.

Но каковы бы ни были действительно задумывавшиеся авторами цели и смысл декларации, провозглашенная в ней идея создания независимой Македонии, отдельной от какого-либо из балканских государств, оказывалась в противоречии с планами югославского коммунистического руководства, о которых шла речь выше, с постановлениями второй сессии АВНОЮ. Это противоречие было сразу же замечено руководящими деятелями КПЮ в Вардарской Македонии, как только они в январе 1944 г. узнали о документе ОФ и получили от ЦК БКП его текст. Они приняли решение не распространять декларацию на своей территории известили Тито о болгарском документе⁵³. А тот 24 января в радиограмме, посланной в Москву Димитрову, сообщил, что этот документ "противоположен решению АВНОЮ" и что выраженная в нем позиция "в данный момент враждебна нашей народно-освободительной борьбе". Более того, Тито охарактеризовал призыв к созданию объединенной Македонии, независимой от других балканских государств, как "германскую политику"⁵⁴. Руководитель КПЮ имел в виду то обстоятельство, что лозунг независимой объединенной Македонии выдвигался в годы войны

некоторыми националистико-экстремистскими македонскими течениями и деятелями, прежде всего Иваном (Ванчо) Михайловым, которые еще с довоенных времен были связаны с гитлеровской Германией и выступали за создание отдельного от Болгарии македонского государства под германским покровительством.

Позиция, выраженная в радиограмме, была затем изложена и публично в упоминавшейся выше статье Жуйовича о македонском вопросе в свете решений АВНОЮ. В статье не говорилось конкретно о декларации ОФ, а в качестве объекта критики фигурировали анонимные "некоторые нефашистские и антифашистские болгарские круги", выдвинувшие лозунг "Македония – для македонцев"⁵⁵. В начале февраля коммунистическое руководство в Вардарской Македонии получило от Тито директиву организовать среди населения собрания, на которых бы принимались резолюции и телеграммы с приветствиями в адрес АВНОЮ, Тито, других руководящих органов и деятелей новой Югославии⁵⁶. Эта кампания была призвана явно в противовес декларации ОФ продемонстрировать, что население югославской Македонии поддерживает решение второй сессии АВНОЮ, выступает за освобождение и развитие в рамках федеративной Югославии.

Впоследствии между югославскими историками и мемуаристами и их болгарскими коллегами велась ожесточенная полемика относительно оценки позиций по македонскому вопросу, выраженных, с одной стороны, в декларации ОФ, с другой – в решениях второй сессии АВНОЮ и реакции КПЮ на декларацию. Линия, проводившаяся на рубеже 1943–1944 гг. руководством собственной партии, характеризовалась как правильная, отвечавшая интересам народных масс Македонии, а линия руководства другой компартии – как противоречившая этим интересам, как порожденная национализмом и гегемонистскими устремлениями в отношении Македонии⁵⁷. Выполняя, по сути, пропагандистскую функцию, такой подход препятствовал серьезному исследованию причин и характера противоречий между двумя компартиями, обнаружившихся в ходе и особенно на завершающем этапе второй мировой войны. Взаимные обвинения в национализме, стрившиеся как в югославской, так и в болгарской историографии по одному и тому же идеологическому шаблону, на са-

мом деле лишь заслоняли тот объективно-исторический фактор, который лежал в основе этих противоречий. Он заключался в том, что и БКП, и КПЮ (как, впрочем, и другие компартии), несмотря на одинаковые социально-политические цели и революционное отрицание всей предшествовавшей системы общественных отношений, тем не менее, действуя и стремясь к власти каждая в реальных условиях своей страны, естественно начинали в той или иной степени отражать некоторые существенные национально-традиционные геополитические тенденции, складывавшиеся в данной стране на протяжении длительного времени. Это особенно усиливалось по мере того, как приближалась цель завоевания власти и компартия все больше начинала воспринимать проблемы, касавшиеся территории и границ своей страны, с позиции будущей правящей силы государства.

Поскольку обе компартии являлись частью международной коммунистической структуры, чьим центром была Москва, противоречия, вновь возникшие между КПЮ и БКП по поводу Македонии, оказывались проблемой, которая должна была решаться советским руководством. И в этом смысле радиограмма Тито Димитрову от 24 января 1944 г. была закономерной. Ибо руководитель КПЮ и новой Югославии обращался к Димитрову не только и даже, очевидно, не столько как к лидеру БКП, сколько как к главе центрального аппарата формально распущенного Коминтерна, на деле продолжавшего осуществлять свои функции и реорганизованного в отдел международной информации ЦК ВКП(б).

Обращение Тито к Димитрову произошло в то время, когда в Москве, в свою очередь, стали уделять серьезное внимание проблеме Македонии. Это было связано с приближением завершающих этапов войны и резкой актуализацией вопросов послевоенного устройства мира, особенно Европы. Разработку советской стороной подобных вопросов, которая до того вела уже упоминавшейся комиссией по проектам послевоенного устройства мира, созданной постановлением политбюро ЦК ВКП(б) в январе 1942 г., Кремль в начале осени 1943 г. решил значительно активизировать и перевести в плоскость практической подготовки конкретных предложений. Задача такой подготовки была возложена на образованные советским руководством осенью 1943 г. взамен прежней комиссии, зна-

чительно ослабившей свою деятельность, три новые комиссии при НКИД СССР, специализированные по трем основным направлениям – по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, по вопросам перемирий и по проблемам компенсации потерь, причиненных СССР Германией и ее союзниками⁵⁸. Намечая перечень основных тем, которыми должна была заняться первая из названных комиссий, ее председатель, заместитель наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов в предложениях, направленных 9 сентября 1943 г. на утверждение И.В. Сталину и В.М. Молотову, в качестве одного из 34 разделов перечня специально выделил (под номером XVI) раздел "Македония". Четыре месяца спустя, 11 января 1944 г., другой заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский в адресованной Молотову записке "О желательных основах будущего мира" также отмечал, что вопрос о Македонии "требует специального рассмотрения"⁵⁹.

В перечне Литвинова раздел "Македония" состоял из трех пунктов, которые, по его мнению, требовали разработки комиссией: "1) Вопрос о создании самостоятельного Македонского государства и о его границах, 2) Границы Македонии, 3) Создание власти в Македонии"⁶⁰. Таким образом, председатель основной комиссии, призванной выработать предложения о советской позиции по поводу послевоенного устройства мира, исходил из возможности образования самостоятельной Македонии. Но хотя в небольшой сопроводительной записке при направлении перечня Сталину и Молотову он по некоторым из разделов давал краткие пояснения, относительно Македонии таковые отсутствовали. Не зафиксированы они и в протоколе заседания комиссии 8 сентября, где этот перечень предварительно обсуждался⁶¹. А тем самым непосредственные мотивы, которыми руководствовался Литвинов, ставя вопрос таким образом, в данном документе не уточнялись.

Однако подобного рода мотивы, хотя бы отчасти, видны из другого документа – справки "Послевоенное устройство на Балканах (Югославия, Болгария, Македония, Албания)", поступившей в секретариат Литвинова 29 декабря 1943 г. и, как можно понять, составленной в ходе развернувшейся работы комиссии, которую он возглавлял. Справка была посвящена анализу четырех вариантов "разрешения балканского вопроса" (как именовалось в ней территориальное разграничение на

Балканах к югу от Дуная), имевших место с 1878 г. вплоть до фашистской агрессии 1941 г., и выводам из прошлого опыта, которые следовало иметь в виду, планируя новое территориальное устройство в этом регионе после окончания второй мировой войны. При этом основное внимание фокусировалось на территориальных устремлениях и взаимных претензиях Болгарии и Сербии, а с 1918 г. Югославии в каждом из вариантов разграничения, определявшихся великими державами: 1) по Сан-Стефанскому договору 1878 г., который характеризовался как "русский вариант разрешения балканского вопроса"; 2) по решению Берлинского конгресса 1878 г., названному в справке "антируссским вариантом"; 3) в соответствии с версальским мирным урегулированием после первой мировой войны, охарактеризованным как "англо-французский вариант "разрешения" балканского вопроса"; 4) в результате раздела Балкан фашистскими агрессорами в 1941 г.⁶² Естественно, что одним из центральных пунктов здесь оказывалась Македония. И по поводу нее в справке выдвигалось два основополагающих тезиса.

Во-первых, говорилось, что в условиях, когда до фашистского передела Балкан, произведенного в 1941 г., "Македония оставалась разделенной между Грецией, Болгарией и Югославией", "македонское население" являлось "национально угнетенным во всех трех государствах"⁶³. Очевидно, как это было и в других документах, составлявшихся в НКИД, формулировка "македонское население" обозначала македонских славян как основную этническую группу, населявшую все три части многонациональной Македонии. Но в таком случае приведенный выше тезис, согласно которому это население было национально угнетенным и в Болгарии, означал, что в справке оно рассматривалось как особый этнос, отдельный от всех окружающих народов. Такой подход был присущ ряду документов НКИД и прежде. В частности, в июле 1942 г. для тогдашней комиссии по проектам послевоенного устройства мира, возглавляемой Молотовым, была представлена "Справка о национальном составе населения Болгарии", составленная еще раньше, в октябре 1940 г., Н.В. Новиковым, в то время заведовавшим Ближневосточным отделом НКИД. В ней специально оговаривалось, что "к числу болгар болгарская статистика относит и македонцев, живущих в Болга-

рии"⁶⁴. Как видим, в комиссии Литвинова эта линия была продолжена.

Второй тезис по поводу Македонии, который выдвигался в справке "Послевоенное устройство на Балканах", поступившей к Литвинову 29 декабря 1943 г., состоял в том, что македонский вопрос, будучи яблоком раздора между Югославией, Болгарией и Грецией, явился одной из существенных причин нестабильности на Балканах в предшествовавший период, и в частности крушения англо-французского варианта решения "балканского вопроса" в межвоенные годы. И что для подлинного урегулирования этого территориального спора необходимо совсем иное решение, которое "удовлетворит национальные чаяния самих балканских народов, а также обеспечит интересы Советского Союза"⁶⁵.

Хотя в справке не конкретизировалось, каким именно способом следует решить проблему Македонии в результате второй мировой войны, тем не менее этими двумя тезисами в ней был обозначен принцип подхода к проблеме, который намечалось положить в основу предстоявшего решения. А он, таким образом, заключался в том, что Македония рассматривалась как искусственно разделенная территория особого, отдельного от других народа и что продолжение такого разделения после войны расценивалось как чреватое и дальше опасностью внутрибалканского конфликта, сохранение очага которой противоречило бы советским интересам. Последние, само собой разумеется, понимались (хотя об этом в справке не говорилось) в смысле перспективы установления советского влияния на Балканах после войны, вследствие чего Москва должна была быть заинтересована в устраниении факторов нестабильности в контролируемой ею зоне. Подобный подход к македонскому вопросу, отразившийся в справке, составленной в комиссии Литвинова, скорее всего присутствовал и при постановке проблемы Македонии в перечне задач комиссии, который был 9 сентября 1943 г. направлен Литвиновым Сталину и Молотову. Во всяком случае, ставившаяся в перечне задача рассмотрения вопроса о возможности создания самостоятельного Македонского государства логически вполне соответствовала тем же исходным позициям, с которых была написана справка.

В отличие от перечня, представленного советскому руководству Литвиновым, в упомянутой выше записке Майского Молотову от 11 января 1944 г. "О желательных основах будущего мира" вовсе не упоминалось о том, что имеется в виду под предложенным автором "специальным рассмотрением" вопроса о Македонии. Более того, в той же записке говорилось о необходимости восстановления Югославии и Греции в их довоенных границах и подчеркивалось, что при этом "Болгария должна вернуть Югославии и Греции аннексированные у них земли", причем данное положение повторялось еще раз к концу записи, при суммировании итогов содержавшихся в ней предложений⁶⁶. Такая формулировка, казалось, исключала возможность объединения Македонии и создания самостоятельного Македонского государства, а была нацелена на восстановление довоенного положения. Но что тогда подразумевалось под "специальным рассмотрением" македонского вопроса? Очевидно, что, говоря о необходимости такого рассмотрения, Майский тем самым предполагал нечто иное, нежели простое возвращение к предвоенной ситуации. Альтернативой подобному возвращению могло быть, помимо образования самостоятельного Македонского государства, создание автономной Македонии в рамках федерации на Балканах, однако в записке Майского не только не было даже намека на такого рода вариант, но и высказывалось мнение, что советская сторона должна продолжать придерживаться уже занятой ею на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. отрицательной позиции в отношении планов создания разного рода федераций в Европе, в том числе и Балканской федерации⁶⁷.

Исследованные материалы не поясняют, почему записка Майского отличалась такой неопределенностью и противоречивостью в отношении македонского вопроса. Не исключено, что, представляя ее советскому руководству почти полтора месяца спустя после второй сессии АВНОЮ, автор записи был вынужден учитывать факт принятия сессией решений, декларировавших статус Македонии (по крайней мере, Вардарской Македонии) как одной из шести составных частей федеративной Югославии, создававшейся под руководством коммунистов, а потому и предпочел воздержаться от более определенной постановки проблемы, в отличие от Литвинова,

который направил свои предложения Сталину и Молотову задолго до упомянутых решений АВНОЮ. Не исключено также и то, что уклончивость формулировки Майского была вызвана его возможным знакомством с предложениями относительно будущего Македонии, которые к этому времени начали поступать в НКИД от деятелей болгарской и югославской коммунистической эмиграции в СССР.

Поступление таких предложений не было самостоятельным со стороны их авторов, наоборот, они выполняли задание НКИД, а точнее комиссии Литвинова, которая при разработке вопросов, касавшихся определения будущего тех или иных государств либо регионов, стала привлекать не только некоторых советских специалистов, осведомленных в этих вопросах, но и ряд коммунистов-эмигрантов из соответствующих стран. В том числе работавшим в Москве болгарским и югославским коммунистам Литвиновым были даны поручения подготовить специальные записки по Болгарии и Югославии. В них следовало отразить интересовавшие комиссию сведения и предложения относительно перспектив как внутриполитического развития и послевоенного устройства каждой из этих стран, так и их международного положения, а особенно отношений с соседями. Причем этими заданиями прежде всего предусматривалось освещение спорных территориальных проблем, среди которых большое значение придавалось македонскому вопросу. Например, поручая 23 декабря 1943 г. составить такого рода записку о Югославии двум видным деятелям из югославской коммунистической эмиграции – уже упоминавшемуся В. Влаховичу и Б. Масларичу, Литвинов в перечне тем, которые следовало осветить в записке, на первое место поставил как раз "Спорные территориальные вопросы", а перечисляя последние, открыл их список проблемами отношений Югославии с Болгарией, "в частности о Македонии"⁶⁸. Из архивных документов видно, что таким же образом строилось и задание написать записку о Болгарии, данное еще раньше, в сентябре 1943 г., и выполнявшееся В. Коларовым, которого с самого начала деятельности комиссии Литвинова было намечено привлечь к подготовке материалов "по Болгарии и Македонии"⁶⁹. Соответственно, в обеих записках рассмотрение всего того, что касалось Македонии, заняло особенно значительное место.

Помимо разного рода фактических сведений о Македонии, ее природно-географических характеристиках, о составе, быте и культуре населения, об ее истории, экономическом и политическом положении ее различных частей, записки содержали определенную трактовку македонского вопроса и предложения о путях его решения. При этом выраженные в них взгляды были следствием не столько личной точки зрения авторов, сколько позиции, которая была присуща руководству соответствующей компартии.

В результате, хотя записка Влаховича и Масларича составлялась в Москве, а ее авторы были тогда фактически сотрудниками советского аппарата, тем не менее весь македонский сюжет излагался в ней в соответствии с линией, взятой лидерами КПЮ. Авторы, давая высокую оценку постановлению второй сессии АВНОЮ, провозглашавшему Македонию одной из равноправных федеральных единиц федеративной Югославии, указывали, что оно касается Вардарской Македонии, но в то же время выражали убеждение в неизбежном стремлении присоединиться к ней со стороны македонцев Эгейской и Пиринской Македонии. Такого объединения Македонии, говорилось в записке, можно было бы достичь путем предоставления македонцам равноправия в рамках юнославянского федеративного или конфедеративного государства, "в которое войдет и Болгария" и которое "должно опираться на СССР". Влахович и Масларич никак не поясняли, каким образом в юнославянской федерации окажутся не только югославская и болгарская части Македонии, но также греческая часть, если сама Греция остается за пределами федерации. В записке лишь фигурировала формулировка, что "если дело пойдет к созданию юнославянского федеративного государства", которое объединит Болгирию с Югославией, то "перед международной дипломатией встанет также и вопрос греческой Македонии и порта Салоники", чье включение в новое государство "явится необходимым как с национальной, так и с экономической и стратегической точек зрения", т.е. речь будет идти об отторжении этой территории от Греции. Влахович и Масларич подчеркивали, что руководители новой Югославии пока, "на нынешнем этапе", не выдвигают непосредственно лозунгов ни объединения Македонии, ни юнославянской федерации, но что эти вопросы важно продумать и

готовиться к их решению в зависимости от складывания конкретных условий⁷⁰.

Что касается записки Коларова, составлявшейся до югославской, то по поводу македонского вопроса она отражала позицию не подпольного ЦК, находившегося в Болгарии, а ту, которая стала вырабатываться заграничным руководством БКП в Москве особенно активно как раз с рубежа лета – осени 1943 г. Резкое усиление внимания к этому вопросу со стороны верхушки болгарской коммунистической эмиграции во главе с Димитровым было обусловлено рядом обстоятельств, прежде всего, во-первых, ожиданием возможного политического кризиса в Болгарии после смерти в конце августа царя Бориса, произшедшей в обстановке начатого отпадением Италии распада гитлеровского блока, а во-вторых, планировавшимся усилением взаимодействия с руководством КПЮ для использования югославских партизан как важной базы и канала связи в деле максимальной активизации партизанского движения в Болгарии. Немаловажным стимулом стала, очевидно, и сама необходимость выполнения поручения, исходившего от НКИД. В отличие от той линии, которую несколько позже, в декабре 1943 г., избрал подпольный ЦК БКП, вырабатывая декларацию ОФ по македонскому вопросу, заграничное бюро партии в Москве, непосредственно возглавлявшееся Димитровым, склонилось, как и руководство КПЮ, к идее желательности решения проблемы Македонии на основе создания на Балканах федерации, прежде всего федеративного объединения Болгарии и Югославии, считая наиболее вероятным приход коммунистов к власти именно в этих странах. Среди архивных материалов сохранились относящиеся к 1943 г., скорее всего к последним его месяцам, два недатированных проекта предложений заграничного бюро БКП, предназначавшихся для направления руководству КПЮ⁷¹. В обоих проектах, по крайней мере один из которых не был отправлен⁷², предусматривался совместный курс обеих компартий на заключение после войны тесного союза между Болгарией и Югославией, охватывающего политическую, военную, экономическую, включая таможенную, и культурную сферы, с перспективой перерастания такого союза в федерацию южных славян. В ее рамках предполагалось и решение вопроса о Македонии, которая, согласно одному из этих проектов, "в своих

этнографических границах войдет как составная часть в федерацию и образует ее равноправный член". При этом имелось в виду объединение не только Вардарской и Пиринской Македонии, но и, как говорилось в другом проекте, "возможное присоединение Салоник", т.е. Эгейской Македонии. На период, пока болгаро-югославский союз еще не перерастет в федерацию, тем же проектом предполагалось соглашение между обеими странами "о границах и Македонии на основе признания равноправия македонского населения и Македонии в рамках Югославии". В одном из проектов указывалось, что в случае, если при урегулировании спорных вопросов между Югославией и Болгарией возникнут большие трудности, "обе страны будут добиваться арбитража со стороны Советского правительства".

Отсутствие точной датировки этих документов делает неясным, то ли они предшествовали записке Коларова, то ли были составлены уже после нее⁷³. Но в любом случае и оба проекта загранбюро БКП, и записка Коларова представляли собой воплощение одной и той же линии, выработанной в загранбюро. В записке тоже подчеркивалась необходимость "объединения всех южных славян в единой Демократической Федерации". Ее создание должно было произойти "при поддержке демократических стран и в первую очередь – Советского Союза". В рамках такой федерации, где каждый из входящих в нее народов "должен иметь одинаковые права и обязанности", "признание как народ и полное равноправие должны получить также македонцы". Это намечалось осуществить посредством того, что Македония будет иметь статус одного из равноправных членов федерации южных славян. В записке Коларова специально оговаривалось, что речь идет об объединенной Македонии, в которой нужно собрать "не только части, отошедшие к Сербии и Болгарии, но также и часть, аннексированную в 1913 году Грецией, вместе со столицей Македонии Салоники"⁷⁴.

Поскольку документально зафиксировано, что записка Коларова готовилась в течение сентября 1943 г., и, стало быть, несомненно, что, по крайней мере, к тому времени такая постановка проблемы уже обсуждалась деятелями загранбюро БКП, постольку встает вопрос, получило ли руководство КПЮ какую-нибудь информацию об этом, когда 18 сентября

к Тито была переброшена самолетом из Москвы группа представителей загранбюро, которым с помощью югославских партизан предстояло затем переправиться в Болгарию. Дополнительный интерес данному вопросу придает то обстоятельство, что югославский историк Б. Петранович, не обладавший сведениями ни о записке Коларова, ни об обсуждениях в загранбюро БКП, утверждал, однако, что принятное на заседании политбюро ЦК КПЮ 16–18 октября 1943 г. решение выступить за создание федерации южных славян было вызвано сообщением об идее образования такой федерации, которое было получено югославским коммунистическим руководством от видного болгарского коммуниста Ш. Атанасова, прибывшего с упомянутой группой представителей загранбюро БКП. По мнению Петрановича, идея содержалась в адресованном Тито послании, которое через Атанасова "могло быть направлено Димитровым, хотя мы не знаем, с согласия ли Сталина"⁷⁵. Никаких источников своего утверждения, воспринятого и некоторыми исследователями на Западе⁷⁶, Петранович не привел, так что оно осталось бездоказательным и не известно, на основе чего было сделано. Конечно, нельзя исключить возможности того, что Тито узнал от Атанасова об идее федерации, обсуждавшейся в загранбюро БКП. Но даже если это имело место, то нужно учесть, что, как видно из той же записи Коларова, болгарские коммунистические деятели в Москве рассматривали тогда вопрос о федерации в плане выработки стратегического ориентира на перспективу, а вовсе не с точки зрения того, чтобы немедленно предпринять практические, тем более публичные действия в пользу создания федерации. Сама записка Коларова была всего лишь предложением, представленным в комиссию Литвинова⁷⁷. Решение же руководства КПЮ, принятое на заседании политбюро 16–18 октября, существенно отличалось от такой позиции.

К тому же записка Коларова свидетельствует и о том, что в верхушке болгарской коммунистической эмиграции в Москве, склоняясь к идее федерации южных славян, вместе с тем отнюдь не были тогда уверены в осуществимости этой идеи. Наоборот, в записке не исключалась возможность того, что создание федерации "натолкнется на непреодолимые препятствия". На этот случай, при котором Болгария и Югославия оставались бы самостоятельными государствами, в записке

помимо изложенного выше "основного варианта" предусматривался и "второй вариант", являвшийся своего рода запасным. По запасному варианту "македонскому населению в границах, определенных балканским договором 1912 года", как именовался в записке договор между Болгарией и Сербией от 29 февраля 1912 г., т.е. на территории, охватывавшей все три части Македонии, "должно быть предоставлено право на самоопределение". Коларов не уточнял, в какой именно форме следует в таком случае осуществить самоопределение, оговорив лишь, что "Россия, являющаяся арбитром по этому договору", т.е. по болгаро-сербскому договору 1912 г., "имеет особые права при определении судьбы этой территории"⁷⁸. Естественно, под термином "Россия" имелся в виду СССР⁷⁹.

То обстоятельство, что автор записки уклонился от более определенных предложений о формах самоопределения Македонии в условиях "второго варианта", было, конечно, не случайным. Хотя записка составлялась, когда еще не существовало решения второй сессии АВНОЮ, выделившего Македонию в качестве одной из шести частей новой федеративной Югославии, тем не менее верхушка болгарской коммунистической эмиграции в Москве, в отличие от деятелей подпольного ЦК БКП в самой Болгарии, уже тогда, очевидно, затруднялась прямо предложить создание независимой объединенной Македонии, а тем самым фактическое отторжение Вардарской Македонии от Югославии в условиях, когда движение, руководимое КПЮ, заняло ведущее место среди движений Сопротивления в Европе и пользовалось особым вниманием Кремля. Формулировка об особых правах СССР в этом вопросе позволяла Коларову, а возможно, и Димитрову обойти затруднение, лишь обозначив проблему и указав на необходимость ее решения по усмотрению советского руководства. Кстати, в первоначальном варианте записки предусматривалось, что в случае, если не удастся создать федерацию южных славян, "граница между Болгарией и Сербией в Македонии должна быть пересмотрена на основании договора между ними от 29 февраля 1912 г.", а ни о каком "самоопределении македонского населения" и создании объединенной Македонии, включающей Эгейскую, речи не шло⁸⁰.

Сопоставление разных вариантов, возникавших в ходе ее составления, позволяет лучше увидеть и те мотивы, из кото-

рых исходил Коларов и, очевидно, ряд его коллег в эмигрантском руководстве БКП. Хотя в духе линии, выработанной в Коминтерне еще в довоенное время и затем проводившейся в СССР в период войны, в записке говорилось о необходимости того, чтобы македонцы получили "признание как народ" направне с другими южнославянскими народами, и формулировалось право Македонии на "национальное существование"⁸¹, однако, вместе с тем, в документе с достаточной очевидностью присутствовала и мысль о том, что македонские славяне являются болгарами и что вся Македония, включая Вардарскую и Эгейскую, представляет собой часть болгарской национальной территории, воссоединение которой с Болгарией было всегда стремлением болгарского народа. На более ранней стадии подготовки записки эта мысль проводилась с большей четкостью, затем с помощью редакционной правки она несколько вуалировалась⁸². Такая двойственность в подходе к проблеме Македонии была присуща и другим деятелям болгарской коммунистической эмиграции в Москве. В определенной мере этот подход проявился, например, в составленной по поручению Димитрова немного позже, в январе 1944 г., записке "Македонский вопрос в настоящий момент", представленной в загранбюро БКП от имени Д. Влахова и видного функционера БКП В. Поптомова (по утверждению последнего, ее автором был на самом деле только он⁸³). В ней шла речь о македонцах или македонских славянах как о народе, но наряду с этим они то отождествлялись с болгарами, то говорилось, что они и болгары настолько близки, что превратились в "один народ"⁸⁴. И у самого Димитрова, как видно из его дневника, возникали возражения, когда, например, весной 1944 г. Влахов проявил склонность к тому, чтобы говорить об особой "македонской нации" и "македонском национальном сознании"⁸⁵. Как можно судить по записке Коларова, изложенный в ней замысел создания федерации южных славян и урегулирования македонского вопроса в ее рамках во многом был привлекателен для авторов этого замысла как раз потому, что открывал перспективу решения проблемы Македонии на основе совмещения обоих составных элементов указанной выше двойственной позиции: его реализация позволила бы, с одной стороны, выделить объединенную в единое целое Македонию в некое особое автономное образование, но с другой

стороны – не отделить ее от Болгарии в виде совершенно иного государства, а превратить и ту, и другую в части федеративного государства, общего для них обеих и для всех других территорий, населенных южными славянами. В записке Коларова речь шла о федерации не как о федеративном объединении Болгарии и Югославии, а как о совсем новом государстве, с возникновением которого Югославия как таковая перестала бы существовать и растворилась бы в нем в виде отдельных и равноправных как с Болгарией, так и с Македонией автономных территорий каждого из других юнославянских народов, обозначенных автором, – сербов, хорватов, словенцев и то вычеркивавшихся, то вновь вписывавшихся им черногорцев⁸⁶.

Таким образом, хотя на первый взгляд идея образования юнославянской федерации и решения в ее рамках вопроса о Македонии была общей как для болгарских коммунистических лидеров в Москве, так и для югославского коммунистического руководства, фактически замыслы каждой из сторон оказывались при этом весьма различными.

Что же касалось выдвинувшегося в записке Коларова запасного варианта в виде "самоопределения Македонии" в случае неосуществимости создания федерации, то явная расплывчатость и, по сути, условность этого предложения с очевидностью отличалась от концепции образования Македонского государства, совершенно отдельного от других балканских стран, которая формулировалась в декларации ОФ по македонскому вопросу. А после того, как на второй сессии АВНОЮ Македония – была названа – одной из федеральных единиц в составе Югославии, создание какой-либо самостоятельной македонской государственности вне рамок Болгарии и Югославии вовсе не представлялось Димитрову и его ближайшим сотрудникам сколько-нибудь реальной возможностью, тем более, что Димитров должен был подходить к этому вопросу с позиций не только лидера БКП, но преимущественно – руководителя организационно-политического аппарата, в виде отдела международной информации ЦК ВКП(б) проводившего установки Кремля в мировом коммунистическом движении. Характерны в этом смысле указания, данные Димитровым 8 января 1944 г. Ж. Гюмюшеву и М. Маркову, двум функционерам БКП, которых предстояло перебросить из СССР в Югославию с тем, чтобы они проникли в Болгию. В

этих указаниях он исходил из особой важности вооруженной борьбы, которая велась в Югославии под руководством коммунистов, и тесного сотрудничества с югославами в организации успешных действий против немцев и прогитлеровского режима в Болгарии. Димитров сформулировал позицию, согласно которой "теперь мы не можем выдвигать лозунг о самостоятельной, независимой Македонии", ибо решение АВНОЮ "является большим шагом вперед". Он подчеркивал, что "национальный вопрос", т.е. македонскую проблему, можно решить при условии установления дружбы и союза между Болгарией и Югославией и при арбитраже СССР⁸⁷.

Негативное отношение к тому, чтобы придерживаться курса на создание отдельного самостоятельного македонского государства, было выражено и в уже упоминавшейся записке "Македонский вопрос в настоящий момент", представленной 26 января 1944 г. по заданию Димитрова для рассмотрения в заграничном бюро БКП Поптомовым и Влаховым. В записке отмечалось, что идти по линии образования такого государства нецелесообразно в реально сложившихся условиях, когда югославским освободительным движением выдвинут лозунг о Македонии как "равноправной национальной политической единице" в составе "федеративной демократической Югославии". Давая чрезвычайно высокую оценку решению второй сессии АВНОЮ и той позиции, которую в отношении македонской проблемы провозгласило движение под руководством КПЮ, авторы записи высказывали мнение, что для самоопределения Македонии, в которой бы объединились все три ее части, наилучшим было бы создание "демократической балканской федерации". Ход мыслей понятен: такая федерация, в которую бы вошли под коммунистическим руководством и советским покровительством и Болгария, и Югославия, и Греция, ставила бы на практическую основу возможность объединения территорий Македонии, принадлежавших всем трем государствам. Однако в записке подчеркивалось, что реальных предпосылок для создания балканской федерации пока не видно, в том числе и из-за препятствующих этому "причин международного характера". Хотя в записи не уточнялось, что именно имеется при этом в виду, вполне очевидно, что подразумевалась прежде всего более чем малая вероятность победы коммунистов и руководимых ими сил в

Греции, особенно вследствие британской позиции. В итоге вновь делался вывод, что реальные предпосылки складываются лишь для образования федерации южных славян, которая была бы тесно связана с СССР. И македонский вопрос должен получить свое разрешение именно в рамках такой федерации. В записке выражалась надежда на то, что трудности, которые встанут на пути присоединения Эгейской Македонии к объединенной Македонии в составе юнославянской федерации, будут преодолены "в согласии с греческими прогрессивными и демократическими силами", т.е. с силами под руководством компартии Греции, и "при содействии Советского Союза и других свободолюбивых народов"⁸⁸.

Из исследованных нами материалов не ясно, было ли Димитрову, когда он давал указания Гюмюшеву и Маркову, уже известно о декларации ОФ по македонскому вопросу, так же как мы не знаем, осведомлены ли были о ней при составлении записки Поптомов и Влахов. Но в любом случае очевидно, что и указания, и записка полностью противоречили декларации. Соответственно, когда в Москве был получен протест Тито по поводу ее, посланный 24 января 1944 г., Димитров оказался перед необходимостью дезавуировать ее. При этом было решено, однако, не выносить перед югославами критику в адрес руководителей коммунистического подполья в Болгарии. В радиограмме Димитрова, которую Тито получил 8 февраля 1944 г., просто говорилось, что документ, о котором сообщил лидер КПЮ, "не может быть делом Отечественного фронта"⁸⁹. Такой ответ был дан Димитровым не только как главой БКП, но как руководителем отдела международной информации ЦК ВКП(б).

Однако этим проблема Македонии в отношениях между КПЮ и БКП отнюдь не была исчерпана. Как вследствие того, что перспектива решения македонского вопроса оставалась объективно очень сложной и неясной, так и ввиду противоречий, реально существовавших между устремлениями компартий двух стран. Это сказывалось и в позиции Димитрова. С одной стороны, в качестве ответственного советского функционера, ведавшего международным коммунистическим движением, он проводил установки, которыми в вопросе о будущем Македонии в большей мере учитывались интересы новой Югославии, занявшей центральное место в советско-комму-

нистической стратегии на Балканах, но с другой стороны, у него как у лидера болгарских коммунистов одновременно прорывалось недовольство претензиями руководства КПЮ, задевавшими интересы БКП.

В частности, в первые месяцы 1944 г. такое недовольство проявилось в связи с тем, что при созыве второй сессии АВНОЮ находившиеся в Москве Влахов и Поптомов, оба родом из Македонии, без всякого предварительного согласования с ними и с Димитровым были введены в состав АВНОЮ, а на самой сессии – в его президиум, причем Влахов в качестве заместителя председателя, хотя и тот, и другой были деятелями БКП. В радиопереписке с Тито Димитров стал добиваться тихого аннулирования данного решения, однако это ему удалось только в отношении Поптомова, несмотря на обещание Тито сделать так применительно к обоим⁹⁰. А предпринятые затем Димитровым повторные попытки относительно Влахова, который весной 1944 г. и сам занял позицию, аналогичную югославской, вызвали в итоге резкую реакцию Тито. Последний в середине апреля через генераллейтенанта Н.В. Корнеева, начальника военной миссии СССР, присланной к Тито, обратился к советскому руководству, выражая недовольство не только настояниями Димитрова по поводу Влахова, но и вообще позицией БКП в связи с вопросом о Македонии.

Мы не располагали оригинальным текстом обращения Тито, которое было изложено в телеграмме Корнеева в Москву от 13 апреля 1944 г. Но судя по содержанию ответной телеграммы, отправленной 15 апреля из Москвы Корнееву для передачи Тито, а также по предварительному проекту этого ответа, глава КПЮ и новой Югославии связал требования Димитрова об отзыве Влахова с позицией, выраженной в декларации ОФ по македонскому вопросу, и сделал общий вывод, что в отношении проблемы Македонии руководство БКП проводит линию, противоречащую решениям второй сессии АВНОЮ, которыми, как считал Тито, заложена важная основа решения данной проблемы. В связи с этим, выражая уже отмечавшиеся нами выше тенденции в югославской коммунистической верхушке к тому, чтобы создать южнославянскую либо балкансскую федерацию путем расширения федеративной Югославии за счет присоединения к ней соседних стран ре-

гиона, Тито упоминал о возможности подобного рода включения в югославскую федерацию для Болгарии. В ответе, врученном Тито Корнеевым в виде телеграммы за подписями Сталина и Молотова, советское руководство отмежевывалось от шагов, предпринимавшихся Димитровым по поводу Влахова. "Поступайте в вопросе о Влахове по Вашему усмотрению, – говорилось в телеграмме. – Можете его оставить в составе Вече, а можете и отзвать – это Ваше дело". Дезавуируя таким образом Димитрова, Кремль сообщал в той же телеграмме, что впредь Тито может сноситься по вопросам, касающимся Югославии, не с Димитровым, а "прямо с Алексеевым", т.е. Молотовым. В телеграмме подчеркивалось: "Югославию мы считаем союзницей Советского Союза, а Болгию союзницей врагов Советского Союза. Это определяет наше отношение к Югославии в настоящее время. Что касается будущего, то мы хотели бы, чтобы Болгария порвала с немцами и тоже стала союзницей Советского Союза. При всех условиях мы бы хотели, чтобы Югославия была бы нашей главной опорой в Юго-Восточной Европе". Это сопровождалось заверениями в том, что у Тито нет оснований для беспокойства по македонскому вопросу, ибо, независимо от каких-либо соображений Димитрова и его товарищей, "мы не примем решения по этому вопросу без Вашего согласия". Относительно же декларации ОФ по поводу Македонии руководство СССР подчеркивало в своей телеграмме, что "воззвания Отечественного фронта для Советского правительства не обязательны"⁹¹.

Таким образом, в ответ на выраженное со стороны Тито недовольство позицией Димитрова и руководства БКП по македонскому вопросу Кремль считал необходимым заверить югославского коммунистического лидера в том, что не разделяет позиции болгар и что линия Москвы в отношении Македонии будет определяться, исходя из приоритетной роли новой Югославии для советской политики на Балканах. Однако из исследованных до сих пор архивных документов остается неясным, насколько советский ответ отражал истинные намерения Сталина, а насколько был продиктован тактической заинтересованностью Кремля в том, чтобы в данный момент не раздражать Тито и избежать нежелательных осложнений в отношениях с ним. Но какими бы ни были действительные причины московского ответа, в практической политике он

оказывался фактором поощрения позиции югославского коммунистического руководства по вопросу о Македонии, прежде всего стремления к оформлению македонской федеральной единицы в составе федеративной Югославии. Правда, если телеграмма в адрес Тито, подписанная Сталиным и Молотовым, выглядела как фактическое одобрение югославской линии на создание такой единицы, то вопрос о том, должно ли подобное решение ограничиться лишь Вардарской Македонией или в перспективе охватить и другие македонские земли, равно как и вообще вопрос о каком-либо объединении Македонии, остались без определенного ответа. Характерно, что формулировка "считаем позицию маршала Тито в вопросе Македонии правильной"⁹², содержавшаяся в рукописном проекте телеграммы Сталина и Молотова, в окончательный текст телеграммы не вошла. Советское руководство явно предпочитало на данном этапе уклониться от того, чтобы выразить более определенную позицию по этому поводу. То же можно сказать и о поднятой Тито проблеме относительно будущего объединения Болгарии с Югославией в виде фактического присоединения первой ко второй. В упомянутом проекте говорилось, что постановка вопроса о "вхождении Болгарии в Юго-Славянскую федерацию" является "пока преждевременной"⁹³. Но в окончательном тексте телеграммы даже столь уклончивой формулировки не оказалось – там просто отсутствовала какая-либо реакция на соображение Тито о присоединении Болгарии к федеративной Югославии.

Дело было, очевидно, не только в тактической сдержанности советской стороны, но и в том, что у нее самой еще не было определенности по части прогнозов дальнейшего развития, касавшегося будущего всей Македонии. В частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что через несколько дней после направления ответа в адрес Тито, 24 апреля, Молотов, впервые принимая прибывших перед этим в Москву в составе военной миссии новой Югославии члена политбюро ЦК КПЮ М. Джиласа и начальника миссии В. Терзича, спрашивал о национальности населения Салоник. Возможно, это отражало раздумья в советских верхах по поводу Эгейской Македонии. Джилас ответил Молотову, что "большинство населения Салоник составляют греки, а деревни вокруг Салоник заселены македонцами"⁹⁴.

В связи с полученным через Корнеева обращением Тито советское руководство, естественно, запросило разъяснений у Димитрова. Тот в идентичных справках, представленных 15 апреля Молотову, а 16 апреля Сталину, написал, что "правильное разрешение вопроса о будущем Македонии возможно только на основе братского соглашения между Болгарией и Югославией, с учетом интересов и воли самого македонского населения и при содействии Советского Союза". Димитров никак не конкретизировал, исключает ли он тем самым из возможного решения Эгейскую Македонию: ведь соглашение между Югославией и Болгарией относилось бы только к Вардарской и Пиринской. "Что будет конкретно с Македонией после войны, — писал он, — вряд ли возможно сказать определенно сейчас, и я не берусь это сделать. Все будет зависеть от множества ныне еще неизвестных факторов". Тем не менее Димитров тут же сформулировал цель, которая была уже выработана под его руководством заграничным бюро БКП и которую он назвал в обеих справках "самой желательной ориентацией, по-моему, для Балкан и для Советского Союза": "создание Федерации южных славян, состоящей из болгар, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев и македонцев, на началах равноправия". В такой федерации, подчеркнул он, "Македония могла бы получить свою национальную свободу и государственность". Тем самым ориентация, сформулированная в записке Коларова для комиссии Литвинова, была представлена вновь, на сей раз непосредственно советскому руководству. "Однако, — отметил Димитров, обращаясь к Сталину и Молотову, — говорить об этом публично, пропагандировать еще теперь подобный лозунг, на мой взгляд, несвоевременно, а быть может, даже вредно"⁹⁵.

Исследованные до сих пор документальные материалы оставляют неясным вопрос о том, как конкретно реагировали в Кремле на точку зрения, изложенную Димитровым для Сталина и Молотова. Но так как через несколько месяцев — отметим это, забегая немного вперед, — идея создания федерации южных славян была с санкции советского руководства переведена в плоскость практических действий, можно с достаточным основанием полагать, что она не вызвала негативной реакции и в апреле 1944 г. Тем более, что Димитров не предлагал тогда ее немедленного публичного выдвижения, а, на-

оборот, считал, что пока с этим надо повременить и посмотреть, как будет складываться политическая ситуация. Такой подход должен был импонировать Сталину.

Что же касалось непосредственной практической политики в македонском вопросе, то после апрельской телеграммы, посланной советским руководством Тито, Димитров дисциплинированно следовал намеченному в ней курсу. Так, в послании, которое он отправил Тито в конце июля 1944 г., Димитров сообщал, что дал коммунистам в Болгарии директиву "всеми силами поддерживать македонскую политику новой федеративной Югославии", заверив Тито, что "не может быть и речи" о том, чтобы "югославская Македония" была отделена от Югославии⁹⁶. Это было ответом на выражавшееся югославским коммунистическим руководством недовольство позицией БКП, особенно декларацией ОФ по македонскому вопросу, о чём Тито вновь напомнил в письме Димитрову в начале июля 1944 г.⁹⁷

Между тем югославское коммунистическое руководство сделало следующий шаг в своей "македонской политике": 2 августа 1944 г. состоялась учредительная сессия антифашистского собрания народного освобождения Македонии, на которой была конституирована македонская федеральная единица в составе новой Югославии⁹⁸. Однако это решение охватывало только югославскую Македонию. Вопрос же о возможном объединении с ней других частей Македонии, и прежде всего болгарской, в рамках южнославянской федерации, остался открытym.

Он встал в повестку дня в качестве непосредственной задачи, требующей решения, осенью 1944 г., когда с выходом на Балканы советских войск была установлена власть ОФ в Болгарии, где ключевую роль играли коммунисты, и развернулось освобождение Югославии от оккупантов, в ходе которого происходило утверждение там коммунистического режима. На различных переговорах между руководящими деятелями СССР, Югославии и Болгарии, начавшихся во время тайного визита Тито в Москву во второй половине сентября 1944 г., стали обсуждаться практические шаги по созданию южнославянской федерации.

В югославской и болгарской историографии дискутировался вопрос о том, какая из сторон явилась инициатором и

какими интересами руководствовалась. В течение ряда лет в югославской литературе фигурировал в качестве официального тезис, сформулированный одним из тогдашних руководящих деятелей Югославии М. Пьяде после того, как разразился советско-югославский конфликт 1948 г. Согласно этому тезису, предложение о федеративном объединении Югославии и Болгарии исходило в ноябре 1944 г. от политбюро ЦК КПЮ⁹⁹. Однако впоследствии официальная югославская установка переменилась. Отражая эту перемену, другой руководящий югославский деятель Э. Кардель в своих мемуарах утверждал, что инициатива исходила от Сталина во время встречи в сентябре 1944 г. с Тито в Москве и что эта идея разделялась Димитровым, а югославское руководство согласилось с ней, "хотя и не с воодушевлением"¹⁰⁰. В болгарской историографии утверждения Карделя расценивались как попытка прикрыть, наоборот, югославское стремление к объединению Болгарии с Югославией¹⁰¹. На самом деле, как мы уже видели, и Тито, и Димитров еще до этого выдвигали идею создания федерации южных славян, но по тактическим соображениям каждый из них считал тогда преждевременным ставить ее в качестве практической задачи. Что же касается версии Карделя об инициативе, проявленной Сталиным при сентябрьской встрече с Тито, то опубликованных документов об этой встрече нет, архивные же материалы о ней пока не известны. А некоторые данные, фигурировавшие в литературе, не дают определенного ответа. Но, когда руководители Югославии и Болгарии уже приступили к выработке будущего соглашения, Сталин в конце ноября 1944 г. сказал югославским представителям о необходимости ускорить процесс создания федерации¹⁰². Стало быть, он выступал по меньшей мере активным сторонником этого замысла, давшим санкцию на его реализацию. Показательна и запись, сделанная Димитровым в дневнике после беседы с Тито в Москве 27 сентября 1944 г.: в ней отмечалась договоренность о "проведении намеченной нами линии – создание союза между Болгарией и Югославией вплоть до федерации южных славян (состоящей из болгар, македонцев, сербов, хорватов, черногорцев, словенцев)"¹⁰³. Вряд ли Димитров, занимавший пост заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), мог договариваться об этом с Тито без уже имевшейся санкции Сталина.

Пока у нас нет данных о мотивах, которыми при этом руководствовался Сталин. Вероятно, объединением Болгарии с Югославией в федерацию он прежде всего рассчитывал укрепить новый режим в Болгарии: во внутреннем плане – с помощью несравненно более тогда прочной власти коммунистов в Югославии, а во внешнеполитическом – путем того, что, образуя совместное государство с Югославией, членом антигитлеровской коалиции, Болгария, возможно, избавлялась бы, хотя бы частично, от статуса бывшей вражеской, побежденной страны, в отношении которой Великобритания и США обладали прерогативами участия в союзническом контроле. Во всяком случае, такие мотивы стали играть теперь важную роль в стремлении болгарского коммунистического руководства к созданию федерации южных славян¹⁰⁴.

Но, как уже говорилось, на самом деле национально-территориальные цели коммунистических лидеров Югославии и Болгарии в связи с планами создания федерации, а в ее рамках – объединения Македонии, были неодинаковыми. И это выявилось в ходе начавшихся в ноябре 1944 г. конкретных переговоров между Белградом и Софией.

История переговоров многократно рассматривалась на основе архивных документов и в югославской, и в болгарской историографии¹⁰⁵. Не повторяя того, о чем уже писалось и что интерпретировалось историками с каждой стороны подчас в прямо противоположном духе, отметим главное. Коммунистическое руководство Югославии выступало за то, чтобы юнославянскую федерацию составили на основе равного статуса Болгария и каждая из шести федеральных единиц самой Югославии. В реально сложившейся ситуации это фактически означало не только присоединение болгарской Македонии к югославской, но и гораздо большее – включение всей остальной Болгарии в состав Югославии в качестве седьмой республики. Как мы видели, до этого Димитров и его сотрудники по загранбюро БКП в Москве тоже склонялись к варианту, предусматривавшему в федерации равный статус для Болгарии и отдельных национальных земель, составлявших Югославию, но вкладывали в это совершенно иной смысл. Теперь же, когда начались практические переговоры, Димитров, по-прежнему остававшийся на своем посту в аппарате ЦК ВКП(б), в ответ на югославские устремления занял другую

позицию, дав руководству компартии в Болгарии, которая стала в этот период называться Болгарской рабочей партией (коммунистов), директиву настаивать перед югославами на дуалистическом характере планируемой федерации, с равным членством Болгарии и всей Югославии. Мы пока не располагаем данными, позволившими бы судить о том, насколько такое изменение было следствием выводов, к которым пришел сам Димитров, а насколько могло исходить от Кремля. Но так или иначе, подобная позиция была санкционирована советским руководством, о чем еще пойдет речь ниже.

На переговорах в конце 1944 – январе 1945 г. каждая из сторон – как болгары, так и югославы – стремилась в предлагаемых проектах соглашения провести свою линию. В то же время обе пытались достигнуть некоторого компромисса. В частности, когда оказались очевидными различия в позициях, предметом переговоров стали планы того, чтобы оттянуть на некоторое время непосредственное образование федерации и установить переходный период, в течение которого Югославия и Болгария объединяли бы свою деятельность по ряду политических, экономических, военных, административных вопросов, вплоть до создания совместных координирующих органов, но каждая сохраняла бы в рамках такого тесного союза свою государственную самостоятельность. При этом, однако, югославы – в противоположность тому, что утверждалось впоследствии в мемуарах Карделя, – пытались приблизить создание федерации, в то время как болгары в большей мере старались растянуть переходный период на неопределенный срок.

В данной связи по-иному встал и вопрос о Македонии. Югославы, как и прежде, выступали за присоединение ее болгарской части к федеральной, т.е. югославской, Македонии, имея в виду, что объединенная Македония станет наряду с самой Болгарией одной из единиц федерации южных славян. Болгарская же сторона теперь была согласна на то, чтобы объединенная Македония, образуемая путем присоединения Пиринской Македонии к Вардарской, находилась в составе федеративной Югославии, но при том главном условии, что статус Болгарии в федерации южных славян будет равен статусу всей Югославии. При этом болгары настаивали на том, что подобная комбинация в отношении Пиринской Македо-

нии, фактически означавшая ее передачу из состава Болгарии в состав Югославии, может быть осуществлена только одновременно с образованием южнославянской федерации, а югославы пытались добиться присоединения Пиринской Македонии еще на стадии переходного периода. Вместе с тем была достигнута обоюдная договоренность, что в любом случае присоединение болгарской Македонии к югославской должно сопровождаться передачей Болгарии районов Цариброда и Босилеграда.

Переговоры осложнялись трениями, возникшими между болгарской и югославской сторонами осенью 1944 г. в связи с вопросом о пребывании болгарских войск, включившихся в борьбу против немцев, на территории Вардарской Македонии (а также Сербии) и особенно – югославскими попытками на местах явочным порядком начать процесс присоединения Пиринской Македонии к федеральной Македонии в составе Югославии. Это вызвало даже прямые обращения Димитрова к Тито и советскому руководству¹⁰⁶.

Позиция, занятая по поводу югославо-болгарского спора Кремлем, была непосредственно продемонстрирована в начале января 1945 г., когда в соответствии с иерархией коммунистического движения и начавшего формироваться "социалистического лагеря" югославы, чтобы воздействовать на болгар, пожаловались на них Сталину. На состоявшейся 9 января встрече со Сталиным член югославского руководства А. Хебранг, приехавший в Москву со специальными полномочиями от Тито, обвинил болгар в том, что обсуждение вопроса о федерации идет "чрезвычайно тяжело" из-за их позиции, в частности ввиду отклонения ими югославского проекта. Однако Stalin критически отзывался об этом проекте, забраковав его, и высказался за дуалистический вариант федерации. Советский руководитель мотивировал это необходимостью считаться с реальностью существования Болгарии как государства, избегать того, чтобы болгары усмотрели "желание проглотить их". Stalin заявил, что к федерации надо вообще идти постепенно, поэтапно, начав на данном этапе "с союза, с договора о взаимной помощи". Той же позиции он придерживался и на состоявшемся у него две недели спустя совещании с руководящими представителями Югославии и Болгарии¹⁰⁷.

Насколько можно судить по записи беседы Сталина с Хебрангом, в частности по репликам, которыми обменивались Сталин и участвовавший в беседе Молотов, югославские устремления в отношении Болгарии, к тому же сочетавшиеся с поставленными одновременно Хебрангом территориальными претензиями к Италии, Австрии, Венгрии, Румынии, Греции, вызывали у советского руководства опасение возможных и крайне нежелательных осложнений не только между Болгарией и Югославией, но и в более широких рамках Балкан и Центральной Европы. Stalin, хотя и сдержанно, но выражал вначале как будто готовность поддерживать территориальные интересы югославского режима в отношении соседей, однако к концу беседы, явно озабоченный размерами югославских претензий, в том числе и на Эгейскую Македонию, серьезно предостерег Хебранга от чрезмерных территориальных запросов Белграда к соседним странам¹⁰⁸. 10 января, знакомя Димитрова с содержанием состоявшейся накануне беседы с Хебрангом, он выразил недовольство югославскими территориальными претензиями как "неразумными"¹⁰⁹. Фактическое "проглатывание" Болгарии значительно превосходило бы все остальные претензии. А ход югославо-болгарских переговоров с достаточной очевидностью демонстрировал существенный объем противоречий по этому вопросу, обнаружившихся между двумя сторонами. К тому же, помимо столкновения интересов новых режимов Югославии и Болгарии, как болгарскому руководству, так и югославскому приходилось учитывать и внутриполитическую обстановку в своих странах, настроения населения. Это было важной причиной, и объективно не позволявшей болгарским руководителям согласиться на фактическое включение Болгарии в Югославию, а югославским – пойти на дуалистическое объединение с Болгарией, которая во время войны участвовала в оккупации Югославии и была побежденной страной. Об этом шла речь и на югославо-болгаро-советских встречах в Москве, где, в частности, югославские и болгарские представители обсуждали влияние внутриполитического аспекта на возможности каждой из сторон принять то или иное решение¹¹⁰.

Все эти обстоятельства были, очевидно, важной причиной того, что Stalin, указав на нецелесообразность югославского варианта будущей южнославянской федерации, предпочел

вообще притормозить федерирование, ограничившись пока югославо-болгарским договором о союзе, а остальное отложив на будущее. Вместе с тем другой причиной, в тот момент не менее важной, стало возражение против югославо-болгарской федерации, полученное советским правительством 1 января 1945 г. от британского правительства, узнавшего о тайных переговорах между Югославией и Болгарией¹¹¹. Англичане были готовы не возражать против обсуждения проблемы федерации всех балканских государств, включая Грецию и Турцию, но опасались югославо-болгарской федерации, в частности из-за возможной угрозы, которую она могла создать для Греции, в том числе в вопросе об Эгейской Македонии¹¹². Ввиду британских прерогатив в отношении Болгарии как побежденной страны это фактически было наложением "вeto" на создание федерации. И Сталину пришлось с этим считаться.

В итоге на советско-югославо-болгарских переговорах в Москве в конце января 1945 г. был срочно выработан договор о союзе между Югославией и Болгарией. Но предусматривалось и одновременное подписание секретного письма – приложения к договору с указанием, что главной целью является создание южнославянской федерации. Причем при участии Сталина было решено пока не предопределять вопроса о том, будет федерация дуалистической или семичленной¹¹³.

29 января в ответной ноте англичанам советское правительство заявило, что о федерации в данное время вопрос не стоит, а ведутся переговоры о заключении югославо-болгарского пакта о взаимопомощи, к чему СССР относится положительно¹¹⁴. Однако подобная тактика не увенчалась успехом. В Ялте англичане выступили и против договора, но советской стороне удалось добиться решения, чтобы этот вопрос был отложен для обсуждения после конференции¹¹⁵. Тем не менее британское правительство и вслед за Ялтой не изменило своей позиции, к которой присоединились и США. Последующие попытки СССР продолжить переговоры на сей счет с западными союзниками не дали результатов¹¹⁶. Заключение югославо-болгарского договора пришлось отложить, как было отложено и создание федерации южных славян.

Но, что касалось советских планов на будущее, то, хотя при завершении советско-югославо-болгарских переговоров в

конце января 1945 г. Сталин, будучи прагматиком, предложил ввиду несогласия между болгарской и югославской сторонами оставить пока открытым спорный вопрос о дуалистической или семичленной структуре замышлявшейся федерации, сам он тем не менее на заключительном приеме болгарских и югославских представителей 28 января по-прежнему высказался за дуалистический вариант¹¹⁷. В исследованных до сих пор документах нет четких данных о том, как он определял тогда свою позицию по поводу решения македонского вопроса при дуалистическом варианте федерации. Видимо, он не возражал против решения, с которым была согласна сама болгарская сторона: при образовании федерации присоединить Пиринскую Македонию к Вардарской Македонии как федеральной единице в составе Югославии в обмен на возвращение Югославией Болгарии районов Цариброда и Босилеграда. Что касалось Эгейской Македонии, то высказывания Сталина по этому поводу выглядели несколько противоречиво. С одной стороны, на встрече 9 января с Хебрангом, заявившим, среди прочего, что "Югославия рассчитывает получить греческую Македонию и Салоники" и что "сейчас это требование будет поставлено", кремлевский хозяин, высказавшись против того, чтобы Югославия своими территориальными требованиями создавала положение, при котором она оказалась бы во враждебных отношениях с окружающими ее странами, назвал среди них и Грецию¹¹⁸. На следующий день в телефонном разговоре с Димитровым Сталин, охарактеризовав как "неразумные" югославские территориальные претензии, упомянул при их перечислении и претензии на "греческую Македонию"¹¹⁹. С другой стороны, на уже упомянутом заключительном приеме болгарских и югославских представителей 28 января Сталин, как свидетельствует запись Коларова, сказав о "праве и интересах" Болгарии в отношении выхода к Эгейскому морю и назвав в этой связи "Дедеагач и пр[очее]", т.е. территорию Западной Фракии, заявил также: "Реакционная Греция, которая была бы враждебна болгаро-югославскому союзу, потеряет Салоники". При этом он, судя по записи, не уточнял, кому в таком случае будут принадлежать Салоники, а следовательно территория Эгейской Македонии, но у Коларова это зафиксировано в контексте высказываний Сталина о болгаро-греческих отношениях и о том,

что для подкрепления прав Болгарии на выход к Эгейскому морю "нужна сила" и потому "нужно, чтобы Б[олгария] имела сильную армию"¹²⁰.

Анализ этих высказываний Сталина наводит на мысль, что имевшееся на первый взгляд противоречие между негативным отношением советского правителя к югославскому намерению выдвинуть претензии на греческую Македонию и его же заявление в пользу ее отторжения от Греции было кажущимся. Ибо в первом случае речь шла об оценке сиюминутных конкретных действий, а во втором случае подразумевалась более отдаленная перспектива. Stalin был против того, чтобы выступать с претензиями на Эгейскую Македонию в данный момент, поскольку считал, что пока нужно избегать вероятных осложнений с англичанами¹²¹. Однако в будущем, когда могло бы сложиться более желательное Кремлю соотношение сил, он, как это видно из записи Коларова, планировал отторжение Эгейской Македонии от Греции, если Афины будут в лагере, противостоящем Советскому Союзу и "народным демократиям". Сложнее обстоит дело с оценкой того, почему, если верить Коларову, Stalin, высказываясь подобным образом по поводу Эгейской Македонии, делал это в контексте вопроса об отношениях Греции с Болгарией и о выходе Болгарии к Эгейскому морю. Значит ли это, что он, вопреки югославским притязаниям, намеревался присоединить Салоники с прилегающей территорией к Болгарии? В исследованных нами документах нет на это ответа. Не исключено, однако, что запись Коларова, представляющая собой фрагментарные заметки, не совсем точно передает логический ход сталинских рассуждений и что просто кремлевский хозяин в свободном разговоре упомянул о Салониках одновременно с Западной Фракией, чем мог создать у Коларова впечатление связи вопроса не только о Фракии, но и об Эгейской Македонии именно с болгаро-греческими отношениями.

По свидетельству Димитрова, на встрече 28 января 1945 г. Stalin особо подчеркивал чрезвычайную важность болгаро-югославского союза в качестве крупного начального шага на пути к союзу всех славянских народов¹²². В тогдашнем советском политическом лексиконе под союзом славянских народов подразумевался начавший формироваться блок СССР и устанавливавшихся под его эгидой в Восточной Европе ре-

жимов "народной демократии". Болгария и особенно Югославия были среди первых стран, где возникли такие режимы. И Сталин, очевидно, придавал их союзу и последующей федерации большое значение в блоковой политике Кремля, в расширении советской сферы контроля, в частности на Балканах. Характерно, что при этом он занимал резко отрицательную позицию по отношению к иным по составу и направленности планам балканской федерации, которые весьма активно обсуждались тогда турецкими политиками и западными союзниками, прежде всего Лондоном. Согласно записи Коларова, 28 января Сталин заявил, что "идея о включении Турции в какую-то Балканскую федерацию (продвигаемая, например, Англией) нелепа. Никогда балканские народы, которые были под турецким игом, не согласятся, чтобы Турция тем или иным способом усилила свое влияние на Балканах". Сталин сказал, что если бы Турция, действуя по подсказке, попыталаась "вмешаться силой, то она должна быть отбита силой". И тогда Болгария, которой следует иметь "сильную и хорошо вооруженную армию", сможет предъявить Турции "свой счет". Ясно, что он имел в виду перспективу присоединения балканских районов Турции к Болгарии. "Турции, – подчеркнул Сталин, – нет места на Балканах"¹²³. Эта идея о "сбрасывании Турции с Балканского полуострова" высказывалась немного позже, в начале августа 1945 г., и руководителями советской дипломатии югославскому послу в Москве¹²⁴.

Что касалось планов югославо-болгарского объединения под советским патронатом, то после "вето" западных союзников не только на создание федерации южных славян, но и на заключение союзного договора между Югославией и Болгарией Сталин по-прежнему высказывался за постепенную реализацию мер, призванных в конечном счете привести к образованию федерации. Этот вопрос обсуждался, в частности, на состоявшейся 12 апреля 1945 г. по инициативе Димитрова встрече последнего и приехавшего в Москву Тито со Сталиным в присутствии Молотова и ряда других руководящих советских деятелей. В результате обсуждения было решено в качестве первого этапа восстановить в ближайшее время официальные дипломатические отношения между Югославией и Болгарией, затем несколько позже, когда позволят условия – в качестве второго этапа – заключить югославо-болгарский

договор о сотрудничестве и взаимной помощи, после чего приступить к третьему этапу – подготовке создания федерации¹²⁵. Однако если первый из этих шагов был осуществлен уже пару недель спустя¹²⁶, еще до окончательной победы над нацистской Германией, то проблемы договора и федерации встали как практические задачи уже после окончания второй мировой войны, в резко менявшейся ситуации первых послевоенных лет.

Намерение создать южнославянскую федерацию, которое не удалось реализовать в период завершения второй мировой войны, не было в итоге осуществлено и после ее окончания. Тем самым осталась не претворенной в жизнь идея образования объединенной Македонии со статусом особой государственности в рамках такой федерации (а тем более федерации, включающей и другие балканские народы). Подобный статус получила лишь Вардарская Македония, ставшая республикой в рамках федеративной Югославии. А в результате происшедшего четыре с половиной десятилетия спустя распада югославского федеративного государства, которое выросло в ходе второй мировой войны, эта республика приобрела государственную самостоятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Roucek J. Balkan Politics: International Relations in No Man's Land. Stanford (Cal.), 1948. P.119, 162–165, 283–284; Barker E. Macedonia: Its Place in Balkan Power Politics. London; New York, 1950. P.83–101; Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953. P.633–634, 643–644.

² Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1950. P.354–356; Fejtö F. Histoire des démocraties populaires. Paris, 1952. P.86–87, 197–198.

³ Например, Brzezinski Z. The Soviet Bloc: Unity and Conflict. Cambridge (Mass.), 1960. P.55–56; Kolko G. The Politics of War: Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943–1945. London, 1969. P.136, 433–434; Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London; Basingstoke, 1976. P.188–191, 195–203.

⁴ Из многих западных публикаций о конфликте одной из первых, где уделялось внимание македонскому вопросу и связанным с ним планам федерации на Балканах в интересующий нас период, была книга: Ulam A. Titoism and the Cominform. Cambridge (Mass.), 1952 (P.86–93), а одной из наиболее значительных работ последнего десятилетия – Banac I. With Stalin Against Tito: Cominformist Split in Yugoslav Communism. Ithaca; London, 1988 (P.29–33).

⁵ Из наиболее крупных см., например, Palmer S., King R. Yugoslav Communism and the Macedonian Question. Hamden (Conn.), 1971. P.65–68, 97–123.

⁶ Из работ греческих историков, обратившихся к данной теме, нужно отметить прежде всего статью Э. Кофоса о создании Македонской республики в Югославии (*Kofos E. The Making of Yugoslavia's People's Republic of Macedonia // Balkan Studies. Vol.3. Thessaloniki, 1962*), которая получила развитие в его книге – см.: *Kofos E. Nationalism and Communism in Macedonia. Thessaloniki, 1964*, а затем была переопубликована в сб. *Macedonia: Past and Present. Thessaloniki, 1992*.

⁷ Как с югославской, так и с болгарской стороны официальные версии, определявшие интерпретацию в историографии, нередко излагались в различного рода выступлениях и публикациях руководящих деятелей или видных функционеров режима: *Mojsov L.* Бугарска радничка партија (коммуниста) и македонско национално питање. Београд, 1948. С.155–221, 248–252; *Пијаде М.* О питању Балканске федерације // Борба. 1949. 6 март; [Он же]. Говор друга Моше Пијаде о балканској федерацији // Борба. 1949. 29 децембар; *Вукмановић-Темпо С.* Борба за Балканот. Скопје, 1982. С.113–452; *Драгойчева Ц.* Повеља на дълга (Спомени и размисли). Кн.3: Победата. София, 1979. С.309–326, 339–369. Из югославских исторических работ см., например: *Чинго Н.* Политиката на БРП (к) спрема македонското прашање во периодот 1944–1948. Скопје, 1976. С.33–122; *Nešovic S.* Jugoslavija – Bugarska: Ratno vreme, 1941–1945. Beograd; Sarajevo, 1978; *Skakun M.* Jugoslovensko-bugarski odnosi. Beograd, 1980. С.86–93. Из работ болгарских историков укажем на книги: *Палешутски К.* Югославската комунистическа партия и македонският въпрос, 1919–1945. София, 1985. С.284–328 (в первом варианте напечатана Институтом истории БКП при ЦК БКП как закрытое издание для служебного пользования: София, 1980); *Григорова Ж.* Балканската политика на социалистическа България, 1944–1970. София, 1985. С.198–209; *Даскалов Г.* Българо-югославски политически отношения, 1944–1945. София, 1989. С.37–51, 69–80, 84–91, 103–130, 142–151, 176, 178–184, 226–315. В этом же ряду стоит работа: *Панайотов Л., Палешутски К., Мичев Д.* Македонският въпрос и българо-югославските отношения. София, 1987, 1991 (первый раз выпущена Институтом истории БКП при ЦК БКП в качестве закрытого издания для служебного пользования и лишь после падения коммунистического режима переиздана в открытой печати).

⁸ Пожалуй, единственный раз в советской историографии краткая констатация самого факта проектов федерации, обсуждавшихся между коммунистическими режимами Югославии и Болгарии, содержалась – но без упоминания о проблеме Македонии – в статье: *Гибианский Л.Я.* Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С.15–16.

⁹ В отличие от болгарской историографии, где тщательно дозированный фактический материал, касавшийся македонского вопроса и проектов федерации в интересующий нас период, фигурировал лишь в исследовательских работах, югославская историческая наука приступила со временем, главным образом в 1970-е, а особенно в 1980-е годы, и к выборочной публикации отдельных документов по этой теме, включая их, как правило, в документальные сборники по более общим проблемам, издававшиеся, например, в сериях "Извори за ослободителната војна и револуција во Македонија 1941–1945" (Скопје), "Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945)" (Beograd) и др. Пожалуй, единственной публикацией документов, специально посвященной указанной теме, была публикация Ж. Аврамов-

ского: *Avramovski Ž.* Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federaciji (1944–1947) // *Istoriya 20 veka* (Beograd). 1983. Br.2.

¹⁰ Например, *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S.56–76, 111–115, 118–134; *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С.52–66; *Лалков М.* От надежда към разочарование: идеята за федерацията в балканския югоизток (1944–1948 г.). София, 1994. С.80–220; *Мичев Д.* Македонският въпрос и българо-югославските отношения. 9 септември 1944–1949. София, 1994. С.50–221; *Гибианский Л.Я.* Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С.88–101; *Idem.* Tito and Regional Balkan Arrangement (Attempts at Integration of the Balkans) // From Wilson to Bosnia. Democracy and European Dictatorships on Self-Determination: the Historical Legacy of the 20th Century for the Future Political Morality / Ed. by H.Huttenbach, F. Privitera. Ravenna, 1999; *Volkov V.* The Soviet Leadership and Southeastern Europe // The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. by N. Naimark, L. Gibianskii. Boulder (Col.), 1997. P.55–56, 59–60, 65–69. В отдельных западных работах последних лет, в которых затрагивалась эта тема, стали использоваться результаты новых архивных исследований российских, болгарских и югославских историков – см., например: *Craig Nation R.* A Balkan Union? Southeastern Europe in Soviet Security Policy, 1944–48 // The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53 / Ed. by F. Gori, S. Pons. London; New York, 1996. P.125–132.

¹¹ Это особенно выражено, в частности, в указанной выше книге Д. Мичева, а в еще большей степени – в работах его болгарского коллеги В. Ангелова, упрекающего даже Мичева в недостаточно радикальной критике позиции, которую занимало по македонскому вопросу в 1940-е годы тогдашнее руководство компартии Болгарии и лично ее лидер Г. Димитров. Полемику по этому поводу между Ангеловым и Мичевым см., например, в сборнике: България в сферата на съветските интереси / Ред. кол. В. Тошкова и др. София, 1998. С.150–151, 241, 375–377, 378–380.

¹² Одним из примеров такой полемики являются статьи: *Мичев Д.* Антифашистката борба във Вардарска Македония (1941–1944 г.) // Македонски преглед (София). 1995. Кн. 2; *Ивановски В.* Бројни фактографски грешки // Нова Македонија (Скопје). 1995. 20 октомври.

¹³ См., например: Историјата на македонскиот народ. Кн. 3: Периодот меѓу двете светски војни и народната револуција (1918–1945). Скопје, 1969. С.307–308, 310–311; *Morača P.* Jugoslavija 1941. Beograd, 1971. S.139–140, 396–414; *Povijest Saveza komunista Jugoslavije.* Beograd, 1985. S.178, 183, 189; *Палешутски К.* Указ. соч. С.284–295; *Панайотов Л., Палешутски К., Мичев Д.* Указ. соч. (1991). С.91.

¹⁴ Dokumenti centralnih organa... Knj. 1 (6 april – 15 septembar 1941). Beograd, 1985. S.300–303; Knj. 2 (16 septembar – 31 decembar 1941). Beograd, 1985. S.92–98.

¹⁵ См. публикации архивных документов: Коминтерн и вторая мировая война / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. Ч.II: После 22 июня 1941 г. М., 1998. С.150; Dokumenti centralnih organa... Knj. 1. S.289–290; *Vujošević U.* Prepiska (radiogrami) CK KPJ –IK’KI (Jun 1940 – decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik (Beograd). 1992. Br. 1–3. S.314.

- ¹⁶ Подготовка митинга отмечена в дневнике Димитрова за 2, 6, 9 августа 1941 г. – см.: *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С.243, 244.
- ¹⁷ *Vlahović V.* Teze o makedonskom nacionalnom pitanju // *Socijalizam*. 1975. Бр. 3. С. 266.
- ¹⁸ *Димитров Г.* Дневник. С.244.
- ¹⁹ Текст речи см.: Правда. 1941. 11 авг.
- ²⁰ *Vlahović V.* Op. cit. S.257–258. Влахович писал, что в рассмотрении участвовал ряд работавших в ИККИ функционеров из КПЮ, БКП, а также компартий Турции и Румынии. Он называл это заседанием Балканского секретариата ИККИ. Он называл это заседанием Балканского секретариата ИККИ. Речь, очевидно, шла о совещании в секретариате Пика, который ведал, в числе прочего, и балканскими компартиями.
- ²¹ Коминтерн и вторая мировая война. Ч.П. С.149.
- ²² Там же. С.149–150. Это публикация оригинального русского текста шифровки. Несколько раньше оригинал шифровки уже публиковался, но в переводе на болгарский язык – см.: България – своеенравният съюзник на Третия райх / Съст. В. Тошкова, Н. Котев, Н. Стоименов, Р. Николов, С. Нойков. София, 1992. С.49.
- ²³ Dokumenti centralnih organa... Knj. 2. S.36, 38. Имевшаяся в югославском архиве переписанная копия этой директивы, сделанная на русском языке, была опубликована на сербско-хорватском языке (*Ibid.* S.37), но отдельные формулировки перевода и, судя по всему, самой архивной копии несколько отличаются от оригинала директивы.
- ²⁴ *Vujošević U.* Op. cit. S.314.
- ²⁵ Dokumenti centralnih organa... Knj. 2. S.36, 38.
- ²⁶ *Vujošević U.* Op. cit. S.330.
- ²⁷ *Vlahović V.* Op. cit. S.265–267.
- ²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.0512. Оп.4. П.12. Д.14. Л.33.
- ²⁹ Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С.103.
- ³⁰ См.: Зборник на документи од Антифашистичкото собрание на народното ослободување на Македонија (ACHOM). Скопје, 1964. С.68–74.
- ³¹ Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (далее – DSP SFRJ). 1941–1945. Beograd, 1988. Т.1. S.347–349, 353–355, 361–363.
- ³² Вукмановиќ-Темпо С. Указ.соч. С.113–210.
- ³³ Krivokapić B. Tempo: Ja i Tito. Beograd, 1990. S.20–24.
- ³⁴ Dokumenti centralnih organa... Knj.13 (septembar–oktobar 1943). Beograd, 1990. S.454.
- ³⁵ Лидеры КП Греции, выступавшей перед греческим народом в качестве поборника восстановления не только независимости, но и территориальной целостности своей страны, негативно реагировали на развивавшееся под руководством КПЮ стремление к созданию объединенной Македонии, которое бы означало отпадение Эгейской Македонии от Греции (см., например: Улунян Ар. Коммунистическая партия Греции: Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в национальном Сопротивлении, Гражданской и "холодной" войнах. 1941–1956 гг. М., 1994. С.78, 81). Что касалось Косова, являвшегося частью Югославии, но после захвата

последней в 1941 г. присоединенного к квислинговскому режиму оккупированной Албании, то уже с лета 1943 г. руководство КП Албании (а также обкомом КПЮ в Косове) стало ставить перед лидерами КПЮ вопрос о перспективе объединения этой области, большинство населения которой составляли албанцы, с будущим коммунистическим режимом Албании, что вызывало серьезную обеспокоенность Тито (см., например: *Гибчанский Л.Я. Балканский узел. С.103–105*).

³⁶ Dokumenti centralnih organa... Knj. 13. S.366–367; Knj. 14 (novembar – decembar 1943). Beograd, 1990. S.408.

³⁷ Ibid. Knj. 13. S.367.

³⁸ Ibid. S.133, 136; DSP SFRJ. 1941–1945. T.I. S.347, 349, 353–354, 361, 369.

³⁹ DSP SFRJ. 1941–1945. T.I. S.372, 373; *Вукмановић-Темпо С.* Указ.соч. С.178–179, 199; *Драгайчева Ц.* Указ.соч. С.358–359.

⁴⁰ Dokumenti centralnih organa... Knj. 13. S.366–367; Knj. 14. S.407–408.

⁴¹ Ibid. Knj. 14. S.104, 408, 409.

⁴² Ibid. S.104, 631.

⁴³ Как примеч. 41 и 42.

⁴⁴ Цит. по: *Петрановић Б.* Косово у југословенско-албанским односима и проект балканске федерације // Срби и Албаници у XX веку. Београд, 1991. С.316.

⁴⁵ Dokumenti centralnih organa... Knj. 14. S.408.

⁴⁶ Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. Скопје, 1981. Т.2. С.418–422, 439–440.

⁴⁷ Там же. С.443–446.

⁴⁸ Нова Југославија. 1944. № 2. Март.

⁴⁹ См.: *Драгайчева Ц.* Указ.соч. С.309–317.

⁵⁰ Текст декларации: Там же. С.317–319.

⁵¹ Там же. С.319.

⁵² В первом случае говорилось об отправке болгарским правительством оккупационных войск "не только в Македонию, но и в другие части Югославии и Греции", во втором случае – о том, что в 1941 г. это правительство посчитало, "что настал благоприятный момент, чтобы включить Македонию в границы болгарского государства" (*Драгайчева Ц.* Указ. соч. С.318).

⁵³ Извори за ослободителната војна и револуција во Македонија 1941–1945. Т.І. Кн.3. Документи на Централниот комитет на Комунистичката партија на Македонија. 1 ноември 1943 – 24 ноември 1944. Скопје, 1970. С.114–116, 128, 140.

⁵⁴ Dokumenti centralnih organa... Knj. 15. 1 januar – 9 februar 1944. Beograd, 1986. S.149.

⁵⁵ Нова Југославија. 1944. № 2. Март.

⁵⁶ Извори за ослободителната војна... Т.І. Кн.3. С.150; Dokumenti centralnih organa... Knj. 15. S.378.

⁵⁷ См., например: *Вукмановић-Темпо С.* Указ.соч. С.397–415; *Мојсов Л.* Указ.соч. С.181–197; *Драгайчева Ц.* Указ.соч. С.319–326, 362–363; *Палешутски К.* Указ.соч. С.312–313.

⁵⁸ Об этих трех комиссиях см. подробнее: *Филитов А.М.* В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война...; *Idem.* Problems of Post-War Construction in Soviet Foreign Policy Conceptions during World War II // The Soviet Union and Europe...; *Pechatnov V.O.* The Big Three After World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and

Great Britain // Cold War International History Project: Working Papers. No 13. Washington, July 1995. О работе прежней комиссии, созданной в январе 1942 г., см.: СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. Т. I. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П. Кынин, И. Лауфер. М., 1996. С.188–193.

⁵⁹ "Заняться Подготовкой Будущего Мира" // Источник. 1995. № 4(17). С.122–123, 131.

⁶⁰ Там же. С.122–123.

⁶¹ См.: Там же. С.119–120; СССР и германский вопрос... Т. I. С.236–240.

⁶² АВП РФ. Ф.0512. Оп.4. П.12. Д.15. Справка на 14 машинописных страницах не датирована (указана лишь дата поступления в секретариат Литвинова). Не совсем ясно, кто является ее автором: на ее обложке под названием справки указано в скобках "Лебедев", что могло бы относиться к В.З. Лебедеву, послу СССР при эмигрантских правительствах оккупированных европейских стран в Лондоне, до фашистской оккупации Югославии работавшему в советском полпредстве в Белграде, однако на 1-й странице текста есть вверху рукописная помета "Работа т. Сурица", то ли указывавшая на авторство, то ли обозначавшая, что документ относится к участку работы Я.З. Сурица, включенного в состав комиссии Литвинова, где на него вначале возложили, в частности, разработку проблем, связанных с вопросом о Балканской федерации (СССР и германский вопрос... Т. I. С.240), а прежде являвшегося членом упомянутой выше комиссии, созданной в январе 1942 г., где он ведал, в числе прочего, подготовкой материалов, относящихся к Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (о его функциях см.: "Заняться Подготовкой..." С.117, 118).

⁶³ АВП РФ. Ф.0512. Оп.4. П.12. Д.15. Л.11.

⁶⁴ Там же. П.13. Д.37. Л.7. Вместе с тем в другой справке о населении Болгарии, составленной референтом Ближневосточного отдела Б. Галкиным за несколько месяцев до справки Новикова, нет никаких упоминаний македонцев (Там же. Л.9–13).

⁶⁵ Там же. П.12. Д.15. Л.11, 13–14.

⁶⁶ "Заняться Подготовкой...". С.131, 138.

⁶⁷ Там же. С.129.

⁶⁸ Arhiv Josipa Broza Tita (Белград). F. Kabinet Maršala Jugoslavije (далее – AJBT–КМЈ). I-3-с/3. L.2.

⁶⁹ Это было намечено на первом же заседании комиссии (СССР и германский вопрос... Т. I. С.240). Характер данного Коларову задания написать записку по Болгарии виден, в частности, из структуры и содержания самой составленной им "Записки о Болгарии". Машинописный экземпляр записи на русском языке, датированный 1 октября 1943 г., с рукописной правкой и рукописными вставками, хранится в: Централен държавен архив–София (документы бывшего ЦПА при ЦК на БКП; далее ЦДА–ЦПА). Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.1–27. Имеются также машинописные экземпляры двух предварительных вариантов записи, датированных сентябрем 1943 г., и рукописный оригинал более раннего из них (ЦДА–ЦПА. Ф.147. Оп.2. А.е. 332. Л.1–177).

⁷⁰ AJBT–КМЈ, I-3-с/3. L.16–17, 41–42. Давая 23 декабря 1943 г. задание Влаховичу и Масларичу, Литвинов отвел им для подготовки записи срок в 15–20 дней (*Ibid.* L.3). Как видно из архивных материалов, записка, составленная на русском языке, позже дорабатывалась, к ней прилагались дополнитель-

ные материалы и эта работа продолжалась вплоть до лета 1944 г. (*Ibid.* L.4–43).

⁷¹ ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 599. Л.8–9.

⁷² Там же. Л.8. Об этом есть помета на документе. На другом проекте ничего не помечено.

⁷³ Возможно, их подготовка была связана с заседанием заграничного бюро БКП 24 декабря 1943 г., на котором, как зафиксировано в дневнике Димитрова, рассматривалась, наряду с другими, проблема взаимоотношений с КПЮ по македонскому вопросу (*Димитров Г. Дневник. С.398*).

⁷⁴ ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.17–19. В записке предусматривалось также, что в составе федерации южных славян Болгария должна получить от Греции Западную Фракию "с городами Деде-Агач (Александропули), Ксанти, Драма, Кавала и Серес", а от Сербии – небольшие пограничные районы Цариброда и Босилеграда, Сербия должна получить румынскую часть Баната, а Словения – приграничные территории Австрии и Италии, включая Триест. Италия должна была возвратить и Фиуме (Риеку) (Там же. Л.18).

⁷⁵ *Петранович Б. Указ.соч. С.314; Petranović B. Op. cit. S.72–73.*

⁷⁶ *Craig Nation R. Op. cit. P.139–140.*

⁷⁷ Несколько позже Димитров и прямо высказывал мнение, что пока еще несвоевременно публичное выдвижение лозунга федерации южных славян – см.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф.495. Оп.74. Д.599. Л.52.

⁷⁸ ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.21–22. В записке говорилось, что если федерация южных славян не будет создана и Болгария останется отдельным независимым государством, то и в этом случае она должна получить Западную Фракию и районы Цариброда и Босилеграда (Там же. Л.22).

⁷⁹ В первоначальном тексте записи Коларова говорилось именно о Советском Союзе как арбитре и лишь позже название "Советский Союз" было переправлено на "Россия" (ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.21–22; Ф.147. Оп.2. А.е. 332. Л.97).

⁸⁰ ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.22; Ф.147. Оп.2. А.е. 332. Л.97.

⁸¹ Там же. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.18, 19.

⁸² Там же. Л.5, 6, 8, 11, 12; Ф.147. Оп.2. А.е. 332. Л.81, 82, 84, 87, 88.

⁸³ Там же. Ф.214. Оп.1. А.е. 48. Л.1.

⁸⁴ Там же. Л.4, 6; См. также: Там же. Ф.146. Оп.5. А.е. 175. Л.4,6.

⁸⁵ *Димитров Г. Дневник. С.420.*

⁸⁶ ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 598. Л.17–18; Ф.147. Оп.2. А.е. 332. Л.93–94. Записка Коларова и другие документы болгарской коммунистической эмиграции в Москве не содержат никаких данных, которые бы хоть в какой-то мере подтверждали абсолютно голословные утверждения Б. Петрановича, будто уже в то время "Димитров, выражавший политику Сталина в Коминтерне, был заинтересован в том, чтобы путем федерации Болгарии с Югославией, в которой имелось сильное народно-освободительное движение и которая была одновременно союзнической страной, усилилась позиция еще рождавшегося болгарского Отечественного фронта, а Болгария, являвшаяся союзницей Германии, была реабилитирована" (*Петранович Б. Указ.соч. С.314; Petranović B. Op. cit. S.74*). Такие задачи встали в повестку дня в качестве практических значительно позже, о чем еще пойдет речь ниже.

⁸⁷ Указания Димитрова см.: ЦДА–ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 605. Л.3–4; раздел указаний, касавшийся Македонии – см.: Л.3. В книге Палешутского этот

документ ошибочно датирован 4 января 1944 г. (*Палеицутски К.* Указ. соч. С.313).

⁸⁸ В архиве имеются три идентичных либо с небольшой правкой экземпляра этой записи: ЦДА-ЦПА. Ф.3. Оп.4. А.е. 612. Л.1-11; Ф.146. Оп.5. А.е. 175. Л.1-11; Ф.214. Оп.1. А.е. 48. Л.1-11. Изложенный выше план решения македонского вопроса содержится во всех экземплярах на листах 7-10.

⁸⁹ Dokumenti centralnih organa... Knj. 15. S.444.

⁹⁰ Димитров Г. Дневник. С.399; ЦДА-ЦПА. Ф.146. Оп.6. А.е. 1649.

⁹¹ Оригинальный текст телеграммы Сталина и Молотова от 15 апреля, полученный Тито через Корнеева, без подписей и даты, см.: АВТ-КМЈ, I-3-б/574. Экземпляр телеграммы с подписями и датой имеется в материалах Молотова, переданных в РЦХИДНИ из Архива Президента Российской Федерации. В переводе на сербско-хорватский язык текст, имеющийся в югославском архиве, опубликован ошибочно как якобы послание Сталина, относящееся к началу сентября 1944 г., в сборнике: Односи Југославије и Русије (СССР) 1941-1945. Документи и материјали. Београд, 1996. С.489-490. С той же ошибкой он опубликован в российском издании этого сборника, причем там помещен не оригинальный русский текст телеграммы, а несколько отличающийся от него перевод на русский язык, сделанный с сербско-хорватского перевода, напечатанного в югославском издании: Отношения России (СССР) с Югославией 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. С.296-297. Предварительный проект ответа, написанный, похоже, почерком Д.З. Мануильского, заместителя заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), см.: РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.74. Д.599. Л.41. Об обращении Тито через Корнеева к советскому руководству см. также: Мичев Д. Македонският въпрос... С.52.

⁹² РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.74. Д.599. Л.41.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т.1. 1944-1948 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 1997. С.30.

⁹⁵ Справка Димитрова Молотову опубликована в сб.: Коминтерн и вторая мировая война. Ч.II. С.446-447; справка Сталину в переводе на болгарский язык: Димитров Г. Дневник. С.418-419 (ее оригинальный русский текст см.: ЦДА-ЦПА. Ф.146. Оп.2. А.е. 1765. Л.50-52). Единственным различием между справками было то, что в адресованной Молотову черногорцы не упоминались, но были вписаны в адресованную Сталину.

⁹⁶ DSP SFRJ. 1941-1945. Т.II. С.181-182; Димитров Г. Дневник. С.431-432.

⁹⁷ DSP SFRJ. 1941-1945. Т.II. С.162.

⁹⁸ Документи за борбата... Т.2. С.590-592.

⁹⁹ Пијаде М. О питању Балканске федерације.

¹⁰⁰ Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944-1957. Сећања. Ljubljana; Beograd, 1980. С.103-104.

¹⁰¹ Даскалов Г. Българо-югославски... С.16.

¹⁰² DSP SFRJ. 1941-1945. Т.II. С.311.

¹⁰³ Димитров Г. Дневник. С.440.

¹⁰⁴ См., например: ЦДА-ЦПА. Ф.146. Оп.4. А.е. 171. Л.7, 11-12.

¹⁰⁵ См., например: Avramovski Ž. Op. cit.; Petranović B. Op. cit. С.121-132; Даскалов Г. Проблемът за федерацията в българо-югославските отношения (ноември 1944 – април 1945) // Известия на Института по история на БКП.

- Т.62. София, 1988; *Он же*. Българо-югославски... С.275–295, 301–306; *Ми-
чев Д.* Македонският въпрос... С.192–212.
- ¹⁰⁶ ЦДА–ЦПА. Ф.146. Оп.2. А.е. 1765. Л.106; AJBT–КМЈ. I-3-b/107. Л.17, 19–
21.
- ¹⁰⁷ Восточная Европа... Т.І. С.128–129; Отношения России (СССР)... С.398,
405–406; *Димитров Г.* Дневник. С.463.
- ¹⁰⁸ Восточная Европа... Т.І. С.126–130.
- ¹⁰⁹ *Димитров Г.* Дневник. С.460.
- ¹¹⁰ *Avramovski Ž.* Op. cit. S.121.
- ¹¹¹ АВП РФ. Ф.0144. Оп.30. П.118. Д.10. Л.13–14.
- ¹¹² См.: *Barker E.* British Policy in South-East Europe... Р.199–202.
- ¹¹³ *Avramovski Ž.* Op. cit. S.95–96, 113–121; *Димитров Г.* Дневник. С.463;
ЦДА–ЦПА. Ф.147. Оп.2. А.е. 1025. Л.2.
- ¹¹⁴ АВП РФ. Ф.0144. Оп.30. П.118. Д.10. Л.14.
- ¹¹⁵ Подробнее см.: *Гибисанский Л.Я.* Вопрос...
- ¹¹⁶ АВП РФ. Ф.0144. Оп.30. П.118. Д.10. Л.14–15.
- ¹¹⁷ Явно имея в виду югославскую позицию, советский лидер, согласно сохра-
нившейся записи Коларова, заявил, что "не следует хитрить" в отношении
Болгарии и "использовать тяжелое положение", в которое она попала как
бывший союзник Германии, для ее поглощения (ЦДА–ЦПА. Ф.147. Оп.2.
А.е. 1025. Л.2). Это было повторением сказанного 9 января на встрече с
Хебрангом.
- ¹¹⁸ Восточная Европа... Т.І. С.129–130.
- ¹¹⁹ *Димитров Г.* Дневник. С.460.
- ¹²⁰ ЦДА–ЦПА. Ф.147. Оп.2. А.е. 1025. Л.3.
- ¹²¹ О нежелательности осложнений с Англией в данный момент и необходи-
мости проводить пока поэтому более сдержанную, осторожную политику в
зоне особой британской заинтересованности на Балканах Сталин говорил
Хебрангу в той же беседе 9 января 1945 г. То же самое говорил Хебрангу и
Молотов во время встречи с ним днем раньше. См.: АВП РФ. Ф.06. Оп.7.
П.53. Д.872. Л.6; Восточная Европа... Т.І. С.132.
- ¹²² *Димитров Г.* Дневник. С.463.
- ¹²³ ЦДА–ЦПА. Ф.147. Оп.2. А.е. 1025. Л.1.
- ¹²⁴ AJBT–КМЈ. I-3-b/602, 1. 3–4.
- ¹²⁵ *Димитров Г.* Дневник. С.474 См. также: Коминтерн и вторая мировая
война. Ч.II. С.488.
- ¹²⁶ *Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ 1943–1945 / Priredili B. Petranović,
Lj. Marković.* Beograd, 1991. S.94; *Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke
Federativne Republike Jugoslavije.* 1945. Beograd, 1984. S. 34; Външна поли-
тика на Народна република България: Сборник от документи и материали в
два тома. Т.І. 1944–1962. София, 1970. С.32.

A.C. Аникеев
(Институт славяноведения РАН)

МАКЕДОНСКАЯ ПРОБЛЕМА
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА БАЛКАНАХ
(1943–1949 гг.)

Македонская проблема актуализируется в годы второй мировой войны в связи с разработкой проектов создания независимой Македонии в составе южнославянской федерации (Югославии, Болгарии и, возможно, Греции) или послевоенной федеративной Югославии. Перспектива возможных территориальных переделов на полуострове после победы над Германией и ее сателлитами придавала проблеме и широкий международный аспект, так как соперничество СССР и Англии в регионе имело давние корни. Специфика ситуации заключалась в том, что союзники по антигитлеровской коалиции находились на разных политico-идеологических полюсах, имели различные планы послевоенного устройства и способы их реализации. Эти моменты обусловили достаточно жесткий, конфронтационный характер их отношений на завершающем этапе войны и в послевоенные годы, оказавший влияние и на подходы к решению македонской проблемы.

Македонский вопрос затрагивался советскими, британскими и югославскими дипломатами (представлявшими королевское эмигрантское правительство в Лондоне) в 1941–1942 гг. в контексте планов балканской федерации. Англичане были за объединение всех балканских народов, но ядром такого будущего союза они видели федерацию между Югославией и Грецией, с чем были согласны руководители югославского и греческого правительства в эмиграции¹. Свои программы были у македонского национального движения – Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), а также у коммунистических партий заинтересованных стран, для которых основополагающими являлись установки Коминтерна и Бал-

канской коммунистической федерации (БКФ), образованной в 1920 г. Если позиция болгарской компартии основывалась на попытке синтеза историко-этнической традиции и коминтерновских установок, то Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) заявляла о праве македонского народа на самостоятельное развитие (но в составе будущей федеративной Югославии), которое должно быть завоевано его самоотверженной борьбой с фашистскими оккупантами и коллаборационистами, в том числе болгарскими. В то же время на декларируемый руководством этих компартий интернационализм в подходе к проблеме неизбежно влияла македонская национальная идея (минималистская предусматривала защиту македонского национального меньшинства в Болгарии и Греции, а максималистская – создание македонского государства, объединяющего македонскую нацию). Определенное воздействие оказывали и национально-государственные интересы стран, политику которых они пытались формулировать с левых позиций.

Вопрос о будущем статусе Македонии обсуждался балканскими компартиями в течение всего межвоенного периода, передко полемика велась между сторонниками "минимальной" и "максимальной" национальных программ. Эти споры оказали влияние на отношения между югославской и болгарской, а затем и греческой компартиями в начальный период второй мировой войны, когда встал вопрос о руководстве борьбой против оккупантов на территории всей Македонии. КПЮ, призвавшая по приказу Коминтерна 22 июня 1941 г. югославский народ к вооруженному восстанию против фашистских оккупантов и ставшая претендовать на лидирующую роль среди балканских компартий, к этому времени уже выработала программу будущего федеративного устройства Югославии – Македония должна была занять свое место в новой федерации наряду с другими республиками. Руководство югославской компартии еще в мае 1941 г., обсуждая на совещании ЦК КПЮ вопрос о ситуации в Македонии, оккупированной болгарскими и частично итальянскими войсками, призывало македонских коммунистов "возглавить массы в борьбе против насилиственного присоединения и расчленения Македонии и за право македонского народа свободно высказываться о своей национальной принадлежности, борясь за национальную независимость и свободу". Как отмечалось в

материалах этого совещания, болгарские захватчики преследовали македонский народ, повсеместно вводили в Македонии болгарский язык, всеми силами добиваясь денационализации македонского народа².

Политика официальных кругов Болгарии в отношении Македонии, определяемая в коминтерновской и балканской коммунистической партийной литературе как великоболгарская, формировалась на протяжении достаточно длительного периода и опиралась на историко-географическую и этническую аргументацию, согласно которой Македония в принятых границах должна была находиться в составе болгарского государства. Эту точку зрения разделяла и часть руководства болгарской компартии.

Правящие круги королевской Югославии считали население, проживавшее на юге Сербии в межвоенный период, славянским, но не македонским и называли жителей этой области южными сербами. Вардарская Македония именовалась Южной Сербией, а после 1929 г. Вардарской бановиной. Там проводилась активная политика сербизации местного, этнически неоднородного населения, в документах болгарской и югославской компартий называемая великосербской. Руководство КПЮ осуждало политику королевского правительства в этом вопросе, но выступая за национальную независимость македонского народа (КПЮ, как отмечается в югославской литературе, признала существование македонской нации только в 1939–1940 гг.)³, вынуждено было в период организации антифашистского движения в Македонии прибегать к авторитарным методам, которые македонской партийной элитой воспринимались как продолжение старой великосербской практики. К тому же некоторые македонские коммунисты в вопросе о будущем Македонии разделяли позицию болгарской компартии. Одним из них был секретарь Краевого комитета КПЮ по Македонии М.Шаторов-Шарло, который на этот пост весной 1940 г. был выдвинут по рекомендации Г.Димитрова. В мае 1941 г. Шаторов (партийный псевдоним "Старый") не присутствовал на совещании КПЮ и впоследствии объявил о присоединении Краевой македонской партийной организации к болгарской компартии, отвергнув резолюцию совещания, призывающую к развертыванию в Македонии вооруженного сопротивления под руководством КПЮ⁴. В

литературе отмечается факт, что болгарская оккупация Вардарской Македонии была одобрительно встречена местным населением, а македонская парторганизация, провозгласив лозунг "Долой правительство Филова", не призывала к изгнанию оккупантов, что критиковалось центральными органами КПЮ. Население оккупированной Македонии не требовало национального освобождения и прав, а выдвигало, главным образом, социальные требования⁵. М. Шаторов был сторонником македонской национальной идеи, выступал за объединение всех македонцев и представителей других проживавших в Македонии народностей "ради их общего права на свободу и равноправие, но без расчленения македонской земли и македонского народа"⁶.

Тито в письме от 6 сентября 1941 г., направленном македонским коммунистам, критиковал "старого Шарло" за саботаж директив ЦК КПЮ, уничтожение воззвания КПЮ от 22 июня 1941 г. с призывом к вооруженному восстанию против оккупантов, а также ряд других "грубых политических ошибок", среди которых – поддержка курса на создание советской Македонии вместо организации тотального сопротивления фашистским захватчикам, издание директивы о сдаче оружия врагам и т. д. Тито обвинял его также в том, что тот отказался прибыть в Белград, без ведома ЦК выезжал в Софию и там добился "мнимого присоединения к болгарской партии". В письме отмечалось, что Шаторов подстрекает коммунистов против руководства КПЮ и распространяет о нем "самую подлую клевету". Эти и другие ошибки Шаторова стали причиной его исключения из партии и смены всего руководства македонского Краевого комитета КПЮ. Тито призывал македонских товарищей оказать поддержку новому уполномоченному ЦК КПЮ по Македонии Д. Павловичу в его действиях по организации партизанских отрядов в крае и проведению в жизнь директив ЦК⁷.

В письме Исполкома Коминтерна, отправленном руководству Болгарской коммунистической партии (БКП) и КПЮ в конце августа 1941 г., говорилось о том, что Македония должна остаться в составе Югославии по "практическим и целесообразным соображениям" и стать базой партизанского движения, которое будет вносить дезорганизацию в "тылах Германии и Италии на Балканах". В нем также подчеркивалось, что

с учетом военной обстановки в Македонии необходимо устанавливать самое тесное сотрудничество между КПЮ и БКП, особенно на местах. Болгарской компартии рекомендовалось оказывать югославским коммунистам в Македонии всемерную помощь, "обещая партии, что (она) займет позицию за самоопределение македонского народа"⁸. Возможно, на принятие Коминтерном такого решения повлияло то, что руководство КПЮ сразу после 22 июня 1941 г. на деле приступило к организации в Югославии антифашистского сопротивления.

ЦК БКП направил тогда же письмо в ЦК КПЮ, в котором выражал безоговорочное согласие с решением Коминтерна и сообщал югославам о назначении своего представителя в Краевой комитет КПЮ по Македонии, а также посылке своего "товарища" Бояна Былгаранова для "успешной ликвидации ненормальной обстановки" в Краевом комитете, возникшей в связи с действиями М.Шаторова⁹.

Тито в ответном письме в ЦК БКП пытался подробно рассказать о "преступлениях" Шарло, с позицией которого солидаризировалось большинство членов нового Краевого комитета. Он писал о дискриминации коммунистов-сербов в Македонии, о попытках "уравнять их с великосербскими реакционерами". "Разве это пролетарский интернационализм?" – задавал вопрос югославский партийный лидер. Позицию членов бывшего комитета он назвал причиной, по которой ЦК КПЮ сменил все руководство Краевого комитета. Он осуждал БКП за то, что она не связалась с КПЮ, решала вопрос о македонской организации без нее и по сей день оказывает поддержку Шарло¹⁰.

Обострение ситуации в македонской парторганизации, инициированное югославским партийным руководством, и поддержка Коминтерном действий ЦК КПЮ стали отправной точкой в консолидации ориентированных на Югославию и ее компартию политических сил в Вардарской Македонии. Руководство КПЮ ставило перед македонскими товарищами новые задачи, направленные на повсеместное создание народно-освободительных комитетов, которые должны были стать органами македонского народно-освободительного фронта. В директивном письме оргсекретариата ЦК КПЮ Краевому комитету КПЮ по Македонии 15 марта 1942 г. наряду с постановкой этих задач содержались и указания решительно

действовать против великоболгарской гегемонии и политики денационализации. Рекомендовалось также критиковать югославское правительство в Лондоне и проводимую им великоболгарскую политику и популяризировать СССР, Красную Армию и юнославянских партизан¹¹. Тем самым руководство КПЮ еще раз сообщало болгарской компартии о своих установках относительно Македонии, а Коминтерну – о готовности следовать его стратегической линии. Такая политика в случае ее последовательного проведения должна была обеспечить планам КПЮ на Балканах поддержку со стороны Москвы. Основным условием выполнения этих целей должно было стать укрепление политической власти КПЮ в Югославии и успехи в борьбе с фашистскими оккупантами.

Советское руководство рассматривало проекты югославских коммунистов в тот период, вероятно, в самом общем плане, рассчитывая, что их уточнение будет происходить по мере приближения советской армии к Балканам, определения линии отношений с западными союзниками и позиций югославского коммунистического Сопротивления. Вместе с тем в Москве уже знали о некоторых планах балканской федерации, которые разрабатывались югославским правительством, а также об обсуждении в Лондоне вопроса о югославо-греческой унион летом–осенью того же года между югославами, греками и англичанами. Еще в апреле 1941 г. посланник Югославии в Москве М.Гаврилович, беседуя со Сталиным, подчеркивал, что будущее региона – это союз всех славянских народов, к которому возможно прийти через преодоление старых польско-русских и сербско-болгарских противоречий. Он выступал с идеей двух славянских блоков: чешско-польского и югославо-болгарского, которые были бы связаны железной дорогой Варшава–Триест (через Словению). Гаврилович считал, что югославо-болгарская федерация создала бы солидную базу для практического решения вопроса о вхождении Болгарии в Югославию, что придало бы ей жизнеспособность и возможность противостоять любой агрессии соседних держав.

Югославское лондонское правительство резко отрицательно отнеслось к лозунгу югославских коммунистических эмигрантов о будущей самостоятельной судьбе Черногории и Македонии на Балканах, прозвучавшем на Всеславянском митинге в Москве 10 августа, расценив его выдвижение как

вредную попытку обособления этих народов от "сербства", что по сути являлось, как отмечал министр эмигрантского правительства М.Нинич, тезисом итальянской и немецкой пропаганды. М.Гавриловичу было поручено заявить официальный протест. Принявший его Вышинский, по словам югославского дипломата, не понимал существа проблемы, но обещал, что она будет детально изучена¹².

Во время встречи Сталина и Молотова с Иденом 16 декабря 1941 г. в Москве советский лидер предложил англичанам проект договора, в секретном приложении к которому была намечена "общая схема реорганизации европейских границ после войны". Югославия, согласно этому документу, должна была быть восстановлена в своих старых границах и несколько расширена за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море). Греция также могла рассчитывать на свои довоенные границы, а от Болгарии предлагалось отрезать в пользу Турции, в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета, территории к югу от Бургаса, населенные турками¹³. Македония не упоминалась в советском проекте, вероятно, из-за того, что проблема еще не была "достаточно изучена", но информация о возможном предъявлении территориальных требований к Италии и Болгарии могла позже дойти по коминтерновским каналам до руководства югославской компартии иказать влияние на формирование его внешнеполитических планов, в частности, получившего позднее реальные очертания проекта воссоединения всех частей Македонии под югославским суверенитетом. Также не исключено, что югославским коммунистам стали известны и планы создания федерации, обсуждавшиеся королевским правительством и англичанами в Лондоне.

В конце февраля 1943 г. в Македонию прибыл член ЦК КПЮ С.Вукманович-Темпо с целью создания самостоятельной, но организационно подчиненной КПЮ компартии, которая стала бы составной частью политической структуры нового македонского государства в составе федеративной Югославии. Второй, не менее важной задачей было активизировать партизанское движение в этом районе, наладить связь с коммунистическим сопротивлением в остальной Югославии, что позволило бы приступить к оформлению военно-политических органов национально-освободительного движения,

подчиненных единому центру. Помимо этих планов, Темпо попытался интегрировать в югославское сопротивление греческие и албанские партизанские отряды, действующие в районе Эгейской Македонии. В июне 1943 г. на встрече с офицерами Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС) он предложил создать Балканский партизанский штаб, за что позже подвергся критике со стороны Тито, который, узнав о негативной реакции Кремля, назвал эту идею ошибочной. В то же время Тито утверждал, что Югославия во всех отношениях играет лидирующую роль на Балканах и, по мнению Коминтерна, должна быть военным и политическим центром балканских стран¹⁴.

В октябре 1943 г. Главный штаб народно-освободительной армии и партизанских отрядов Македонии обратился к македонскому народу с манифестом, в котором были сформулированы цели и задачи освободительной борьбы в Македонии. В документе перечислялись силы, по мнению коммунистов, стоявшие на пути претворения в жизнь подлинных идеалов македонского народа, с которыми следовало бороться. Среди них были: великоболгарские фашисты, великосербские гегемонисты, великоалбанские фашисты и гегемонисты, "провокационно" ставившие вопрос о границах, а также македонские фашисты во главе с Ванчо Михайловым, с одной стороны, и Китинчевым, Джугеловым, Чкатровым, Ципушевым – с другой. В манифесте, возможно впервые, было открыто сказано о планах создания после войны "братского союза южнославянских народов", в который будет принят и "братский болгарский народ". Авторы документа заявляли, что они добьются установления полного единства македонского народа, начиная от коммунистов и кончая старыми борцами Илиндена. Тем самым, отвергая иные решения национальной проблемы, кроме предлагаемых коммунистами, в тактических целях авторы манифеста попытались сохранить некоторую перспективу политического плюрализма в формируемой новой Македонии. На исходе 1943 г. все более актуальным становилось влияние на македонскую проблему великих держав, и, вероятно, этим было вызвано обращение к македонцам бороться против любых империалистических "гегемонистов" на Балканах, против любого чужеземного империализма, "который бы попытался вмешиваться во внутренние дела балканских народов", что,

как подчеркивалось в документе, было "нам гарантировано и договором, заключенным 26 мая 1942 г. между СССР и Великобританией"¹⁵. В манифесте говорилось (без ссылки на коминтерновские корни этой идеи) о том, что будто бы все балканские народы едины в борьбе за создание братского, федеративного союза балканских народов на основах полного национального равноправия и признания за народами права на самоопределение. Призыв сплотиться вокруг национально-освободительного движения сопровождался утверждением, что никогда еще македонский народ не находился в столь выгодном положении и у него не было так много союзников в деле осуществления многовекового идеала – объединения Македонии¹⁶.

Манифест был критически воспринят некоторыми членами народно-освободительного комитета Македонии, которые считали, что провозглашенные в нем принципы означают свободу и равноправие только для одной трети Македонии, которая до 1941 г. входила в пределы бывшей Югославии. С точки зрения этой группы (которую можно отнести к так называемым максималистам), следовало ставить вопрос еще шире, призывая, как это "ясно и недвусмысленно" делала ВМРО (объединенная) в болгарской части Македонии еще до 1941 г., к борьбе за прогрессивную и объединенную Македонию. Идейная связь этой группы с болгарским крылом македонского национального движения проявлялась в попытках подкрепить свою аргументацию ссылками на теоретические разработки ВМРО, считавшей возможным разрешение македонской проблемы лишь в общебалканском контексте, в процессе выработки широкого соглашения между всеми странами региона. По мнению авторов этих замечаний к манифесту, югославское народно-освободительное движение и Тито не знали македонской действительности, если полагали, что македонский народ активно включится в борьбу, имея перспективу лишь частичного решения македонского вопроса. Поэтому, с их точки зрения, в манифесте следовало обратиться к братьям-македонцам, находящимся "под Грецией и Болгарией"¹⁷. Мнение этой группы оказало влияние на разработку других документов политических органов македонского освободительного движения и, как мы увидим дальше, части руководства БКП.

Югославское руководство было решительно настроено против концепции единой Македонии, предлагавшейся болгарской компартией и ориентированной на нее части македонских коммунистов. Реализация этой концепции на практике угрожала отрывом от Югославии Вардарской Македонии и появлением на Балканах неконтролируемого Белградом македонского государства.

В ответ на появившийся в декабре 1943 г. лозунг болгарского Отечественного Фронта (ОФ) "Македония – македонцам" Тито направил телеграмму Г. Димитрову, в которой сообщал, что выдвинутое в листовке ОФ требование об объединенной Македонии, которая и не должна будет к кому бы то ни было присоединяться, но будет вполне самостоятельной, противоречит постановлениям Антифашистского вече национального освобождения Югославии (АВНОЮ) о федерации и фактически "является в настоящее время германской политической, враждебной по отношению к народно-освободительной борьбе"¹⁸.

Полемика между сторонниками объединения всех частей Македонии и теми, кто выступал за поэтапное решение вопроса, проходившая внутри македонского партийного руководства на рубеже 1943–1944 гг., отражала в известной степени положение, сложившееся в отношениях между центральными комитетами югославской и болгарской компартий в связи с вопросом о Македонии. Тито и его сторонники не хотели допустить неопределенности в этом важном, затрагивающим судьбу послевоенной федеративной Югославии вопросе. Они стремились решить проблему в соответствии со своими планами, используя, кроме того, фактор участия Болгарии в войне на стороне Германии, позволявший рассчитывать на помощь великих держав при решении македонской проблемы. В то же время открыто выдвигать в тот период лозунг объединенной Македонии, который без сомнения разделяла определенная часть югославской партийной элиты, Тито отказывался, понимая, что это осложнит отношения с СССР, Великобританией и США, закроет путь к рассмотрению территориальных требований к другим германским союзникам, в первую очередь к Италии.

Осенью 1943 г. в советском Наркоминделе было создано несколько комиссий по проблемам послевоенного мирного

урегулирования. Одна из них, возглавляемая М. Литвиновым, готовила материалы по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства¹⁹. В декабре того же года югославское руководство получило возможность сообщить Кремлю о своем видении послевоенного развития Югославии. Представители КПЮ в Москве В. Влахович и Б. Масларич получили задание от комиссии Литвинова составить справку о международном положении Югославии после окончания войны, перспективах отношений с соседними странами, включая и спорные территориальные проблемы. Список территориальных вопросов открывался Македонией, а решение македонского вопроса в подготовленной в течение первой половины 1944 г. справке увязывалось с возможностью создания юнославянской федерации²⁰. Авторы документа считали, что к Вардарской Македонии, составляющей основу федеративной Македонии в составе Югославии, неизбежно будут стремиться присоединиться впоследствии македонцы Эгейской и Пиринской Македонии. Создания такой объединенной Македонии можно было бы достичь, предоставив всем македонцам равные права в составе юнославянского федеративного или конфедеративного государства, в которое вошла бы и Болгария. Как полагали югославы, в случае реальной перспективы создания такого государства перед международной дипломатией встал бы вопрос о судьбе греческой Македонии и порта Салоники, включение которых в новое государство было необходимо с национальной, экономической и стратегической точек зрения. Влахович и Масларич отмечали, что руководство КПЮ пока не выдвигает лозунгов ни объединения Македонии, ни юнославянской федерации, но указывали на важность осмыслиения этих вопросов и готовность их решать в зависимости от складывания конкретных условий²¹.

Коренное изменение в расстановке политических и военных сил в Югославии в пользу возглавляемого коммунистами народно-освободительного движения, закрепленное решениями второй сессии АВНОЮ в ноябре 1943 г., позволило советскому руководству, возлагавшему на Тито и его партизан все большие надежды, приступить к более активной защите интересов своего идеологического и стратегического союзника перед западными участниками антигитлеровской коалиции. В феврале 1944 г. Москва (через каналы Коминтерна) в

ответ на запрос Тито относительно отношения к судьбе короля Петра II и эмигрантского правительства в Лондоне (Тито должен был информировать Черчилля о мнении Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) и Президиума АВНОЮ) сообщила, что, пока существуют два правительства – одно в Югославии, а другое – в Каире, единства югославов, как того желает и британская сторона, быть не может. Поэтому правительство в Каире должно быть упразднено, а правительство в Югославии, т. е. правительство АВНОЮ, должно быть признано англичанами и другими союзниками в качестве единственного. Если король Петр, продолжал в ответной телеграмме Г. Димитров, через которого шел обмен информацией, примет все эти условия, тогда АВНОЮ не будет противиться сотрудничеству с ним, а вопрос о монархии в Югославии будет решен народом после освобождения страны²².

Вскоре СССР направил в Югославию военную миссию во главе с генералом Н. Корнеевым, а 12 апреля в Москву прибыла югославская военная миссия, возглавляемая генералом В. Терзичем, что свидетельствовало об установлении новых отношений между двумя сторонами.

С приближением советской армии к южным границам СССР в повестку дня Кремля встал вопрос о политических шагах на Балканах, поддержке требований союзников и наказании германских сателлитов. 24 апреля состоялась встреча В. Молотова с руководством югославской миссии Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) В. Терзичем и М. Джиласом, во время которой были затронуты некоторые аспекты македонской проблемы. Заданные югославам вопросы указывали на то, что советский министр, вероятно, был знаком с материалами записки Влаховича и Масларича, направленной в комиссию Литвинова, и что в Кремле размышляли о судьбе Македонии в контексте советской политики в регионе. Молотов спросил о том, есть ли у войск Тито выход к морю, и Джилас ответил, что если бы на Балканах имелась такая армия, как Красная Армия, то, конечно, такой выход к морю давно имелся бы. Вслед за этим Молотов задал вопрос о национальности населения Салоник. В ответ югославы сообщили, что большинство населения этого города составляют греки, но деревни вокруг Салоник заселены македонцами²³.

Можно предположить, что советское руководство пыталось определить для себя насколько аргументированным в переговорах с западными союзниками, а для них это было приоритетным, был бы этнический подход к вопросу о включении в проектируемую югославами объединенную Македонию ее греческой части. Не исключено, что вопрос о выходе к морю также был неслучайным и связывался со стратегическим планом Москвы получить доступ к Эгейскому морю, минуя турецкие проливы, через своих будущих союзников – Югославию и Болгарию (через Западную Фракию). Известно также, что незадолго до этой беседы Вукманович-Темпо вместе с греческими партизанами из ЭЛАС во время рейдов по тылам оккупационных войск подходил к Салоникам²⁴.

Москва, как и югославское коммунистическое руководство, должна была учитывать и позицию греческих славомакедонцев, которые в своей значительной части выражали желание объединиться в самостоятельном государстве с вардарскими и пирийскими македонцами. Представитель славянского этноса в Греции, руководитель Бюро Коммунистической партии Греции (КПГ) по западной части Эгейской Македонии Л.Димовски-Ощенский (Лазос Нтимос), сторонник концепции КПЮ в македонском вопросе, подвергал критике центральное партийное руководство, в связи с постановкой территориальных требований опасавшееся обвинений от законных властей в национальной измене, и ставил вопрос об объединении македонцев, опираясь на решения второй сессии АВНОЮ, конституировавшей создание республики Македония в составе новой Югославии. В своем письме в ЦК греческой компартии от 24 января 1944 г. он, зная о господствовавших там опасениях, подчеркивал, что, говоря о славянских македонцах, "мы имеем в виду не всю Македонию, вошедшую в пределы Греции, а лишь эту часть (Лерин-Костурский район с 65–70% славо-македонцев. – А.А.), где большинство населения – славянские македонцы, которая экономически и географически связана с другими частями, находящимися под Сербией и Болгией". Далее в своем письме Димовски писал: "...славянские македонцы обоснованно задают вопрос: почему нас не оставят свободными, чтобы мы развивали нашу национальную культуру и осуществляли национальные идеалы, коли мы нечто особое? Мы не греки, а славо-македонская

нация, и у нас различные идеалы. Как мы можем, оставаясь в составе Греции, удовлетворяться лишь равноправием? Как его можно оправдывать программными принципами о самоопределении народов? Опасается ли партия реакции шовинистов? Или же этот вопрос не изучен за недостатком фактов и сведений?"²⁵

Такая позиция входивших в КПГ славо-македонцев отвечала интересам радикалов в македонском и югославском партийном руководстве (в первую очередь таких, как черногорец С.Букманович-Темпо), стремившихся к реализации максималистского плана объединения трех частей Македонии под флагом Югославии. В то же время она становилась источником латентной конфликтности между КПЮ, пытавшейся подтолкнуть своим славянским братьям в Греции, и КПГ, руководство которой по ряду причин внутреннего и внешнего плана не могло поддерживать все объединительные идеи коммунистов-славян.

Великобритания, дипломатии и разведке которой, по договоренности с США, были переданы преимущественные права на ведение дел на Балканах в годы войны, продолжала в 1942–1943 гг. переговоры с СССР о согласованной политике в регионе. Черчилль и Иден, понимая, что Москва, поддерживая коммунистическое Сопротивление, ведет двойную игру, были готовы идти на определенные компромиссы ради сохранения единого фронта борьбы с нацизмом, но не отказывались от защиты здесь собственных стратегических интересов. Еще до известного соглашения в октябре 1944 г. между Сталиным и Черчиллем о сферах военно-политической ответственности на Балканах в британском МИДе шла дискуссия о приоритетах внешней политики в регионе Восточного Средиземноморья, о том, что и в каком объеме можно "отдать" Сталину. Говорилось также, что в первую очередь необходимо сохранить британское влияние в Греции за счет возможных уступок Москве в Румынии и Болгарии и от части Венгрии и Югославии²⁶. Это обуславливало отрицательное отношение Форин офиса к идеи южнославянской федерации и независимой Македонии, так как в Лондоне на первых порах считали, что в федерации будет доминировать послушная Москве Болгария, которая, в свою очередь, обеспечит и советское влияние в Македонии. Комбинация таких факторов, по мнению дипломатов, созда-

вала бы постоянную угрозу Греции. В марте 1942 г., когда шла подготовка к подписанию англо-советского договора, южный департамент британского МИДа в одной из записок советовал попытаться добиться от Москвы отказа от поддержки панславянского движения на Балканах или создания юнославянского блока, так как любое подобное действие было бы несогласимо с принципами Балканской федерации (т.е. с югославо-греческой унией января 1942 г.)²⁷. Согласно декларации югославского эмигрантского правительства в Лондоне от июня 1943 г. о военных целях в войне, главным было обеспечить освобождение и государственную целостность Югославии, а также унию с Грецией, которая позволила бы затем при поддержке и содействии союзных держав создать балканскую федерацию и новый порядок на Балканах²⁸. Британское правительство поддерживало эти планы королевского правительства.

Когда Черчилль в апреле 1944 г. стало известно о расчетах югославского руководства создать автономную Македонию, он запросил в МИДе справку о македонской проблеме и возможной британской позиции по отношению к болгаро-югославскому блоку. Иден ответил, что с этнографической точки зрения такой блок мог бы способствовать решению македонской проблемы, обеспечив для Македонии автономный статус в федерации, но греки отвергают эту идею. Для Британии, как считал министр иностранных дел, такой блок также представлялся "сомнительным, поскольку он затмевал (overshadow) Грецию как политически, так и с военной точки зрения, давал русским преимущество на Балканах, угрожал выдвижением территориальных требований к Греции, что в настоящих условиях означало бы иметь русских на Эгейском море"²⁹. В августе Иден сообщал Черчиллю о том, что его беспоконят мягкая позиция Москвы по отношению к Болгарии, что может свидетельствовать о готовности русских ввести ее в руководимую КПЮ юнославянскую федерацию. Британский премьер обсуждал этот вопрос с Тито во время встречи с ним в Италии в том же месяце и сообщил в Форин офис, что этот процесс уже трудно остановить³⁰.

Действительно, с выходом советской армии на Балканы ситуация стала кардинально меняться. 2 августа состоялась первая сессия Антифашистского собрания народного освобо-

ждения Македонии (АСНОМ), на которой было заявлено, что "македонский народ вступает на положении национально освобожденного и равноправного члена в новую демократическую и федеративную Югославию на принципах, утвержденных на второй сессии АВНОЮ". Как подчеркивалось в обращении сессии к македонскому народу, македонцы, став составной частью новой демократической и федеративной Югославии, стали и союзником великих держав-победительниц³¹. Сценарий этой важной для судьбы Македонии политической акции, подготовленной руководством КПЮ вместе с македонскими товарищами, должен был иметь и логическое завершение, которое прозвучало в этом же обращении. Авторы документа заявляли, что, исходя из "многовековых идеалов македонского народа, первая сессия Народного собрания Македонии выражает перед лицом всего мира справедливое и неотступное стремление к воссоединению всего македонского народа на принципе права на самоопределение". Там же, в обращении к македонцам и македонкам, "подвластным Болгарии и Греции", подчеркивалось, что, в соответствии с концепцией ЦК КПЮ о законности выдвижения политических требований лишь на основе последовательной борьбы с нацизмом, воссоединение всего македонского народа зависит от их "приобщения к гигантскому антифашистскому фронту". "Лишь борьба против коварных фашистских оккупантов принесет завоевание права на самоопределение и объединение всего македонского народа под опекой Югославии Тито...", – говорилось в документе³². Такое заявление, прозвучавшее от имени большей части македонцев, проживавших в Вардарской части, позволяло Тито и его окружению считать претензии Югославии на остальные части Македонии имеющими легитимную основу и давало возможность обсуждать этот вопрос с Москвой и западными союзниками.

Если посмотреть на ряд событий августа 1944 г. на Балканах, то возникает предположение о том, что в Москве была задумана многоходовая операция, направленная не только на слом гитлеровской военной машины, но и преследующая цель советского закрепления в регионе и поддержки своих новых союзников. Быстрое продвижение советской армии через всю Болгарию в Западную Фракию вплоть до турецкой и греческой границ создавало стратегический плацдарм у Эгейского

моря, что, кроме того, могло облегчить югославским коммунистам реализацию их планов объединения Македонии и создания федерации с Болгарией, а болгарским коммунистам, при удачном стечении обстоятельств, требовать возвращения Западной (Беломорской) Фракии.

Не согласованная с западными союзниками и вызвавшая протест британского МИДа заброска в конце июля в Грецию (по личному указанию Молотова) в район дислокации партизанских сил ЭЛАС группы советских офицеров во главе с Г.М. Поповым (так называемая группа связи) также, возможно, была составной частью московского плана раздела Европы на зоны влияния³³. Действия Советского Союза могли, кроме указанных причин, диктоваться и желанием обозначить перед западными союзниками сферу своих, фактически уже блоковых притязаний в регионе в то время, когда дипломатические представители США и Великобритании вели в Каире секретные переговоры (факт без сомнения известный в Москве) с делегатами болгарского правительства, на которых главное место (вероятно, в связи с решениями АСНОМ) занимала македонская проблема. В отдельном документе (к сожалению, автору пока недоступны другие материалы по этим переговорам), принятом болгарским парламентом в качестве руководства к ведению переговоров, содержались альтернативные предложения по этой проблеме, в частности, предполагалось, что Македония сможет войти в федерацию с Болгарией, либо будет создано самостоятельное и независимое македонское государство. Но в любом случае вариант решения македонской проблемы в рамках югославской федерации должен был быть, как считали болгарские парламентарии, отвергнут³⁴. Как известно, далее события развивались следующим образом. 25 августа 1944 г. болгарское правительство объявило о нейтралитете. 2 сентября греческое правительство потребовало эвакуации болгарских войск из Эгейской Македонии и Фракии. 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, а 9 сентября в Болгарии произошел государственный переворот и к власти пришло правительство Отечественного фронта.

Югославское руководство, согласовывавшее почти каждый свой шаг с Кремлем, вынуждено было придерживаться в реализации своей цели определенной последовательности – сначала необходимо было присоединить Пиринский край, а

затем, учитывая международную ситуацию, переходить к постановке следующей задачи. Первая часть плана уже многократно обсуждалась с болгарскими товарищами и Москвой, ее решение планировалось осуществить через югославо-болгарский союз либо более широкую по составу южнославянскую федерацию. Болгарские коммунисты полагали, что в последнем случае объединенная Македония, в силу своих историко-географических характеристик, будет тяготеть к Болгарии³⁵. Спустя три дня после прихода к власти правительства Отечественного фронта его председатель К. Георгиев направил Тито телеграмму, в которой выражалась надежда на братское сотрудничество двух стран и готовность болгарского руководства преодолеть все наслаждения, десятилетиями отягощавшие отношения между "славянскими братьями"³⁶.

Югославское руководство, в свою очередь, продолжало активно действовать в направлении реализации намеченного плана, опираясь в своей политике и на заявления правительства Болгарии, но, главным образом, рассчитывая на благоприятную международную конъюнктуру и поддержку Москвы. Вопрос о южнославянской федерации и македонская проблема также обсуждались с советским руководством во время секретного визита Тито в Москву 21–28 сентября 1944 г.³⁷ Одновременно (25 сентября) в Софию прибыли С. Вукманович-Темпо с Л. Колишевским, М. Андреевым и М. Апостольским, представлявшими македонское руководство, для обсуждения конкретных вопросов объединения, но столкнулись с нежеланием болгар отдавать Пиринский край в Вардарскую Македонию (так как в югославском варианте это выглядело как аннексия территории у побежденного государства)³⁸. Между тем, учитывая тяжелую международную ситуацию, в которой находилась страна, болгарские коммунисты вынуждены были пойти на определенные компромиссы. В письме ЦК КП Македонии в ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) (БРП(к)) от 1 октября македонские товарищи напоминали о достигнутых во время софийской встречи договоренностях. В первом пункте цитировалась, вероятно, главная из них: "...македонскому народу в болгарской части Македонии принадлежит право на самоопределение, вплоть до отделения или объединения на добровольной основе с другими народами". Было согласовано, что в Горноджумайской области (бол-

гарское название Пиринского края) будут сформированы военные части, которые войдут в состав болгарской народной армии и станут бороться вместе с македонскими подразделениями НОАЮ против гитлеровцев. Также планировалось создание там национально-освободительных комитетов, подчиненных областному комитету, "который пока действовал бы в рамках ОФ". И уже на основании этих изменений македонский народ Пиринского края мог бы "свободно проводить пропаганду в пользу объединения македонского народа или присоединения болгарской части Македонии к матери-земле". Опровергая экстремистские заявления части югославских партизанских командиров о необходимости подчинения им македонских подразделений, сформированных в болгарской части, авторы письма делали оговорку, что лозунг объединения предполагает определенную временную перспективу³⁹.

В том же месяце Л. Колишевский, секретарь КП Македонии, направил в ЦК болгарской компартии еще одно письмо, в котором выражалось беспокойство, что вопреки достигнутым договоренностям болгары не выполняют согласованную программу по развертыванию македонской пропаганды в области, и сообщалось, что об этом факте был информирован Тито и ЦК КПЮ. Письмо заключала фраза, интересная с точки зрения понимания того, как себе представляло македонское и югославское руководство характер и перспективу объединения. (Эта же формула вновь возникла позднее – на рубеже 1948–1949 гг., после возникновения советско-югославского конфликта). Колишевский писал: "Мы желаем решать все вопросы вместе с вами, но не можем смириться с тем, чтобы присоединение болгарской части Македонии безусловно обуславливалось заключением тесного союза между Югославией и Болгарией, а в том случае, если до этого желанного союза не дойдет, пришлось бы отказаться от права македонского народа на самоопределение и добровольное присоединение"⁴⁰.

Вопрос о создании югославо-болгарской федерации перешел в ноябрь 1944 г. из плоскости рассмотрения общих схем в стадию разработки конкретных проектов. Во время визита в начале месяца в Москву Э. Карделя и И. Шубашича проблема обсуждалась со Сталиным, предлагавшим ускорить процесс оформления союза. В начале ноября первый югославский проект был передан ЦК болгарской компартии. Спустя неде-

ло в Белград был привезен ответный болгарский вариант двустороннего договора о федерации⁴¹. В отличие от югославского проекта, в котором македонская проблема вообще не упоминалась, болгарский в одном из пунктов содержал предложение об обмене территориями с Югославией. В шестом параграфе говорилось о том, что "обе стороны, уважая решение АВНОЮ, согласно которому македонцы признаны равноправным, наряду с другими народами федеративной Югославии, народом, признают его полное право на самоопределение. После признания союзного федеративного государства югославского народа, согласно воле большинства населения, те части Македонии, которые были переданы Болгарии по договору от 1913 г., и те части Болгарии, которые отошли к Югославии по договору от 1919 г., будут присоединены к Македонии и соответственно Болгарии, согласно воле их населения". Болгарская сторона также предлагала соответствующую "братскую помощь" населению Сербии и Македонии, пострадавшему от болгарской оккупации в годы войны⁴².

Македонский вопрос был одним из спорных, не позволявших согласовать текст окончательного договора, который и Белград, и Москва надеялись подписать к концу 1944 г. 22 декабря в Софию для переговоров отправился Э. Кардель, в результате появилась новая болгарская версия договора. "Македонский пункт" был несколько отредактирован. Сохранилась первая фраза о признании права македонцев на самоопределение, а далее следовало: "Та часть Македонии, с 1913 г. принадлежавшая Болгарии, будет присоединена к объединенному македонскому государству, которое в качестве равноправного члена войдет в состав федерации югославянских народов, а те части болгарской территории, которые отошли к Югославии по договору в Нейи от 1919 г., будут возвращены Болгарии".

Автор югославской публикации документов по проблеме югославо-болгарской федерации Ж. Аврамовски указывал в примечании, что в переделанном после критики Карделя тексте отсутствовала часть фразы в начале пятого параграфа. В болгарском оригинале перед словами "та часть Македонии..." стояло (как и в первом варианте, подготовленном болгарами): "После создания объединенного федеративного государства югославянских народов". В письме Тито 23 декабря Кардель,

касаясь этой части договора, отмечал: "...не знаю, возможно ли для нас с принципиальной точки зрения согласиться на такую формулировку, какая в их предложении о Македонии, т. е. с тем, что Болгарская Македония объединится с югославской только в случае объединения с Болгарией. Полагаю, что такое право македонцы имеют, не обращая внимания на то, дойдет ли дело до федерации с Болгарией или нет"⁴³.

Стремление югославского руководства к скорейшему присоединению болгарской Македонии объяснялось опасением вмешательства Британии в решение этого вопроса. В том же письме югославский руководитель, среди прочего, отмечал еще значительную неконкретность текста договора, что делало перспективу объединения весьма отдаленной. "Болгарам бы это принесло пользу, а нам внешнеполитический ущерб", – подчеркивал он, обнажая подлинные прагматические, а не декларируемые интернационалистские мотивы югославской политики в подходе к македонской проблеме. По его мнению, в ситуацию "могли вмешаться англичане и воспрепятствовать процессу дальнейшего объединения". Итогом могло стать не создание "законченного пакта", а некого, как считал он, "слабого пакта", который как раз и испугал бы англичан и побудил бы их наложить свое вето на объединение. Завершая письмо, Кардель советовал Тито обратить серьезное внимание Сталина на затягивание процесса объединения и напоминал, что в разговоре с ним (во время ноябрьского визита в Москву) советский вождь ясно сказал ему, "что необходимо объединиться, а не создавать какой-то пакт о взаимной помощи". Один из ближайших соратников Тито, имея в виду вопрос о федерации с Болгарией, писал: "Сейчас самое время. Сомневаюсь, что когда-либо позже будет также"⁴⁴.

Македонское руководство тоже пыталось использовать выгодный момент для ускоренного присоединения Пиринской Македонии, не дожидаясь создания двусторонней федерации.

Возможно, аргументация Карделя показалась Тито убедительной, и он 25 декабря отправил Г. Димитрову в Москву телеграмму, в которой высказал пожелание вновь вернуться к югославскому проекту. Спустя неделю болгары заявили, что они готовы подписать договор об объединении. Тито тогда в своем окружении высказывался, что никогда не согласится на союз, в котором Болгария будет равна всей Югославии. Так

возник проект, по которому Болгария должна была войти в федерацию в качестве седьмой единицы. Однако до подписания договора дело не дошло.

9 января 1945 г. состоялись переговоры Сталина и Молотова с югославской делегацией, возглавляемой А. Хебрангом, представлявшим руководство Национального комитета освобождения Югославии. Он сообщил Сталину, что переговоры с БКП идут тяжело и "в этом вина болгар", отклонивших югославский проект договора о федерации. Советский вождь, который в сентябре и ноябре 1944 г. настойчиво, если верить Карделю, подталкивал обе стороны к заключению договора, призывая к объединению, теперь, очевидно, увидев, что за югославским проектом стоит широкая аннексионистская программа на Балканах, чреватая конфликтом с западными союзниками, заявил, что проект "не годится". По его мнению, "Болгария и Югославия – два государства, которые могли бы войти в конфедерацию с перспективой дальнейшего полного объединения... основанного на принципе дуализма". (В частности, он привел в качестве примера такого принципа бывшую Австро-Венгрию.) В югославском же проекте, по которому "Болгария получала бы равные права с отдельными югославскими народами (сербами, хорватами, македонцами и словенцами), болгары усмотрят желание проглотить их". Stalin советовал начать с союза, с договора о взаимной помощи, а потом постепенно идти к объединению. "Это будет не временный союз, а постоянный. Это свободный союз, организкий союз, в котором будут состоять два государства, свободно объединившиеся в конфедерации. Не надо создавать впечатления, что болгар хотят проглотить", – продолжил он свою мысль.

В своем ответе Хебранг попытался описать возможные мотивы болгарского поведения в связи с договором о дружбе. На первом месте стояло стремление болгар облегчить решение вопроса о Македонии, а затем попытка выйти из изоляции, вызванной участием Болгарии в войне на стороне Германии. Югославы считали, что "договор позволил бы болгарам уйти от ответственности за преступления, совершенные во время войны, а, с другой стороны, Болгария сохранила бы свое положение суверенного государства". Можно было понять, что именно в силу этих причин югославское руководство откло-

нило предложение о заключении договора о взаимопомощи и в начале января, как сказал об этом Хебранг, принял новый вариант договора о федерации, основанный "не на принципе дуализма, а на вхождении Болгарии в федерацию с теми же правами, какие будут иметь отдельные народы Югославии: сербы, хорваты, македонцы и другие". В таком случае будущая федерация смогла бы "внутренними усилиями правильно воздействовать на Болгию", и сам договор, как считали югославы, был бы значительно лучше принят в Югославии⁴⁵. То есть, если попытаться интерпретировать аргументацию Хебранга, югославское руководство, видимо, решило, что участие Болгарии в войне на стороне Германии заслуживает лишения ее собственной государственности и "перевоспитания" в югославской федерации. Одобрения своих далеко идущих планов югославы ожидали от Кремля.

Между тем Сталин вновь повторил свою идею насчет постепенной подготовки объединения, желательности заключения договора о дружбе и взаимной помощи "лет на 20 или 10". Он еще раз подчеркнул, что "в основу объединения теперь стоит принять принцип дуализма". В противном случае, продолжил Stalin, "если повернуть дело круто, болгары могут шарахнуться в сторону Америки и Англии и даже в сторону Турции. Надо готовить федеративное объединение, основанное на принципе дуализма". Молотов, касаясь этой темы, попытался спрогнозировать реакцию международного сообщества. По его мнению, "даже договор о дружбе и взаимопомощи испугает турок и греков, испугает румын, наступит сумятица в Европе. Это будет целое событие в Европе. Испугаются все, не испугается только один Советский Союз"⁴⁶.

Жесткая позиция югославского руководства по отношению к Болгарии, несущая в себе заряд революционной эйфории и радикализма, игнорирующая нормы международного права, в какой-то степени могла найти эмоциональное оправдание – Болгария была германским сателлитом. Однако планы территориальных приобретений в Греции, стране-союзнице, свидетельствовали (наряду с такими же планами в отношении Венгрии и Румынии) о непомерных аппетитах верхушки КПО, панбалканском экспансиионизме Югославии, стремлении к тотальной постверсальской ревизии. На вопрос Сталина о том, как обстоят дела с Грецией, Хебранг ответил, что от

Греции Югославия рассчитывает получить греческую Македонию и Салоники. Требования эти, как отметил югослав, ранее не выдвигались, чтобы не создавать трудности для греческого ЭЛАС внутри страны, но сейчас они будут поставлены. Молотов по этому поводу заметил, что этот вопрос греческие македонцы могут поставить сами, а Сталин сказал: "...создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобного положения"⁴⁷.

На следующий день Сталин сообщил Димитрову о переговорах с югославами, выразив свое негативное отношение к предложенному ими проекту договора с болгарами, а также территориальным претензиям к Венгрии, Греции, Австрии и Албании. Последняя не была упомянута в записи советско-югославских переговоров, что говорит о том (если добавить сюда Италию, о которой шла речь на переговорах), что югославское руководство собиралось предъявлять требования ко всем соседям по периметру границ Югославии⁴⁸. Решение же македонской проблемы югославское руководство видело в присоединении Пиринской и Эгейской частей к Вардарской Македонии и создании единой македонской республики в составе югославской федерации.

21 января советское правительство пригласило болгарскую и югославскую делегации прибыть немедленно в Москву и сообщило им, что в настоящих условиях нет возможности создать федерацию и следует ограничиться заключением договора о политическом и военном союзе. Возглавлявший югославскую делегацию М. Пьяде получил задание подготовить вариант такого договора. Вслед за ним такая же задача была поставлена перед А. Вышинским. Югославская сторона уже в проекте от 5 января 1945 г. (проект № 4) стала включать македонский вопрос в текст договора: "Часть Македонии, которая с 1913 г. принадлежала Болгарии, после ратификации данного договора будет присоединена к Македонии, федеральной части Демократической Федеративной Югославии, а к Болгарии одновременно будут присоединены те части болгарской территории, которые были отданы Королевству сербов, хорватов и словенцев по договору в Нейи 1919 г."⁴⁹ В варианте, подготовленном М. Пьяде в Москве в феврале

1945 г., вопрос о Македонии звучал менее императивно. Болгарское правительство, согласно статье 4, должно было взять на себя обязательство "в демократическом духе решить дружеским договором с правительством Федеративной Югославии вопросы, которые относятся к территории части Македонии, отошедшей по договору от 1913 г. к Болгарии". То же самое должно было сделать и югославское правительство. Еще короче македонская тема формулировалась в версии Вышинского: договаривающиеся стороны принимали на себя обязательства мирно урегулировать все территориальные вопросы, связанные с договорами от 1913 и 1919 гг.⁵⁰

Ж. Аврамовски приводит в своей статье фрагмент из записки М. Пьяде (рукопись содержала несколько пропусков), сделанной им во время переговоров с советским руководством в Москве в январе–феврале 1945 г., из которого следует, что Сталин с особым вниманием относился к македонскому вопросу в планируемом болгаро-югославском договоре. Так, он советовал серьезно подготовиться к послевоенному обсуждению всего македонского вопроса в целом. На данном этапе следовало, по его мнению, использовать гибкие формулировки относительно Македонии, заявить о том, что она будет самостоятельна. "Предоставить (?) ей полную (?) независимость как самостоятельному государству. Это осложнит бы англичанам.... слово нечетко (так в тексте. – A.A.) независимую Македонию... Македония как третья федеральная единица... Не следовало говорить о размене территорий... О федерации секретный договор премьеров, либо обмен письмами между ними", – так Пьяде записал замечания, сделанные Сталиным во время переговоров⁵¹. Возможно, что спустя всего три недели после беседы с Хебрангом Сталин, касаясь вопроса о федерации, предложил этот вариант как компромиссный, делая уступку настойчивым требованиям югославов и учитывая реакцию англичан, протестовавших против федеративного договора между Болгарией и Югославией.

Позиция советского лидера, упоминавшего о возможной реакции Британии на статьи договора, связанные с Македонией, формировалась в тот период под влиянием наступательной тактики англичан, пытавшихся вместе с американцами воспрепятствовать советским замыслам на Балканах. Кремль не хотел вступать в полемику с западными союзниками накануне

обсуждения в Ялте проблем Восточной Европы, чем, возможно, и объяснялись действия советского руководства, заставившего болгар и югославов отложить подписание двустороннего договора. Активность Москвы в конце 1944 г., желавшей добиться от своих балканских товарищей скорейшего создания союза, вызывала растущую озабоченность Лондона этими приготовлениями. Возможно, Сталин думал поставить Запад перед свершившимся фактом и затем попытаться защитить югославянское объединение, обсуждая компромиссные варианты его расширения за счет Греции или Турции, как того хотели англичане.

В Кремле было хорошо известно о британских демаршах югославам в связи с их планами относительно присоединения Пиринской и Эгейской Македонии. Однако в октябре Сталин и Черчилль достигли договоренности о разделе Балкан на сферы влияния, согласно которой в Болгарии и Югославии СССР получал преимущественные позиции. Не исключено, что это обстоятельство и могло подтолкнуть кремлевского вождя к ускоренной реализации проекта федерации. Роль другого фактора могла играть нестабильная обстановка в Греции, где к власти стремились греческие коммунисты, часть руководства которых была согласна с московскими планами федерации и возможным затем присоединением к ней Эгейской Македонии. Вероятно, рубежом стало спровоцированное Национальным освободительным фронтом Греции (ЭАМ) восстание в Афинах в начале декабря, подавленное при помощи англичан, что явилось для Сталина дополнительным знаком, говорящем о серьезности намерений Лондона в отношении Греции. Спустя месяц, в начале января, кремлевский правитель уже уговаривал югославов умерить свои территориальные амбиции.

В конце ноября 1944 г. британский МИД подготовил новый документ по Македонии и болгаро-югославской федерации, а 5 декабря Иден представил его военному кабинету. По мнению британского министра, было бы оптимистичным предполагать, что Британия сможет наложить вето на "югославо-болгарскую комбинацию", но следовало немедленно сообщить русским, что, если объектом маневров станет предоставление Болгарии возможности приобрести греческую территорию или выход к Эгейскому морю, "мы должны кате-

горически этому противодействовать". Черчилль как о неизбежном говорил о распространении советского влияния на Балканах даже без специальных акций со стороны Москвы, но подчеркивал необходимость восстановления стабильности в Греции перед началом переговоров с русскими⁵². В Лондоне считали, что создать большую Македонию стремятся как югославы, так и болгары. Британский посол в Афинах Р. Липер сообщал в Лондон об отсутствии пограничного контроля на югославо-греческой границе и свободном передвижении "банд ЭЛАС и Тито" через нее. В то же время он отмечал, что македонская проблема в возрастающей степени становится яблоком раздора внутри КПГ между афинским руководством и локальными группировками ЭЛАС, не одобряющими македонский сепаратизм. В середине декабря в Форин офис поступали донесения о формировании болгарами бригад греческих македонцев. Создание же 18 ноября в Битоле Первой эгейской ударной бригады англичане рассматривали как югославские претензии на Эгейскую Македонию. На этом фоне Тито предпринимал попытки заверить британского представителя при штабе НОАЮ Ф. Маклина в том, что у него и его командиров (Темпо и других) нет агрессивных намерений против греческой Македонии и что все югославские претензии будут отложены до мирной конференции.

Возможно, "гарантии" Тито были приняты, и в телеграммах британского МИДа, посланных в конце декабря 1944 г. в Москву и Вашингтон, вина за "агитацию в пользу создания большой Македонии за счет Греции" возлагалась уже на болгар⁵³. Можно предположить, что британцы, используя собственные источники, знали о дискуссии по этому вопросу в болгарском руководстве. Так, В. Поптомов (Поп-Томов), один из руководителей БКП, в ноябре 1944 г. в беседе с товарищами из компартии Македонии изложил болгарскую точку зрения на решение македонской проблемы. Видимо, этот план разделяли и югославы. Согласно его представлениям (и, вероятно, какой-то части руководства БКП), в Югославии и Болгарии уже были созданы условия для "соединения Македонии", но они "еще не были созданы в Греции". Он отмечал, что в греческой Македонии в результате массового выселения произошло изменение национального состава населения и, кроме того, не совсем ясны "характер и облик самой Греции", где

"ЭАМ еще не проявляется с полной силой и вряд ли обстановка будет такой же, как в Югославии и Болгарии". Из этого он делал следующий вывод: "...мы должны всеми силами помочь ЭАМ завоевать победу и таким путем обеспечить такие же самые условия, какие созданы в Югославии и Болгарии"⁵⁴. Тогда же, после ноябрьских переговоров в Белграде между Тито и болгарским представителем Д. Терпешевым, Поптомов, касаясь вопроса о судьбе Пиринской Македонии, заявил, что ее присоединение к Югославии будет зависеть от того, чье влияние на эту страну окажется основным – советское или британское. Во втором случае не только болгарская Македония не должна быть присоединена к Югославии, но, наоборот, "югославская (Вардарская) Македония будет присоединена к Болгарии"⁵⁵.

Высказывания В.Поптомова еще раз свидетельствовали о неготовности части болгарской партийной элиты к немедленному альянсу с Белградом на его условиях, попытках затормозить процесс создания болгаро-югославской федерации, отодвинуть начало ее оформления до того, как определится новая расстановка сил на Балканах и созреют необходимые для объединения политические условия в Греции, после чего и можно будет ставить вопрос о большой Македонии. Подобная постановка проблемы болгарами, активизация их поддержки КПГ неизбежно влекли за собой и дальнейшее обострение отношений с Афинами, где считали, что болгарские власти в годы оккупации Греции проводили политику насилиственной болгаризации и выселения греков, их уничтожения, экономически разоряли местное население Фракии и восточной Македонии⁵⁶.

Озабоченность западных союзников развитием ситуации вокруг создания югославо-болгарской федерации была продемонстрирована в письме британского посольства в Москве (письмо Дж. Бальфура) В. Молотову от 1 января 1945 г. В Лондоне считали, ссылаясь на известные британской дипломатии факты о болгарской и югославской агитации в пользу создания большой Македонии, что федерация двух славянских стран "фактически изолировала бы Грецию и подвергла бы опасности ее позицию как балканского государства". Англичане были не против создания федерации всех балканских стран с возможным участием в ней и Турции. В то же время,

по мнению Форин офиса, Болгарии, которая в двух мировых войнах присоединялась к Германии против других балканских государств и их союзников, это позволило бы "избежать последствий ее действий путем слияния с одной из Объединенных Наций". Дж. Бальфур писал далее в своем письме: «...мое правительство не возражает против создания Македонского государства как федеральной единицы в будущей федеральной Югославии, но только при условии, что это государство (или югославское федеральное правительство, выступающее от его имени) не аннексирует никаких территорий, принадлежащих либо Греции, либо Болгарии, и не предъявит на них претензий на том основании, что такие территории являются "македонскими"»⁵⁷.

29 января 1945 г., уже после того, как Москва сообщила югославам и болгарам, что вопрос о федерации снимается с повестки дня и следует разработать проект двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве, англичанам был направлен ответ на их письмо от 1 января. В нем говорилось: "...по нашим сведениям, между Болгарией и Югославией ведутся переговоры о заключении пакта о союзе и взаимопомощи... Советское правительство относится к этому положительно". Вопрос же о федерации двух стран "не стоит и потому не имеет практического значения".

На Крымской конференции в начале февраля западные союзники еще раз заявили о своем несогласии с идеей объединения Югославии с Болгарией, "которая все еще находится в режиме перемирия", и подчеркнули, что к этому вопросу следует вернуться после окончания войны. Госсекретарь США Э. Стеттиниус предложил продолжить в Москве обсуждение вопроса о болгаро-югославском договоре. Это предложение было поддержано Молотовым. В письмах британского посла в Москве А.Керра от 20 февраля 1945 г. и американского посла А. Гарримана от 7 марта В. Молотову вновь было заявлено об отрицательном отношении правительства Великобритании и США к заключению болгаро-югославского договора. Со своей стороны Молотов в ответном письме послам подчеркнул, что советское правительство считает заключение договора о союзе полезным "для нашего общего дела борьбы с гитлеровской Германией и для будущего обеспечения мира и безопасности в Европе и, в частности, на Балканском полу-

острове... Поэтому, — продолжал советский министр в письме к Гарриману, — советскому правительству непонятны мотивы, по которым правительства США и Великобритании возражают против заключения такого договора между двумя странами, активно участвующими в борьбе против гитлеровской Германии⁵⁸.

А. Керр в письме от 13 марта подробно изложил мотивы британского правительства относительно обсуждаемой проблемы. Главным было отрицательное отношение к вступлению в договорные отношения Болгарии, положение которой все еще определялось режимом перемирия с государством, формально находящимся с ней в состоянии войны (Югославия), если на заключение таких договорных отношений не будет "определенного разрешения всех держав-победителей, с которыми было заключено перемирие". А. Керр также выразил опасение относительно того, что это может повлиять на возмещение Болгарией ущерба, нанесенного ей Греции. Только после решения всех этих вопросов, как отмечал посол, может идти речь о возобновлении "подобных переговоров"⁵⁹.

Негативная позиция западных союзников заставила Кремль на время полностью отказаться даже от плана союзного договора между двумя балканскими странами. 28 февраля 1945 г. В. Молотов направил письма болгарскому и югославскому руководству, в которых содержалась рекомендация отложить заключение болгаро-югославского договора "до более благоприятного момента". Спустя несколько месяцев, 30 мая, болгары, верные приказам из Кремля и, вероятно, продолжавшие испытывать давление из Белграда, сообщили в Москву о намерении Тито приступить в ближайшее время "к заключению договора о союзе между Югославией и Болгарией". Советская реакция была достаточно спокойной, но твердой. Молотов направляет в Софию и Белград категорическое "указание" — сначала следует провести восстановление дипломатических отношений Болгарии с другими государствами, прежде всего с СССР, "а потом провести заключение югославо-болгарского договора"⁶⁰.

Вопрос о федерации в болгаро-югославских отношениях был, таким образом, временно отложен до восстановления в своих международных правах послевоенной Болгарии. В то же время для Белграда, как показали последующие события,

было важно, чтобы в случае возобновления переговоров с Болгарией о союзе решающий голос на них оставался за югославами, а не за Софией и Москвой. Югославское руководство все активнее стремилось освободиться от вмешательства Москвы в балканские дела Югославии, в частности, в ее отношения с Софией и Тираной. Вполне естественная для Кремля попытка занять позицию верховного арбитра в тех случаях, когда балканским странам приходилось решать свои межпартийные (межгосударственные) проблемы, становилась все более обременительной для Белграда, который стремился к установлению жестких, патерналистских отношений со своими слабыми соседями. Политика Сталина и его окружения, то позволявшая югославам кого-то "проглотить", то запрещавшая (по разным причинам) это сделать, по-видимому, подтверждала неизбежность перманентного вмешательства Москвы в послевоенные проблемы региона, что противоречило балканским планам Белграда. Тито сдерживали до времени лишь авторитет СССР, самого Сталина и коминтерновская иерархическая дисциплина. Что касается Болгарии, то ее руководству при формулировании подходов к македонскому вопросу приходилось учитывать то, что СССР и Югославия будут главными фигурами, поддерживающими болгарские позиции в ходе послевоенного мирного урегулирования.

При рассмотрении эволюции подходов Югославии и Болгарии к межгосударственному союзу после весны 1945 г. нельзя не учитывать и греческий фактор. До лета 1945 г. вопрос о федерации рассматривался в Белграде и Софии в качестве второго этапа выполнения основной задачи, а именно: создание в Греции "политических условий", которые дали бы возможность объединить всех македонцев в югославской федерации. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что концептуально эти планы разделялись и Кремлем, готовым, будучи минимально вовлеченным в этот процесс, дирижировать из-за кулис, преследуя свои стратегические цели.

Весной и летом 1945 г. СССР, стремясь поддержать Болгарию и Югославию накануне переговоров с западными союзниками по послевоенному мирному урегулированию, усиливает пропагандистское давление на Грецию с целью ослабления ее позиций. Югославы, действуя почти синхронно, созда-

вали напряженную атмосферу на южной границе в преддверии принятия великими державами важных решений по пост可观ой Европе. Белград разворачивал шумную кампанию в защиту македонцев в греческой Македонии, возлагая вину за их преследование на греческие власти. В июле и августе, во время работы Потсдамской конференции, Югославия и Болгария усилили нападки на Грецию, обвиняя ее в провокациях на границах и гонениях на славян. Югославия в тот период постепенно становится вторым после СССР "донором" КПГ, начинает по согласованию с Москвой оказывать ей материальную помощь, формирует на своей территории партизанские отряды греков и славо-македонцев, активно вмешивается во внутреннюю политику партии, навязывая ее руководству свое понимание решения македонского вопроса⁶¹.

Встречный поток обвинений шел с юга Балканского полуострова. В Греции официальные лица все активнее выступали с ревизионистскими требованиями, заявляли о претензиях на Северный Эпир, ставили вопрос о пересмотре греко-болгарской границы, несоблюдении в Албании и Болгарии прав проживающих там греков. Согласно греческой статистике, в годы болгарской оккупации западной части Фракии и восточной Македонии в этих районах погибло около 35 тыс. греков, а болгарское население значительно увеличилось (до войны славян здесь было, по разным оценкам, от 60 до 100 тыс. человек). Неопределенность, связанная с международноправовым статусом послевоенной Болгарии, активизировала деятельность правых и монархических греческих группировок, считавших, что создалась благоприятная ситуация для воплощения в жизнь концепции Великой Греции (*Megali Edea*)⁶². Военная обстановка на северной греческой границе, по оценке западных союзников, также складывалась достаточно тревожная.

Восприятие югославских намерений в отношении Греции как потенциально агрессивных должно было усилиться в западных столицах и Афинах после серьезного (на грани военного) конфликта Югославии с Великобританией и США из-за Триеста в мае–июне 1945 г.⁶³ По данным британской разведки, в Вардарской Македонии было 48 тыс. югославских солдат и 12 тыс. в южной Албании. Болгарская армия насчитывала 102 тыс. человек. Кроме того, в Болгарии находилось 350 тыс.

советских воинов. Им противостояло 111,5 тыс. греков и 37,7 тыс. солдат (включая индийцев) британского экспедиционного корпуса⁶⁴. Как естественная реакция на складывавшуюся на Балканах обстановку прозвучало заявление министра иностранных дел Греции Ф.Драгумиса, который напомнил, что «многие соседи Греции смотрели с вожделением на суверенитет и независимость Греции и что целью славянского империализма было всегда стремление получить выход к Средиземному морю "через тело Греции"», поэтому единственной возможностью противостоять этим намерениям было бы получение помощи со стороны Великобритании и США⁶⁵. Таким образом, ситуацию на Балканах после победы над Германией уже можно было описывать в терминах холодной войны – bipolarное противостояние СССР и его новых, почти полностью зависимых от Москвы союзников-сателлитов и формирующегося блока западных демократий во главе с США и Великобританией.

Усилия Югославии и Болгарии решить часть своих территориальных проблем, в том числе и через балканскую федерацию, еще до начала конференций по послевоенному мирному урегулированию, опиравшиеся на формулу "свершившегося факта" (*fait accompli*), были прерваны западными державами, призвавшими все заинтересованные стороны, включая советскую, дождаться окончания войны. Добиться ревизии версальских договоров в свою пользу обе страны надеялись на Берлинской (Потсдамской) и Парижской мирной конференциях. Решение этих вопросов было невозможно без дипломатической поддержки СССР, который в свою очередь вынужден был соотносить их требования с собственными задачами в связи с территориальными переделами в Европе и на Дальнем Востоке, а также всем комплексом послевоенных международных проблем. Воздействие идеологических мотивов на советские подходы к затрагиваемым внешнеполитическим проблемам было, насколько можно судить по имеющимся материалам, значительным, но не определяющим, что позволяло Кремлю учитывать свои ближайшие и долгосрочные цели. Дополнительную проблему представляло для Москвы то обстоятельство, что в случае с Болгарией, Венгрией и Румынией приходилось защищать, преодолевая сопротивле-

ние США и их союзников, интересы бывших германских сателлитов.

Для Болгарии основным на Парижской мирной конференции стал вопрос о возвращении Западной Фракии. В начале июня 1946 г. в Москве находились с визитом Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов, в беседах с которыми Сталин коснулся также и предстоящего обсуждения на конференции этой проблемы. Он сообщил болгарам о заявлении советской делегации в Париже, в котором подчеркивалось, что русские и американцы в 1919 г. не были участниками установления греко-болгарской границы и поэтому не признали ее. В этой связи он говорил о праве Болгарии на территориальный выход к Эгейскому морю и советовал этого добиваться. Если решить проблему таким образом не удастся, то, по его мнению, следовало ставить вопрос об экономическом доступе в этот район. В то же время он признавал, что сейчас трудно ожидать положительного решения этой проблемы. "Подобные требования могут быть реализованы только с опорой на силу", — подчеркивал Stalin⁶⁶. Согласно советскому плану, обсуждение "фракийской" темы на заседаниях комиссии по Болгарии предполагалось вести с учетом запасного варианта — проекта интернационализации этого района под международным управлением, и принимая во внимание, что в 1923 г. старая Болгария была на него согласна. Между тем американцы, которые в 1919 г. одобряли передачу Фракии болгарам, сейчас, напомнив участникам конференции о произошедших там после 1924 г. демографических изменениях (имелся в виду обмен населением между Грецией и Болгарией и заселение области просфингами — греками из Турции и Ближнего Востока), а также указав на факт "беспощадной болгарской оккупации и эксплуатации этой области в период второй мировой войны", выступили против такого решения. При этом было подчеркнуто, что Болгария, вчерашний союзник Германии, желает оторвать "кусок земли" у одной из стран-победительниц. Но США отвергли и так называемую "стратегическую поправку" греческой делегации, предусматривавшую исправление границы с Болгарией в пользу Греции таким образом, что первая лишалась 1/10 части своей территории⁶⁷.

М. Пьяде, представитель Югославии на конференции, полностью поддержав болгарские претензии на Западную Фра-

кию и отвергнув греческие территориальные притязания к Албании, Болгарии и Югославии, заявил, что, "основываясь на принципе права народов на самоопределение, югославская делегация резервирует за собой право поставить вопрос об Эгейской Македонии и добиваться того, чтобы македонский народ получил возможность свободного и независимого существования наряду с другими народами"⁶⁸. Однако югославы лишь ограничились этим заявлением и не стали настаивать на обсуждении этой проблемы на конференции, возможно, получив указание из Москвы, которая в то время должна была учитывать неблагоприятную ситуацию, связанную с начавшейся в Греции гражданской войной, обвинениями против Албании, Болгарии и Югославии во вмешательстве этих стран в греческие дела и постановкой этого вопроса на обсуждение в ООН.

Во время проведения Парижской конференции руководство болгарской компартии на одном из своих партийных мероприятий вновь вернулось к вопросу о будущем Македонии. Необходимо отметить, что в упоминавшейся выше инструкции Сталина болгарской делегации, переданной накануне открытия конференции в Париже, значительное место было отведено вопросу о Пиринской Македонии. Как и во время февральской встречи с Димитровым и Тито, Stalin, касаясь вопроса о культурной автономии этого края, подчеркивал, что она должна стать первым шагом к объединению Македонии, с которым, однако, имея в виду текущую ситуацию, не следует спешить. Здесь же он подверг критике болгар, которые, по его мнению, затягивали решение вопроса о предоставлении автономии Пиринскому краю, опасаясь реакции К.Георгиева. Югославское же руководство в инструкции было упомянуто в положительном контексте. "Тито показал себя более гибким, чем вы – возможно, потому, что он живет в многонациональном государстве и должен был предоставить равные права различным народам", – отмечал Stalin. Он считал, что вопрос о Пиринской Македонии был тесно связан с проблемой так называемых "западных краев", которые сербы заняли (по Версальским договорам), главным образом, по стратегическим соображениям и готовы вернуть их болгарам, если Пиринская Македония будет присоединена к югославской Македонии. Признавая, что большая часть этих территорий насе-

лена болгарами, Сталин подчеркивал, что по политическим мотивам "мы все еще абсолютно неспособны возвратить их болгарам". С его точки зрения, "сербы рассматривали бы это как вознаграждение Болгарии, которая оккупировала и грабила сербские территории". В документе также подчеркивалась необходимость развития македонского национального самосознания. При этом Сталин ссыпался на ситуацию в Белоруссии, где, полагал он, такого самосознания не существовало в момент провозглашения ее Советской республикой, но позже стало ясно, что "белорусский народ действительно существует"⁶⁹.

Таким образом, главные опорные точки в решении македонской проблемы, как это понимали в Кремле, в середине 1946 г. были вновь обозначены. Сталин представил болгарам новую, разбитую на этапы формулу обмена территориями, которая полностью отвечала югославским интересам, но также могла оказаться приемлемой и для той части болгарского партийного и государственного руководства (включая и часть оппозиции), которая была против ускоренного объединения Македонии на югославских условиях. Основной задачей на первом этапе должно было стать создание условий для культурной автономии македонцев в Пиринском крае, и лишь затем (точные сроки к досаде Белграда не определялись) можно было ставить вопрос об объединении.

Руководство болгарской компартии послушно следовало советам Москвы. В резолюции X пленума ЦК БРП(к), проходившем в начале августа, говорилось, что, по мнению БРП(к), основная часть македонского народа обрела свой государственный и национальный суверенитет в Народной республике Македонии, входящей в состав ФНРЮ, а объединение "других частей македонского народа должно быть осуществлено на основе" этой республики. Выступавший на пленуме секретарь болгарской компартии Г. Димитров под бурные аплодисменты аудитории заявил, что население Пиринского края "должно немедленно высказаться как часть македонского народа, и эта часть будет впоследствии присоединена к НР Македонии". С этой целью предполагалось "осуществить широкое культурное взаимное проникновение" македонцев двух частей Македонии. Одновременно и в выступлении Г. Димитрова, и в резолюции пленума подчеркивалось, что в

союзном договоре с Югославией будет предусмотрено возвращение Болгарии ее "западных краев".

В декабре 1946 г. болгарские власти провели в Пиринском крае перепись населения, которая, после призывов из Софии, показала, что там проживает от 45% (Горно-Джумая) до 95% (Петрич) македонцев⁷⁰. В последующем югославские власти постоянно использовали результаты этой переписи для того, чтобы заставить Софию признать существование македонского национального меньшинства в Болгарии, претендуя на включение Благоевградского округа в состав Югославии. Ц. Драгойчева, комментируя в 70-е годы решения X пленума партии, писала, что они были приняты под сильным нажимом югославов и, главное, в тот момент, когда Болгария, еще рассматривавшаяся как бывший сателлит Германии, "должна была принять на себя часть последствий поражения". По ее мнению, югославское руководство, "ловко маневрируя в трудной для Болгарии обстановке, сумело навязать свою националистическую точку зрения на устройство Македонии". Отсутствие иного выбора обусловило то, что болгары были вынуждены пойти на "некоторые нежелательные, неправомерные уступки", которые нашли отражение в решениях X пленума по македонскому вопросу, "вопреки воле партии и народа и вразрез с принципами права и справедливости"⁷¹.

Отношение Ц. Драгойчевой к вопросу о судьбе Македонии (которого она придерживалась и в те годы) разделялось не всеми в новой коммунистической болгарской правящей элите. Как отмечал в своем дневнике 23 октября 1945 г. советский посол в Югославии И. Садчиков, беседовавший с ним посланник Болгарии в ФНРЮ П. Тодоров выражал сожаление по поводу того, что в январе 1945 г. Болгария не объединилась с Югославией. По его мнению, тогдашняя обстановка была для этого исключительно благоприятна. Садчиков так передавал версию событий в изложении болгарского дипломата: «По его словам, тов. Молотов В.М. указывал им, болгарам, что если они желают объединиться с Югославией, то надо это делать скорее. Однако болгарское правительство затянуло дело, выдвинув на обсуждение ряд вопросов, мелких и ненужных. В результате время было упущено. Союзники узнали о переговорах и воспротивились им. Так была совершена, по выражению Тодорова, "судьбоносная, фатальная ошибка". Теперь,

сказал посланник, еще долго придется ждать благоприятной обстановки для решения этого вопроса». Садчиков подчеркивал, что Тодоров говорил ему об этом уже второй раз. "Судя по тону его заявлений, он, кажется, сожалеет об этом искренне", – писал советский посол⁷².

В январе 1946 г. В. Молотов заявил прибывшей в Москву правительственной делегации Болгарии, что необходимо подождать подходящего момента для решения как проблемы федерации, так и вопроса о подписании союзного договора с Югославией. Весной того же года П. Тодоров в Белграде в разговоре с Тито поднял вопрос о федерации или конфедерации трех балканских стран – Болгарии, Югославии и Румынии, но в ответ услышал, что для Югославии сейчас эта проблема не стоит на первом месте. Также негативно Тито отнесся и к вопросу о договоре двух стран о дружбе, подчеркнув, что до заключения мирного договора с Болгарией подписание такого договора принесло бы вред. Тито, согласно принятой у "младших" партий в отношениях с ВКП(б) традиции, не забыл пересказать этот разговор советскому послу А.И. Лаврентьеву (кроме того, он обратился к послу с просьбой сообщить мнение Москвы по этому поводу) и обосновал свое отрицательное отношение к этим планам тем, что Болгария все еще формально оставалась монархией и что влияние там компартии "несравненно слабее", чем в Югославии⁷³.

Позицию югославского руководителя можно было бы, на наш взгляд, трактовать, учитывая последующие события (Бледский договор лета 1947 г.), скорее как временный тактический отказ идти навстречу болгарским пожеланиям. Во-первых, Тито знал о все еще отрицательном отношении Москвы к формальным актам между Софией и Белградом и ждал, когда такое разрешение оттуда поступит. Не исключено, что ему стало известно о новых подходах Кремля к македонскому вопросу, которые частично были изложены в беседе Сталина с болгарской делегацией 7 июня в Москве. Он, вероятно, надеялся, что Сталин поддержит югославские условия объединения, которые ему были известны. Во-вторых, болгарская инициатива, исходившая, помимо прочего, от дипломата, а не прямо от болгарского руководства, предполагала (до X пленума БКП(б) было еще несколько месяцев), что договор будет основан на ранее согласованном двумя сторонами с Москвой

проекте, отношение к которому у Тито и его окружения оставалось отрицательным. И, наконец, предложенный П. Тодоровым в апреле вариант федерации (или конфедерации) предлагал подключение еще и Румынии (по ее инициативе), что также не устраивало югославов, не желавших, объединяясь с бывшими сателлитами, рисковать своими интересами на Парижской мирной конференции, где в центре обсуждения оказался вопрос об итalo-югославской границе.

Советская позиция в отношении группы проблем, связанных с Македонией, формировалась осенью 1946 г. под влиянием, как видно из имеющихся документов, сталинских установок, однако учитывала и материалы, поступавшие из МИДа. Одним из таких документов стала обширная, как отмечает Н.Д. Смирнова, докладная записка В.М. Молотову посланника в Болгарии С.П. Кирсанова, занимавшего одновременно пост политического советника при председателе Союзной контрольной комиссии в Болгарии, "Об урегулировании территориальных вопросов между Болгарией и Югославией, о восстановлении болгарской и югославской частей Македонии и о заключении союза между Югославией и Болгарией". В записке повторялся план, изложенный Сталиным в письме от 7 июня, но содержались и новые моменты. Интересно, что в записке приводились и некоторые идеи (в частности, относящиеся к греческой части македонского треугольника) В. Поптомова, которые он высказывал еще в ноябре 1944 г.

С.П. Кирсанов исходил из того, что подписание мирного договора с Болгарией позволит вернуться к обсуждению планов болгаро-югославского союза. До этого, по его мнению, следовало решить территориальные проблемы – передать Болгарии "западные покраины" (районы, отошедшие к Сербии по договору в Нейи) в обмен на болгарскую часть Македонии, воссоединенную с республикой Македония в составе ФНРЮ. По мнению советского посла, такое воссоединение "вызвало бы значительный подъем национально-революционного движения в греческой части Македонии, что способствовало бы ускорению окончательного разрешения македонского вопроса... Следствием было бы также прямое и относительное ослабление Греции"⁷⁴. Кирсанов предлагал действовать в два этапа: "рекомендовать югославской делегации в ходе обсуждения на конференции территориальных претензий Греции к

Албании поднять македонский вопрос, но не в форме предъявления каких-либо контрпретензий на греческую часть Македонии, а в форме указаний на то, что существует еще и македонский вопрос, остающийся до сих пор нерешенным". Затем, согласно его сценарию, югославы и болгары должны были сразу же после выборов в октябре в Великое народное собрание Болгарии сделать заявление о союзе⁷⁵.

Между тем М. Пьяде несколько отступил от рекомендаций Москвы (если считать, что они были получены) и заявил, как мы видели выше, о готовности югославов поставить вопрос об Эгейской Македонии. Он связал его с правом народов на самоопределение и стремлением Югославии добиваться для македонского народа возможности свободного и независимого существования наряду с другими народами. За такой формулой скрывались, вероятно, планы Белграда создать под своим покровительством единую Македонию, которая позже была бы включена в югославскую федерацию.

Подписание в феврале 1947 г. Объединенными нациями мирного договора с Болгарией вновь поставило в повестку дня вопрос о болгаро-югославском договоре о дружбе. Между тем Белград продолжал оказывать давление на Софию, стремясь еще раз добиться от нее безусловного признания своих подходов к македонской проблеме. Так, в декабре 1946 г. югославское руководство подвергло резкой критике болгарских коммунистов за то, что в проекте конституции Болгарии македонцы не были упомянуты как национальное меньшинство, имеющее особый статус, что рассматривалось как нарушение достигнутой ранее договоренности о культурной автономии Пиринского края. Позже такое поведение югославов, учитывая и другие "ошибки", было расценено в Москве как попытка поставить КПЮ в положение "руководящей" партии на Балканах⁷⁶.

В апреле того же года на встрече с Э. Карделем Сталин одобрил югославское намерение после ратификации мирного договора с Болгарией подписать с ней договор, подобный тому, который имелся у нее с Албанией. В то же время Москва еще раз предупредила и Белград, и Софию, что заключать такой договор можно будет только после снятия с Болгарии всех ограничений, связанных с мирным договором. Однако, вопреки этим предупреждениям, Тито и Димитров на перего-

ворах в Бледе 30 июля и 1 августа 1947 г. согласовали основные положения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, а 2 августа информация была опубликована в прессе⁷⁷. В проекте договора предусматривалось, что обмен территориями (Пиринский край в обмен на западные окраины) произойдет после заключения союза между Болгарией и Югославией, т. е. когда между Болгарией и Народной республикой Македонией будут уничтожены границы. Г. Димитров отмечал 1 августа 1947 г. в своем дневнике: "Договорились с Тито и с председателем македонского правительства об общей линии по македонским делам. Не будут предприниматься действия, имеющие непосредственной целью присоединение Пиринского края к Македонской республике"⁷⁸.

Спустя две недели после встречи в Бледе Сталин через советского посла в Югославии А. Лаврентьева направил телеграмму Тито, в которой говорилось, что оба правительства допустили ошибку, "заключив пакт... несмотря на предупреждение Советского правительства". Важной, с нашей точки зрения, представляется завершающая часть послания, показывающая подлинные мотивы беспокойности Кремля. Stalin подчеркивал, что "...своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии"⁷⁹. Известно, что после принятия доктрины Трумэна США вместе с британцами стали активно включаться в балканские дела, пытаясь противопоставить давлению на Грецию с севера сильную греческую армию, получившую дополнительную военно-техническую помощь. Безусловно, это не могло не беспокоить Кремль. Кроме того, Сталину и Молотову, к которым поступала обширнейшая разведывательная информация⁸⁰, было известно и о секретных планах американцев на Балканах.

17 июля 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл сообщил министру обороны о том, что американские войска должны быть готовы оказать помощь греческой армии. Позднее он информировал кабинет о мнении руководителя миссии США в Греции Д. Гризуолда и посла США Макви, считавших, что воинский контингент США мог бы заменить убывающие из Греции британские войска⁸¹. В сентябре госдепартамент и Пентагон посыпают в Грецию директора армейской разведки

генерала Чемберлена, который пришел к выводу о необходимости увеличения американской военной помощи, а также поставил вопрос о возможной посылке войск в случае ухудшения ситуации. В конце октября СНБ США рекомендовал направить в страну дополнительно 90 военных советников для усиления боеспособности греческой армии, а 4 ноября Трумэн одобрил эти рекомендации и секретно информировал об этом руководство конгресса⁸².

Давление на северных соседей Греции, помогавших греческим повстанцам, оказывалось и через ООН, где 21 октября была принята резолюция, осуждавшая Албанию, Болгарию и Югославию за поддержку партизан, что, как отмечалось, создавало угрозу политической независимости и территориальной целостности Греции, а также миру и безопасности на Балканах⁸³.

Несмотря на предостережения Запада, греческие коммунисты не только не думали отказываться от своей стратегии борьбы с афинским режимом, но ставили новые задачи, связанные с планами прихода к власти в стране. На состоявшемся в сентябре 1947 г. в Югославии третьем пленуме ЦК КПГ был одобрен план создания "Свободной Греции" с центром в Салониках (так называемый план "Озера", присланный тогда же в ЦК ВКП(б)), предусматривавший формирование экспедиционного корпуса к весне 1948 г. для взятия столицы Эгейской Македонии⁸⁴. Мы не знаем о том, как отнеслись к планам греческих коммунистов в Москве, но в декабре того же года КПГ с расположенной в Югославии радиостанцией "Свободная Греция" выступила с заявлением о создании Временного демократического правительства Греции (ВДПГ). Можно предположить, что действия руководства греческой компартии осенью 1947 г. могли быть частью разработанного совместно с югославами, игравшими главную роль на балканской сцене, плана дестабилизации и коммунизации Эгейской Македонии, отрыва ее от Греции и последующего включения в федерацию⁸⁵, но уже не только с Болгарией, как планировалось ранее, а теперь и с Албанией. Последняя к концу 1947 г., насколько можно судить по имеющимся материалам, приобретала в планах Белграда все большее значение как альтернатива жестко подчиненной Москве Болгарии, союз с которой можно было бы отложить на последующий период, когда София

будет подчиняться складывающейся, согласно югославской схеме, иерархии отношений на Балканах.

К концу 1947 г. югославское руководство практически полностью взяло под свой контроль принятие важнейших политических и экономических решений в Тиране, выполнив задание по оказанию "товарищеской помощи" албанским коммунистам, полученное из Москвы еще летом 1946 г.⁸⁶ Албания рассматривалась в Белграде фактически как одна из республик югославской федерации, что не могло не вызывать сопротивления со стороны части албанских коммунистов, которые регулярно сообщали о диктаторской политике югославов советским дипломатам. Объем такой информации заставил руководство СССР поднять эту проблему на советско-болгаро-югославской встрече в Москве в феврале 1948 г. Намерение США послать в Грецию свои войска, обсуждавшееся в Вашингтоне после образования в декабре греческими коммунистами Временного правительства, заставило Сталина и Молотова говорить с югославами о необходимости "свернуть восстание в Греции", а в отношении Албании обсуждать вопрос о том, думает ли Белград ее "проглатывать" или нет. Резкое возражение вызвало и решение югославов послать в Албанию пехотную дивизию для того, чтобы, как объяснял Тито советскому послу А. Лаврентьеву, предотвратить захват ее южных районов греческими правительственными войсками.

Возможно, советское руководство догадывалось об истинных планах югославов, и поэтому на той же февральской встрече Сталин, коснувшись вопроса о федеративных планах, неожиданно предложил вариант немедленного создания федерации между Болгарией и Югославией, "а затем обеих с Албанией". Как отмечал Б. Петранович, в марте Э. Ходжа пытался выяснить позицию Тито относительно такой схемы федерации, имея в виду сделанное албанской стороне предложение югославских представителей в Албании С. Златича и генерала М. Купрешанина взять инициативу в этом вопросе в свои руки и потребовать от Москвы объединения с Югославией, объяснив это не внешними причинами, но внутренней ситуацией, и не сообщая об этом болгарскому руководству⁸⁷. Вероятно, в один из моментов албано-югославских переговоров Э. Ходжа заявил, как отмечал в своем отчете советский посол в Албании Д. Чувахин, что "мы, албанцы, согласимся на федерацию

с Югославией лишь тогда, когда нам скажет об этом товарищ Сталин"⁸⁸. В марте 1948 г. генерал Купрешанин поставил перед албанским руководством вопрос о командовании объединенными албано-югославскими вооруженными силами, подчеркнув, что координация их действий на едином фронте невозможна при наличии двух раздельных штабов⁸⁹. Д. Чувахин писал в Москву, что в марте 1948 г. «представитель ЦК КПЮ Златич уже открыто заговорил о "новых формах" сотрудничества между двумя странами», которые "сводились по существу к ликвидации албанской независимости и раскрывали истинные причины всех югославских козней в 1947 г. и особенно в конце ноября–декабре прошлого года"⁹⁰.

Новый вариант балканской федерации, предложенный Сталиным во время февральской встречи, возможно, был частью общего федеративного плана Кремля в отношении Восточной Европы, о котором в конце января 1948 г. неожиданно сказал, вероятно, знавший о нем Г. Димитров (за что затем подвергся сталинской критике). В ходе трехсторонних февральских переговоров Сталин, по словам М. Джиласа, после призыва к скорейшему созданию болгаро-югославо-албанской федерации добавил, что "следует создать федерацию Румынии с Венгрией и Польши с Чехословакией". Сам Джилас предположил, что за этим скрывается идея перестройки Советского Союза путем слияния с "народными демократиями": Украины с Венгрией и Румынией, а Белоруссии с Польшей и Чехословакией, тогда как "Балканские страны объединились бы с Россией!". По мнению югославского функционера, сколь бы туманны ни были эти планы, несомненно одно: "Сталин искал для восточноевропейских стран такие решения и такие формы, которые бы укрепили и на долгое время обеспечили господство и гегемонию Москвы"⁹¹.

Подобная интерпретация Джиласом планов советского руководства (если она была изложена им) могла оказать дополнительное влияние на принятие на состоявшемся 1 марта 1948 г. заседании политбюро ЦК КПЮ решения не форсировать создание федерации с Болгарией, поскольку, как отмечалось, такой шаг только бы осложнил положение Югославии. Москва и София были поставлены в известность об этом, как и о намерении Белграда продолжить и далее обсуждение этого вопроса⁹². Тито на заседании политбюро сделал акцент на

идеологических разногласиях, существующих как между КПЮ и БКП, так и между КПЮ и ВКП(б), являвшихся, с его точки зрения, препятствием для быстрого создания федерации. Подводя итоги обмена мнениями, он отметил: «...болгары форсируют федерацию, но в экономическом плане вопрос не созрел. Вопрос касается единства партии. Мы бы себя обременили. В идеологическом плане они отличаются от нас. Это был бы "тroyянский конь" в нашей партии... Югославия подтвердила свой путь к социализму. Русские по-иному видят свою роль. На вопрос надо смотреть с идеологической точки зрения. Правы мы или они? Мы правы. Они иначе смотрят на национальный вопрос, чем мы. Было бы ошибкой соблюдать коммунистическую дисциплину, если это в ущерб какой-либо новой концепции... Мы не пешки на шахматной доске. Пока не прояснится как выкристаллизовывается вся ситуация, федерация не осуществима... Мы должны ориентироваться только на собственные силы»⁹³. На заседании также было подчеркнуто, что федерация с Болгарией может быть использована Советским Союзом для контроля над Югославией, так как в Болгарии велико советское влияние⁹⁴. Тито отметил и еще одно препятствие к образованию федерации, заключавшееся в том, что оставались территориальные проблемы в отношениях с Болгарией – Цариград, Басилеград, разделенная на округа Пиринская Македония. А. Ранкович, касаясь последнего вопроса, подчеркнул, что ЦК КПЮ не согласен в этом вопросе с позицией болгарских товарищей, поскольку "происходящее сейчас в Пиринской Македонии не отвечает духу наших ранних договоренностей"⁹⁵.

Болгарское руководство, не зная в деталях о новой позиции Белграда, рассчитывало, что к концу 1948 г. федерация трех стран, как и было "рекомендовано" Сталиным во время московской встречи, станет реальностью. В марте Г. Димитров сообщил албанскому посланнику в Софии, что после достижения договоренности между компартиями Болгарии и Албании (примерно в июне) можно будет ожидать окончательного решения парламентов трех стран по вопросу о федерации⁹⁶. Отношение болгар к этой проблематике изменилось после интернационализации летом 1948 г. конфликта Югославии с СССР и странами "народной демократии" и осуждения КПЮ на совещании Коминформа в Бухаресте. В решении

шестнадцатого пленума ЦК БКП, прошедшего в начале сентября, осуждалась югославская политика македонизации Пиринского края, проводимая в нарушение договоренностей в Бледе (хотя именно там договорились о такой культурной политике Белграда), и подчеркивалось, что "федерация южных славян и вероятное присоединение Пиринской области к Народной республике Македония возможны только в Югославии, которая останется верна общему социалистическому и демократическому фронту"⁹⁷.

С началом советско-югославского конфликта постепенно меняется отношение к проблеме федерации всех заинтересованных сторон. Бухарестская резолюция Коминформа обязывала компартии Албании, Болгарии и Греции в течение 1948 г. провести партийные конференции, осуждающие "ошибки югославских товарищ". Все многосторонние планы в контексте новой ситуации были подвергнуты в разной степени пересмотру и в Белграде, и в других столицах. Албано-югославские отношения были прерваны раньше других по инициативе Тираны, расторгшей с Югославией договор о дружбе, подписанный в 1946 г., хотя дипломатические отношения были сохранены. Вопрос о федерации с Болгарией был отложен югославской стороной еще в марте, до начала открытой полемики с Информбюро. Как сообщил Г.Димитров делегатам пятого съезда БКП в декабре 1948 г., югославы одновременно с отказом вести дальнейшие переговоры по этому вопросу, так как, по их мнению, с федерацией не стоило спешить, выдвинули на передний план идею о превращении Пиринского края в автономную область с целью присоединения его к Югославии, независимо от существующей договоренности о создании федерации⁹⁸. Как мы помним, эта идея уже предлагалась Белградом через македонских коммунистов зимой 1944–1945 гг., в период изнурительных, проводившихся через Москву, переговоров с болгарами, а после марта 1948 г., если верна интерпретация Г.Димитрова, она давала югославам возможность решить важную внешнеполитическую задачу, не связывая себя с подконтрольной Москве федерацией с Болгарией.

Сложнее складывались отношения с греческой компартией, которая вела вооруженную борьбу, в значительной мере под влиянием югославов ориентировалась на создание автономного государства в Эгейской Македонии. Белград был

здесь активно вовлечен в процесс, поддерживал партизан политически и помогал им материально. На территории Югославии были расположены базы отдыха греческих повстанцев и госпитали для лечения раненых. Но тем не менее на четвертом пленуме ЦК КПГ в июле 1948 г. была принята резолюция, осуждавшая югославское партийное руководство и одобрявшая действия Информбюро в конфликте с Югославией. Такая позиция греческих коммунистов не привела к немедленному разрыву отношений с Белградом, однако вызвала их охлаждение, а позднее стала оказывать влияние на интенсивность и объем югославской помощи партизанам.

Изменения произошли и в подходах к решению македонской проблемы. Stalin, предложивший югославам в феврале 1948 г. "завершить восстание в Греции", вероятно, хотел отменить "поручение", данное ранее Белграду. Причин было, по меньшей мере, две: угроза вооруженного вмешательства США в ситуацию на Балканах (об этом было известно только Кремлю) и желание уменьшить влияние Белграда в регионе, подчинив его действия жестким инструкциям из Москвы. Руководство греческой компартии восприняло указание советских лидеров, переданное им через югославов, "диалектически", приняв 30 марта на заседании политбюро решение о развертывании вооруженной борьбы в городах⁹⁹. Вероятно, КПГ рассчитывала таким образом снять напряжение на северных границах и отвлечь внимание Запада, показав автохтонный характер "демократической революции" в Греции. Кремль со своей стороны предпринял попытки дипломатического прикрытия новой тактики КПГ, в очередной раз поверив Н. Захариадису, сумевшему убедить советское руководство в скорой победе Демократической армии Греции (ДАГ) над "монархо-фашистами".

В конце июня 1948 г. временный поверенный СССР в Греции Н. Чернышев посетил заместителя премьер-министра Цалдариса и предложил ему обсудить возможность начала переговоров между двумя странами по широкому кругу проблем, включая Северный Эпир, Кипр, отношения с северными соседями, поставив условие, что на предварительном этапе Цалдарис будет вести их, не информируя других членов правительства. США и Великобритания, которые были оповещены об этой инициативе греками, в целом скептически восприняли

советский метод "коммуникации", а британский министр иностранных дел Э. Бевин расценил это как советскую ловушку, поставленную с целью обострения отношений внутри греческого руководства¹⁰⁰. Госдепартамент тогда же получил информацию о том, что Москва подталкивает Болгарию к нормализации отношений с Грецией, но в Вашингтоне с недоверием восприняли болгарские попытки в конце мая 1948 г. восстановить дипломатические отношения с Афинами¹⁰¹.

Изменение позиции КПГ по отношению к югославской компартии после начала советско-югославского конфликта вызвало раскол в рядах греческих коммунистов. Промосковской группе во главе с генеральным секретарем Н. Захариадисом теперь противостояла часть славо-македонцев, которая традиционно поддерживала Белград и его идею присоединения Эгейской Македонии к югославской Македонии. В свою очередь и объединявший греческих македонцев Народно-освободительный фронт (НОФ) Эгейской Македонии также раскололся на тех, кто сохранил лояльность КПГ и болгарской компартии, и сторонников КПЮ. Можно предположить, что первые как более восприимчивые к лозунгу самостоятельного македонского государства были использованы Софией и частью руководства КПГ для поддержки отвечавшего их интересам лозунга собственной государственности. В новых условиях, когда Москва уже не поддерживала Югославию, в Болгарии вновь должны были активизироваться противники включения Пиринской Македонии в состав Югославии и сторонники идеи независимой Македонии, выдвигавшейся ВМРО. У руководства КПГ, выступившего на пятом пленуме ЦК в январе 1949 г. с инициативой создания "народно-демократической федерации балканских народов", в которой Македония стала бы равноправным субъектом, существовал и сиюминутный, тактический мотив, заключавшийся в необходимости укрепления Демократической армии Греции, что можно было сделать только за счет славо-македонцев, стремившихся создать собственное государство. С этой же целью позднее во Временное демократическое правительство Греции были введены и представители этого национального меньшинства.

Спустя несколько дней после завершения работы пятого пленума ЦК КПГ на пленуме Центрального совета НОФ, со-

стоявшемся 3 февраля 1949 г. с участием Захариадиса, был поставлен вопрос о необходимости обеспечить мобилизацию всего македонского народа на борьбу с монархо-фашизмом. Там же было решено созвать в марте второй съезд НОФ и провозгласить объединение Македонии в "единое, независимое, равноправное Македонское государство в рамках народно-демократической федерации балканских народов", что, как подчеркивалось, должно было стать "наградой македонскому народу за его многолетнюю кровавую борьбу"¹⁰². В болгарской печати решения НОФ были положительно прокомментированы как выступление против "националистической позиции КПЮ"¹⁰³.

Проекты греческих коммунистов и поддерживающих их болгар были отрицательно встречены в Белграде. В письме ЦК КПЮ в адрес ЦК КПГ от 3 марта содержалась резкая критика намерений НОФ провозгласить на своем предстоящем съезде "объединение Македонии в единое, независимое, равноправное с другими государства в составе народно-демократической федерации балканских народов". Югославское партийное руководство заявило о неприемлемости попыток решить македонский вопрос кем-либо из Эгейской или Пиринской частей от имени "Народной Республики Македония, которая уже объединяет большинство македонского народа". Как считали в Белграде, подобная политика была направлена против федеративной Югославии, дополнительным свидетельством чего стала поддержка тезиса о независимой Македонии болгарской печатью¹⁰⁴.

В ответных письмах греки заявляли, что основным мотивом, заставившим их занять такую позицию по македонскому вопросу, стала политика группы Керамеджиева в Скопье (этота группа была частью руководства НОФ, выступавшего за присоединение Эгейской Македонии к федеративной Югославии), которая "пропагандирует нам здесь открыто, что Эгейская Македония должна войти в Вардарскую Македонию... Категорически отвергаем, что с нашей стороны ведется какая-либо кампания против Югославии"¹⁰⁵. Очевидно, что руководство греческой компартии, несмотря на коминформовскую кампанию против Югославии, в которой оно должно было принимать участие, не готово было идти на окончательный разрыв с Белградом, что, учитывая размеры и формы юго-

славской вовлеченности в греческую ситуацию, серьезно ослабило бы позиции ДАГ.

Этими соображениями была вызвана избранная греческим руководством тактика лавирования. На состоявшихся в середине марта в Белграде переговорах члена ЦК КПГ М. Порфиогениса с секретарем КП Македонии Л. Колишевским югославская сторона, наряду с македонской темой, критиковала и позицию КПГ в связи с резолюцией Информбюро. М. Порфиогенис вынужден был признать, что КПГ не может занимать двойственную позицию по основному вопросу – о руководящей роли ВКП(б), именно этим и была продиктована позиция греческой компартии по отношению к решениям Информбюро. Вскоре руководство греческой компартии направило информацию о развитии ситуации в Москву. "Колишевский выдвинул свои условия, которые сводились не к политическим вопросам, а к назначению его агентов на важные посты в КПГ, в Демократической армии и в НОФ". Кроме того, объяснялось, что использование тезиса о независимой Македонии "было вызвано необходимостью дать отпор пропаганде клики Тито о воссоединении с Македонией Вардар". В послании отмечалось, что предстоящий съезд НОФ не будет объявлять независимость Македонии, но в соответствии с решениями пятого пленума ЦК КПГ изменит программу НОФ в вопросе о македонцах, укажет на необходимость добиваться равноправия македонского народа в составе греческого государства¹⁰⁶.

На открывшемся 25 марта втором съезде НОФ, где присутствовало 600 делегатов, представлявших также Пиринскую и Вардарскую Македонию, тем не менее была принята резолюция, в которой получили отражение планы создания автономного государства из всех частей Македонии, включая албанскую и турецкую¹⁰⁷. Было решено создать и собственную компартию в составе КПГ – Коммунистическую организацию Эгейской Македонии (КОЭМ), что было положительно встречено в Болгарии. "Работническо дело" расценило создание КОЭМ "как краеугольный камень на пути к независимости Македонии"¹⁰⁸. Конъюнктурная политика институционального оформления славо-македонцев внутри КПГ и НОФ была продолжена в апреле, когда во Временное демократическое

правительство были избраны два представителя НОФ – П. Митревски и С. Гоцев¹⁰⁹.

У нас нет материалов о реакции Кремля на греко-югославскую межпартийную полемику по македонскому вопросу, но можно предположить, что он готов был направить ее в антиюгославское русло, использовать некоторые решения руководства КПГ для дальнейшей компрометации югославской компартии и ее внешнеполитического курса. Так, советское посольство в Югославии именно в этом ключе пыталось трактовать ситуацию на Балканах. В справке, присланной в МИД в конце лета 1949 г. первым секретарем посольства А. Зубовым, анализировалась мартовская статья члена ЦК КПЮ М. Пьяде о балканской федерации, появившаяся в "Борбе", и обращалось внимание на ту ее часть, где выдвигались обвинения против Болгарии, стремившейся к объединению трех частей Македонии в одно независимое государство. Как считал Зубов, смысл статьи в "Борбе", как и "всей пропаганды клики Тито в этом вопросе", состоял в том, чтобы "усилить провокационное движение в Эгейской Македонии против компартии, расколоть единый фронт борьбы греческого народа и всю вину за это свалить на болгарскую компартию и Информбюро". Такая позиция – представить действия Москвы и ее союзников в отношении Белграда как средство запугивания – позволила, как отмечал автор справки, внести дезорганизацию в отдельные части народно-освободительной армии (ДАГ) в Эгейской Македонии. Зубов сообщал о том, что в НР Македонии находится большое число бойцов этой армии, состоящей главным образом из эгейских македонцев, которых югославы используют на "черновых работах" и не позволяют им возвращаться в Грецию¹¹⁰. Обращала внимание советская дипломатия и на ситуацию в Пиринской Македонии. Так, советник посольства СССР в Софии К. Левычкин, вероятно со слов болгарских официальных лиц, сообщал в Москву о "противоболгарской деятельности югославских националистов" в этом районе, репрессиях против проживающих там болгар (что не совсем понятно, так как Пиринская Македония оставалась в составе Болгарии), практике выселения из Югославии болгарских студентов и специалистов¹¹¹. Тогда же, в марте 1949 г., секретарь советского посольства в Болгарии Коновалов посетил заместителя министра иностранных дел Болгарии Гановского

и просил его предоставить материалы "относительно болгаро-греческих отношений". Болгарский дипломат обещал подготовить и прислать материалы по этому вопросу в советское посольство¹¹².

Маневры руководства КПГ вокруг македонской проблемы рассматривались в Югославии как составная часть "информбюровской антиюгославской кампании", а в Лондоне, как пишет Б. Кондис, как часть разработанного в Москве плана по созданию блока в южной части Югославии под эгидой Болгарии, целью которого было "дать славянам, расположенным к северу от греческой границы, предлог для начала борьбы за автономное государство на греческой территории"¹¹³.

Греческая проблема была одной из главных в новой американской политике по отношению к Югославии после начала советско-югославского конфликта. Осторожно, но настойчиво, исходя из задач доктрины Трумэна, Вашингтон добивался от Белграда по дипломатическим каналам прекращения поддержки греческих партизан. Главной "приманкой" американцев была экономическая помощь и кредиты, что было жизненно важно для югославов в условиях начавшейся блокады со стороны СССР и стран советского блока. В конце апреля 1949 г., почти в разгар полемики КПЮ с КПГ по македонскому вопросу, в Белград прибыл Ф. Маклин, бывший глава британской военной миссии при штабе НОАЮ, которого с Тито связывали дружеские отношения. Как писала Е. Баркер, британский генерал в беседах со своим "фронтовым другом" разъяснил ему преимущества прекращения помощи греческим повстанцам. Очевидно, югославы ждали такой постановки вопроса, так как незадолго до этой встречи в Вашингтоне посол Югославии в США С. Косанович и экономический советник М. Филипович в беседе с представителями госдепартамента и министерства экономики США сделали Всемирному банку кредитную "заявку" на 200 млн долл., подчеркнув, что югославское правительство рассчитывает на благожелательное рассмотрение этой просьбы¹¹⁴. Поэтому Тито, вероятно, просчитав со своими коллегами все варианты, решил "поступиться принципами" и заверил Маклина, что Югославия закроет в скором времени свою южную границу и прекратит материальную помощь партизанам, подчеркнув при этом, что экономическое выживание Югославии будет зависеть от за-

падной помощи, кредитов и поставок товаров¹¹⁵. 6 июня во время встречи американского посла в Белграде К. Кеннона с Э. Кардем и А. Беблером югославы, затронув греческую проблему, сообщили послу, что у Югославии в Греции больше нет друзей¹¹⁶. 10 июля Тито заявил о решении югославского правительства закрыть границу с Грецией. Еще во время майской встречи с Маклином югославский руководитель обещал, что партизанам не будет позволено возвращаться в Грецию для участия в антиправительственной борьбе, а также прекратится оказание разного рода помощи¹¹⁷.

Заявление Тито, сделанное 10 июля в Пуле, расценивалось в цитированной выше справке первого секретаря советского посольства в Белграде А. Зубова о югославо-греческих отношениях как "логическое завершение предательской политики югославских руководителей в греческом вопросе". Советский дипломат подчеркивал, что граница полностью закрыта для греческих демократов, но она остается "открытой, как и прежде, для предателей греческого народа, которые, действуя в союзе с югославскими властями и англо-американскими империалистами, вносят разложение в ряды демократических войск". Анонимными предателями, как можно предположить, в этом документе могли быть названы ориентированные на Скопье эгейские македонцы, а также часть руководства НОФ, отказавшаяся признать резолюцию Информбюро и решения пятого пленума ЦК КПГ и переехавшая в Югославию (Пейов, Гоцев и другие). После победы на этом пленуме промосковской группы во главе с Н. Захариадисом из руководства греческой компартии были окончательно выведены М. Вафиадис (генерал Маркос) и его сторонники. Зубов, описывая отношение югославского руководства к "освободительной борьбе греческого народа и его руководителям", отмечал, что его "предательский характер" начал "более откровенно" проявляться со второй половины 1948 г., что выразилось в "торможении помощи греческому освободительному движению, плохом отношении к раненым партизанам, находящимся в югославских госпиталях", попытках «задерживать на своей территории бойцов освободительной армии после их выздоровления, подстрекать македонцев в Эгейской Македонии на эмиграцию в Югославию, чинить препятствия для нормальной работы радиостанции "Свободная Греция" и так далее».

Как считал секретарь советского посольства, одной из причин такой позиции Белграда "явилось то, что руководство греческой компартии, хотя и не осудило публично в то время предательства руководителей КПЮ, но и не заявило о своей солидарности с Тито и его приспешниками". Поворотным моментом, по мнению Зубова, стал пятый пленум ЦК КПГ, где "были осуждены оппортунистические тенденции, появившиеся у отдельных руководителей компартии Греции, и намечена линия решительной борьбы с монархо-фашистами и иностранными интервентами"¹¹⁸.

Справка Зубова была прислана в Москву 10 августа 1949 г., что совпало с началом масштабной операции греческих правительственные войск в районе Вици и Грамос, опорных пунктах партизан, приведшей к поражению последних и их массовой эвакуации в Албанию и Югославию. После августа 1949 г. более 35 тыс. эгейских македонцев бежали в Югославию, а поражение КПГ в гражданской войне "закрыло" для Белграда тему балканской федерации, трансформировав македонскую проблему в плоскость защиты славо-македонского меньшинства в Греции. Нормализация отношений между Белградом и Афинами, начавшаяся с секретных контактов в марте 1949 г. и патронируемая США и Великобританией, осложнилась различными оговорками югославов, в том числе и требованиями к греческой стороне соблюдать права эгейских македонцев. В свою очередь греки обвиняли Белград в том, что он удерживает на своей территории греческих детей, незаконно депатрированных в Югославию в годы гражданской войны в Греции¹¹⁹. Осенью 1950 г. Белград вернул часть детей, а вскоре, благодаря посредничеству США и Великобритании, началась нормализация югославо-греческих отношений.

* * *

Обсуждение в ходе второй мировой войны в правительственные кругах союзников по антигитлеровской коалиции планов послевоенного устройства Юго-Восточной Европы поставило в повестку и вопрос о Македонии. Вскоре македонская проблема перешла из области теоретических дискуссий в сферу практической реализации. В силу объективных причин

главную роль в этом удалось сыграть народно-освободительному движению Югославии под руководством КПЮ. Югославские коммунисты выдвинули свою концепцию будущего Македонии и, отстаивая ее в полемике с болгарами, сумели при поддержке Москвы осенью 1944 г. объявить (в рамках своего проекта федеративной Югославии) о создании Народной республики Македония. По замыслу югославского руководства, республика должна была стать центром, вокруг которого в скором времени объединились бы македонцы из Болгарии и Греции. Решения АСНОМ в августе 1944 г. можно считать, таким образом, главным этапом в долгих спорах о судьбе македонской нации.

В конце войны македонская проблема заняла определенное место как в отношениях между ВКП(б), БКП и КПО в связи с планами балканской федерации, так и в отношениях СССР с западными союзниками, которые были против попыток превращения Болгарии, бывшего германского сателлита, в легитимного члена коалиции еще до урегулирования всех вопросов на мирной конференции. Другим мотивом, заставлявшим Великобританию и США выступать против югославо-болгарской федерации, было опасение, что она станет одним из элементов советского блока и усилит позиции Москвы в регионе. Советское руководство наложило временный запрет на реализацию планов федерации, предложив Софии и Белграду заняться вопросом подготовки культурной автономии Пиринского края как предварительной акции будущего объединения.

Белград, следуя указаниям из Москвы, снижает активность на "болгарском направлении", но усиливает свою политику в Албании и вмешивается в греческие события. Гражданская война в Греции позволяла югославскому руководству надеяться на появление еще одного члена федерации и на расширение федеративной Македонии за счет греческой (Эгейской) части. Сталин, внимательно следивший за политикой Тито на Балканах, к концу 1947 г. приходит к выводу о необходимости коррекции слишком активного югославского курса и более жесткому его подчинению Москве. Возникший как результат этих намерений и сопротивления Тито в 1948 г. советско-югославский конфликт снимает вопрос о федерации и резко ограничивает возможности югославской политики. Перспек-

тива территориальных изменений в пользу Югославии путем присоединения Пиринской и Эгейской Македонии к балканской федерации исчезает, и Белград возвращается к "минималистской" программе, основной задачей которой становится защита македонского национального меньшинства в Болгарии и Греции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Đuretić V. *Vlada na bespuću. Internacionalizacija jugoslovenskih protivvjećnosti 1941–1944*. Beograd, 1983. S. 108–124.
- ² Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство: С конца первой мировой войны и до создания национального государства. Скопье, 1985 Т. II. С. 384.
- ³ Киселиновски Ст. Националното и државното во македонското революционерно движење (1893–1944) // АСНОМ: Педесет години македонска држава 1944–1994. Скопје, 1995. С. 73.
- ⁴ Документы о борьбе... С. 384.
- ⁵ Resurgent irredentism. Documents on Skopje "macedonian" nationalist aspirations (1934–1992). Thessaloniki, 1993. P. 24–25. Б. Петранович отмечал, что немецким победам особенно радовались македонцы. Политика Белграда на юге этому способствовала. На возможный приход болгар смотрели как на национальное освобождение. Накануне апрельской войны (1941 г.) просербская линия в Македонии почти потеряла свою основу (*Petranović B. Srbija i drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd, 1992. S. 62–63).
- ⁶ См. письмо М. Шаторова "Стояну" от мая 1941 г. (Документы о борьбе... С. 385–389), а также: Киселиновски С. Указ. соч. С. 74.
- ⁷ Документы о борьбе... С. 393–395. (Подробнее о событиях вокруг М. Шаторова, обостривших весной 1941 г. отношения между БКП и КПЮ, см.: Драгойчева Ц. Македония – не повод для вражды, а фактор добрососедства и сотрудничества. Воспоминания и размышления. София, 1979. С. 52–58).
- ⁸ Там же. С. 391–392.
- ⁹ Там же. С. 392–393.
- ¹⁰ Там же. С. 397–398.
- ¹¹ Там же. С. 413.
- ¹² Đuretić V. Op. cit. S. 109–112.
- ¹³ Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 16–17. Так называемая "великосербская угроза" была вполне реальной. Летом 1942 г. в Македонию из Сербии в качестве представителя Д. Михайловича для организации четнического движения прибыл М. В. Трбич (Документы о борьбе... С. 444).
- ¹⁴ Deakin W. British military mission in Serbia and Macedonia (1943–1945). Зборник на трудови посветени на академикот Михаило Апостолски. Скопје, 1986. С. 268.
- ¹⁵ Документы о борьбе... С. 453.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 463–466.

- ¹⁸ Там же. С. 484.
- ¹⁹ Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54.
- ²⁰ Гибианский Л. Я. Балканский узел // Вторая мировая война... С. 95.
- ²¹ Там же.
- ²² Broz-Tito J. Sabrana djela. Beograd, 1961. Т. 19. С. 251.
- ²³ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. Москва–Новосибирск, 1997. С. 30.
- ²⁴ Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second Word War. London, 1976. Р. 197.
- ²⁵ Документы о борьбе... С. 485–486.
- ²⁶ Barker E. Op. cit. Р. 134–141.
- ²⁷ Ibid. Р. 187. Панславянская концепция Кремля стала предметом исследования в Форин офисе уже в конце августа 1941 г., вскоре после Всеславянского митинга 10 августа в Москве. Уже тогда в Лондоне пытались прогнозировать реакцию греков и турок на созданиебалканской федерации с учетом их традиционных страхов перед панславизмом. Британский дипломат С. Криппс в докладе А. Идену от 8.09.1941 г. отмечал, что панславистская пропаганда Москвы имеет двоякую цель: во-первых, поощрить борьбу с державами "оси", а во-вторых, создать основы новой послевоенной политики (*Duretić V* Op. cit. S. 113–114).
- ²⁸ Миноски М. Македонското прашанье во межнародните односи во времето на одржуването на првото заседание на АЧОМ (1943–1944) // АЧОМ. Педесет години... С. 236.
- ²⁹ Barker E. Op. cit. Р. 199.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Документы о борьбе... С. 677.
- ³² Там же. С. 678.
- ³³ Смирнова Н. Д. "Греческий вопрос" на Парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. М., 1988. С. 8–9.
- ³⁴ Миноски М. Указ. соч. С. 246–247.
- ³⁵ Бужашка Б. БРСДП(о) и македонския въпрос (1914–1947 г.) //Иследвания по македонския въпрос. София, 1993. Кн. I. С. 217.
- ³⁶ Рачев С. Чърчил, България и Балканите (1939–1945). София, 1995. С. 377.
- ³⁷ Гиренко Ю. С. Сталин–Тито. М., 1991. С. 225; Avramovski Z. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federacije (1944–1947) // Istoriya 20 veka. 1983. N 2. S. 91–92.
- ³⁸ Рачев С. Указ. соч. С. 390–391.
- ³⁹ Документы о борьбе... С. 728–729.
- ⁴⁰ Там же. С. 730.
- ⁴¹ Avramovski Z. Op. cit. Р. 92.
- ⁴² Ibid. S. 98–103.
- ⁴³ Ibid. S. 105–107.
- ⁴⁴ Ibid. S. 107–108.
- ⁴⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... С. 128–129.
- ⁴⁶ Там же. С. 129.
- ⁴⁷ Там же С. 130.
- ⁴⁸ Resurgent irredentism... P. 44.
- ⁴⁹ Avramovski Z. Op. cit. S. 110.
- ⁵⁰ Ibid. S. 116.

- ⁵¹ Ibid. S. 95.
- ⁵² Barker E. Op. cit. P. 201–202.
- ⁵³ Ibid. P. 202.
- ⁵⁴ Документы о борьбе... С. 735.
- ⁵⁵ Миноски М. Указ. соч. С. 251.
- ⁵⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 346. Д. 4. П. 158а. Л. 20.
- ⁵⁷ Там же. Д. 5. П. 158а. Л. 46.
- ⁵⁸ Там же. Л. 1–2, 9–13.
- ⁵⁹ Там же. С. 15.
- ⁶⁰ Там же. С. 2.
- ⁶¹ Улунян Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. М., 1994. С. 157–200.
- ⁶² Karalekas A. Britain, the United States, and Greece. 1942–1945. N. Y.; London, 1988. P. 218–219.
- ⁶³ См. подробнее: Гибианский Л. Я. Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Stalin and cold war... С. 44–62.
- ⁶⁴ Ibid. P. 220–221.
- ⁶⁵ Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 157.
- ⁶⁶ Resurgent irredentism... Р. 49. Авторы публикации приводят выдержку из беседы Сталина с болгарской делегацией, опубликованной 19 июня 1991 г. в болгарском еженедельнике "Отечествен вестник".
- ⁶⁷ См. подробнее: Смирнова Н. Д. Указ. соч. С. 12–15.
- ⁶⁸ Цит. по: Смирнова Н. Д. Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁹ Resurgent irredentism... Р. 48–49.
- ⁷⁰ Документы о борьбе... С. 747–749.
- ⁷¹ Драгойчева Ц. Указ. соч. С. 94.
- ⁷² Восточная Европа в документах российских архивов... С. 275.
- ⁷³ Гибианский Л. Я. Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 103.
- ⁷⁴ Смирнова Н. Д. Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ РЦХДНИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22–23.
- ⁷⁷ Гиренко Ю. С. Указ. соч., с. 324–325.
- ⁷⁸ Драгойчева Ц. Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁹ Гиренко Ю. С. Указ. соч. С. 325.
- ⁸⁰ Если верить советскому разведчику Ю. Модину, мемуары которого широко используют в своей монографии В. Зубок и К. Плешаков, Сталин и Молотов часто получали информацию о британско-американских переговорах в 1940-е годы скорее, чем она доходила до госдепартамента или Форин офиса. Сталин сам просил разведку в годы войны добывать ему информацию о любых разговорах Черчилля и Рузельта. Однако, как отмечают авторы книги, его великолепная система разведки (надо отметить, что она продолжала действовать и в годы холодной войны) не давала Сталину ощущения внутренней безопасности, но, наоборот, дополнительная информация усиливала чувство горечи и одиночества (Zubok V., Pleshakov K. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge-London, 1996. P. 23–24).

- ⁸¹ Leffler M. D. A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, 1992. P. 194.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ Yearbook of the United Nations. 1947–1948. N. Y., 1949. P. 300–301.
- ⁸⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 1079. Л. 130–132.
- ⁸⁵ Планы захвата восточной части Эгейской Македонии с центром в Салониках рассматривались руководством КПГ еще в апреле 1947 г., причем подчеркивалось, что этот район является "наиболее слабым и чувствительным пунктом для врага и областью, где народно-демократическое движение обладает наиболее благоприятными политico-социальными предпосылками" (Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 189).
- ⁸⁶ АВП РФ. Ф. 067. Оп. 14. Д. 9. П. 104. Л. 1.
- ⁸⁷ Petranović B. Balkanska federacija. 1943–1948. Beograd, 1991. S. 200–201. Об организации албанской армии по типу югославской и разработанных в этом направлении планах Белграда сообщал в Москву советский посол в Албании Д. Чувахин (АВП РФ. Ф. 067. Оп. 166. П. 117а. Л. 91).
- ⁸⁸ АВП РФ. Ф. 067. Оп. 166. П. 117а. Л. 148.
- ⁸⁹ Petranović B. Op. cit. S. 168.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 067. Оп. 166. П. 117а. Л. 155.
- ⁹¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 127.
- ⁹² Kardelj E. Borba za priznanije i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Sećanja. Ljubljana-Zagreb, 1986. S. 120.
- ⁹³ Цит. по: Гиренко Ю. С. Указ. соч. С. 346.
- ⁹⁴ Dedijer V. Novi prilozi za biografiju I. Broza-Tito. Beograd, 1984. Т. 3. С. 303–307.
- ⁹⁵ Petranović B. Op. cit. S. 200–201.
- ⁹⁶ Ibid. S. 168.
- ⁹⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 46. П. 147. Л. 100–102.
- ⁹⁸ Драгойчева Ц. Указ. соч. С. 98.
- ⁹⁹ Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 230.
- ¹⁰⁰ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1948. V. IV. P. 115–117.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 106.
- ¹⁰² Документи за учаството на македонскиот народ од егејскиот дел на Македонија во граганската војна во Грција в 1949 година. Скопје, 1983. С. 53–55.
- ¹⁰³ Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 233.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 235–236.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 237.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 238–239.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 239. Греческий исследователь истории гражданской войны Б. Кондис указывает, что съезд, учитывая ситуацию, отказался от провозглашения объединенной Македонии, подтвердив прежнюю позицию о готовности македонского народа определить свой статус после победы ДАГ в Греции (Kondis B. The "Macedonian question" as a Balkan Problem in the 1940-s // Balkan Studies. 1987. V. 28. N. 1. P. 159).
- ¹⁰⁸ Работническо дело. 1949. 19.05.
- ¹⁰⁹ Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 240.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. П. 143. Л. 6. В начале февраля 1949 г. в Скопле находилась делегация КПГ–НОФ, одной из задач которой было проведение мобилизации в ДАГ эгейских македонцев, эмигрировавших по раз-

ным причинам в Югославию, в том числе и в связи с отказом принять позицию КПГ, которая одобрила резолюцию Информбюро. Однако власти Югославии воспрепятствовали подобному силовому рекрутированию, что, как отмечалось в югославских документах того периода, наряду с активным включением КПГ в антиюгославскую кампанию привело миссию греческих коммунистов к неуспеху (Документи за учаството на македонскиот народ... С. 24, 58–59).

¹¹¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. Д. 3. П. 151. С. 54–56.

¹¹² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. Д. 11. П. 151. Л. 36–37.

¹¹³ Документи за учаството на македонскиот народ... С. 53–55; *Kondis B.* Op. cit. Р. 159.

¹¹⁴ FRUS. 1949. V. V. P. 891.

¹¹⁵ Barker E. The British between the super powers. 1945–1950. London, 1983. Р. 165.

¹¹⁶ FRUS. 1949. V. V. P. 866, 893–896. ЦК КПГ в течение весны–лета 1949 г. так и не ответил на поставленные в письмах ЦК КПЮ вопросы относительно позиции греческой компартии по македонскому вопросу и в первую очередь в связи с тезисом о "независимой Македонии". При этом югославское руководство резко заявляло о невозможности "сотрудничать вслепую" с греческой компартией. Представитель КПГ при КПЮ писал в ЦК КПГ, что затягивание с ответом будет рассматриваться в Белграде как то, "что вы прервали с ними всякую связь" (Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 243).

¹¹⁷ FRUS. 1949. V. VI. P. 363.

¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. П. 143. Л. 60–62.

¹¹⁹ Sednice Centralnog Komiteta KPJ (1948–1952). Beograd, 1985. S. 477; Heunser B. Western "Containment" Policies in the Cold War: the Yugoslav Case. 1948–1953. London, 1989. Р. 91–92.

Р.П. Усикова
(Московский государственный университет)

**К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ
ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ
О МАКЕДОНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Полвека назад, в 1948 г., в "Вестнике Московского университета" (№ 2. Филология), была опубликована статья С.Б. Бернштейна "К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке"¹. Македонский литературный язык правительственным декретом был провозглашен официальным языком образованного в 1944 г. первого государства славян-македонцев – Республики Македонии в составе федеративной Югославии и получил основные нормы графики, орфографии и грамматических форм в 1945 г. Статья Самуила Борисовича Бернштейна фактически явилась первым в мировой славистике научным откликом на сам факт кодификации и одновременно исследованием молодого литературного славянского языка, которому еще только предстояло стать высокоразвитым полифункциональным языком македонского этноса и средством межнационального языкового общения в ныне суверенном (с 1991 г.) государстве, называющемся Республика Македония.

С.Б. Бернштейн, вслед за своим учителем А.М. Селищевым, на протяжении всей своей профессиональной жизни уделял большое внимание изучению македонского языка, истории его письменности, культуры и диалектов. Широко и глубоко образованный славист, Самуил Борисович в своих научных изысканиях всегда был предельно честен и не поддавался ни на какое политическое давление. Если условия для публикации были неблагоприятны, он не выступал в печати, ожидая лучших времен.

В указанной статье С.Б. Бернштейна можно выделить два основных момента. Первый, принципиально важный, – автор

характеризует македонский язык и македонскую культуру в их историческом развитии, знакомя читателя со славянским языком, который в результате кодификации 1945 г., т. е. за два года до написания статьи С.Б. Бернштейна, вышел на уровень современных славянских литературных языков. Опираясь на труды отечественных и зарубежных славистов, С.Б. Бернштейн рассматривает историческое развитие македонского языка и письменности начиная со славянских диалектов древней географической области Македонии X–XI столетия, т.е. с македонских говоров старославянской эпохи. Автор статьи подчеркивает, что деятели македонской культуры в прошлом писали либо на своем родном говоре, либо на болгарском или сербском языках (речь идет о XIX–XX вв.). В своей статье Самуил Борисович упоминает К. Пейчиновича, писавшего на дольнеположском говоре, о братьях Миладиновых, пользовавшихся говором родного города Струги на Охридском озере, об "известном македонском поэте Райко Жинзифове, родившемся в г. Велесе (1839–1877)"². Он подчеркивает, что прежде македонские славяне не могли свободно строить свою государственность, пользоваться родным языком во всех сферах коммуникации и что македонские деятели культуры, писавшие на родном говоре, целой системой административных мер были отгорожены от своего народа, просвещение которого всецело находилось в чужих руках. Приходится лишь со жалеть о том, что некоторые современные исследователи истории славянских культур на Балканах не знают или не хотят знать того, о чем писал в этой статье С.Б. Бернштейн и что было известно уже в сороковые годы нашего века.

В течение многих веков славянский этнос македонских земель подвергался государственному и культурному давлению. Македонские славяне находились на низшей ступени социальной иерархии. В основном это были крестьяне, пользовавшиеся в общении своим родным сельским говором. Лишь отдельные представители македонского народа имели возможность получить образование, причем за границей и на чужом языке. Находившаяся в течение более пятисот лет под властью Османской империи географическая область с древним названием Македония в первой половине XX в. была поделена между соседними балканскими государствами – Болгарией, Югославией и Грецией. Славянский этнос, посе-

лившийся в Македонии с момента прихода славянских племен на Балканы, из политических соображений называли и сербами, и болгарами, и греками-«славянофонами». На своем родном языке (диалекте, городском койне) македонцы могли общаться лишь в неофициальной (домашней) обстановке, в то время как при официальной коммуникации имели право говорить исключительно на чужом языке государства, в которое входила территория их проживания, т.е. сначала на турецком, а затем, в первой половине XX в., соответственно на сербско-хорватском, болгарском или греческом языках. И только на этих же языках после первой мировой войны и до 1945 г. они могли получать образование, даже начальное. Таким образом, в течение почти тысячелетия жизни на Балканах славянский этнос Македонии существовал в языковой ситуации диглоссии и многоязычия.

В своей статье С.Б. Бернштейн подходит к истории языка и культуры македонского славянского этноса с тех же принципиальных позиций, что и к другим юнославянским этносам, которые на несколько десятилетий опередили македонцев в формировании современных наций, государств и литературных языков. Сколько бы долг ни был период совместного близкого и параллельного развития этих славянских этносов, каждый из них, в том числе и македонский славянский этнос, ведет начало от распада праславянского единства и формирования своих собственных диалектов и диалектных групп. Думается, что такой подход Самуила Борисовича, опирающийся на традиции славяноведения, абсолютно правомерен.

Борцы за создание свободной Македонии преследовались в XIX–XX вв. всеми средствами, которыми располагала полицейская власть правивших на этой территории государств. Попытки создать кодифицированный македонский литературный язык предпринимались и ранее, до 1945 г. Так, в начале XX в. выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета македонец К.П. Мисирков создал кодифицированный литературный македонский язык на базе центральных западномакедонских говоров. Этот ценный опыт не получил распространения в силу политических и исторических причин. Независимо от Мисиркова кодификаторы литературного македонского языка в 1945 г. также в качестве основы взяли центральные говоры западномаке-

кедонской диалектной группы. Приветствуя это решение как наиболее правильное с лингвистической точки зрения, С.Б. Бернштейн, которому хорошо была известна деятельность К.П. Мисиркова, высказывает некоторые соображения по конкретным вопросам нормирования македонского литературного языка. Этому посвящена вторая часть упомянутой нами статьи.

Здесь есть одна особенность, которую необходимо объяснить далекому от данной проблематики читателю. Исходя из тех научных данных о македонских диалектах, которые были доступны в Москве к 1948 г., и следуя логически выдержанному принципу отбора норм именно из центральных говоров западномакедонской диалектной группы, Самуил Борисович, вслед за Мисирковым, считал, что для македонского литературного языка более приемлема западномакедонская форма 3-го л. ед. ч. настоящего времени с окончанием *-т* и деление глаголов по спряжениям также на базе этих говоров. В литературном македонском языке, однако, приняты глагольные формы без *-т*, а деление глаголов по спряжениям, хотя и претерпело некоторые последующие изменения в новом орфографическом кодексе 1950 г., все же не соответствует положению в западных говорах. Почему?

В 1947 г. Самуил Борисович, до тех пор не бывавший на Балканах, не мог знать о тенденциях в процессах изменений, происходивших в македонских говорах, в частности в первой половине нашего века. Научные публикации на эту тему появились позже выхода из печати рассматриваемой статьи С.Б.Бернштейна. В качестве примера подобного исследования укажем лишь на одну работу Блаже Конеского 1949 г.³, где говорится, что в прилепском говоре, одном из центральных говоров западномакедонской диалектной группы, к середине века утвердились указанные формы без окончания *-т*. Кроме того, центральные западномакедонские говоры не представляют единства относительно распределения глаголов по классам спряжения. Дальнейший процесс становления и развития литературного македонского языка продемонстрировал тенденцию закрепления в литературном языке таких черт, которые связывают между собой западные и восточные македонские говоры⁴.

И наконец, еще одна причина: Самуил Борисович в 1948 г. еще не имел возможности глубже узнать особенности национальной ментальности македонцев и недооценил эстетическую сторону в их подходе к отбору черт для кодификации македонского литературного языка. Кодификаторы литературного македонского языка хорошо владели соседними славянскими языками, поскольку на них, главным образом на сербскохорватском, они получали образование в школе и в вузах. Эти языки были престижными для них в культурологическом отношении. В частности поэтому, поскольку в сербскохорватском и болгарском литературных языках глагольные формы в 3-м л. ед. ч. не имели окончания *-т*, диалектные македонские формы с *-т* казались культурным и образованным македонцам неэстетичными, глубоко провинциальными, "деревенскими". Дальнейшее развитие и становление литературного македонского языка, превращение его в развитый современный полифункциональный язык шло в основном по пути, начертанному первым орфографическим кодексом 1945 г., хотя нормы литературного македонского языка уточнялись и углублялись в последующих орфографических кодексах 1950 и 1970 гг.

Несмотря на то, что предложения С.Б. Бернштейна по изменениям норм в македонском литературном языке не были приняты во внимание, данная его статья не потеряла своей научной и исторической ценности, являя собой высокий нравственный пример подхода к истории языка и культуры славянских этносов. Как одна из первых научных работ, посвященных македонскому литературному языку в мировой славистике, она имеет принципиальное значение для этой науки в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бернштейн С.Б. К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке // Вестник Московского университета 1948. № 2. С.13–21.
- ² Там же. С.18.
- ³ Конески Б. Прилепскиот говор // Годишен зборник на Филозофскиот факултет во Скопје. 1949. С.247–301.
- ⁴ Усикова Р.П. О некоторых изменениях норм в македонском литературном языке // КСИС. М. 1965. Вып. 43. С.35–40.

А.А. Плотникова
(Институт славяноведения РАН)

РОЛЬ МАКЕДОНСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ БАЛКАНОСЛАВЯНСКОГО АРЕАЛА*

Этнолингвистическое изучение южнославянской народной культуры во всем многообразии ее местных вариантов ("культурных диалектов") может быть осуществлено путем анализа существующих этнографических, диалектных и фольклорных источников. Сведения о традиционной народной культуре современной македонской деревни содержатся в ряде сборников и монографий, специально посвященных каким-либо областям и регионам, например, местности вокруг Битолы ("Фолклорот и етнологијата на Битола и Битолско". Битола, 1981), региону Дебарца (*Целакоски Н.* "Дебарца. Обреди, магии и обредни песни". Скопје, 1984) [1]. Описания локальных традиций македонской духовной культуры публикуются также в этнографических журналах, издаваемых в Македонии: например, уже в первом номере журнала "Гласник на Етнолошкиот музеј" (Скопје, 1960) были представлены праздничные обычаи из области Радовиш, святочные обычаи из Скопской Котлины, сельскохозяйственные обычаи Куманова. Отдельные выпуски журнала "Македонски фолклор" строятся по тематическому принципу, и сведения о различных местных традициях македонцев включаются в исследовательские статьи этнографов: таковы выпуски, посвященные зимним и весенним праздникам балканских народов ("Македонски фолклор", VIII, 15–16, 1975; "Македонски фолклор", VI, 12, 1973). С 1992 года Союз этнологов Македонии начал издавать новый журнал – "Етнолог", в котором важное значение придается исследованиям народной духовной культуры на основе

*Авторская работа выполнена по гранту РГНФ 98–04–06328.

полевых материалов из разных областей Македонии (Струга, Скопско, Струмичко, Кратовско, Дебарско и др.). В целом ряде статей журнала освещаются особенности семейной и календарной обрядности македонцев. Некоторым календарным праздникам посвящены небольшие монографические описания последних лет: *Китевски М.* Водичарски обичаји, верувања и песни од Дебарца (Охридско). Скопје, 1982; *Боџев В.* На Велигден, на благден. Скопје, 1994. В 1996 году вышел из печати македонский календарь, составленный М. Китевским (*Китевски М.* Македонски народни празници и обичаји. Скопје, 1996). Фактические материалы полевых исследований последних десятилетий содержатся в трудах, которые обобщают данные, собранные в различных регионах бывшей Югославии, прежде всего, это относится к отдельным публикациям архивных материалов "Этиологического атласа Югославии" (*Poklade u Etnološkom atlasu Jugoslavije // Narodna umjetnost. Knj. 23. Zagreb, 1986*), а также первому выпуску этого атласа (*Etnološki atlas Jugoslavije. Sv. I. Zagreb, 1989* далее – ЕАЈ). Крупные исследовательские труды известных этнографов, посвященные традиционной народной культуре бывших югославских республик (*Дробњаковић Б.* Етнологија народа Југославије. Београд, 1960. Део I; *Vlahović P.* Običaji, verovanja i praznoverice naroda Jugoslavije. Beograd, 1972) и современной Македонии в целом (*Вражиновски Т.* Народна демонологија на македонците. Скопје – Прилеп, 1995; *Вражиновски Т.* Народна митологија на македонците. Кн. 1–2. Скопје–Прилеп, 1998; *Китевски М.* Македонска народна лирика. Обредни песни. Скопје, 1997), играют важную роль в создании общего представления о македонской народной духовной культуре, однако в задачи таких исследований, как правило, не входит выявление отличий в традиционных представлениях жителей различных областей Македонии, поэтому точная локализация каких-либо культурно-языковых феноменов в подобных работах не всегда предусмотрена.

Диалектные словари и монографические описания диалектов, включающие словарики и тексты [2], содержат лишь небольшое число этиокультурных терминов, часто – только с кратким их толкованием или описанием. Наиболее интересным в этом плане источником можно считать монографию

"Гостиварски крај" (далее – Г.К.), где содержатся отдельные диалектные тексты, посвященные народным праздникам и обычаям (Василици, Проштени поклади, Тодорија, Велигден, Гурѓовден, Спасовден, Свети-Дуси и др.).

Специфика предмета ареалогической этнолингвистики предполагает возможность привлечения данных по македонской традиционной народной культуре, зафиксированных на протяжении XIX–XX вв. Архаические обряды, обычаи, ритуалы и верования, отмечаемые в народной культуре современной македонской деревни, варьируются и обрастают новыми смыслами, подвергаясь влиянию заимствований или новшеств современного образа жизни, но при этом сохраняют свое значение источника о славянских "древностях" ("тех формах и элементах средневековой славянской культуры, которые дошли до настоящего времени или недавнего прошлого и стали предметом внимания ученых с конца XVIII века" [3]). В этом плане не меньшее значение для изучения традиционной духовной культуры македонского села имеют работы ученых, анализирующих культурно-языковые феномены, отмеченные на территории сегодняшней Македонии в течение последних двух столетий. К числу таких работ относятся труды македонских, болгарских, сербских и других ученых (этнографов, антропологов, фольклористов): монографии, посвященные отдельным регионам (*Филиповић М. Обичаји и веровања у Скопској Котлини // СЕЗб Књ. 54. 1939; Тановић С. Српски народни обичаји у Ђевђелијској Кази // СЕЗб Књ. 40. 1927; Павловић Ј. Малешево и Малешевци. Етнолошка испитивања. Београд, 1929*) или различным фольклорно-этнографическим темам (фольклорные публикации братьев Миладиновцев, С. Верковича, К.А. Шапкарева, М.К. Цепенкова); множество болгарских исследований, до сих пор включающих в соответствии с концепциями, принятymi в традиционной болгаристике, материалы из македонских областей (ряд таких публикаций СбНУ был переиздан в сборнике "Етнография на Македония". Т. 1. София, 1992; см. также Етнография на България. Т. 3. Духовна култура. София, 1985; Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994 и многие другие работы болгарских авторов); обобщающие этнографические работы Э. Шиевайса, М. Гавацци и многих других ученых. Следует отметить, что в современных трудах по традицион-

ной македонской духовной культуре исследователи, помимо накопленных в последнее время полевых материалов, конечно же, обращаются к работам своих предшественников, изучавших народную культуру македонцев и в XIX, и в XX веках. Многие из этих работ составляют своего рода "золотой фонд" этнографических исследований по южнославянской этнографии (работы М. Арнаудова, Х. Вакарелского, В. Чайкановича и др.).

Этнокультурная традиция Македонии в составе других балканославянских культурно-языковых традиций отличается особым своеобразием. (1) Ряд особенностей объединяет македонскую культурно-языковую зону с восточнобалканославянским (болгарским) ареалом. (2) По комплексу иных черт прослеживается связь с юго-восточносербскими и западноболгарскими этнокультурными традициями. (3) По многим культурно-языковым характеристикам выделяется так называемый "южный пояс" балканославянского культурно-языкового ареала (Македония, Пирин, Родопы, Странджа). (4) Немалый интерес представляют также и отдельные изоглоссы (изодоксы), например, черногорско-македонские (шире – динарско-македонские). (5) Существуют специфические культурно-языковые особенности, которые свойственны именно этой балканославянской зоне, т.е. черты традиционной македонской народной духовной культуры, практически не встречающиеся в других балканославянских традициях, но имеющие там некоторые параллели или варианты продолжения одного и того же культурного текста. Эти наблюдения относительно места македонских культурно-языковых феноменов в балканославянской перспективе носят предварительный характер. В подтверждение высказанных предположений далее представлен обзор некоторых значимых для балканославянского ареала зимних календарных обрядов, анализ которых проводится с учетом их основных компонентов (лиц, действий, предметов) и соответствующей диалектной терминологии, вербальных формул и словесных клише.

1. Один из наиболее ярких и устойчивых компонентов зимней календарной обрядности балканских славян, характеризующий восточную часть балканославянского ареала, – это обходные новогодние обряды, называемые у македонцев *сировари* (Куманово [Младеновски 1975: 379]), *суроарчина* (Би-

тала [Цветковски 1981: 599]) и т.п. терминами, которые повсеместно известны и на территории Болгарии (болг. диал. *сурвакари*, *суроваскаре*, *сироваскари*, *суруфкари* и пр.). Как правило, суть этих новогодних обходов состоит в том, что группы мальчиков или неженатых парней обходят дворы с кизиловыми (реже иными) прутиками или палочками в руках, дотрагиваясь ими до людей, скота, построек и передавая всем окружающим объектам оплодотворяющую силу прутьев, называемых соответственно *сурвачки*, *сурвакници*, *суровишняк*, *сурвиски* и т.п., что может быть связано со слав. *суров-* 'крепкий, здоровый', возможно, через греч. *sourba* "кизил" с теми же значениями 'крепкий, здоровый' в народной культуре южных славян [4]. При этом отмечается особенность функционирования термина ⁺*сурва-* в македонской культурно-языковой традиции: если на территории Болгарии практически повсеместно лексема ⁺*сурва-* лежит в основе названий участников, их главного обрядового атрибута, а также употребляется для обозначения самого праздника и как зчин исполняемых обрядовых песен, то в македонских областях он чаще встречается как название дня Нового года и в составе формул благопожелания (идентичных зчинам традиционных болгарских новогодних песен-приветствий), например, *коледари* в Охридских селах начинали новогоднюю песню-благопожелание так: "Сурова, сурова година, весела, весела година!" [Маленко 1975: 385]. Приветственные ритуальные песни с подобным зчином исполняются и участниками традиционных процессий *суроарчина* (Битола [Цветковски 1981: 599]), и колядующими *рамалари* (Радовиш [Делиниколова 1960: 144]), и ритуальным новогодним посетителем *vasiličar*, которого домочадцы посыпают к источнику за водой (Струга [Целакоски 1984: 80–81]). Нередко новогодний ритуал благопожеланий с зчином "Сурвам, сурова година" в македонских областях исполняется дружиной *vasiličari*, иногда сама веточка, используемая для ритуального битья при обходе называется *vasiličarче* (Струга [Домазетовски 1992: 177]). В восточно-македонском регионе Малешево парни с палками, обходившие накануне Нового года село, дотрагивались ими до стариков со словами: "Сурова дедо! (Сурова бабо!)"; а точно в полночь родители будили мальчиков, и те бежали по улицам с

громкими криками "Сурва!", провозглашая тем самым наступление Нового года [Павловић 1929: 203].

Другой тип новогодних процессий, которые называются аналогичным образом, но исполняют иные ритуальные действия, известны в Кюстендилском kraе (*сироваскаре* [Захариев 1918: 171–172]), в юго-восточной Сербии (*сировари* [Николић-Стојанчевич 1974: 536]): это, как правило, обходы взрослых ряженых, увеселяющих народ маскарадной игрой-пародией на свадьбу. В македонских селах новогодние ряженые, которые также разыгрывают свадьбу персонажей *баба* (*невеста*) и *дед*, называются по-другому: *намалари*, *немалари*, *нalamари* [Филиповић 1939: 379; Кличкова 1960: 233, Боцев 1992: 139], *бабари* [Кличкова 1960: 233] *vasiličari* [Спировска 1975: 363, Боцев 1992: 140], *sureti* [Боцев 1992: 138] и др.

2. По данным различных этнографических источников, в Македонии, как и в южной, восточной Сербии, западной и южной Болгарии, известен масленичный обычай-игра с подвешенным над столом на нитке яйцом (сидящие за столом, часто дети, стараются поймать яйцо зубами). В македонских областях обрядовая игра называется *амкање* (Гостиварски край [ГК:171]), *амкајне* (Радовиш [Делиниколова 1960: 151]) *амкајето јајце* (Струга [Домазетовски 1993: 128]); в южной и восточной Сербии известны *ламкање*, *клоцање*, в Родопах – *хамкане*, *хлаџкане*, *хапкане* и др. наименования, имеющие ономатопейическое происхождение. При этом именно в македонских и юго-восточносербских областях известен связанный с этой игрой-состязанием обычай "поджигания ведьмы". Так, в окрестностях Враня после игры с яйцом нитку, на которой оно висело, обязательно поджигают и говорят при этом: "Горимо крљавештицу" (Сжигаем ведьму [5]) [Денић 1996: 272]. В Гостиварском kraе по окончании игры *горат вештици* "жгут ведьм" – поджигают нитку, на которой привязано яйцо [ГК:171]. Этот термин и соответствующий ритуал, как и отмеченное в том же диалектном тексте из Гостиварского kraя действие – *изгорат вештици* "выжигают ведьм", со-поставимы с данными из других западномакедонских регионов. В Охриде отмечен обычай "се гореа бабите" посредством поджигания нити, на которой висело *амнатото јајце* [Маленко 1975: 385]. В с. Лабуништа (окрестности Струги) женщина, поджигающая нить, называет имя жительницы села: "Гори,

Стојно, вештице!" (Гори, Стойна-ведьма!) и наблюдает за временем горения пламени: если нить горит долго, то предположение о том, что именно эта особа является ведьмой, подтверждается [Домазетовски 1993: 128]. В с. Локов той же местности считается, что длительное или, наоборот, краткое горение нити показывает, сильна, опасна ли или, наоборот, не очень опасна та ведьма (*вештица, урочница*), о которой идет речь [Домазетовски 1993: 131]. Западномакедонские ритуалы с поджиганием нити или веревочки для масленичной игры с яйцом объясняют семантику зафиксированного в Косовском kraе способа узнавания ведьмы: когда завершается игра с яйцом, то называют имя женщины, которую считают в селе ведьмой, и поджигают нитку: если нить сгорает до самого верха, то полагают, что названная женщина действительно ведьма, если же огонь быстро гаснет, то "подозрение" считается неверным [Vukanović 1986: 383]; аналогично в Алексинацком Поморавье (юго-восточная Сербия) [Антонијевић 1971: 182]. По мере удаления от северо-западного македонского региона, где поджигание нити связано с семантикой изгнания ведьм на Масленицу, встречаются иные мотивировки тех же ритуальных действий с поджиганием нити [6]: гадание о жизни/смерти присутствующих (если подожженная нить быстро гаснет, то названный человек скоро умрет; Пиринский край [Пирин.: 437], Родопы [Родопи: 98]) [7], гадание о высоте колосьев хлеба в поле (Самоковско, западная Болгария [Ангелова 1948: 214]), об урожае отдельных культур [Родопи: 98] и др. Иное ареальное продолжение семантической доминанты, связанной с "выжиганием" (изгнанием) ведьм, находим в южной и юго-восточной Сербии, где устраиваются костры, называемые *каравештица, крълавештица, калавештица*. Дети прыгают через них с криками: "Кара, каравештице, ты си, бабо, вештица!" [Vukanović 1986:384], после чего собирают по домам яйца, – по-видимому, вознаграждение за изгнание из села ведьм. В окрестностях Враня молодежь, дети (или взрослые с младенцами на руках) перепрыгивали через масленичные костры с криками "Кръла-кръла вештица, стара баба вештица", причем в ряде мест эта ритуальная формула имела и свернутую версию: "Крълавеш, крълавеш, кръла – кръла – крълавеш" [Денић 1996: 272]. Ср. также ю.-морав. *каравештица* [Антонијевић 1971: 181], *крълавештица* (Враньска Пчиня [Не-

дельковић 1990: 115]) в значении "костер, разжигаемый в последний день Масленицы".

В целом обычай разжигания костров (как и ритуальные игры вокруг них – перепрыгивание, мазание лиц сажей) в последний день Масленицы известен в разных областях Македонии. При этом названия ритуальных костров последовательно фиксируются главным образом в восточных областях, сопредельных с Болгарией, тогда как в описаниях других македонских регионов отмечается только сам обычай возжигания костров [8]. В восточномакедонских областях традиционное название масленичных костров связано с различно трактуемым названием *ортма-копа* [Тановић 1927: 35], *оратма-копа*, *ора-копа* [Делиниколова 1960: 150]. Определяя данное наименование как турцизм, исследователи связывают его исходное употребление либо с обозначением большой кладки, кучи поджигаемой соломы [Тановић 1927: 35], либо с ритуальными действиями вокруг костра (прыжки, перескакивание и пр.) [Делиниколова 1960: 150]. Различные варианты этого названия применительно к масленичным кострам или факелам из соломы известны в западной Болгарии и юго-восточной Сербии. В Кюстендилском крае перед ужином в последний день Масленицы парни делали *бдатник*: затыкали и привязывали веревкой между сучками разветвленного прута солому, поджигали и вертели этот факел высоко над головой, бегая по селу и выкрикивая дразнилки, адресованные родителям сельских девушек и начинающиеся словами: "Ората копатааа!" Прогоревший *оратник* изо всех сил отбрасывали в сторону, стараясь выбить как можно больше искр [Захарiev 1918: 173–174]. В различных западноболгарских областях известны также *бдата-кóпата* (Дупнишко [Кепов 1936: 123]), *бдатнико* (Самоковско [Ангелова 1948: 214]), *бдатник*, *оротник* [Софийско: 245], *братник* [Пловдив.: 259] в значении "факел, сделанный из соломы, закрепленной на сучковатом пруте". Традиционными являются зачины приговоров и дразнилок, которые выкрикивают бегающие дети или парни (*бдатокопато...*). Мотив подобных проговариваемых высоким голосом речитативов – требование выдать девушку и угроза родителям в случае несогласия. В окрестностях Враня (юго-восточная Сербия) *оратálка* – тонкий разветвленный прут, который утром на Масленицу вырезали парни, затыкали в

развилку солому и при первых сумерках поджигали солому, собравшись на известном месте. С этими факелами устраивалась игра-состязание: парни размахивали "оратальками", и побеждал тот, у кого солома горела дольше, чем у всех [Златановић 1998: 271]. В Лужнице и Нишаве (юго-восточная Сербия) с сучковатыми палками с зажженной соломой, которые назывались *оратице*, дети выбегали в последний вечер Масленицы на перекрестки дорог, веселились и вертели их над головами [Николић 1910: 130]. Вместе с тем, на юго-западе Болгарии, в пиринских селах, *оратник* – большой костер, который разжигают на высоком холме, полагая, что "в местах, до которых достигает свет огня, не выпадет град" [Пирин.: 436]. С обычаем возжигания костра в этом крае связан ритуал запуска огненных стрел, называемых иначе – *главни, стрели, ёанени топки* [Пирин.: 436].

По мере удаления от указанных восточномакедонских, западноболгарских и юго-восточносербских областей (территории распространения названий типа *оратник*, *ората-копата* как обозначений масленичных костров и факелов) известны иные названия данных обрядовых реалий: *алалија* (Хомоле), *олалија* (Болевац), *букара* (Воеводина) и другие наименования на территории Сербии; *улълия-булълия*, *лýсник*, *урбълка* "большой костер", *куркулник*, *рўмълка*, *рўглица* "факел", наряду с *оратник* "факел" (Пловдивский край [Пловдив.: 259]), *стрéльница*, *гаганица*, *сýрница*, *папáгашка*, *лýсница*, наряду с *орадá* "большой костер" [Родопи: 98] в южной Болгарии.

3. Как уже было видно на примере названий предыдущего фрагмента балканославянской традиционной духовной культуры – названий обрядового огня на Масленицу (*ората-копата-оратник-орада*), – по ряду культурно-языковых особенностей выделяется так называемый "южный пояс" балканославянского культурно-языкового ареала (Македония, Пирин, Родопы, далее на восток – Странджа).

Карта пробного выпуска ЕАЈ "Названия ряженых на Масленицу" [Somek-Machala 1986: 125], а также дополнительные данные из этнографических источников (см., например, [Цветковски 1981: 600]) показывают концентрацию терминов *бабари*, *бабани*, *бабугери*, *бабушари* (ряженые на святки и на Масленицу) в западномакедонских и восточномакедонских областях, а также в других южных областях балканославянского

ареала: болг. родоп., фрак. *бабугери*, *бабушари* (ряженые в последний день Масленицы или первый понедельник Великого поста [Родопи: 98; Вакарелски 1935: 428]). Аналогичный ареалогический рисунок характеризует распространение макед. термина *намалари*, *нalamari*, ср. болг. (пловд., родоп.) *джамали*, *джамалари*.

Дружины *бабари*, *нalamari* (а также *васничари*, *ешкари*), совершающие обходы села в новогодние праздники и на Масленицу, определенным образом структурированы: в их состав входят ряженые, играющие роли "невесты", "жениха" (или двух–трех "стариков"), их родственников (например, "кум" и "кума", "свекровь" [Спировска 1975: 364]), "попа", "доктора", "поводыря" с "медведем", "конем", "ослом", "верблюдом" (ср. этимологию названия ряженых *намалари*: из араб. *g̡amal* "верблюд"). Традиционный элемент обходов – пародия на венчание "молодоженов". В Кумановском районе *нalamari* – группа из 5–8 мужчин, двое из которых облачаются в девическую одежду и играют роль "девушек", несущих в руках пряжу, вязание, еще двое рядятся "женщинами" (*баби*), один участник, надев вывернутый кожух и лохмотья, звоночки, сумку с овсом, представляет "коня", другой участник в старой мужской одежде играет роль "деда" (могло быть и два "деда"). При обходе домов "конь" танцует, прыгая и звеня колокольчиками, "женщины" прядут, "деды" вертятся вокруг них. На "женщин" обычно нападают пожилые мужчины из числа зрителей, увлекая их в отдаленные комнаты дома, а "деды" спасают "женщин" от грабителей. "Девушки" танцуют *оро*, а домашние одаривают дружину мукой, сушеным мясом, ракией, деньгами и пр. Одаривание ряженых начинается со "смерти" "коня": он падает, а "дед" кричит: "Хозяин, дай овса, подыхает конь!" [Младеновски 1975: 379–380]. Вся игра ряженых сопровождается шутками эротического содержания, что, наряду со сценами пародии на свадьбу, отличает игры подобных процессий ряженых в целом. По народным верованиям, обходы *нalamari* совершаются с целью изгнать "все плохое, что осталось от старого года" и "изгнать кара-концулата" (вредоносных демонов, уничтожающих хлеб в поле) [Младеновски 1975: 380].

В болгарской этнографической традиции термины типа *бабугери*, *намалари*, *мечкаре* нередко даются как синонимы

названию *кукери*, относящемуся к обозначению фракийского обряда ряжения на Масленицу. Сходство подобных процессий зимнего цикла календаря южных славян обусловлено наличием идентичных ролей ряженых, прежде всего, так называемой свадебной пары ("невеста", "баба" и "жених", "дед", "кукер"), как и исполнением похожих ритуальных действий, например, пародии на венчание. Но распространение подобных структурно сходных процессий ряженых не ограничивается южными областями балканославянского ареала, ср., например, западносербский (Драгачево) масленичный обряд *дивъа свадба* [9], пародирующий свадьбу по той же схеме, что и южнобалканославянские аналоги.

4. Отдельные изоглоссы и изодоксы, связующие македонский и средиземноморский ареалы, находят отражение в некоторых устойчивых динарско-македонских параллелях. Среди многочисленных названий ряженых на Масленицу выделяются названия – латинизмы по происхождению, образующие в ряде случаев непрерывный континуитет через албанские регионы. Так, термины, производные от *karneval* (*krnjevali*, *karnevali*), распространены в западной и юго-восточной Македонии; встречаются они и в динарских областях (западная Герцеговина, Имотско, о-в Брач, – всего 5 фиксаций на пробной карте ЕАЈ "Названия ряженых на Масленицу"), ср. с.-алб. *krnevalet* "ряженые на Масленицу" [10]. Аналогичные названия ряженых на Масленицу известны в южной Болгарии: *карнавале* [Пловдив: 260], *карнавали* [Родопи: 98], причем в родопских селах термин имеет более широкое значение: в обрядовых шествиях, называемых *карнавали*, могут участвовать и женщины. Название ряженых на Масленицу *surrati*, отмеченное в албанских селах юго-западной Черногории (Зета – 2 раза; на черногорском побережье вблизи границы с Албией – 1 раз), фиксируется и в юго-западной Македонии около Преспанского озера (пробная карта ЕАЈ "Названия ряженых на Масленицу"), в Охриде (*сурати* [Маленко 1975: 385]), далее в южных зонах балканославянского ареала отмечается *сурати* как обозначение ряженых на Масленицу мужчин в Родопах [Родопи: 98].

Для различных областей Македонии характерно исполнение специальных обрядов, приуроченных к празднику *Водици* (6.I, Богоявление). В основном это обходы села, участники

которых (*водичари*, *водичарки*) поют песни для каждого из домочадцев, за что получают вознаграждение. Как дополнительные компоненты этих обрядов могут выступать обходы с украшенными базиликом крестами, состязание по вытягиванию креста из воды (победитель, выхвативший крест из воды, в церкви или при обходе села получал подарки), ритуалы звукоподражания домашним животным по окончании сбора продуктов женскими обходными процессиями, купание в источнике молодоженов, умывание водой освященного источника всех сельских жителей, замачивание в источнике соломы, которую привязывали на плодовые деревья для улучшения их плодовитости, и т.д. [11]. В наиболее расширенном виде обычай, приуроченные к Богоявлению, совершаются, начиная с четвертого января, т.е. дня, предшествующего кануну Богоявления, называемого *Водопост* (5.1). Следующий день праздника называется *Машики водицы* (в этот день колядуют по домам мужчины), затем следуют *Женски водицы* (обходы домов с песнями совершают женщины), а завершающий праздники день раньше назывался *Кокошкини водицы* 'куриные праздники водокрещения' (в этот день готовили на обед кур) [Целакоски 1984: 102–113]. Отметим, что в Косово и Метохии (окрестности Призрена) термин зафиксирован как обозначение иного типа обходных обрядов: ранее на Богоявление там совершали обходы ряженые *водичари*, включающие свадебную пару (*деда и баба*) [Недельковић 1990: 58].

Отмеченные только на территории Македонии наименования ряженых включает пробная карта ЕАЈ "Названия ряженых на Масленицу": *proc̄kaji*, *proc̄kari*,ср. варианты названия *Прочка* и ему подобные в значении "Масленица": "последний день Масленицы": макед. *Проштени поклади*, в.-серб. *Проштене покладе* "последний день Масленицы", ю.-з.-болг. (Пиянец) *прошкова неделя* [Захариев 1949: 184], *Прошка* [Пирин.: 435]), *Прошки* [Родопи: 97], з.-болг. *Прочка* [БЕР 5:329], ю.-серб. *Прочка* [Vučanović 1986: 383], макед. *Прочка*, откуда происходят названия типа (*Прочка* →) *прочкари*. Но если *Прочка* в качестве названия последнего дня Масленицы встречается в сопредельных с Македонией областях, то образованные от него наименования ряженых вне современной территории Македонии не фиксируются.

Особый комплекс ритуалов образуют македонские святочные и масленичные приглашения ветра на угощение. Ритуалы приглашения и кормления ветра совершаются с целью задобрить и умилостивить его зимой, чтобы летом этот полумифический персонаж помогал хозяевам при веянии хлеба на гумне. В одном из сел региона Дебарца записан следующий ритуал приглашения ветра на угощение: в первый понедельник на Масленице готовят молочное блюдо *топејница* и перед восходом солнца парни выносят его на гумно к столбу посередине – "стожеру". Двигаясь по гумну в направлении каждой из четырех сторон света, они выкрикивают:

"Југу, југу-у-у-у,
ела ветре да ручаме топејница,
на лето да дојш да вејме чејница!"

(ИОг, ю-у-у-г, иди, ветер, покушаем топленого молока, а летом приходи веять с нами пшеницу!) [Целакоски 1984: 137]. В других областях Македонии (окрестности Скопья [Кличкова 1960: 222], Велес [Ристески 1975: 237], Струга [Каваев 1973: 219], Охрид, Дебар [Китеевски 1977: 163–167]) ветру на гумне оставляют кислое молоко, ракию, погачу, специально выпеченный хлеб или "пирожок для ветра" и другую еду. Ритуал приглашения на праздничный ужин зимой различных мифических персонажей (например, Германа в южной Македонии, юго-восточной Сербии, западной Болгарии, Бога, Богородицы, умерших предков), диких зверей, птиц, природных явлений (а именно, тучи в македонских и южноболгарских областях) хорошо известен южным славянам (и в карпатославянском и восточнославянском ареалах) [12]. Вместе с тем, приглашение на Рождество или Масленицу ветра с целью вызвать его магическими средствами на молотьбу летом распространено именно в Македонии. Отдельные параллели к этому ритуалу прослеживаются в южносербском регионе Косово, где новогодний обрядовый хлеб приносят на гумно и едят со стожера (столба в центре гумна), дуя на хлеб в определенном направлении или проговаривая заклинание, призывающее ветер: *Ветар да дуе...* [13].

* * *

Обращение к верованиям и поверьям о македонских демонологических персонажах и соответствующей этнокультурной

лексике подтверждает основные предположения относительно общей картины этнодиалектного членения балканославянского ареала с учетом роли и места в ней данных македонской этнокультурной традиции. Верования в покровителя, духа-защитника места (строения или природного локуса) характерны для восточнобалканской части ареала, включая македонскую зону. То же распространение имеет и соответствующая лексика, типа макед. *стопан*, *сајбија*, *толосом* (*толосон*). Поверья о человеке-змее, душа которого во время сна покидает тело, чтобы отправиться на защиту полей и села, в котором рождается и живет, распространены в Македонии (змеј, змев), западной Болгарии (змей) и восточной Сербии (змај, змеј) [14]. К южным областям балканославянского ареала тяготеют в основном названия демонологических персонажей, народные представления о которых известны на гораздо большей части территории Балкан. Так, варианты макед. *ламја* (из греч. λαίρια) отмечены в южной и юго-восточной Сербии (*ламња*, *аламуња*), южноболгарских регионах (Пирин, Родопы и др.), тогда как сами представления о прожорливом демоне непогоды, с которым вступает в борьбу мифический защитник распространены практически по всей Сербии (*ала*, *хала*, *аждаја*) и многих областях Болгарии (*хала*, *аждер*) [15]. Южная локализация характеризует известный в Македонии культурный термин *юда* (предположительно и.-е. происхождения, от глагольных форм со значением "бороться", "быть в движении" [ЭССЯ 8: 191; Младенов 1941: 699]) как обозначение женских мифологических персонажей типа серб. *вила*, болг. *самодива*, серб., болг. *самовила*. Все эти три названия характерны и для македонских областей, но термин *юда* в том же значении "женский мифологический персонаж", а также "вихрь, ветер, буря", "болезнь" фиксируется, главным образом, в Македонии и южной Болгарии (Пирин, Родопы). Термин *наречница* как обозначение женских демонов, определяющих судьбу ребенка при рождении [Вражиновски 1995: 13, 51–60], наиболее распространен в разных областях Македонии (в Куманово, на севере Македонии, фиксируется *сүгенице* [Видоески 1962: 277],ср. серб. *суђенице*), как и на юге и юго-западе Болгарии, где наблюдается его корреляция с термином *орисница* [16].

В целом, специфика традиционной македонской народной духовной культуры определяется через комплекс признаков,

т.е., определенная "македонская" микромодель мира соответствует условной макромодели – балканской модели мира, определяющейся, как известно [17], не по отдельным, исключительно ей присущим признакам, а по совокупности ряда признаков. Своего рода пересечение и параллельное существование на территории сегодняшней Македонии ряда культурно-языковых феноменов, типичных для сербской зоны, с одной стороны, и для болгарской, с другой, подчеркивает основную особенность балканского этнокультурного ареала в целом – использование ряда разных вариантов культурно-языковых форм как "своих", т.е., свойственных данной этнокультурной традиции. Помимо приведенных выше македонских названий *вила*, *самовила*, *самодива*, в тот же разряд разных по принадлежности к основному ареалу распространения попадают македонские наименования ведьмы: *вешница*, *вештерка* (ср. серб. *вешница*), *магесница*, *мамница* (ср. болг. *магесница*, *мамница*). При этом, если в сербском этнокультурном ареале можно также ожидать параллельное существование культурно-языковых форм, особенно в своего рода "переходной", "пограничной" зоне, каковой является территория сербского юго-востока (где, например, встречаем *мацијарка* "ведьма"), то болгарская этнокультурная традиция (возможно, в силу географической специфики ареала, ограниченного с востока и севера значительными водными преградами) отличается большим единобразием (ср., например, последовательное закрепление термина *сурва* за участниками и атрибутами новогодних дружин), хотя и в этом балканском микроареале различные пограничные зоны (северо-западная Болгария, Родопы, Пирин, Странджа, северо-восточная Болгария) характеризуются многочисленными различиями в путях выбора этнокультурных форм и способов их выражения в языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобные обобщающие работы, основанные главным образом на конкретных полевых материалах исследователей, представляют большую ценность для ареалогического изучения культурно-языковых явлений, но именно таких работ, описывающих современные македонские локальные этнокультурные традиции, пока довольно мало, а те немногие, которые изданы, часто бывают недоступны российским ученым. Архивные материалы фольклорно-

- этноографических экспедиций также публикуются довольно редко, а потому остаются недоступными для российских этнологов и этнолингвистов.
- ² См., например, *Видоески Б.* Поречкиот говор. Скопје, 1950; *Конеска М.* Мариовскиот говор. Скопје, 1951; *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Скопје, 1962; Гостиварскиот крај (македонскиот, албанскиот и турскиот говор). Т. 2 Гостивар, 1970; *Кепески К.* Прилепскиот говор. Скопје, 1993.
- ³ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С.5.
- ⁴ Этимологический аспект наименований, связанных с *сурва, подробно рассматривался И.А. Седаковой (*Седакова И.А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар. Канд. Дисс. МГУ, 1984. С. 72–73).
- ⁵ В окрестностях Враня говорят, что "къръавештица хуже, чем любая другая вештица" [Денић 1996: 273], т.е. беззубая (щербатая) ведьма опаснее других.
- ⁶ Распознавание ведьмы с помощью подожженной нити, использованной в ритуале *хамкане*, зафиксировано также в одном из родопских сел (р-н Ивайловграда): поджигая нить, хозяйка перечисляет имена своих соседок, и, если при упоминании чьего-либо имени нить запылает ярко и быстро, то полагают, что названная женщина – *джадия* (ведьма) [Родопи: 97].
- ⁷ Ср. аналогичный вариант гадания о жизни/смерти из окрестностей Струги, где подобным образом предсказывают смерть "самым старым бабам в селе" [Домазетовски 1993: 128].
- ⁸ Так, например, М. Филипович описывает обычай возжигания обрядовых костров в последний день Масленицы в Скопской Котлине, но без указания их названий: "Перед ужином дети поджигают солому на улицах села, перепрыгивают через нее, мажутся сажей <...>. В Дивле жгут огонь на холме над селом. В Булачанах в каждой части села разжигают свои костры. Готовят 10–15 куч из соломы и тростника и поджигают их все сразу, а некоторые селяне с пучками горящей соломы бегают по улицам" [Филиповић: 390]. Недостаток этнолингвистических данных, связанных с местными названиями этнокультурных явлений на территории Македонии, не позволяет однозначно судить об отсутствии термина в том или ином регионе.
- ⁹ Драгачево, август 1997 г. (записано автором).
- ¹⁰ Архив "Малого диалектологического атласа балканских языков", албанские дополнения к этнолингвистической программе, лето 1996 г.
- ¹¹ См., например, подробное описание обычаем на праздник *Водици* в регионе Дебарца: Целакоски: 93–134, а также ряд специально посвященных этой теме работ: *Китеевски М.* Водичарски обичаји, верувања и песни од Дебарца (Охридско). Скопје, 1982; *Поповски А.* Водичарските обичаји и песни во с. Битуше (Река) // Македонски фолклор. VIII. 15–16. 1975; *Домазетовски П.* Водичарските обичаји и песни во Дримкол (Струшко) // Македонски фолклор. VIII. 15–16. 1975; Атанаусова Ф., Боцев В. Некон магиски елементи во изведувањето на обичајот Водици во селото Битуше // Етнолог. Бр. 1. 1992 и др.
- ¹² См. карту в статье: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 186.
- ¹³ Подробнее см.: *Плотникова А.А.* Об одном новогоднем обряде у сербов // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 138–139.

- ¹⁴. См. карту в статье *Плотникова А.А.* Фрагмент балканославянской демонологии: борьба воздушных демонов // Сборник памяти Н.И. Толстого. Т. 2.
- ¹⁵ См. там же; кроме того: *Плотникова А.А.* LAMIA в балканских традициях этнографического настоящего // Балканские чтения 4. ELLAS. Древняя, Средняя, Новая Греция. М., 1997.
- ¹⁶ См. карту в статье *Седакова И.А.* Балканославянские представления о демонах судьбы: трансформации во времени и пространстве // Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994. С. 42–63.
- ¹⁷ Цицьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелова 1948 – *Ангелова Р.* Село Радуил, Самоковско // Известия на семинара по славянска филология при Университета в София. Кн. VIII–IX. 1948.
- Антонијевић 1971 – *Антонијевић Д.* Алексиначко Поморавље. Српски етнографски зборник. Књ. 83. Београд, 1971.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–. София, 1971–.
- Боцев 1992 – *Боцев В.* Известија на теренските истражувања на маскираните магиско-обредни поворки во Македонија // Музеј на Македонија. Археолошки, етнолошки и историски Зборник. Нова серија. Етнологија. I. 1992.
- Вакарелски 1935 – *Вакарелски Х.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1. // Тракийски сборник. Кн. 5. София, 1935.
- Видоески 1962 – *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Скопје, 1962.
- Враќиновски 1995 – *Враќиновски Т.* Народна демонологија на македонците. Скопје, 1995.
- ГК – Гостиварскиот крај (македонскиот, албанскиот и турскиот говор). Т. 2. Госгивар, 1970.
- Делиниколова 1960 – *Делиниколова З.* Обичаи сврзани со поедини празници и неделни дни во Радовиш // Гласник на Етнолошкиот музеј. I. Скопје, 1960.
- Домазетовски 1992 – *Домазетовски П.* Василичарските обичаи, верувања и песни во селата: Лабуништа, Радожда, Локов // Етнолог. Бр. 2. 1992.
- Домазетовски 1993 – *Домазетовски П.* Обичантите поврзани со "Проштени поклади" во селата Лабуниште, Радожда и Локов – Струшко // Етнолог. Бр. 3. 1993.
- Денић 1996 – *Денић С.* Ватра у зимским обичајма у околини Врања // Етнокултуролошки зборник. Књ. II. Сврљиг, 1996.
- Захарiev 1918 – *Захарiev Й.* Кюстендилско крайще // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 32. София, 1918.
- Златановић 1998 – *Златановић М.* Речник говора јужне Србије. Врање, 1998.
- Кличкова 1960 – *Кличкова В.* Божиќни обичаи во Скопска Котлина // Гласник на Етнолошкиот музеј. I. Скопје, 1960.
- Маленко 1975 – *Маленко Д.* Некои белешки за зимските обичаи и обичајни песни од Охрид // Македонски фолклор. Год. VIII. Бр. 15–16. Скопје, 1975.
- Младенов 1941 – *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжковен език. София, 1941.
- Младеновски 1975 – *Младеновски С.* Цаламарството во Козјачијата (Кумановско) // Македонски фолклор. Год. VIII. Бр. 15–16. Скопје, 1975.
- Недељковић 1990 – *Недељковић М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.

- Николић 1910 – *Николић В.* Лужница и Нишава и њихова села // Српски етнографски зборник. Књ. 16. Београд, 1910.
- Николић-Стојанчевић 1974 – *Николић-Стојанчевић В.* Врањско Поморавље. Етнолошка посматрања // Српски етнографски зборник. Књ. 86. Београд, 1974.
- Павловић 1929 – *Павловић Ј.* Малешево и Малешевци (етнолошка испитивања). Београд, 1929.
- Пирин. – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания София, 1980.
- Пловдив. – Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
- Родопи – Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- Спировска 1975 – *Спировска Л.* Некои драмски елементи во обичајот Василица во село Лисиче (Титоввешко) // Македонски фолклор. Год. VIII. Бр. 15–16. Скопје, 1975.
- Тановић 1927 – *Тановић С.* Српски народни обичаји у Ђевђелијској Кази // Српски етнографски зборник. Књ. 86. Београд, 1974.
- Филиповић 1939 – *Филиповић М.* Обичаји и веровања у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. Књ. 86. Београд, 1974.
- Цветковски 1981 – *Цветковски Р.* Бабарскиот обичај во селото Буф и другите села северозападно од Лерин // Фолклорот и етнологијата на Битола и Битолско. Скопје, 1981.
- Целакоски 1984 – *Целакоски Н.* Дебарца. Обреди, магии и обредни песни. Скопје, 1984.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Somek-Machala 1986 – *Somek-Machala B.* Nazivi za maskirane pokladne ophodnike (Poklade u Etnološkom atlasu Jugoslavije) // Narodna umjetnost. Knj. 23. Zagreb, 1986.
- Vukanović 1986 – *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Т. 2. Vranje, 1986.

Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова
(Институт славяноведения РАН)

ОБ ИЗУЧЕНИИ МАКЕДОНСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАК КОМПОНЕНТА СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОНТИНУУМА

Включенность территориальных диалектов в состав языка, имеющего статус национального/государственного, определяет специфику их изучения. Если этнические диалекты, не соотносимые с национальным языком, изучаются только как изолированные идиомы (частные диалектные системы), то в рамках национального языка предметом анализа является диалектный континуум, соответствующий территории распространения данного языка. Выявление диалектных различий, актуальных в пределах континуума, создает предпосылки для моделирования системы диалектного языка (диасистемы) как устройства, состоящего из постоянных и варьирующихся звеньев [1]. Изоглоссы, показывающие характер диалектной дифференциации языка на разных уровнях, дают основание для суждения о связях и отношениях с другими языками/диалектами. Знание этого может стать аргументом в определении типологического статуса диалектов и их генезиса. Сказанное в полной мере относится к изучению диалектов македонского языка. Сформировавшись как язык македонской нации, он в 1991 г. стал официальным языком государства – Республика Македония (=РМ) [2]. Современный македонский язык является полифункциональным и реализуется в разновидностях, выбор которых определяется особенностями коммуникативной ситуации; (о соотношении этих разновидностей см.[3]).

В македонской диалектологии последних десятилетий можно выделить два основных направления. Во-первых, это исследование отдельных говоров и диалектных групп, главным образом, в пределах РМ, что отражено в трудах македон-

ских ученых-диалектологов (Б.Видоески, Б.Конески, А.Поповски, К.Пеев, Т.Стаматоски и др.), а также зарубежных (Н.Райтер, П.Хендрикс, Б.Гроен, З.Голомб, П.Хиши, Л.Джаму-Диаконица и др.). Многие годы в Македонии ведется работа и по созданию национального диалектного атласа. Эти исследования дают представление о современном членении македонского диалектного континуума, о географии важнейших фонетико-грамматических и лексико-словообразовательных явлений, синхронно зафиксированных в македонских говорах (=МГ). Подобная информация образует надежную базу для последующих штудий, ставящих задачу диахронического изучения македонского диалектного пространства.

Принципиально другое направление исследований в македонской диалектологии преследует цель *сопоставительного* изучения МГ в контексте результатов, полученных в фундаментальных диалектологических трудах, изучающих лингвистические пространства большие, нежели пространство одного национального языка. Этот аспект изучения МГ может быть осуществлен на базе многоязыковых атласов.

"Общеславянский лингвистический атлас" (=ОЛА) позволяет сопоставить факты македонских диалектов и диалектов других языков "южнославянской общности" с тем, чтобы уточнить место в пей македонского языка (=МЯ), а также характер связей последнего с другими компонентами данной "макрообщности". Разумеется, ОЛА позволяет также выявлять сходения/параллели между македонскими и северославянскими диалектами, – в том числе эксклюзивные. Соответственные корреспонденции разного рода наблюдаются на различных языковых уровнях – фонетическом, лексико-словообразовательном и др.

Другим источником таких сопоставлений является "Общекарпатский диалектологический атлас" (=ОКДА). Он представляет МГ в меньшем, чем ОЛА ареале, а именно – в балкано-карпатском, который характеризуется как генетически гетерогенный [4], что позволяет расширить поле наблюдений за счет углубленного изучения как исконной, так и заимствованной лексики.

Далее мы покажем возможности использования (1) лексического и словообразовательного, а также (2) фонетического материала ОЛА и ОКДА для установления некоторых особен-

ностей МГ в пределах славянского диалектного континуума.

I. ЛЕКСИКА. Карты многоязыковых атласов (ОЛА, ОКДА) впервые с достаточной степенью детализации позволяют выявить и изучить связи македонской диалектной лексики и лексики других языков (resp. диалектов) Южной Славии, а также существенно увеличить информацию о соответствующих параллелях и корреспонденциях в северославянских диалектах.

I. Отметим прежде всего весьма фреквентный тип изоглосс (и описываемого с их помощью ареала), который манифестирует глобальное противопоставление славянского Юга в целом, включая МГ, славянскому Северу. Так, только на Юге отмечены названия 'ящерицы' с корнем *guščer- (< *gu-ščer-) родственное сев.-слав. *aščer- < *ask-ščer= ЭССЯ 1: 87–88). На территории ОЛА (к. № 30), выделяется несколько "субзон", где представлены наиболее частотные в юнославянских языках (=ЮСЯ) словообразовательные варианты/их комбинации: 1) формы, объединяемые записью в обобщенной транскрипции ОЛА в виде "метаформы" Gušč-Eг-ъ (Сербия, Босния, Хорватия, ср.и – Болгария), 2) Gušč-ег-ic-a (Словения, часть Хорватии, юг Боснии и др.), 3) зона преимущественно параллельного употребления указанных форм (Македония, Черногория, единично – на севере Сербии и др.). Сходный пример ареальных отношений в рамках общеславянского языкового пространства демонстрируют и названия 'куропатки' (ОЛА, к. № 23). Ср. общеюнослав. егEб-ic-a (: егEб-ъ – редко) (=в обобщающей транскрипции ОЛА), – при том, что словари исходят из формы *агeбica, *агeбъ (ЭССЯ 1: 73–74), которое противостоит типичному сев.-слав. kUr-O-pat-ъv-a, kUr-O-pat-ъk-a (см.: *кигоръtу – ЭССЯ 13: 127), исключение составляют значительная часть словацких и некоторые (=закарпатские) украинские говоры, где ОЛА фиксирует формы егEб-ic-a и под.

Большой интерес представляют небольшие ареалы преимущественно юнославянских явлений, отмеченных в том числе и в МГ.

II. Ареал, который условно может быть назван "центрально-юнославянским" (=ЦЮС), очерчивается изоглоссами явлений, известных *всем* МГ (или их части), неко-

торым восточно- и южносербским (=ВСГ, ЮСГ) (иногда и говорам Черногории, Герцеговины, Славонии), а также и ряду болгарских (как правило, западных [=ЗБГ]); при этом западная и восточная границы ареала весьма неустойчивы и по некоторым явлениям могут смещаться достаточно далеко (например, на восток и юго-восток Болгарии). Таким образом, <<ядром>> ЦОС-зоны оказывается достаточно узкая полоса говоров на стыке **трех** языковых территорий, тогда как "зона вибрации" (подробнее о терминах – [5]) может быть значительно более обширной; поэтому вариантами данного типа ареала являются несколько "подтипов" – ареалогических единиц, охватывающих меньшее число компонентов: (а) только МГ и (В)СГ и (б) МГ и (З)БГ и под.. Приведем примеры ЦОС-зоны в ее полном и "редуцированном" виде.

1. Именно в этой зоне отмечена специфическая форма *nevěst-ulj-k-a* (<*nevěst- – БЕР IV: 589; Skok II: 515) для обозначения зверька 'ласка Mustella' (ОЛА, к. № 9). Название *ne'vestulka* и под. широко представлено в МГ (исключение – ряд северных р-нов РМ, где фиксируются наименования с корнем **las-*, которые являются наиболее типичными для славянских языков в целом), ср. в.-серб. *neves'tulka*, *neves'tulca* (р-н Вране, Княжевац); о зап., ю.зап.болг. *невестулка* и под. см.: (Млад.1968: 505 [там же обращается внимание на повсеместное заимствование этого названия, как славизма, в румынском – *nevăstuică*]). Ареал названий с этим корнем может быть расширен, – за счет иных дериватов с тем же корнем, а также словосочетаний ср.: мак.'*careva ne'vestulka*, *cara'nestica*, в.-серб. *nevestica*, *ne'veska*, ср.и черногор. '*ne:stica* и др. (ОЛА, с.141), также болг.диал. *невестица*, (*убава*)*невеска*, *невреска* и др.(Млад.1968: 498) [6].

2. Название 'обеда' *гјоć-ък-ъ* фиксируется, по ОЛА (VI, ответы на в.1198; также [7] и ОКДА З, к. № 3), в большинстве сербских говоров (*ru:čak*, *ručak* и под.) и во всех македонских (*ruček*, *ručok*); по мнению П.Скока, представлено только в этих двух языках и содержит корень **roč-* (Skok III,1264–1265). Однако данные БДА указывают на наличие названия *ручек* 'то же' в некоторых говорах на юго-западе Болгарии (см. т.III: к.№ 242; Иванов, к. № 162).

3, 4. Близки к рассмотренным выше и ареалы двух словообразовательных явлений. Это, во-первых, ареал бессуффикс-

ной формы *šTyrkъ* 'аист', охватывающий большую часть МГ (кроме восточных) и ВСГ, а также ЮСГ (*štrk*, *štr̥k* и др.) ОЛА, к. № 29); то же – в Сев.-Зап. Болгарии (редко – на северо-востоке): *штырк*, *штрк* (БДА I, к. № 235, II, к. № 242, III, к. № 264, IV, к. № 336) (сводку этимологических версий см. [8]). При этом за пределами данной ЦОС-зоны ОЛА и иные источники подобные формы отмечают крайне редко, ср. сев.-славн. *štrk*, *štärk*, ср. и хорв. *strčok*, *ždrčok* и др. (ОЛА, с. 158). Следует иметь в виду и рум. *cocostîrc* 'то же', в состав которого входит славянский элемент *-stîrc* (север и запад Румынии – ALR III, к. № 694). Во-вторых, это ареал словообразовательного варианта названий 'кузничика' с корнем *skak-/skok-*, объединяемых в ОЛА (к. № 43) метаформой *skač-ъk-a*; эти названия известны большинству МГ (кроме юго-западных и говоров Эгейской Македонии) – 'skačka 'то же' – в ЮСГ (ОЛА, с. 171) и в юго-западных болгарских – *скачка* (подробнее – [9]), тогда как в целом для Южной Славии обычны названия, образованные по моделям *SkAk-Av-ъc-ь*, *SKAK-ulj-ъc-ь* и др., параллели с тем же корнем ОЛА отмечает и в некоторых говорах Сев. Славии (украинских, белорусских, западно-русских и под.).

5. Ареал названий 'летучей мыши', обобщенных ОЛА (№ 15) в форме *lil-ij-ak-ъ* [10], в своей "южнославянской" части в целом совпадает с ЦОС-зоной, ср. мак. *'lil(j)ak*, *'livlak*, но и *'lilik*, в.-серб.(р-н Княжевац, южнее Белграда) (*ćor*) *'lilak*, также в ЗБГ: *лиляк* (Брезник, Ст. Димитров, Самоков и др., но и – во фракийских говорах [Ксанти, Гюмюрджина] – Млад. 1975: 230; ср. и – *слеполилек* [Банат], *лиляч* [Юстендилско Краище] – БЕР). Помимо данной зоны, родственные названия, в качестве единичных, отмечены в некоторых хорватских, ср.: *i:ják*, *lilàk* (о. Ластово) (ОЛА). Особенность ареала данных названий, восходящих к **lelēkъ* и др., – продолжение его в говорах Сев. Славии. Так, по ОЛА, отмечаются параллели в говорах Зап. Украины (карпатские, надднестровские): *'lilič*, *'ly'lyk*, *'lələk*, *'lelyk* и др., ср. и – *'lylykтыš*, но также и *'lili'jak* – Буковина), которое, впрочем, может рассматриваться и как "обратное" заимствование из румынского (ср. рум. *liliac* – из славянского); подробнее о географии этих названий в украинском см.: ЛАЗГ, к. № 12, КДА, к. № 17, также [11].

Далее – как единичные – см.: ю.-вост. чеш., зап.-славц. tru:lelek, польск. 'lelyk (Вроцлав) (ОЛА).

6. Упомянем и македоно-сербско-болгарскую параллель, манифестирующую тремя небольшими *остроевыми* ареалами. Речь идет о названиях ‘головастика’, образованных от корня *тырт- (подробнее о нем – ЭССЯ 20: 251, но и 19: 237), ср., по ОЛА (к. № 33), мак. 'tr̥mogec, 'tr̥m'ogec, серб. tr̥molak (Воеводина, при – tr̥modo:lak [Славония]), также единичные случаи в болгарских диалектах – *мармалок* (Добруджа), зап.-болг. tr̥mogec. Ср. и более далекие формы, отмеченные в ОЛА: хорв. žá:morak (о. Ластово), сюда же, возможно, и герцег. žmú:rak, см. [12].

7. Сходную конфигурацию имеет семантическая изоглосса – фиксация репрезентантов слов. *pilē со значением ‘птица’. Они отмечаются в части МГ ('pile, 'pili) и сербских говорах (юг, центр) – 'pile, по-видимому, более широко они распространены в болгарских (об этимологии слова [=“звукоподражание”] – см., например: Фасмер II: 262).

8. Примером близкой по конфигурации изоглоссы, также семантического характера, может служить лексема uši (мн.ч.) в значении ‘жабры’. Она известна большинству МГ, сербским говорам (Воеводина, но и – единично – Босния [р-н Бугойно]) (ОЛА, к. № 40); так же – в ЗБГ. Однако в данном случае и на востоке Болгарии существует обширный пояс говоров, протянувшийся с севера на юг, где употребляется данная форма в том же значении (см. карту 3); и таким образом, конфигурация этой изоглоссы не совпадает с типичными характеристиками изолиний, очерчивающих ЦЮС-зону, что дает основания полагать, что она может считаться вариантом иного, "восточно-южнославянского" ареала (см. ниже). Параллели данным формам со значением ‘жабры’ обнаруживаются и в некоторых говорах Сев. Славии, см.: зап.-чеш., зап.-славц. 'uši, далее – зап.-бел. 'vušy, зап.-, сев.-вост. рус. 'ušy (ОЛА, с. 168; ср.: ЛА, к. № 325). Еще более редки названия, образованные от того же корня но с иными словообразовательными формантами, при этом они не образуют и сколько-нибудь заметных ареалов.

"Устойчивость" границ ЦЮС-зоны подтверждается и на материале заимствованных элементов. Упомянем, например, обозначения '(застекленного) окна', восходящие к "балканскому турцизму" персидского происхождения pencera (Skek

II: 637), ср. 'penžer ('penžera), зафиксированное ОКДА (1, к. № 16) в большинстве МГ, в значительной части сербских говоров (Сербия, Босния), оно же представлено в западных и северо-западных БГ.

Отмечаются случаи, когда ЦОС-зона выступает в "редуцированном" виде, объединяя – по тем или иным явлениям – говоры двух (из трех) ЮС языков, например, (а) МГ и БГ или (б) МГ и (В)СГ. Примером ситуации (а) является распространение деривата, образованного от корня *mogv- и форманта -a: mogv-a (при том, что для Ю.Славии более характерны модели mogv-ь, mogv-ъk-a и др.) (ОЛА, к. № 41, с.169); указанный выше дериват представлен в МГ (запад, юг) – m'rava, а также, по данным БДА (I, к. № 193; II, к. № 199; III, к. № 269), формы *mrava* и под. отмечаются на юго-западе Болгарии (ср. также и данные в: Иванов, к. № 145), но также и на востоке, где изоглосса *mrava* близка к описанной выше (= uši ‘жабры’), имеющей "амбивалентный" характер. О праславянском характере данного варианта (*morgva < *mogvъ, с переводом в асклонение) см.: ЭССЯ 19: 242. Редкий подтип анализируемого ЦОС-ареала, охватывающего лишь МГ и БГ (см. карту-схему 4), демонстрируют и заимствованные названия ‘лестницы (стремянки, переносной ~)’, первоисточник которых видят в лат. *scala* (> ит. *scala*); при этом в балканославянских диалектах отмечаются варианты с изменением корневого -l- : -g-. Ср. мак.'skali, 'ckala [13] (но и : 'skara [юго-вост.]) (ОКДА 1, № 17); ср. также в южноболгарских – 'skara (юго-запад), 'skalə (Ивайловград, Странджа). Приведенные "ротацизованные" формы могут восходить к румынскому языку, где они являются обычными (ср. рум. *scără* и под.). Кроме того, на западе Южной Славии укажем хорв. škale (ОКДА)(подробнее о судьбе данного романизма см. в: Skok III: 254–255). (б) Иллюстрацией македоно-сербского параллелизма может служить география деривата *ognilo* (< *ognьpь) ‘кресало’; он фиксируется ОКДА (1, к. № 71) в МГ и части сербских (Сербия, но и Черногория); подробнее: Skok II: 547 (как будто не отмечается в болгарском, ср. отсутствие соответствующей статьи в: БЕР); сходны с рассмотренным и ареалы некоторых заимствований. Ср., например, географию лексемы *taraba* в значении ‘забор из досок’, которая известна, по ОКДА (1, к. № 37), практически повсеместно в МГ (= 'ta'raba), в ВСГ (= ta'rabe), ЮСГ (=

taràba), а также в Черногории (taraba). П.Скок, определяя ее как "балканский турцизм", указывает, что она известна и в Боснии, Славонии, – с достаточно развитой семантикой (Skok III: 449; здесь же отмечено болг. *тараба*, ср. и: Геров 5, с. 323; слово отсутствует в словаре С. Младенова). Значительно шире распространены в части балканославянских диалектов названия 'шкафа (для посуды и под.)', продолжающие лат. *arma*, *armata* (Skok I: 61) и репрезентированные большим числом фонетических вариантов. Ср. прежде всего в сербских (но также хорватских, и словенских) говорах *ortan*, *ortmar*, *armar[a]*, *rmar*, *romar* и под., при мак. *ortman* (ОКДА 1, к. № 51); данный романизм как будто не фиксируется в болгарском (ср. БЕР).

Наконец, могут быть упомянуты случаи фиксации тех или иных названий (resp. форм) лишь в МГ (= македонские лексико-словообразовательные "эксклюзивы"). Среди них название '*per'nica* 'подушка' (ОКДА 1, к. № 46), более или менее близкие параллели к которому находим лишь в неславянских языках, ср. славизмы рум. *regnă* (*perina*), также венг. *rágna* 'то же' (ОКДА). Как будто только в южных МГ зафиксированы названия 'кукушки' *kuk* (*kuko*) (ср., впрочем, единичное хорв. *kük* [о. Ластово] – ОЛА, к. № 21); в БЕР – примерно та же география орнитонима (3: 83), ср. и: ЭССЯ (13: 94). В качестве исключительно "македонского" выступает и словообразовательный вариант '*druška* 'подруга невесты на свадьбе', при в.-серб. *dru:ga* 'то же' (ОКДА 3, к. № 60). Параллели этим македонским наименованиям обнаруживаются в северославянской зоне, – в карпатоукраинских, южнопольских говорах (ср. также славизм *druşcă* 'то же' – на северо-востоке Румынии [там же, ср. и НМ 42]); близкий дериват представлен в слвц., морав. *družica* 'то же' [14].

III. Третий из рассматриваемых нами ареальных типов очерчивается изоглоссами явлений, представленных в восточной части ЮОС диалектного континуума. Этот ареал можно называть "восточно-южнославянским" (= ВЮС), он охватывает прежде всего большинство болгарских говоров, но и некоторые МГ, а также (В)СГ. Яркий пример ареала этого типа дает распространение двух зоонимов, южнославянских локализмов, а именно – обозначений (1) 'белки *Sciurus*' и (2) 'хорька', являющихся южнославянскими локализмами.

1. Речь идет о названии ‘белки’ *kater-ič-a* (*kater-ič-ъk-a*) (ОЛА, к. № 9), которое является, по-видимому, общеболгарским (ср. *катерица* и под.); далее фиксируется на юго-востоке македонской языковой территории *'katerica*, ср. и в.-серб. *'katerica*, *'katarica* (р-н Княжевац, Вране). Указанное наименование считается заимствованным элементом, -- помимо версии, что *kater-* – “фракийский” элемент (< и.-е.*[s]kok-ter- ‘то, что скачет’ [В.Георгиев]), существует и более новая, допускающая заимствование из праалб. **kōter* (> слав.**kater-*) < и.-е. **[s]kok-*; ср. новоалб. *ketër*, *kitër* [15], – при том, что общеюнославянскими являются исконные названия, объединяемые метаформой *Věv-eR-ic-a*.

2. В большинстве болгарских говоров употребляется название *por* ‘хорек’ (за исключением говоров на востоке страны); известно оно и некоторым МГ (восток, юг), ср. единичные фиксации из В.Сербии *rog* (р-н Княжевац) (ОЛА, к. № 8). Этимология слова неясна, ср., например, мнение о возможности возведения *por* к и.-е.**rōg-* [: слав.**preti*] – Младенов. ЕР, с.489; однако, вероятно, не исключается и сближение со слав. **dъxogъ* (< **dъxnqti* – ЭССЯ 5: 178), если иметь в виду большое число вариантов начального **dъx=* (> *dx* и т.д.). отмечаемых в славянских диалектах (ОЛА, с.140). Так, в частности, зафиксировано изменение группы *dъx-* в *px-*, ср.укр.диал.*px'ir* (п.836 – Белгородская обл.) (обычная форма – *tx'ir*) (о т, д.> и см. [16]; дальнейшие изменения могли бы быть связаны с утратой -x- (р[ъ]хог- >...*por*). Отметим также, что другие названия ‘хорька’ – с корнем **smrъd=* – фиксируются ОЛА практически лишь в МГ, таковы *smr'deļka*, **smrdeļka*, *'smr'duļka*, *'smrduška* и др. (юг, юго-запад РМ), ср. и единственное болг.диал. (ю.-вост. фрак.) *'smrədla* (ОЛА).

3. В ВЮС-зоне широко распространены и названия ‘серьги (серег)’, представленные прежде всего в болгарских диалектах вариантами *обеци*, *обици*, *обички* и под. (БДА I, к. № 249; II, к. № 251; III, к. № 281; IV, к. № 352); но также, по ОКДА (2, к. № 23), и в МГ – ю.-мак. *o'betki*, *'obici*, ср. и в.-серб.*o'bočić*. При том, что эти лексемы, – несомненно, исконные, их этимология недостоверна, подробнее об этом – БЕР IV, 740, 745–746 (может быть, *обеца* [> *обица*] < *обеси* < об-вѣс- [С.Младенов]; или – *обетка* < **обедьца* < др.-болг.обедь ‘перстень’ [И.Дуриданов]; П.Скок выводил *obodac* < *bostī* [Skok I:192]).

4. Специфически "восточно-южнославянскими" являются и обозначения 'ежа': TEra-//ež-ъ и под. (ОЛА, к. № 10), которые характерны для болгарского – *таралеж* и др. (отсутствуют лишь в говорах Юга Болгарии – рупско-родопская макро-зона); достаточно редки подобные обозначения в МГ и ВСГ (te'raeš); при объяснении данной формы исходят из предположения о "народной этимологии" (= влияние глагола *търкалям* – Младенов. ЕР 629).

5. ВЮС тип ареала подтверждается и на словообразовательном уровне. См., например, изоглоссу деривата *zaj-Е-к-ь*, характерного для болгарского языка в целом, но и для некоторых МГ (юг) и ВСГ; в то же время в общеславянском масштабе наиболее частотны формы с суфф. -с-: *zAj-Е-с-ь* (реже - *zAj-ъс-ь*) (ОЛА, к. № 17).

Реальность ВЮС ареала подтверждается и на материале заимствованной лексики. Отметим широкую представленность, прежде всего в БГ, турцизма *качамак* 'еда из кукурузной муки (= мамалыга)' (< тур. *kaçamak*) (не фиксируется на востоке и на северо-западе страны – БДА I, к. № 214; II, к. № 225; III, к. № 244); по ОКДА (3, к. № 9), он известен в некоторых МГ (юг), ВСГ, а также в черногорских (*kača'mak*) (см.: Skok II: 11) (карто-схема 4). Ср. также обозначение 'пола из досок' с помощью ("балканского") турцизма *dušeme* (< тур. *döşeme*), который, как свидетельствует ОКДА (1, к. № 14), употребляется в отдельных МГ (юг, юго-запад); он хорошо отражается и в болгарских говорах (обычно в форме *дюшеме*, ср.и.: РБЕ 4, 587 – "устар."; БЕР). В восточносербской зоне заимствование *dušeme* и под. фиксируется как будто в других значениях, например – *душеме (душаме)* 'днище телеги' и под. (Пирот – Живковић 35), *dušema* 'покрывало' и под. (Космет – Skok I: 461). В группе названий деревянного пола обнаруживается и локальная македоно-сербская параллель – употребление лексемы '*patos* (< греч. *πάτος* 'днище; подошва (восток РМ, восток и юг Сербии – ОКДА).

* * *

Рассмотренные выше лексико-семантические материалы из многоязыковых атласов ОЛА и ОКДА, показывают, что географическое положение македонских говоров – на юге

центральной части ЮОС диалектного континуума – позволяет им играть заметную роль в пространственной характеристики последнего, прежде всего детализируя типы его дифференциации. Вычленяются три наиболее частотных типа ареалогических ситуаций, формируемых с участием МГ.

1. Факты МГ в целом коррелируют с данными говоров остальных ЮСЯ, что реализует – на соответствующем языковом уровне – единство Южной Славии и ее противопоставленность Северной Славии (репрезентанты **guščegъ* **arębica*).

2. По большому числу лексико-словообразовательных признаков МГ, вместе с частью сербских говоров (чаще – восточных и южных, а именно призренско-тимочских и некоторых косовско-ресавских; об их специфике см.: [17]) и западноболгарских, образуют локальный центральный ареал черт, обособляющих его в пределах Ю.Славии (= ЦЮС-зона); его манифестируют как исконнославянские единицы (*ruček*, *štrk*, *skačka*, *uši* ‘жабры’ и др.), так и заимствованные (например, *pendžer*). Значение для ЮСЯ данной зоны определяется также и тем, что здесь по многим явлениям проходит граница между западной и восточной частями ЮОС лингвистического пространства [18]. Наконец, исследователи обращают внимание на особую "маркированность" ЦЮС-зоны по параметру близости этого "центрального района северной границы южнославянского ареала" к районам южной периферии севернославянского ареала [19]. К описанному выше типу ареалов мы относим, как указывалось, и некоторые его модификации. Во-первых, речь идет о подтипе, включающем не только западно-, но и южноболгарские говоры (иногда – вплоть до Странджи и Вост.Фракии) (ср. *nevěstulka*, *pile* ‘птица’, *skala*/*skara* и др.). В свое время подобные изоглоссы привлекли особое внимание видного болгарского диалектолога С.Стойкова в связи с изучением древнего диалектного членения болгарского языка; так, он пришел к выводу, что последний имел два диалекта, один ("центральный") занимал территорию Северо-Восточной Болгарии, другой ("периферий-ный") был представлен в Западной и Юго-Восточной Болгарии [20]. Позднее некоторые идеи болгарского ученого были подтверждены и развиты С.Б.Бернштейном, ср. его мнение: "...можно считать бесспорным, что южные говоры Болгарии вместе с западными говорами в прошлом составляли один диалект"

[21]. Во-вторых, – это варианты микроареалов, охватывающих диалекты только двух языков (ср. ognilo, taraba, orman, может быть, и tгava и др.), и, в-третьих, – даже одного – лишь македонского (kuk[о], pernica, družka).

3. Особый тип ареала в пределах Ю.Славии, конфигурация которого устанавливается с учетом фактов МГ, – восточно-южнославянский (= ВЮС-зона). В основном он представлен болгарскими говорами (всеми или значительной их частью), но также и некоторыми МГ и (В)СГ (ср. katerica, por, obici/obeci, также kačamatak, dušeme и др.). Подчеркнем, что отношение данного типа ареала (=ВЮС) к "центральному" ареалу С.Стойкова (см. выше) должно быть предметом специального изучения.

Тот факт, что границы ареалов II и III типов (в отличие, кстати, от границ ареала первого типа) достаточно условны, "подвижны" (это хорошо видно на прилагаемых иллюстрациях), и определяются лишь в общем виде, – как некий ареальный "инвариант", очерчиваемый "пучком" изоглосс близких конфигураций (= <<зона вибрации>>) вокруг некоего достаточно стабильного <<ядра>>, может указывать на относительно позднее конституирование указанных ареалов.

2. ФОНЕТИКА. Сведения о фонетике македонских говоров, включенных в сетку ОЛА, обобщены в виде описаний фонетики/фонологии каждого говора в [22]. Описания дают разноспектрную информацию об устройстве диалектных систем, основанную на сопоставимом материале, собранном по единой программе. Пользуясь этим материалом, мы можем судить о специфике фонетического строя македонского диалектного языка (= диасистемы). Интерес в этом плане представляет консонантная синтагматика в ее отношении к возможной типологической интерпретации. Далее мы рассмотрим этот вопрос.

По классификации А.Исащенко принадлежность славянских языков к вокалическому или консонантическому типу определяется составом фонемного инвентаря и правилами сочетания звуков/фонем в пределах фонетического слова [23]. Звуковая последовательность, образующая слово, может рассматриваться с двух точек зрения: 1) причины и механизмы позиционного фонетического изменения и 2) экспликация в

этих изменениях типологически значимого характера фонетического устройства данного идиома. В первом случае предметом анализа является конкретный сегмент, во втором – общий звуковой фон, создаваемый набором синтагматических правил. В этом плане македонский материал показывает следующее.

Звуковая синтагматика в МГ ОЛА демонстрирует ряд свойств, указывающих на снижение значения признака консонантности в звуковой цепи, ограниченной рамками фонетического слова. При этом уровень консонантности определяется не только наличием/отсутствием согласного в сегменте, но и градацией консонантных признаков, которые подвергаются взаимной мене. Это связано с тем, что согласные могут быть расположены по шкале нарастания/ убывания признака консонантности. Наиболее выражена консонантность у глухих смычных (особенно аффрикат), наименее – у сонантов; снижение уровня консонантности идет по линии <<звонкие смычные → глухие фрикативные → звонкие фрикативные>> [24]; ср. также замечание Н.С.Трубецкого: "Смычные и сонанты как с точки зрения акустической, так и с точки зрения артикуляционной являются максимально полярными типами"[25].

В МГ знаком снижения уровня консонантности звуковой цепи в пределах слова является утрата заднеязычного спиранта *x*, реализуемая в разных позициях и с разной степенью последовательности. Эта черта македонской фонетики в ее нюансах описана в [26]. Принято считать, что причиной утраты *x* является его фонематическая изолированность [27]. Но подобная ситуация известна и другим славянским диалектам, тем не менее сохранившим спирант *x* (например, севернорусские говоры, где задненебный ряд представлен согласными *k-g-x*). Кажется более вероятным, что утрата *x* вызвана тенденцией к понижению уровня консонантности в звуковой цепи, реализации которой способствовала ослабленная (ненапряженная) артикуляция спиранта [28]. Раньше устранение *x* проявилось в начале слова [29]. Это понятно, поскольку начало слова находится в зоне преимущественного внимания говорящих и вновь возникающие тенденции имеют шанс раньше всего проявиться именно в этой позиции [30].

МГ в ОЛА демонстрируют утрату звонких согласных в интервокальном положении, хотя и реже, чем то же происходит с *x*. Это: *d* – *gleaš*, *vo:jca* (л. 92), *zeof*, *izvaiš*, *oglaało* (д. 97), *bogorojca*, *oeše*, *daof* (л. 101) и др.; *v* – *zagoorka*, *lastojca* (п. 95), *toar*, *osnoa*, *ne:sta* (п. 93), *čoek*, *къэrgoес*, *bioł* (д. 99) и др. Реже отмечена утрата других звонких согласных и сонантов: *ž*, *g* – *ne moeš*, *ʃo:jca*, *ko:a* (д. 93); *d*, *ž*, *g*, *m* – *pone:lnik*, *ojt*, *mojt:sja* (=sega), *zej go* (п. 96); *g*, *ž*, *g*, *m*, *n* – *ko*, *lasta:rka*, *la:jca*, *oriani*, *zej si go* (д. 101) и др. Утрата в интервокальном положении именно тех согласных, которые образованы с участием голоса, понятна – контраст между ними и вокальным контекстом по уровню звучности невелик. И если становится актуальной тенденция к снижению уровня консонантности звуковой цепи, то для этого наиболее подходят слабоконтрастные элементы. Утрата согласного увеличивает количество вокальных сочетаний (изменение *i* → *i* вторично), повышая тем самым уровень вокализованности фонетики слова. Детали этого явления показаны в [31].

Высокая значимость признака вокальности (голосности) в звуковой цепи проявляется в том, что в контексте, состоящем из гласных и сонантов, может затрудняться перепад голоса по линии <<звуккий → глухой → звукный сегмент>>. Это приводит к озвончению спиранта в позиции V–V или V–Son. В МГ ОЛА, утративших *x*, на месте заднеязычного спиранта в интервокальном положении произносится губной звуковой спирант *v*. В FO эта ситуация определена как вторичное развитие согласного в условиях зияния, т.е. *VxV* → *VV* → *VvV* (п. 90, 93–96, 98–101). Лишь в п. 102 произношение *gluva*, *kožuvi*, *kiva*, *očuvat* ёвалифицируется как замена *x* согласным *v* (с. 728). Можно думать, что произношение *v* вместо *x* в позиции V–V и в других говорах отражает исходное озвончение *x*, чему способствовало место его артикуляции вблизи голосовых связок. Передвижение же в губной ряд стало следующим этапом изменения *x*. Озвончение *x* отмечено и в позиции V–Son. При этом стадия *x* → *γ* представлена в п. 104 – *buyna*, *riyna*, *teymet*, *eyla*, *imayme*; за это же указывают [32]. Надо полагать, что в других говорах сетки ОЛА в этой позиции имеют место результаты изменения *x* → *γ* → *v*: *mayna*, *evla*, *bevme* (п. 92), *bołva*, *mevlen*, *nivno* (п. 94) и т.п. Участие голоса в артикуляции *v* определенно указывает на предшествующую стадию *γ*. Озвончение *x* происходит главным образом в

дипо γ. Озвончение *x* происходит главным образом в позициях V–V и V–Son; примеры позиции Son– V единичны. Из этого можно заключить, что ассиимилирующее воздействие на спирант имеет прогрессивную направленность и исходит от гласного перед *x*. Этим же можно объяснить *x* → *v* в позиции V – #: *vrvav*, *gluv*, *grev*, *tov*, *bev* (п.94) и др. Там, где *v* относится к классу шумных согласных, он независимо от своего происхождения оглушается перед паузой, т.е. *v* → *f* (например, *mef*, *tov* в п.99); отступление от этого принципа в п.93 *vrv*, *ogav*.

В позиции V–Son в качестве замены *x* отмечен и спирант *j* – *pjno*, *cejli*, (п.110). Если считать, что первично в этой позиции *x* → γ, со передвижением в средненебную зону можно объяснить уподоблением спиранта предшествующему переднему гласному. Произношение *j* на месте *x* в интервокальном положении однозначно определяется как заполнение зияния, образовавшегося после утраты *x* [33]. Именно так в FO квалифицируется произношение *eja*, *streja*, *žleje* в п.109. Однако, если учесть, что здесь же *x* → *j* после *e* (*mej*, *zmej*, *orej*), то нельзя исключить развитие *x* → *j* в интервокальном положении, где *j* также связан с передним рядом предшествующего согласного, поскольку после непередних гласных в соответствии с *x* произносится *v* – *muva*, *suvo*, *pazuva*.

Повышение уровня вокализованности/снижения консонантности звуковой последовательности достигается заменой шумного согласного сонантом. Пример этого дает изменение *bn* → *mn*: *demnet*, *zemnet*, *simnet* (пп.90, 92 и др.). В пп. 92, 101–106 отмечено произношение *n* в соответствие с *dn*, которое в FO рассматривается как результат утраты *d* (с.644). Однако более вероятно, что первичным здесь является замена взрывного шумного сонантом. Сочетание зубного взрывного и назального сонанта артикулируется как один согласный – зубной щелковый [34]. Это создает предпосылки для ассиимиляции *dn* → *nn*. Именно такая ситуация зафиксирована в п.113а – *ranna*, *enno*, *senna*. В других пунктах сочетание *nn* сократилось до *n*: *eno*, *pana*, *sjana*, *novi* ← *dnovi* (п.106), *ena*, *pana*, *sene* (п.107) и т.д.

Перечисленные изменения так или иначе усиливают значение признака вокальности (неконсонантности, звучности) в звуковой последовательности, поскольку увеличивают ассортимент вокальных сочетаний, заменяют шумные согласные

сонорными. Наряду с этим в МГ сетки ОЛА фиксируются такие проявления консонантной синтагматики, которые ведут к консонантным потерям и тем снижают вес признака консонантности в фонетическом слове, но усилением признака вокальности не сопровождаются. Это касается сокращения длины консонантного сочетания и его артикуляционной унификации. Естественно считать, что признак консонантности выражен 1) в сочетании согласных сильнее, чем в одном согласном и 2) в сочетании согласных, находящихся друг от друга на значительном артикуляционном расстоянии, сильнее, чем в сочетании, где это расстояние меньше. Далее рассматриваем только двучленные сочетания согласных.

В МГ ОЛА сокращение консонантных сочетаний представлено в следующем виде: *ts#*, *tš#* → *s#*, *š#* везде в всех говорах сетки ОЛА, исключая п.96. Например, в п.90 *lis*, *cis*, *mas*, *pakos*, *doš*, *veš*; *đo* же в других пунктах.

К числу примет языков вокалического типа А.Исаченко относит недопустимость сочетаний одинаковых согласных [35]. В МГ такие сочетания редки, появляясь иногда на стыке морфем и в результате редукции до нуля интерконсонантного гласного. При этом сочетания *dd*, *tt* воспринимаются как согласные с долгой смычкой, а *jj* как долгий спирант: *pod:avat*, *prolet:a* (п.96); *naj:ako*, *det:o*, *vot:a* (← *vodata*), *ud:amna* (п.105); *vratta*, *detto*, *imme* (← *imame*), *zimme* (п.111) и др.

В известном противоречии с правилами синтагматики, понижающими значение признака консонантности в звуковой цепи, в МГ находятся такие изменения в группах согласных, которые повышают частоту зубной и передненебной аффрикат. Как отмечает Б.Конески, замена фрикативных согласных аффрикатами характерна для македонских диалектов, особенно западных [36]. Материал ОЛА показывает преобразование фрикативной артикуляции в аффрикативную (однокомпонентной в двухкомпонентную) в результате прогрессивно направленной ассимиляции в рамках двучленных сочетаний. Так, *[s, z → c, ć]*, *[š, ž → č, ţ]* после *t, d*: *odžadi*, *nadžornik*, *podžinit*, *nadživit*, *otči*, *potčiša*, *potčepnit* (п. 96); *potceči*, *nadžemi*, *podžin*, *podžemci* (п.101). Изменения в таких сочетаниях известны и говорам Северной Славии, но там это происходит на другом основании – в результате регressiveной ассимиляции аффри-

которой заменяется взрывной согласный, а не спирант, т.е. *dz* → *z̥*, *tš* → *čš*, *dž* → *žž* [37].

Прогрессивная ассимиляция фрикативного согласного предшествующему губному взрывному эксплицируется изменением *s*, *š* → *c*, *č*. Произношение типа *pscí*, *pčala*, *vapcat* свойственно говорам пп. 90, 92, 94, 100 и др. То же в *skopcki*, *prilepcki* (пп. 102, 110) при сохранении спиранта после гласного. Появление аффрикат после смычных согласных демонстрирует высокий уровень зависимости артикуляции второго согласного от первого. Это же подтверждается в некоторых говорах изменением *št*, *žd* → *šč*, *žž*, аффрикатой заменяется также второй согласный, но на этот раз взрывный: *guščer*, *klešči*, *ščo* (п. 90); *ščýrk*, *piščit*, *rožžat*, *dožžot* (п. 99).

Исконные сочетания *tc*, *tč* остаются вне ассимиляции, поскольку для прогрессивного уподобления нет оснований (оба согласных смычные), а регressive ассимиляция не актуальна. Если бы регressive ассимиляция реализовалась, то следовало бы ожидать изменения *t* → *c, č* (так, например, в рус. *осса*, *ocčim*, укр. *braččyk*, *viccerkvy*). Сочетания *tc*, *tč* отмечены в п. 96 – *livatče*, *patče*, *svetci*; в п. 106 – *žitce*, *ritče*.

Сочетания взрывного с аффрикатой любого происхождения часто сокращаются путем утраты взрывного согласного. При этом изменения *pc*, *pč* → *c, č* и *tc*, *tč* → *c, č* в одном говоре не всегда происходят параллельно. Так, в п. 94 – *pscue*, *stípca*, *pčenica* и *brče*, *žice*, *riče*; в п. 99 – *pčenka*, *čeinca* и *ritče*, *livatče*, *sa:tče*; в п. 90 – *ocoli*, *oceče*, *pozemet*, *pečes*, *naživeet*; в п. 100 – *posenka*, *pozede*, *pečes*. В FO эта ситуация оценивается как "слияние в аффрикату взрывного и фрикативного согласного" (с. 714). Кажется более вероятным, что в подобных случаях имеет место упрощение групп *dž*, *tč*, *tc*, *dž*. Только так можно объяснить не полную утрату взрывного перед аффрикатой – *požina*, *naživeet* (п. 90), параллельное употребление *tc//c*, *z//dž* (п. 100), *ž//dž* (п. 90). Характерно, что в помещенных в FO описаниях штокавских диалектов для недопущения сочетаний зубных взрывных согласных с аффрикатами предлагается альтернативное объяснение – утрата зубного согласного или объединение его со смычкой аффрикаты, что создает эффект ее продления (с. 377 и др.). О возможности такой двойственности свидетельствует запись последовательности, продолжающей сочетание *tc* в македонском говоре п. 93 – *žiče*, *livatče*.

В сочетаниях взрывных согласных со спирантами проявляются две особенности фонетического строя МГ – зависимость второго компонента сочетания от первого и тенденция к снижению уровня консонантности звуковой последовательности, образующей слово. Последнее выражается в замене спиранта аффрикатой, снижающей контраст по способу образования между компонентами сочетания, и тем более в сокращении двучленного сочетания до одного согласного.

Одной из особенностей македонских диалектов является замена спирантов аффрикатами после сонантов. Д.Брозович, рассматривая распространение *ʒ* в балканских языках, в качестве центра фиксации этой аффриката называет Вардарскую Македонию [38]. При этом автор, анализируя дистрибуцию *ʒ*, констатирует переход *z* → *ʒ* под влиянием ближнего или дальнего сонанта, включая позиции типа *zVSon* [39]. Мы далее остановимся на позиции после сонанта. Переход спиранта в аффрикату зубного и передненебного ряда показывают следующие примеры: *jənža*, *məlžet*, *bronža* (п.92); *mołžit*, *sołža*, *ołžica*, *połžaf*, *enža* (п. 96); *gənža* (п.98); *małži*, *sałža*, *varzom*, *dałži*, *darži* (п.106); *dəržava*, *dəłžna*, *məłze* (п.110). К изменениям такого же типа можно отнести *s* → *c* между сонантом и *k*, если в позиции V – *k* сохраняется *s*. Так, в п.96 – *starcki*, *sełcki*, *bugarcki* и *nebeski*, *prejeska*; в п.101 – *turcki*, *połcki*, *lerincki*, *gorcki* и *kičeski*. Глухая аффриката после сонанта отмечена в п.111 – *doncigu* (← *nesi*), в п.112 – *mənč* (← **možū*).

Замена спиранта аффрикатой в соседстве с сонорными в принципе усиливает контраст по уровню консонантности в сегменте, поскольку аффриката более консонантна, чем фрикативный согласный. Однако это явление можно рассматривать и как результат дистанцирования сонанта, как элемента близкого гласному, от шумного согласного. Это достигается образованием переходной артикуляции в виде смычки, обозначающей границу между сонантом и шумным согласным. Б.Конески видит в этом аналогию изменению *zr* → *zdr* [40]. Развитие переходной артикуляции означает охранительное отношение к сонанту, т.е. минимально консонантному согласному. Надо отметить, что эти проявления синтагматики происходят на фоне вообще высокой насыщенности аффрикатами македонских диалектов ("македонска боја" – [41]). Как считается, в этом может проявляться иноязычное влияние [42].

Регрессивная ассимиляция по месту и способу образования в группах согласных в МГ ОЛА фиксируется реже и реализуется она не всегда последовательно. Такая ассимиляция делает артикуляцию сочетания более монотонной и тем снижает уровень признака консонантности в звуковой цепи. Это: *sč* → *šč*: *kvašče*, *košče* ѹ *mašče* (п.102); *lišče*, *obrašče* (п.103); *lišče*, *pojašče*, но и *fesče*, *nosče* (п.106); *sk* → *ck*: *ckala*, *ckara*, *ckitat* (п.99); *ckala* (п.102); *šk* → *čk*: *čkart*, *čkolo*, *čkarpat* (п.99), то же отмечено в [43].

Если рассмотренные консонантные изменения можно расценивать как разные виды снижения ценности консонантного признака в звуковой цепи, то такое объяснение явно не подходит к произношению *fc*, *fč* реже *xc*, *xč* на месте *sc*, *sč*, *šč*, когда контраст между согласными не снижается, а увеличивается. Так, в п.96 – *ifcedi*, *rafcepi*, *mefce*, *lifče*, *kofče*, *krufče*; д'.104 – *praxci*, *maxsa*, *mexce*; п.105 – *moxče*, *mexce*, *ubraxče*, *mixče* и др. Изменения в группах *sc*, *sč*, *šč* и их локализация по диалектам описаны в [44]. При этом линия развития определяется как *sč*, *sc* → *šč*, *šc* → *xč*, *xc* с дальнейшей заменой заднеязычного спиранта губным (с.284). В этой реконструкции не вполне понятно изменение *sc* → *šč*, явление в славянском контексте уникальное. Дальнейшее развитие, как считает автор, не исключает возвращения спирантов *s*, *š* под влиянием морфологической аналогии, т.е. *krušče*, *pojasče*, так как *kruša*, *pojas* (с.285).

Изменение локального ряда первого спиранта в сочетаниях *sc*, *šč* эксплицирует регрессивную диссимилиацию по месту образования согласных. Причина этого, по [45], в стремлении подчеркнуть границу между морфемами. В описаниях МГ сетки ОЛА рассматриваемое изменение всегда связывается с морфемной границей; то же в [46]. Это понятно, так как соответствующие сочетания образовались в результате падения редуцированных. Слова, могущие иметь *sc*, *šč* не на стыке морфем, т.е. новая лексика, в описаниях не приводится. В этой связи приведем некоторые слова из болгарского говора Молдавии, имея в виду, что суть изменения в группах *sc*, *šč* в болгарских и македонских говорах одинакова [47]. В болгарском говоре изменение *s*, *š* → *x* реализуется как позиционное фонетическое явление, не ограниченное стыком морфем. Ср *xcena*;

на месте южнорус. ѿ в русских словах – хрихчоf, т’оxчa, blaguv’exčin’a, v’exči.

Если рассматривать изменение ѿ, sc → xc, xč и далее fc, fč как фонетический процесс, то возможная его логика состоит в реализации более удобного развития артикуляции не в сегменте, а в фонетическом слове. Переключение спиранта в аффрикату того же ряда осуществляется путем некоторого перемещения язычного сближения с зубами или нёбом спереди назад, т.е. навстречу движению воздушной струи, обраzuющей шум. Изменение s, ѿ → x означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Благодаря этому развитие движения по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной, имеющей меньший вес признака консонантности) к более передней и сложной (аффрикативной, имеющей больший вес признака консонантности) происходит в соответствии с естественным направлением шумопрохождения. При такой интерпретации мена s, ѿ → x может быть понята как реализация артикуляционной экономии, а поскольку эта экономия происходит в консонантной части слова, то можно в этом видеть снижение значения признака консонантности. Сочетания fc, fč из xc, xč также артикуляционно проще, чем sc, ѿ, поскольку в них остается лишь одно язычное сближение – у аффрикаты, а в спиранте язычная артикуляция не принимает участия.

Анализ некоторых явлений консонантной синтагматики, прослеживаемых на македонской диалектной территории, позволяет сделать выводы об общем характере фонетического устройства македонских диалектов. Просматривается тенденция к снижению значения признака консонантности в звуковой последовательности, составляющей фонетическое слово, что достигается утратой согласного, снижением артикуляционного контраста в консонантных сочетаниях по ряду и способу образования, охранительным отношением к голосности сонанта. Это в известной мере парадоксально сочетается с повышенной частотой аффрикат – согласных, имеющих высокую выраженность признака консонантности. В группах согласных высока частота прогрессивно направленного изменения по способу образования. Слабее развит принцип антиципации при выборе предконсонантного согласного, лежащей в основе регressive направлений изменений [48]; не имеем в

виду в данном случае повсеместную унификацию сочетаний шумных согласных по участию голоса.

Комбинация разнотипных проявлений консонантной синтагматики придает македонским диалектам типологический статус, промежуточный между вокалическим и консонантическим типами. Это соотносится с географическим положением македонского языка – к западу от него находятся диалекты выраженного вокалического типа, а к востоку – консонантического типа, к которому относятся болгарские диалекты [49].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С.9.

² Конституция Республики Македония // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С.113, 121.

³ Усикова Р.П. Языковая ситуация в Республике Македония и современное состояние македонского языка // Славяноведение. 1997. № 2. С.16–17.

⁴ Подробнее об этом см. в: Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопье, 1987. С.9.

⁵ Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. Л., 1966. С.192, 193; Блумфилд Л. Язык. М., 1968. С.374–375.

⁶ О табуированном характере названий см.: Млад. 1968; Цивьян Т.В. К мифологическим основаниям одного случая табу: ласка (*Mustella vulgaris*) // Проблемы славянской этнографии. М., 1979; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С.252–257 и др.

⁷ Вялкина Л.В. Фрагмент мотивационной карты L 1198 ‘обед, еда в дневное время’ – южнославянские языки // ОЛА. Серия лекс.-словообр. Т.VI (Пропспект). М., 1995. С.25.

⁸ Клепикова Г.П. Славянские названия птиц // ВСЯ. Вып. 4. С.151, 166 и сл.

⁹ Младенов М. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // СБЯ. 1975. С.230 (далее – Млад.1975).

¹⁰ Вопреки ОЛА, составители БЕР (т.3: 402), склоняются к версии К.Гутшмидта, возводящей данное название к слав. *lilъ ‘кожа’ (при том, что рус. лилек ‘козодой’ – скорее омоним), различные версии анализируются в ЭССЯ (14: 105–106): *lelъkъ/ *lelъakъ/ *lelъikъ;ср. отсутствие этимологии в: Skok II: 302.

¹¹ Грищенко П.Ю. Ареальне варіювання лексики. Київ, 1990. С.131.

¹² Клепикова Г.П. К “образу” лягушки. Румынские названия ‘головастика’ в “зеркале” славянских соответствий // Славяноведение. № 1. 1997. С.47.

¹³ О переходе sk > ck см. ниже.

¹⁴ О македонских семантических эксклюзивах в рамках ЮСЯ см., например: Клепикова Г.П. К македонско-северославянским семантическим параллелям // МJ, XXXII–XXXIII. Скопье, 1982 [о *gizd=]; Она же. Проблема “карпатской миграции славян” в свете новых данных славянской лингвогеографии// ОЛА.Матлы и иссл. М., 1988 [о семантике рефлексов слав. *prctati].

- ¹⁵ Гиндин Л. А., Орел В.Э. Раннес этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С.43; Он же. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балканославянских языков (АКД). М., 1981. С.8.
- ¹⁶ Возможность изменений > *n* отмечается в: Грищенко П.Ю. Указ.соч. С.63,70, 72–75.
- ¹⁷ Речь идет о призренско-тимочских (торлакских) и некоторых косовско-ресавских говорах; об их специфических особенностях, определяемых, в частности, "процессами балканизации" в регионе, см. в: Brozović D., Ivić P. Jezik srpskohrvatski/ hrvatosrpski, srpski ili hrvatski. Zagreb, 1988. S. 64, 68–72. Ср также: Ивић П. Дијалектолошка проучавања говора призренско-тимочке зоне // Говори призренско-тимочке области и суседних дијалеката. Ниш, 1994; Там же. Богдановић Н. и др. Библиографија призренско-тимочких говора // Там же.
- ¹⁸ Ивић П. Значај лингвистичке географије за успоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихова односа према осталим словенским језицима // ЈФ. XXII, 1957–1958. С. 199. Сходное ("меридиональное") направление некоторых морфологических и синтаксических изоглосс демонстрирует и карта в: Ивић П. Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој. Књ. 1 // Целокупна дела. III. Сремски Карловци – Нови Сад, 1994. С.27.
- ¹⁹ Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. s'Gravenhage, 1958. S.39.
- ²⁰ Стойков С. Основното деление на български език // Славянска филология. III. София. 1963. С.113.
- ²¹ Бернштейн С.Б. К вопросу о членении болгарских диалектов // ВЯ. № 4, 1983. С.17.
- ²² Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatosrpskih, slovenačkih i makedonskih govorova obuhvaćenih Opštěslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981 (=FO).
- ²³ Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. III.М., 1963.
- ²⁴ Паулошима Р.Ф. Фонстика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С.50.
- ²⁵ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. С.172.
- ²⁶ Видоески Б. Фонемата [x] во дијалектите на македонскиот јазик // Прилози МАНУ. Одделение за лингвистика и литературана наука. VI,2. Скопје ,1981.
- ²⁷ Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје,1965. С.76.
- ²⁸ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С.289.
- ²⁹ Видоески Б. Фонемата... С.19.
- ³⁰ Зубкова Л.Г. Сегментная организация слова. М., 1977. С.17.
- ³¹ Видоески Б. Последници от губењето на консонантите в интервокална позиција в македонскиот дијалектен јазик // Предавања на XI семинар за македонскиот јазик, литература и култура. Скопје, 1979.
- ³² Конески Б. Указ.соч., с.81; Видоески Б. Фонемата..., с.6; Видоески Б. Меѓујазичкиот контакт (на дијалектно рамнинште) како фактор за дијалектна диференцијација на македонскиот јазик // Реферати на македонските слависти за Меѓународен славистички конгрес во Братислава. Скопје, 1993.
- ³³ Видоески Б. Фонемата..., с.10.
- ³⁴ Панов М.В. Русская фонетика. М.,1967. С.37.

- ³⁵ Исаченко А. Указ. соч., с.119.
- ³⁶ Конески Б. Указ. соч., с.60.
- ³⁷ Basara A., Basara J. Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiański atlasu językowego". Z.II. Małopolska. Wrocław, 1983. S.17, 22, 26 (в тексте FO); Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985. С.70.
- ³⁸ Brozović D. O fonemu [x] u balkanskim jezicima // Језични појаве во Битола и Битолско денеска и во минатото. Скопје, 1988. S. 146.
- ³⁹ Там же. С.147.
- ⁴⁰ Конески Б. Указ.соч. С.61.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 67; Brozovic D. O fonemu... S.150.
- ⁴³ Конески Б. Указ. соч., с.60.
- ⁴⁴ Vidoeski B. Grupy konsonantyczne s (z), ſ (ž) + c, č w dialektach macedońskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 9. Warszawa, 1970.
- ⁴⁵ Конески Б. Указ.соч., с.82.
- ⁴⁶ Vidoeski B. Grupy... S. 280.
- ⁴⁷ Ibid. S.286.
- ⁴⁸ Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910. С. 168.
- ⁴⁹ Исаченко А. Указ. соч., с.115.

СОКРАЩЕНИЯ

БГ – болгарские говоры; БДА – Български диалекти атлас. I–IV. София, 1964–1978; ВСГ – восточносербские говоры; Живковић – Живковић Н. Речник пиротского говора. Ниш, 1987; ЗБГ – западноболгарские говоры; Иванов – Иванов Й. Български диалекти атлас. Български говори от Егейска Македония. I. Сярско, Драмско, Валовишко и Зиляховско. София, 1972; КДА – Бернштейн С.Б. и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; ЛАЗГ – Дзендрелівський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. Ужгород, 1958–1960; Младенов М. Един случай на табу в български език (Названия на невестулка) // Известия на Ин-та за български език. XVI. София, 1968; НМ – некартографируемые материалы; РВЕ – Речник на български език. I. София, 1977; ЮОСГ – южносербские говоры; ALR – Atlasul lingvistic român . Serie nouă. I–VIII. Bucureşti, 1956–1972.

Остальные сокращения см. в издании Ин-та русского языка РАН "Этимология".

Пояснения к картам

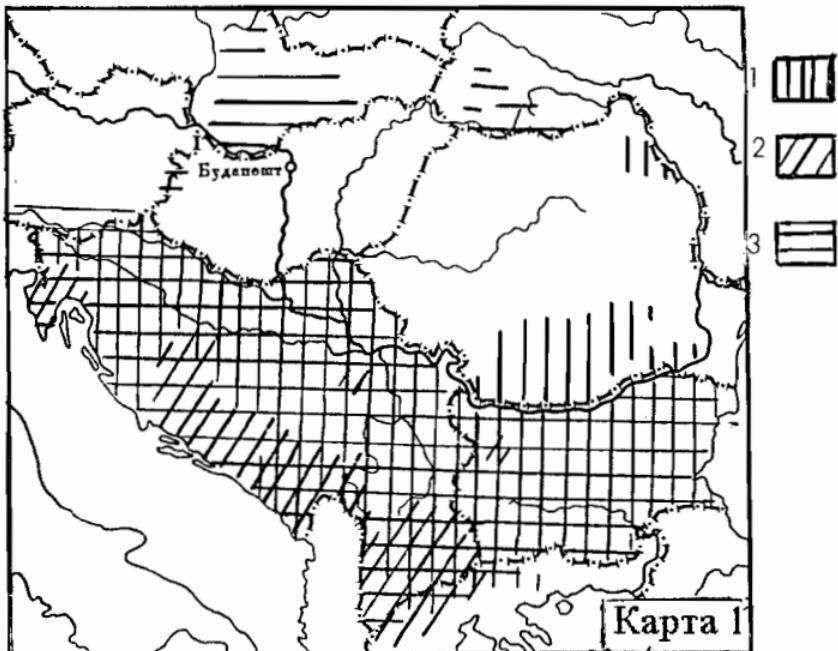
Карта № 1. – 1.guščer, 2. guščerica, 3. (j)arebica.

Карта № 2. – nevestulka, 2. ruček, 3. štrk, 4. skačka, 5. ognilo, 6. mrava.

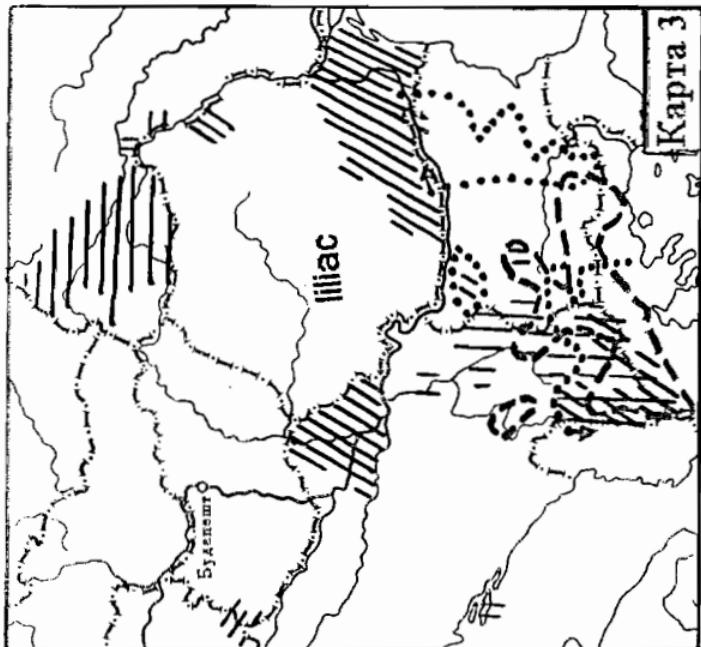
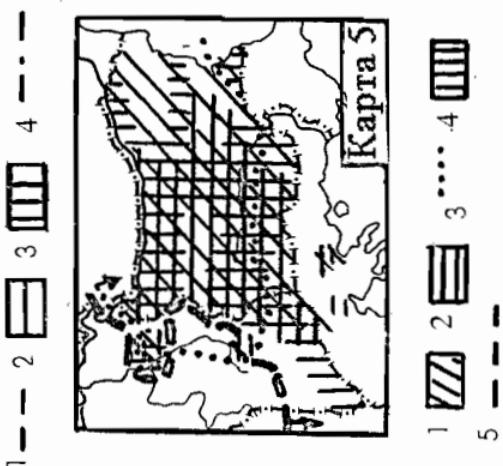
Карта № 3. – 1.li'l'ak, 2. lilič, 3. trulelek, 4. репрезентанты *тъпм-, 5. pile 'птица', 6. uši 'жабры'.

Карта № 4. – 1. pendžer(a), 2. taraba, 3. skala/skara, 4. kačamak.

Карта № 5. – 1. katerica, 2. por, 3. tara(j)ež, 4. obici (obeci), 5. za(j)ek.

1 [Vertical hatching] 2, - - - 3 [Horizontal hatching] 4 [Diagonal hatching] 5 ... 6 - - -

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.К. Волков.</i> Македонский вопрос в политике и науке.....	3
<i>В.А. Шнирельман.</i> Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика.....	9
<i>Г.Г. Литаврин.</i> Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем	25
<i>И.И. Калиганов.</i> Размышления о македонском "срезе" палеоболгаристики.....	32
<i>Л.В. Горина.</i> Завоевание Болгарии Византией (конец X – начало XI в.) в Русском хронографе.....	46
<i>В.И. Косик.</i> Гордиев узел Балкан.....	59
<i>О.Н. Исаева.</i> Мюрцитецкий опыт "умиротворения" Македонии.....	72
<i>М.Г. Смольянинова.</i> Райко Жинзифов в России.....	100
<i>В.А. Бурбыга.</i> Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн. 1908–1912 гг....	123
<i>Р.П. Гришина.</i> Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922–1924 гг. (По документам российских архивов).....	142
<i>Л.Я Гибианский.</i> Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг.....	203
<i>А.С. Аникеев.</i> Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949 гг.).....	262
<i>Р.П. Усикова.</i> К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском лингвистическом языке.....	322
<i>А.А. Плотникова.</i> Роль македонских материалов в этнолингвистическом изучении балканославянского ареала.....	327
<i>Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова.</i> Об изучении македонских диалектов как компонента славянского диалектного континуума.....	345

**МАКЕДОНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук Р.П. Гришина

Сборник подготовлен к печати
в редакционно-издательском отделе ИС РАН

ЛР №020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 06.04.99. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 20,16. Тираж 300 экз. Заказ № 1061
Отпечатано с оригинал-макета способом фотооффсет
в типографии газеты «Красная Звезда».
Москва, Хорошевское шоссе, 38.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

М. А. КЕДОНИЯ

Проблемы истории и культуры